

Олег Сенин

*Благодати
святое крьло*

Отклик сердца на Слово Божие и жизнь Церкви

г. Тула, 2014

УДК
ББК
С

С Сенин О.
Благодати светлое крыло: Проза, стихи. – Тула:
ООО «Имидж Принт», 2014. – 496 с.

УДК
ББК

© Сенин О., 2014
© ООО «Имидж Принт», 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всеприсутствие Божие ощущается и просматривается буквально во всем: природе, истории, творчестве и судьбе отдельного человека. Именно об этом пойдет речь в моей книге.

Как известно, «благодать» подразумевает любовь и добро, которые в полноте просияли в Сыне Человеческом. В ней нуждался всякий, обреченный идти на по-вodu греховых наклонностей. Богооплощение стало ответом на ожидание веков, а Голгофский Крест сделался центром всемирной истории. От грехопадения до распятия, вечно согрешающий, но кающийся человек жил надеждой на пришествие Спасителя. Она красной нитью проходит через всю ветхозаветную историю. Христос, обличая маловерие иудеев, напоминает им: «Иследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную; а они свидетельствуют о Мне» (Ин. 5:39).

Какое бы время не проходило за нашим окном, православные христиане держатся правила: «Слово Твое – светильник ноге моей и свет стезе моей» (Пс.118:105). Жизнь и вера Авраама, Иакова, Иосифа, Моисея доказывают это с очевидностью. Сказанное равно относится к слепому Вартимею, женщине-самарянке, апостолам Петру и Фоме, милосердной Тавифе.

Многие, обращаясь к Библии, осознают свое сходство и родство с ними через личные переживания. Впрочем, иначе и быть не может. У человека веры религиозный опыт всегда переплетен с реалиями Священной истории, жизнью Церкви, национальной традицией. Для христианина его бытие значимо не само по себе, а степенью приближенности к Богу и соучастием в деле Спасения. Отсюда возможность сопререживания библейских событий и подражания подвижникам веры. Тем самым мы приближаемся к цели, выраженной словами апостола: «ибо вы вкусили, что благ Господь» (1Петр.2:3).

Именно этим я руководствовался, помещая наряду с основными главами свои рассказы, стихотворения, фрагменты из писем. Мне хотелось показать промыслительное участие Господа в моей жизни, с детства и по сей день.

Переломными стали годы, проведенные в Дубравлаге, где я отбывал наказание за организованную антисоветскую деятельность. Переживания, мысли и духовное озарение тех лет я попытался передать в книге «Горюша моя ясная. Любовь и вера из-за решетки». Ниже вы найдете отрывки из нее. Они воссоздают событийный и эмоционально смысловой контекст моего обращения к вере и обретенному в зоне чувству патриотизма. Ф. М. Достоевский признавался: «Через большое горнило сомнений моя осанна прошла...»

Неисповедимы пути, приближающие нас к Царству Небесному. Увлекаясь, обманываясь, падая и вставая, рано или поздно, подобно блудному сыну, мы возвращаемся в Отчий дом. Христос обадривает нас словами: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся...» (Мф.5:6)

В разделе «Сила Бога животворящая» говорится о нашей сопричастности Ему через воцерковление и участие в спасительных таинствах. Многое из того, что в церковной жизни стало для нас привычным, я вознамерился раскрыть через неизбытную востребованность души всего святого. Без этого делается невозможным личное стяжание образа и подобия Божия.

Материал, помещенный в разделе «С печалью и надеждой о земле отцов» дает некоторое представление о просветительской и миссионерской работе, которой я занимался в годы подвигания в Тульской епархии.

Читатель обнаружит в книге немалое число стихотворений. Мной это было сделано вполне сознательно. На нашем веку повсеместный интерес к поэзии последние два десятилетия в конец зачах, поколение лириков 60–80-х годов, к сожалению, редеет. В молодежной среде лиризм души,озвучный поэтическому слову, стал большой редкостью. Нивелирующая масскультура, жесткий конкурентный pragmatism дают отмашку возвышенным понятиям и идеалам. Школьные программы по русскому языку и литературе свелись к выхолощенному тестированию. Оно побуждает заучить на время, но не запомнить навсегда, чтобы долго потом жить впечатлениями от образов, идей, вдохновляющего полнозвучия поэтической строки. К месту вспомнить Тютчева:

«Нам не дано предугадать,
Как слово наше отзовется,—
И нам сочувствие дается,
Как нам дается благодать...»

С горечью приходится признать, что в скором времени живое слово может никак не отзываться в духовно

обедневшей среде. И все оттого, что на матрице сиюминутных ценностей донельзя сузилось пространство эмоционально-смыслового и художественного восприятия.

Утешает, что православное сознание, проникнутое духом здравого консерватизма способно противостоять этому бездушному поветрию. Недавно вышла книга «Небесные блики. Вера в жизни и стихах русских поэтов: от Ломоносова до Ахматовой». Под одной обложкой помещены стихи двадцати шести поэтов. Каждую подборку я предварил очерком, раскрывающим проявление веры в жизни и творчестве авторов.

В студенческие годы мне довелось заниматься в студии юного чтеца, что и подвигло меня записать весь объем книги на одноименный аудиодиск. При прослушивании очевиднее раскрывается содержание стихотворения и усваивается манера выразительного чтения.

В книге «Благодати светлое крыло» каждую тему дополняют и иллюстрируют стихи известных поэтов. Подобная задумка позволила обогатить ее тематическую палитру. Надеюсь, что помещенные стихи вызовут интерес к русскому духовно-поэтическому наследию, озаренному всеприсутствием Господа Бога.

Андрогин (отрывок)

Тебе никогда не устанем молиться,
Немыслимо-дивное Бог-Существо.
Мы знаем, Ты здесь, Ты готов проявиться,
Мы верим, мы верим в Твое торжество...

H.C. Гумилев

НАД СТРАНИЦАМИ ДВУХ ЗАВЕТОВ

НАШ ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

Оглядываясь назад, в прошлое, я с благодарными слезами вижу и сознаю, что во всех, часто невообразимых жизненных перипетиях меня вела спасающая рука Господня. Где был бы я теперь в безбожном хождении по жизни? Что стало, если бы однажды мне не открылся солнечно-ясный смысл бытия, таящийся под серыми пеленами неверия?!.. Страшно представить, что, обреченный на одиночество в ожесточенной борьбе эгоизмов, я мог лишиться утешения в Его всеотзывчивости. Если бы Он, Всеблагий, не указал мне дорогу к храму, я никогда бы не постиг сокровенный смысл пребывания на земле.

Самые дорогие для сердца воспоминания, как солнечные зайчики от зеркальца, исходят из детства. Те быстролетные годочки доныне видятся мне райски исполненными и красочными.

Мою незамутненную еще душу приблизили к Господу красоты наших окрестностей и духовные назидания дедушки-пасечника Павла Федоровича Сенина.

Много лет спустя, когда я прочел у апостола Павла, что невидимый для нас Бог открывается через восхи-

щенное созерцание Им всего сотворенного, я понял, что в Него я веровал уже тогда, в детстве. «... Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы...» (Рим. 1:20)

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива
Под тенью сладостной зеленого листка;
Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой,
Из-под куста мне ланьши серебристый
Приветливо кивает головой;
Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он,—
Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,—
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога.

М.Ю. Лермонтов

Рай

Любимы ангелами всеми,
толпой глядящими с небес,
вот люди зажили в Эдеме,—
и был он чудом из чудес.
Как на раскрытой Божьей длани,
я со святою простотой
изображу их на поляне,

прозрачным лаком залитой,
среди павлинов, ланей, тигров,
у живописного ручья...
И к ним я выберу эпиграф
из первой Книги Бытия.
Я тоже изгнан был из рая
лесов родимых и полей,
но жизнь проходит, не стирая
картины в памяти моей.
Бессмертен мир картины этой,
и сладкий дух таится в нем:
так пахнет желтый воск, согретый
живым дыханьем и огнем.
Там по написанному лесу
тропами смуглыми брожу,—
и сокровенную завесу
опять со вздохом завожу...

B.B. Набоков

Вечные истины открывались мне в долгом, мучительно-благодатном поиске. Оказалось, что наш Господь, непостижимый для ума, исполнен доброжелания и трогательной заботы о нас, Своих детях.

Помимо зова любви, Он не имеет другой возможности привлечь нас к Себе и тем самым вернуть полноту и отраду жизни вечной. Мы вроде бы и тянемся к ней, но на грешной земле мало кто обретает желанное. Тусклая житейская повседневность сбивает нас с пути, привнося безотрадность существования. Но, несмотря ни на что, в человеке неискоренима потребность в рае Божьем, равно как и в Спасителе, Который откроет нам двери в него.

Обаяние самоотреченной Любви, просиявшей в образе Христа Иисуса, способно одержать победу над злом и смертью.

Одна есть в мире красота.
Не красота богов Эллады,
И не влюбленная мечта,
Не гор тяжелые громады,
И не моря, ни водопады,
Не взоров женских чистота,
Одна есть в мире красота –
Любви, печали, отреченья
И добровольного мученья
За нас распятого Христа.

K. Бальмонт

Листик

Прохожий мальчик положил
Мне листик на окно.
Как много прожилок и жил,
Как сложно сплетено!
Как семя мучится в земле,
Пока не даст росток,
Как трудно движется в стебле
Тягучий, клейкий сок.
Не так ли должен я поднять
Весь груз страстей, тревог,
И слез, и счастья – чтоб узнать
Простое слово – Бог?

B. Ф. Ходасевич

Господь, изначально побуждаемый любовью, создал ангелов, людей и все живое. На страницах Писания явно и прикровенно высечена воодушевляющая истина: «Бог есть любовь» (1Ин.4:16).

По слову Его в грандиозном действе творения воссияли сонмы светозарных ангелов. Мощный космос заструился в величественном движении, а девственная Земля нежилась под лучами Солнца. И, наконец, человек, этот мыслящий тростник, ставший венцом творения, был наделен многими дарами. Высшим из них стала способность через веру и познание стремиться к нравственному совершенству. Первозданный мир стал истинной усадьбой для Бога, ибо все сотворенное им было «весыма хорошо» (Быт. 1:10).

Человек не перестанет изумляться творческому разуму Первоархитектора, предусмотревшего все потребное для полноты его жизни. Наивны и нелепы утверждения, будто слепая и несмысленная природа могла произвести столь неподражаемую гармонию и архитектонику. Писатель Владимир Солоухин заметил, что возможность случайного происхождения Вселенной столь же невероятна, если бы буквы алфавита, разбросанные по столу, сами собой расположились бы в нужной последовательности от А до Я.

Можно представить благодарную признательность, что испытывали ангелы и люди к Создателю. Вспоминается случай из времен Древнего Рима. Жестокосердый рабовладелец за малую провинность приказал приковать раба к стене в темном и сыром подвале. Несчастный был искусственным художником из греков. Ему, привыкшему упиваться многокрасочным миром, тяжко было проводить дни и месяцы в темнице. Но случилось, что тиран внезапно умер. Его сын пове-

лел освободить изможденного узника и разрешил ему вернуться на родину. Но, увидев голубеющее небо, каравеллы облаков, зелень новой весны, он пал к ногам благодетеля и поклялся до конца дней служить ему своим талантом.

Из поэмы «Иоанн Дамаскин»

... Благословляю вас, леса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубые небеса!
И посох мой благословляю,
И эту бедную суму,
И степь от краю и до краю,
И солнца свет, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей, нищий, я иду,
И в поле каждую былинку,
И в небе каждую звезду!
О, если б мог всю жизнь смешать я,
Всю душу вместе с вами слить,
О, если б мог в мои объятья
Я вас, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!..

A. K. Толстой

Присутствие непостижимой силы
Таинственно скрывается во всем:
Есть мысль и жизнь в безмолвии ночном,
И в блеске дня, и в тишине могилы,
В движении бесчисленных миров,
В торжественном покое океана,

И в сумраке задумчивых лесов,
И в ужасе степного урагана,
В дыхании прохладном ветерка,
И в шелесте листов перед зарею,
И в красоте пустынного цветка,
И в ручейке, текущем под горою.

И. С. Никитин

Молитва

«Тебе – хвала, Тебе – благодаренье,
Тебя Единого мы будем прославлять,
И недостойно ни одно творенье
Тебя по имени назвать!

Хвалите Вечного за все Его созданья:
За брата моего, за Солнце, чье сиянье,
Рождающее день –
Одна лишь тень,

О, Солнце солнц, о, мой Владыко, –
Одна лишь тень –
От Твоего невидимого лика!
Да хвалит Господа сестра моя Луна, –

И звезды, полные таинственной отрады,
Твои небесные лампады,
И благодатная ночная тишина!

Да хвалит Господа и брат мой Ветр летучий,
Не знающий оков, и грозовые тучи,
И каждое дыханье черных бурь,
И утренняя нежная лазурь!

Да хвалит Господа сестра моя Вода:
Она – тиха, она – смиренна,
И целомудренно чиста, и драгоценна!

Да хвалит Господа мой брат Огонь – всегда
Веселый, бодрый, ясный,
Товарищ мирного досуга и труда,
Непобедимый и прекрасный!

Да хвалит Господа и наша мать Земля:
В ее родную грудь, во влажные поля
Бразды глубокие железный плуг врезает,
А между тем она с любовью осыпает

Своих детей кошницами плодов,
Колосьев золотых и радужных цветов!
Да хвалит Господа и Смерть, моя родная,
Моя великая, могучая сестра!

Для тех, кто шел стезей добра,
Кто умер, радостно врагов своих прощая,
Для тех уж смерти больше нет,
И смерть – им жизнь, и тьма могилы – свет!

Да хвалит Господа вселенная в смиренье:
Тебе, о Солнце солнц – хвала и песнопенье!»

Д. С. Мережковский

Творец вызвал нас из небытия, ожидая, что в подражании Ему мы будем держаться правды и добра. Но при этом Он не соделал нас подобием роботов, предоставив свободу выбора. Размышляя по-человечески, Бог

рисковал... Как открывает Библия, в Эдеме, в роковой час искушения наши прародители доверились заманчивым и головокружительным обещаниям Обольстителя. С тех пор все без исключения мы испытываем неотвратимые последствия грехопадения. Но доныне Господь ждет, что всякая живая душа рано или поздно потягнется к тому, что проникнуто красотой и истиной.

Жизнь

О жизнь! Ты миг, но миг прекрасный,
Миг невозвратный, дорогой,
Равно счастливый и несчастный
Расстаться не хотят с тобой.
Ты миг, но данный нам от Бога
Не для того, чтобы роптать
На свой удел, свою дорогу
И дар бесценный проклинать.
Но чтобы жизнью наслаждаться,
Но чтобы ею дорожить,
Перед судьбой не преклоняться,
Молиться, веровать, любить.

A. H. Апухтин

ОТ ДОВЕРИЯ БОГУ ДО ОТПАДЕНИЯ

Малым детям не просто внушить, «что такое хорошо и что такое плохо». Искушающий интерес к шалостям нередко делает ребенка глухим к родительским наставлениям. Но это лишь до первой боли, испуга или, что хуже, беды. Зачастую лишь горький опыт способен вызвать доверие к нашим предостережениям.

Подобно и Небесный Отец обращается к самонадеянному сердцу человеческому, пытаясь убедить, что желает нам одного добра. Он ждет и надеется, что мы прислушаемся и примем Его святые заповеди, которые станут нормой и нравственным обыкновением повседневной жизни. «Ибо всякий, рожденный от Бога, побеждает мир; и сия есть победа, победившая мир, вера наша» (1Ин.5:4).

Известно, что доверие и послушание способны избавить от губительных пристрастий, терзаний совести. Беда в том, что богопротивление с неизбежностью провоцирует на мысли и поступки, проникнутые злом. Господь бессилен помочь тем, кто страдает душевной глухотой и непрошибаемым упрямством.

Как Податель жизни Он не хочет, чтобы мы умирали от цирроза печени и никотинового удушья. Ему скорб-

но видеть, как у беременных женщин, пьющих и курящих, дети рождаются уродами. Его слуху мучителен стук гвоздей, ежедневно забиваемых в крышки бесчисленных гробов. Столь же нестерпим для Него вид земли, покрытой дымами, плешинами пустынь и очагами войн.

Небо ждет, когда всякое сердце и все мы вместе отзовемся на голос Вселюбящего Бога. Как видим, человечество не осчастливили пресловутый прогресс, иллюзорное благополучие, разливанное море свободы, порождающее вседозволенность. Все потребное для жизни мы непременно получим, стоит только уверовать, что Господь Иисус Христос есть «истина, путь и жизнь» (Ин. 14:6).

«Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим» (Мф.11:28–29).

Он шел безропотно тернистою дорогой,
Он встретил радостно и гибель и позор;
Уста, вещавшие ученье правды строгой,
Не изрекли толпе глумящейся укор.

Он шел безропотно и, на кресте распятый,
Народам завещал и братство и любовь;
За этот грешный мир, порока тьмой объятый,
За ближнего лилась его святая кровь.

О, дети слабые скептического века!
Иль вам не говорит могучий образ тот
О назначении великому человеку
И волю спящую на подвиг не зовет?

О нет! не верю я. Не вовсе заглушили
В нас голос истины корысть и суeta;
Еще настанет день... Вдохнет и жизнь и силу
В наш обветшалый мир учение Христа!

A. N. Плещеев

Священное Писание говорит о восстании и отпадении от Бога трети ангелов. Один из них, Люцифер (денница, сын зари), побуждаемый гордыней, вознамерился присвоить себе славу Всевышнего.

«Как упал ты с неба, денница, сын зари! Разбился о землю... А говорил в сердце своём: «Взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой... взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему» (Ис. 14:12–15).

Он обвинил Создателя, что Тот величием и авторитетом поработил небожителей, лишив их свободы. Люцифер искушающими речами увлек за собой часть из них.

Поэма «Демон»

(отрывок)

... Печальный Демон, дух изгнанья,
Летал над грешною землей,
И лучших дней воспоминанья
Пред ним теснилися толпой;
Тех дней, когда в жилище света
Блистал он, чистый херувим,
Когда бегущая комета
Улыбкой ласковой привета
Любила поменяться с ним,
Когда сквозь вечные туманы,
Познанья жадный, он следил

Кочующие караваны
В пространстве брошенных светил;
Когда он верил и любил,
Счастливый первенец творенья!
Не знал ни злобы, ни сомненья.
И не грозил уму его
Веков бесплодных ряд унылый...
И много, много... и всего
Припомнить не имел он силы!

Давно отверженный блуждал
В пустыне мира без приюта:
Вослед за веком век бежал,
Как за минутою минута,
Однообразной чередой.
Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья.
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивленья -
И зло наскучило ему...

М.Ю. Лермонтов

Всемогущий мог бы в мгновение ока испепелить сатану и его нечестивое воинство. Но как существо всеведущее Он понимал, что подобный соблазн может увлечь и других ангелов, и тогда очаг богопротивления снова возникнет во Вселенной.

Божественный промысел предполагал, что со временем зло, привлекательное на первый взгляд, на деле обнаружит пред ангелами и людьми свою губительную сущность. Падшие ангелы пренебрегли любовью и благоволением Создателя. Они нарушили хранительный

закон и, распаляемые духом гордыни, осквернили Все-ленную нечестием греха. За отступничество злые духи были ниспровергнуты на землю, где пребывали люди, способные избирать добро или зло. При всецелом доверии к Христу они были надежно защищены от бесовских козней. Но, поддавшись многообещающим словам змия, наши прародители не устояли...

После трагедии грехопадения Бог по любви Своей обнадежил тех из них, кто, оступаясь и падая, снова вставал и с покаянием взывал к Нему.

«... и вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту» (Быт. 3:15). Это обетование именуется Протоевангелием, то есть первым возвещением об Искупителе, Который родится от семени жены. На Голгофе Сын Божий через поношение, страдание и смерть явил нам победоносное величие любви.

«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3:16)

Из Великого Канона

Помощник, Покровитель мой!
Явился Он ко мне, и я от мук избавлен,
Он Бог мой, словно Он прославлен,
И вознесу Его я скорбною душой.

С чего начну свои оплакивать деянья,
Какое положу начало для рыданья
О грешном, пройденном пути?
Но, Милосердый, Ты меня прости!

Душа несчастная! Как Ева,
Полна ты страха и стыда...
Зачем, зачем, коснувшись древа,
Вкусила ты безумного плода?

Адам достойно изгнан был из рая
За то, что заповедь одну не сохранил:
А я какую кару заслужил,
Твои веленья вечно нарушая?

От юности моей погрязнул я в страстях,
Богатство растерял, как жалкий расточитель,
Но не отринь меня, поверженного в прах,
Хоть при конце спаси меня, Спаситель!

Весь язвами и ранами покрыт,
Страдаю я невыносимо;
Увидевши меня, прошел священник мимо
И отвернулся, набожный левит...

Но Ты, извлекший мир из тьмы могильной,
О, сжался надо мной! – мой близится конец...
Как сына блудного прими меня, Отец!
Спаси, спаси меня, Всесильный!

A. H. Anухтин

Цистерна

Вспоминаю время, когда мне стукнуло 12 лет. Детская лопоухая наивность мало-помалу уступала место интересу к недозволенному, прекословию родителям, подростковой героике. Одновременно прорезалась, как

зубки у младенца, восторженная влюбленность в жизнь, не похожая на прежнюю детски-розовую умилленность. Просыпаясь, сразу ощущал предчувствие некоего предпразднства, ожидаемого в наступившем дне без всякой видимой на то причины. Не думалось и не осознавалось, что вереница этих легкокрылых дней когда-то назовется моим детством, начала которого я не помнил, а конец был просто невообразим. Но эту упоительную неприкаянность поразила возможность взаправдашней смерти жутью неизведенного страха.

Нашу деревню видно потому назвали Лесной Поляной, что ее обрамляло полуоколоцо оврагов, заросших орешником, черемухой, гладкоствольными осинами и кряжистыми дубами. Во всякую пору года мы, ребяташи, были завсегдатаями штаний по лесным тенетам.

В один из дней, когда половодные потоки по низовьям стали стихать, подсыхала и радовала травкой земля на склонах, мы вчетвером после школы отправились по лощине в сторону Толоконки. Вместе со мной шли соседские ребята: Юрок Назаров, Володька Нечушкин по кличке Жмут и рыжеволосая, вся в конопушках, Танька Ионкина. В этот раз, как и во всех подобных скитаниях, у нас не было никакой задуманной цели. Пригревало апрельское преласковое солнышко, шумел бурливый ручей... Вокруг приветная знакомость сто раз исхоженных мест. Мы, мальчишки, шли кучкой, балагурили. А Танька, чуть поотстав, время от времени поддерживала наше веселье своим звонким смехом. По ходу решили разжечь костерок на подсохшей проталине. Выбрали облюбованное место, где лесистый овраг Толоконки выходил к нашей лощине. Привлекал обрывистый выступ со старыми осинами и едва пробивающейся травкой.

Идти оставалось недолго, когда слева по склону показался песчаный карьер. И тут Юрку пришла в голову дурацкая выдумка... Карьер появился года 3 назад, когда прокладывали автотрассу, заменившую разбитый большак от Шацка до Моршанска. Многочисленные самосвалы, перевозившие песок для дорожного полотна, заправлялись тут же, рядом с карьером. С того времени там осталась большущая цистерна из-под бензина с двумя люками. Местные мужики, чтобы выбрать остатки горючего, повалили цистерну так, что можно было свободно забираться внутрь. Общими стараниями емкость почти осушили, но на дне все же остался слой жижи из остатков горючего и грязи.

Всякий раз мы проходили мимо, но тут Юрок, гораздый на выдумки, до пояса просунулся в люк и принял кричать, дурея от гулкого эха. Увлекшись, он влез внутрь и, шлепая сапогами по вонючей жиже, продолжал орать, призывая нас последовать его примеру. Через минуту мы со Жмутом горланили вместе с ним. Танька по девчачьей боязливости лишь разок заглядывала внутрь.

Мы настолько ошелести, что Юрок выхватил из кармана припасенные спички и, чиркая, стал швырять их под ноги. Они гасли, и ничего не происходило. Нами овладел безудержный азарт: все трое мы потрошили коробки, разбрасывая зажженные спички по дну цистерны. Танька первая почувствовала всю жуть нашей забавы и принялась истошно кричать: «Дураки, дураки! Что вы делаете?! Вы же сгорите!» Но ее крики лишь прибавляли нам вызывающей бравады. Володька-Жмут достал из фуфайки газету, припасенную для розжига костра, и запалил ее наподобие факела. Увидев это, Танька, отскочив от люка, стала нечеловеческим го-

лосом звать: «Тетя Шура, тетя Шура!..» Точно так она звала мою маму, когда в детских играх у дубов перед нашим домом я хулиганисто начинал донимать ее и сестру Галю. От ее крика меня будто прострелило: «А что если и вправду загорится?..» Через мгновение все мы поняли, что на этот раз Танька не пугает, а надрывно зовет: «Тетя Шура, скорей, скорей! Они там, в цистерне! Дураки, они в ней сгорят!..» Полуочумевшие, мы и вправду поверили, что моя мама где-то близко, совсем рядом.

Мы с Юрком торопливо вылезли наружу, а в это время перепуганный Жмут с зажженной газетой выбирался из второго люка. Пытаясь скрыть улику, он швырнул свой факел внутрь. Внезапно, к нашему ужасу, из люков полыхнуло пламя, и повалил черный смрадный дым...

Мамочка моя любимая, если бы не Танькин отчаянный крик и не твое святое имя, ты хоронила бы меня тем голубонебым апрелем в закрытом гробике... Но милостивый Господь, Который дарует нам при рождении дыхание жизни, судил иначе!

Может все и не пройду,
Пошатнусь и упаду,
Подомну траву сухую,
Стебли телом поцелую
И в последней из страниц
Прочерчу строку живую
Взором мертвых роговиц.

O. M. Сенин

ГОРЕСТНЫЕ ЗНАКИ БОГООТВЕРЖЕНИЯ

Скупые строки Книги Книг приоткрывают демонические причины вселенской катастрофы.

Мы узнали, как осиянный ангел, бывший украшением престола Божия, но впавший в самообольщение, променял свой образ на личину клеветника и богопротивника. Его сообщники превратились в духов злобы поднебесной и мироправителей тьмы (Еф. 6:12). Их кознями в человеке помрачается просветленность богоподобия и привносится отталкивающие проявления зла. Благоразумие вытесняется безрассудством, вера бывает отравлена скепсисом.

Потомки Каина

Он не солгал нам, дух печально-строгий,
Принявший имя утренней звезды,
Когда сказал: «Не бойтесь вышецей мзды,
Вкусите плод, и будете, как боги».

Для юношей открылись все дороги,
Для старцев – все запретные труды,
Для девушек – янтарные плоды
И белые, как снег, единороги.

Но почему мы клонимся без сил,
Нам кажется, что кто-то нас забыл,
Нам ясен ужас древнего соблазна,

Когда случайно чья-нибудь рука
Две жердочки, две травки, два древка
Соединит на миг крестообразно?

H. C. Гумилев

В стихотворении «Ангел» выражено убеждение поэта в неотразимости Божественной красоты. Казалось бы, ничто не способно тронуть окамененное нечувствие демона. Таковым стало всепокоряющее сияние любви в ангельском лице, от вида которого хочется виниться и растроганно плакать. Красота возвращает нас с кривых и темных путей лукавства, умягчает сердца, зачерствевшие в гордыне.

Ангел

В дверях эдема ангел нежный
Главой поникшею сиял,
А демон мрачный и мятежный
Над адской бездною летал.

Дух отрицанья, дух сомненья
На духа чистого взирал
И жар невольный умиленья
Впервые смутно познавал.

«Прости, он рек, тебя я видел,
И ты недаром мне сиял:
Не всё я в небе ненавидел,
Не всё я в мире презирал».

A. С. Пушкин

Пагуба греха заявляет о себе в разрушительной агрессии. Планета Земля, веками питавшая и лелеявшая все живое, ощущает на своем беззащитном теле ссадины и язвы разора и губительства. Тревожат и устрашают горестные знаки богопротивления. Пустыни на месте цветущих долин, прозрачные лица голодающих детей, отравленные реки, леса, исчезающие под топором. Отвергнув Богом данное устройство жизни, человечество страдает от нераскянного упорства во грехе!

На наших глазах сбывается пророчество: «И будут знамения в солнце и луне и звездах, а на земле уныние народов и недоумение, … люди будут изыхать от страха и ожидания бедствий, грядущих на вселенную…» (Лк. 21:25–26).

Приметы

Пока человек естества не пытал
Горнилом, весами и мерой,
Но детски вещаньям природы внимал,
Ловил ее знаменья с верой;

Покуда природу любил он, она
Любовью ему отвечала:
О нем дружелюбной заботы полна,
Язык для него обретала.

… Но, чувство презрев, он доверил уму;
Вдался в суetu изысканий…

И сердце природы закрылось ему,
И нет на земле прорицаний.

E. A. Баратынский

Сон Адама

(отрывок)

От плясок и песен усталый Адам
Заснул, неразумный, у Древа Познанья.
Над ним ослепительных звезд трепетанья,
Лиловые тени скользят по лугам,
И дух его сонный летит над лугами,
Внезапно настигнут зловещими снами.

Он видит пылающий ангельский меч,
Что жалит нещадно его и подругу
И гонит из рая в суровую вьюгу,
Где нечем прикрыть им ни бедер, ни плеч...
Как звери, должны они строить жилище,
Працой и дубиной искать себе пищи.

Обитель труда и болезней... Но здесь
Впервые постиг он с подругой единство.
Подруге – блаженство и боль материнства,
И заступ – ему, чтобы вскапывать весь.
Служеньем Иному прекрасны и грубы,
Нахмурены брови и стиснуты губы.

Вот новые люди... Очерчен их рот,
Их взоры не блещут, и смех их слушен.
За вепрями сильный охотится Каин,
И Авель собирает маслины и мед,
Но воле не служат они патриаршей:
Пал младший, и в ужасе кроется старший.

И многое видит смущенный Адам:
Он тонет душою в распутстве и неге,

Он ищет спасенья в надежном ковчеге
И строится снова, супров и упрям,
Медлительный пахарь, и воин, и всадник...
Но Бог охраняет его виноградник.

На бурный поток наложил он узду,
Бессонною мыслью постиг равновесье,
Как ястреб врезается он в поднебесье,
У косной земли отнимает руду.
Покорны и тихи, хранят ему книги
Напевы поэтов и тайны религий.

...

Он любит забавы опасной игры –
Искать в океанах безвестные страны,
Ступать безрассудно на волчьи поляны
И видеть равнину с высокой горы,
Где с узких тропинок срываются козы
И душные, красные клонятся розы.

...

Устанет – и к небу возводит свой взор,
Слепой и кощунственный взор человека:
Там, Богом раскинут от века до века,
Мерцает над ним многозвездный шатер.
Святыми ночами, спокойный и строгий,
Он клонит колена и грезит о Боге.

...

И кроткая Ева, игрушка богов,
Когда-то ребенок, когда-то зарница,
Теперь для него молодая тигрица,
В зловещем мерцанье ее жемчугов,
Предвестница бури, и крови, и страсти,
И радостей злобных, и хмурых несчастий.

Так золото манит и радует взгляд,
Но в золоте темные силы таятся,
Они управляют рукой святотатца
И в братские кубки вливают свой яд.
Не в силах насытить, смеются и мучат
И стонам и крикам неистовым учат.

...

И он наконец беспредельно устал,
Устал и смеяться и плакать без цели;
Как лебеди, стаи веков пролетели,
Играли и пели, он их не слыхал;
Спокойный и строгий, на мраморных скалах,
Он молится Смерти, богине усталых:

«Узнай, Благодатная, волю мою:
На степи земные, на море земное,
На скорбное сердце мое заревое
Пролей смертоносную влагу свою.
Довольно бороться с безумьем и страхом.
Рожденный из праха, да буду я прахом!»...

H. C. Гумилев

В ЗЕМЛЮ ОБЕТОВАННУЮ

Из-за гордыни мы менее всего склонны просить, чтобы небо снизошло к нам. Каждый пытается своими ничтожными силенками достичь невозможного.

Как следует из Писания, после наказующего Ное-ва потопа люди не набрались ума и смирения. Решено было построить огромной высоты башню. Бог предвидел, что в итоге муравьиных трудов эти несчастные погибнут под обломками своего каменного детища. Из сострадания Он лишил безумцев общего для них языка, так что они вынуждены были рассеяться по лицу земли. Чем дальше они удалялись от своей первоначальной родины, тем больше утрачивали знание о Едином и Истинном Боге. Постепенно представление о Нем обрастало человеческими вымыслами и суевериями. Отсюда неизбежное уклонение в идололожжение.

Господь видел, как разросшиеся сорняки лжеучения готовы заглушить ростки небесной Истины. Поэтому Он избирает особый народ, который по Его замыслу, призван был исповедовать веру в Него и возвещать ее другим народам.

В те далекие времена, почти 4 тысячи лет назад, в долине реки Евфрат передвигался с пастбища на пастбище семит-кочевник. Имя ему было Авраам. Отец

его – Фара, покинул исполненный нечестия халдейский город Ур. Он не мог свыкнуться с идолопоклонством соплеменников в нем царившим. Авраам ничем не выделялся среди себе подобных, кроме одного – его сердце было открыто для Бога. Между тем жизнь его не баловала. Дожив до преклонного возраста, он горевал и тяготился бесплодием жены Сары.

Именно к нему, смиренному пастуху-кочевнику, Бог обратился с величайшим из предложений: «Я Бог Все-могущий; ходи предо Мною и будь непорочен; и поставлю завет Мой между Мною и тобою, и весьма, весьма размножу тебя» (Быт. 17:1–2).

Авраам откликнулся на призыв, хотя ему нелегко было расстаться с привольными пастбищами Двуречья, с землей предков. Но он не сомневался, что Бог желает ему добра, и потому с готовностью повиновался. Сам Авраам не знал, что ожидает его на пути к неведомой обетованной земле. Он всецело доверился Богу, не похожему на безгласных истуканов Ура халдейского. Авраам не раз видел помпезные служения, которые устраивали жрецы в честь бога луны Сина. Перед глазами стояло впечатляющее зрелище, когда среди тьмы южной ночи длинная вереница жрецов с факелами в руках поднималась к вершине огромной башни, именуемой Зиккуратом. Сердце трепетно сжималось от вида огненной стрелы, устремленной в темную высь неба. Но Авраам видел, что поклонение Сину не делало людей лучше. Напротив, поощряло к распутным оргиям и человеческим жертвоприношениям.

Чем дальше шел Авраам, тем больше укреплялась вера в Того, кто чудесным образом освободил Сару от гарема фараона, а племянника Лота – от плена. Он был очевидцем справедливого воздаяния, когда Бог пока-

рал жителей Содома и Гоморры за разврат и нечестие. И тогда же устами царя и священника Мелхиседека Господь в лице Авраама благословил всех, кто будетходить путями праведности.

Вера Авраама, подобно горчичному зерну, постепенно разрасталась в ветвистое дерево. В тот день, когда случилось невозможное – и стареющая Сара родила ему обещанного Богом сына, Авраам всем сердцем оценил силу и верность Всевышнего. Счастливые супруги радовались, глядя на подрастающего Исаака. Но однажды, когда их сын сделался статным и смуглолицым юношей, Бог, который двадцать лет назад осчастливили их рождением долгожданного первенца, неожиданно повелел Аврааму принести его в жертву. Скорбью и недоумением исполнилось сердце вчера еще счастливого отца, радость погасла в его глазах. Превозмогая себя, он, однако, не воспротивился, смирился. Но то не походило на безропотность покорного раба, лишенного выбора. Он помнил, что Господь, даровав ему Исаака, обещал произвести несметный народ, поэтому во всем положился на него. Авраам не переставал верить своему Господу и в ту минуту, когда, обминая от жалости к покорно лежащему сыну, занес над ним блеснувшее лезвие ножа!..

В это мгновение стремительный ангел перехватил его вскинутую руку. «... и сказал: ... так как ты сделал сие дело, и не пожалел сына твоего, единственного твоего [для Меня,] то Я благословляя благословлю тебя и умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря... и благословятся в семени твоем все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего» (Быт. 22, 16–18)

На примере жизни Авраама мы убеждаемся, что у Бога все иначе, чем у людей. События, ставшие веха-

ми Священной истории, зачастую происходят в тиши, незримые для многих. В Ветхом Завете Бог не однажды открывался людям. Но только о безвестном пастухе-кочевнике сказано: «Поверил Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность» (Рим. 4:3). Господь избрал Авраама быть глашатаем Истины, вопреки ложным верованиям. С этого времени люди предстали перед Богом Живым, и служить Ему стало их призванием и долгом.

В этом смысле все мы – дети Авраама. Наше доверие переходит в послушание, когда жизненный опыт представляет неотразимые доказательства Божьей Любви и верности. Подобно Аврааму в нас происходит возрастание из веры в веру, когда мы беззаветно доверяемся Богу. Так совершается под небом великое дело спасения.

В Землю Обетованную

Покинь скорей родимые пределы,
И весь твой род и дом отцов твоих,
И как стрелку его покорны стрелы –
Покорен будь глаголам уст Моих.
Иди вперед, о прежнем не тоскуя,
Иди вперед, все прошлое забыв,
И все иди, – доколь не укажу Я,
Куда ведет любви Моей призыв»
Он с ложа встал и в трепетном смущеньи
Не мог решить, то истина иль сон...
Вдруг над главой промчалось дуновенье
Нездешнее – и снова слышит он:

«От родных многоводных Халдейских равнин,
От нагорных лугов Арамейской земли,

От Харрана, где дожил до поздних седин,
И от Ура, где юные годы текли,—
Не на год лишь один,
Не на много годин,
А на вечные веки уйди».

И он собрал дружины кочевую,
И по пути воскреснувших лучей
Пустился в даль туманно-голубую
На мощный зов таинственных речей:

«Веет прямо в лицо теплый ветер морской,
Против ветра иди ты вперед.

А когда небосклон далеко пред тобой,
Вод великих всю ширь развернет,—
Ты налево тогда свороти

И вперед поспешай

По прямому пути,

На пути отдыхай,

И к полудню на солнце гляди,—

В стороне будет град или весь,

Мимо ты проходи,

И иди, все иди,

Пока Сам не скажу тебе: «Здесь!»

Я навеки с тобой,

Мой завет сохрани:

Чистым сердцем и крепкой душой

Будь Мне верен в несчастье и в ясные дни;

Ты ходи предо Мной

И назад не гляди,

А что ждет впереди —

То откроется верой одной.

Се, Я клялся Собой,
Обещал Я, любя,

Что воздвигну всемирный мой дом из тебя,
Что прославят тебя все земные края,
Что из родов потомков твоих
Выйдет мир и спасенье народов земных.

B. C. Соловьев

Боженка

Мне исполнилось 23 года, когда я оказался на 17-й «большой» зоне Дубравлага. Примерно 2/3 заключенных составляли «старики», так между собой мы, «антисоветчики», называли осужденных за военные преступления. В большинстве своем эти люди имели по приговору по 25 лет срока. Отбывая нечеловеческие по длительности «четвертаки», они покорно несли свой крест: старели, болели и умирали в зоне. У них было единственное желание – выйти на свободу, и малый остаток дней провести на Родине, с уцелевшими сородичами. 1/3 наследников зоны составляли осужденные за антисоветскую деятельность, в возрасте от 20-ти до 40 и более лет. Имея политические убеждения и сознание своей правоты, они были объединены неуступчивым противостоянием лагерной администрации, режиму и существующей власти как таковой. Одержимые своей правотой и молодостью, полагая, что им уже нечего терять, они самозабвенно сражались с «ветряными мельницами». Когда свежим огурчиком я попал в этот рассол, то скоро проникся общим нам бойцовским духом. По разным поводам объявлялись голодовки, отказы от работы и выполнения производственной нормы. За 5 месяцев бунтарского дurosветства, в котором обнаружилась безудержность моей натуры, я испытал на

себе все меры дисциплинарных взысканий от лишения свидания до карцера. 2 октября меня неожиданно вызвали к начальнику лагеря, капитану Горкушову. Он зачитал распоряжение о выдворении меня в ПКТ (помещение камерного типа) на 2 месяца за многочисленные нарушения и упорное нежелание встать на путь исправления.

Всех, кто попадал туда, сажали на пониженный паек, лишали возможности переписки и свидания. За исключением получасовой прогулки, заключенный круглосуточно должен был находиться в жилой либо рабочей камере. Моим соседом оказался Валера Петрашко, по виду совсем еще подросток, смуглый, с горящими глазами и по-мальчишески смешливый. С группой таких же, как он, «малолеток» (несовершеннолетних) его посадили за поджог прокураторы в небольшом сибирском городке. Через коридор от нас, в рабочей камере, стояли несколько швейных машинок с электроприводом, на которых мы были обязаны в течение рабочего дня заниматься пошивом рукавиц. Разва два мы с Валерой принимались за шитье, но из-за мозгового холода в нетопленном БУРе решили отказаться от работ, за что нас перевели на карцерный паек. Это было совсем ничего, одним словом, голодуха. Зато теперь появилась возможность общаться и читать книги с утра до ночи. Чтобы в конец не задрогнуть, приходилось утепляться: не снимая фуфайки и сапог, в одежде, мы ложились на голые доски настила. Затем, поверх тонких одеял наваливали на себя матрацы, набитые техническим тряпьем. Расположившись головами к оконному проему, мы принимались за чтение. Книги в неограниченном количестве можно было выписывать из библиотеки. Благодаря полуголодному досугу, я за два месяца прочел шеститом-

ник Ключевского, почти всю «Историю» Соловьева, не говоря уже о художественной литературе, состоявшей преимущественно из русской классики.

Пребыванию в БУРе сопутствовали, неожиданные для меня, бунтаря, благословения. В соседней с нами камере сидели двое зэков с «малой» 17-й зоны: Леонид Иванович Бородин, впоследствии крупный русский писатель, многолетний редактор журнала «Москва», и его подельник – Николай Викторович Иванов, кандидат исторических наук. Мы с Валерой не имели возможности общаться с ними непосредственно, но, благодаря добряку-надзирателю, часто обменивались книгами, а случалось и записками. Когда дежурный надзиратель по необходимости покидал здание ПКТ, мы переговаривались через дверь. Среди переданных книг оказались: «Духовные основы жизни» религиозного философа Владимира Соловьева и «Изборник». В последнем были собраны лучшие произведения Древнерусской литературы от «Повести временных лет», «Киево-Печерского патерика» до «Жития протопопа Аввакума». Обе книги оказали на меня воистину переворотные действия. При чтении не покидало замирающее-радостное чувство узнавания своего, родового, национального. Неожиданно во мне открылась подспудная приверженность к русским корням и православному благочестию. Летописи, Жития святых, исторические сказы вызывали одухотворенно-горделивое чувство родства с нашими соотчичами, славными своим героизмом и святыстью. У Соловьева через толкование им молитвы «Отче наш», убежденный марксист, я открывал любовь Бога, непрестанно изливаемую на мир земной и небесный. В полумраке нетопленой камеры, ослабленный многодневным недоеданием, 3 недели не получая писем от

Риты, я в те дни растроганно ощущал тепло Божьего присутствия.

Именно таким Он открылся мне в прогулочном дворике в ноябрьский вечерний час...

На получасовую прогулку из БУРа нас выводили где-то к 5-ти вечера. Проходила она в небольшом глухом дощатом дворике. Надзиратель запирал за нами дверь и уходил. Мы с Валерой делали зарядку, дурачась толкались, либо вышагивали из угла в угол каждый по своей стороне. В тот раз мой сокамерник заспался и отказался идти на прогулку. Меня, напротив, тянуло побыть на воздухе, под небом.

Прошло полтора месяца моего пребывания в БУРе, пониженный паек за отказ от работы давал о себе знать ватной слабостью в ногах и болями в сердце, особенно по ночам.

Осень в том году стояла на удивление теплой, зачарованной. Оставшись один, какое-то время ходил, но скоро устал и расслабленно прислонился спиной к стене. Взгляд поверх забора привечали макушки сосен. Долгих 3 недели от Риты не было писем. При голоде и холода они мне были нужны как никогда. Непреходящая тревога, ревность, самые мрачные предположения просто изводили меня. Терзаясь, я не способен был ни о чем другом думать. Сколько ни пытался забыться, переключиться на что-то другое, мне это не удавалось. Вечер был тихий, знакомые запахи осени делали его необычным, умилительным. Запрокинув голову и прикрыв глаза, пытался представить ее там, в Караганде – далеком, чужом мне городе. Хотелось ее пожалеть, утешить. Но выходило что-то другое: ревнивое, нечистое, вызывающее горечь обиды. Там, в тюремном дворике, среди милой русской осени, в те минуты я нестерпимо

остро почувствовал одиночество и оставленность. «Ну где же ты, Рита моя? Если бы ты знала, как мне сейчас плохо...»

Не помню, сколько яостоял в таком оцепенении... И вдруг откуда-то извне, как бы сверху, на меня стало сходить нечто легкое, ласковое, радостно узнаваемое. Оно мягко кружило, заслоняя и удаляя все наболевшее. Тепло, которое я ощущал, напоминало то, что блаженно согревало меня в детстве, когда ребенком я зябко прижимался к маме, засыпая под одним с ней одеялом. Напитие свыше свершалось без моей воли, но ощущалось таким сладостным, умиротворяющим, что ничего помимо и не желалось. Блаженство и покой, которые оно приносило, невозможно было выразить. При этом во мне – ни удивления, ни каких-либо отчетливых мыслей. Но в то же время все мое существо, ощутившее прикосновение неизъяснимой благости, растроганно осознавало – это Он, мой Боженька! Он вернулся ко мне из моего незапамятного детства.

Чувство реальности пришло, когда я ощущал, что за-прокинутое лицо залито слезами. Без всхлипов и рыданий они катились из глаз. В те мгновения только они, нежданые и обильные, могли выразить благодарную потрясенность моей души.

Молитва

Кто в скорбной нежности нас всех теплом дарит,
Кем отогреты рученьки ледающие?
Как слезы радости, слова моих молитв,
Во благости твоей ответы находящие.

Кому обязан я сиянием истин,
Чей смысл для гордых душ непостижим?

В ком нахожу хранительную пристань
И сердца жар средь холодов и зим?

Кого, растроганному, мне благодарить
За сад осенний, облетающий,
За небо, не уставшее дарить
Сочувствием своим все понимающим?..

O. M. Сенин

ВЕТХОЗАВЕТНЫЙ ПРАВЕДНИК И СТРАНИК

Перебирая свои пометки с откликом на святые строчки Писания, я обнаружил заново написанный очерк об Аврааме. Полагая, что он может восполнить прежде сказанное, решил поместить его ниже.

В свое время праотец Авраам услышал зов предвечного Бога и, не раздумывая, отправился в путь, который, по сути, длился всю его жизнь. «Верою Авраам повиновался призванию идти в страну, которую имел получить в наследие, и пошел, не зная, куда идет» (Евр.11:8).

Ради этого он оставил многолюдный город с многоэтажными домами, водопроводами, с шумным рынком и мраморными банями. Отныне ему предстояла долгая кочевая жизнь в шатрах. За спиной остался и массивный ступенчатый Зиккурат, на вершине которого приносились человеческие жертвы. Аврааму вконец опостыли развращенные нравы и богомерзкие дела сограждан. Его влекла иная, праведная жизнь, к которой он внутренне тянулся. Рекущий голос свыше открыл ему, безвестному человеку, славную будущность. Потрясенный Авраам услышал, что он и его потомки возвестят людям об утраченной вере в забытого Бога. Каково было слушать Аврааму, имевшему бесплодную

жену, что от него произойдет народ, бесчисленный, как звезды на небе и песок морской. И самое удивительное, что из потомства его произойдет Мессия – Спаситель мира. Сакрально и непостижимо звучала эта весть, но Авраам доверился Богу и последовал на Его зов.

С того дня для них с Сарой потекли месяцы и годы, которые все очевиднее открывали им любвеобильную сущность их Призвавшего. Случалось, что по человеческой самонадеянности они в чем-то не доверяли Ему, и тогда жизнь сурово обходилась с ними. Так произошло, когда из страха перед фараоном Авраам выдал Сару за свою сестру. В итоге его жена оказалась в гареме, а Авраам был постыжен Господом за проявленное малодушие.

Божье милосердие учило Авраама относиться к другим с пониманием, по-человечески. Он, не раздумывая, уступает свои колодцы, из которых поили стада, докучливым соседям-кочевникам. Да, Аврааму с женой трудно было поверить, что у них в старости родится наследник. Но, к неописуемой радости, у них наконец-то появился первенец, Исаак!.. Рождение долгожданного сына еще больше укрепило их веру. И когда Бог повелел Аврааму пожертвовать Ему Исаака, он, испытывая нечеловеческие терзания, не посмел ослушаться. Праведник верил, что Бог, даровавший сына неплодной Саре, силен воскресить их чадо из мертвых.

Неожиданно благополучный исход этой драмы стал торжеством Веры, Надежды и Любви. Оттого Авраам назван «отцом всех верующих» (Рим. 4:11). Жизнь ветхозаветного праведника в веках и народах сделалась примером для многих и многих.

Итак, самая малая, с горчичное зерно, вера приближает нас к Господу и делает похожими на Него; она спрямляет кривые пути и наделяет силой, преодолева-

ющей зла как внутри, так и вне нас. На примере Авраама следует учиться уступать другим свои «колодцы». Как важно, хотя бы раз в жизни вывести из обреченного города человека, подобного Лоту. Поступая так, мы отчасти подражаем беззаветной жертвенности, которой искупил и покорил мир Господь наш Иисус Христос.

Бог

О, Боже мой, благодарю
За то, что дал моим очам
Ты видеть мир, Твой вечный храм,
И ночь, и волны, и зарю...
Пускай мученья мне грозят,—
Благодарю за этот миг,
За все, что сердцем я постиг,
О чем мне звезды говорят...
Везде я чувствую, везде,
Тебя, Господь,— в ночной тиши,
И в отдаленнейшей звезде,
И в глубине моей души.
Я Бога жаждал — и не знал;
Еще не верил, но любя,
Пока рассудком отрицал,—
Я сердцем чувствовал Тебя.
И Ты открылся мне: Ты — мир.
Ты — все. Ты — небо и вода,
Ты — голос бури, Ты — эфир,
Ты — мысль поэта, Ты — звезда...
Пока живу — Тебе молюсь,
Тебя люблю, дышу Тобой,
Когда умру — с Тобой сольюсь,
Как звезды с утренней зарей.

Хочу, чтоб жизнь моя была
Тебе немолчная хвала.
Тебя за полночь и зарю,
За жизнь и смерть – благодарю!..

Д. С. Мережковский

Шрамик на левой руке

Жизнь моя, для ума непостижная, ходко катится под горку. Казалось, совсем недавно жил, распаковывая чемоданы, всякий раз начиная ее едва не ссызнова. Пришло время за ненадобностью расталкивать ненужные пожитки куда попало. Лишь бы не захламляли угол, где предстоит доживать век. Немного остается, что мило, теплит душу, облегчает житье-бытье. Не без грусти порой озадачишься вопросом: «Что из пережитого мне хотелось бы взять с собой в вечность?» Перебирая даты и события прошлого, поразмыслишь и правдиво, как школьник на уроке, ответишь: себя! Но себя такого, каким соделал меня Господь Бог за годы и десятилетия. А суетное, наносное, содеянное по глупой моей воле увековечиванию не подлежит.

Вижу себя подростком, беспокойно взрослеющим, азартным, безрассудным. Задним умом отношу к себе мудрый смысл пословицы: «Оно лишь кажется, что человек сам по себе идет, нет, его по жизни Господь ведет».

По окончании «восьмилетки» трое нас, одноклассников, решили податься из родной деревни в Моршанска для поступления в строительный техникум. Город был старокупеческий, с каменными торговыми рядами на мощеной булыжником площади, добрыми особняками на тенистых уличках.

Поначалу учился с интересом. Ребята, девочки в группе, в основном, сельские – простые, светлодушные.

Все, может, и сложилось бы как надо, но на беду рядом с общежитием соседствовал красивейший городской сад, привлекавший нас, провинциалов. Вечерами по выходным на аллеях и танцплощадке полно молодежи. Девчонки в туфлях-лодочках и юбках колоколом. У ребят в моде донельзя зауженные брюки и яркие рубашки навыпуск. Под оркестр и пластинки танцевали чарльстон и медленные. Вдоль аллей, пахучей цветочной клумбы – полусвет фонарей из-за нависающих ветвей. И, конечно же, захватывающее ожидание чего-то влекущего, томительно-волнувшего...

Там-то я и познакомился с городскими подростками моего возраста, хулиганистыми, вызывающе смелыми. Они кучковались в группировки и по названию района именовались: кочатовские, базинские, с Бугра... В общении держались неписанного «кодекса чести»: своих в обиду не давали, главарю подчинялись. Романтический настрой групповой солидарности всецело увлек меня.

С детства я воспитывался в строгости. Отец приучал к труду и честности, дедушка-пасечник Павел Федорович привил начатки веры. Но, оказавшись в разбитной компании, я скоро поднабрался, чего не надо: стал дерзить, сквернословить, баловаться пивком. Отправляясь в горсад, имел при себе кастет и короткую ременную плетку, запрятанную под рубашку. Скоро научился отменно драться и отбиваться от двух-трех сразу. Но в душе я, по-прежнему, оставался подростком-желторотиком. В девочках меня привлекало обаяние наивности и чистоты, в друзьях – надежность и доверительность.

Чувствуя, как меня все сильнее затягивает разбитная компания, из страха за неминучие последствия я пытался остановиться, уйти в сторону. Едва не каждое утро, просыпаясь в общежитии, зарекался вечером не ходить в горсад. Но куда там!.. Мог ли я совладать с собой, услышав знакомую музыку из-за забора, смех девчонок, представив улыбки и рукопожатия своих новых друзей.

Вскоре произошло неизбежное, чего я внутренне ждал и боялся. И все из-за Юльки, дерзкой девчонки-труляшки. Она покуривала, вечно паясничала, не давала спуска даже мальчишкам. Язычок имела такой, что лучше бы на него не попадаться. Поэтому мы с ней недолго продружили. После размолвки Юлька не могла мне простить общения с ее подружкой Наденькой, девочкой тихой, домашней. При всякой возможности эта оторвяшка прилюдно задирала меня.

В тот вечер я появился на танцплощадке явно рановато: никто из наших еще не подошел. И тут появляется Юлька с подвыпившими подружками. Слово за слово, насмешки, подколы, оскорблений... Не выдержав, я ухватил ее за ухо и, крутнув до визга, отошел прочь. Она встречалась тогда с парнем Гошой Лыдкиным, боксером из спортивной школы. Минут через 10 он нарисовался передо мной вместе с другом-штангистом. Сколько мог, пытался отбиваться, но куда там! Отделали они меня краше некуда...

Возмездие было жестоким. После танцев наша «котла», где-то человек 12, двинулась поочной улице вслед за Лыдкиным, провожавшим свою пассию. Под отчаянные выкрики Юльки о помощи били его молча, исступленно. Оставив полуживым лежать на тротуаре, разбежались. Сам я, по слову Валерки Гундаря, в избиении не участвовал, наблюдая происходящее со стороны.

Рано утром в дверь моей комнаты в общежитии постучали. Двое милиционеров, войдя, приказали сойтись, а затем доставили в отдел на улице Гражданской. Усадили на скамью, огороженную зарешеченной стойкой. Там я находился на виду у дежурного, толстого дяди-старшины.

От случившегося меня нервно тряслось. В голове единственная мысль: «Неужели посадят?..» Ясно было, что дело вышло не шутейное. Сажая меня в «воронок», один из милиционеров осуждающе заметил: «Хорош драчун! В двух местах парню голову прошиб». Из разговоров с другарями был наслышан о пацанах, которых за хулиганку на разные сроки закрыли в зону для малолеток. Мне представились слезы мамы, огорчения отца. Подумал, что все в деревне узнают, будет позор на всю родню.

Прошло часа полтора, но на допрос все не вызывали. И вдруг как током шибануло: «Пока не поздно, надо рвать отсюда, бежать, куда глаза глядят, лишь бы не тюрьма».

На столе у старшины зазвонил телефон. Видимо, его срочно вызвали к начальству. Строго взглянув в мою сторону, он отошел. Через минуту сломя голову я бежал по тротуару мимо домов, высоченных тополей с клейкой листвой. В эти мгновения неким шестым чувством ощущал, что бегу навстречу новой, неизведанной жизни. Да – да – да! Конец сходнякам, дракам, дурацкому выпендрежу. Мной владело захватывающее сознание, что так и будет, раз и навсегда все изменится. Солнечным лучом сквозь серое облако словно приоткрылось мое будущее, радужное и возвышенное. Не соображая, что происходит, зримо представляя мистическую заданность своих действий и ожидаемых событий.

В общежитии спешно, но продумано собрал в рюкзак необходимое для дороги и... предстоящего ритуального действия.

На автостанции сел в автобус с дорогим мне маршрутом – «Моршанска-Шацк». За два года учебы, в каждую из суббот я отправлялся домой в неспешном пазике до знакомого поворота. На исходе воскресенья не без грусти возвращался вечерним рейсом обратно в тревожно будоражащий Моршанска. На этот раз вышел на полпути, сразу после Алгасовского моста. Далее дорога поднималась по длинному пологому скату с картинно-живописным лесом по сторонам. Всякий раз проезжая здесь, я испытывал неизъяснимое побуждение – взять и сойти, чтобы в одиночестве брести по лесной чащобе все дальше вглубь. Приглядев и тропинку, что начиналась сразу от обочины...

Как и представлял, она привела меня на полянку с нетоптаной молодой травой и скромными весенними цветочками. Вот и ожидаемая гладкоствольная липа, без участия которой мне было не обойтись. Именно сюда, в узнаваемый душой уголок я стремился, чтобы твердо и честно возгласить себе и всем, кто знал меня, нечто важное. Потом я действовал, следуя задуманному.

Из рюкзака достал общую тетрадь, перьевую ручку, пустую бутылку, бинт для перевязки и отточенный нож-финку.

Подойдя к липе, порывисто обнял ее прохладный ствол и замер в предчувствии наития ожидаемого всем моим существом. Оно пришло не сразу, вначале через детские обидчивые слезы жалости к самому себе. Скоро они перешли в безудержное рыданье. Исступленно стискивая ствол, я бился об него головой: «Прости меня, прости... Все-все простите! Я правда стану дру-

гим, хорошим... Чтобы не стыдно было перед Боженькой, перед всеми, как дедушка учил...» Когда меня отпустило, долго не мог разомкнуть объятия. Живое, нежнолистое дерево, с детства знакомое красотой, оно было рядом, заодно со мной. Опустившись на колени, перекрестился, и, взяв нож, приложил к стволу ладонь левой руки на уровне предплечья. Напрягшись, ударил концом клинка чуть выше большого пальца. Нож ожогом боли вошел неглубоко, где-то на два сантиметра...

Клятву отречения от всего постыдного и верности добру с чистосердчной решимостью я написал своей кровью. Перевязав руку, в дерне ножом вырыл углубление для бутылки. Прежде чем закопать свою «скрижаль», я снова перекрестился и дал зарок вернуться сюда лет через десять. Спустя два часа, подчиняясь внутреннему голосу, с рюкзаком и забинтованной рукой, я оказался на железнодорожном вокзале. В голове никакой определенности: куда я поеду, к кому и зачем? Родителям написал письмо, где во всем сознался. Ничего не утаил о драке, моем задержании, побеге из милиции. Попросил прощения и пообещал, что непременно вернусь, как только почувствую, что достоин называться их сыном. Денег в кармане было всего 3 рубля. Поэтому ехать решил «товарняком». На путях стояло три таких состава, но куда и когда они двинутся – понять было невозможно. Да мне было без разницы, лишь бы уехать, порвать с прошлым.

Невинно прогуливаясь между рельсами на запасных путях, выждал, когда состав тронулся, и заскочил на сторожевую площадку одного из вагона.

На другой день непостижимым образом и неожиданно для себя я оказался в городе, который станет лучезарным средоточием счастливых обретений, окрылен-

ности и соленых испытаний. Тихоход-товарняк привез меня – подумать только! – в Рязань. С того дня и на всю жизнь я влюбился в старорусский город, милый, несколько провинциальный. Доныне я влекусь к его листопадным улочкам, узорным храмам, к речке Трубеж у подножия земляного вала величавого кремля.

После дедушкиного домика у пасеки в лесу рядом с чистейшим камышовым болотцем новообретенный город стал дорогим, сердечно согретым местом на земле. Там раскрылись природные задатки, до времени затаенные во мне ... Итоговая черта моршанского дуррасветства переинчила безрассудное отношение к себе и своему будущему. Ожегшись на опасной романтике подросткового криминала, я твердо решил стать юристом. Имея горький опыт игры с огнем, мне захотелось уберечь оступившихся подростков от перспективы загреметь за решетку и вконец поломать себе жизнь. Понимая, что юрист – прежде всего оратор, стал упражняться в выступлениях перед аудиторией. В Рязанском строительном, куда я перевелся, мои просветительские начинания поддержали преподаватели литературы и истории – Галина Александровна и Роза Алексеевна. На их уроках я делал сообщения на свободные, но интересные для одногруппников темы. Они узнавали что-то новое о декабристах, художниках-передвижниках, Пушкине-лицеисте, Нюрнбергском процессе и многом другом.

Стремление побольше знать о юриспруденции привело меня в городскую прокуратуру. Не без робости я постучал в кабинет следователя Петра Николаевича Шевелева, ироничного и словоохотливого криминалиста с 40-летним стажем работы. Видимо, ему пришлось по душе мое рвение. Скоро он вручил мне удостовере-

ние. В нем рядом с моей физиономией было пропечатано, что Сенин Олег Михайлович является следователем на общественных началах прокуратуры Советского района города Рязани. Меня распирало сознание своей причастности к прокуратуре Союза ССР.

Петр Николаевич считался лучшим следователем по делам о несовершеннолетних. Присутствуя на допросах своих ровесников, не раз с содроганием представлял, что мог бы оказаться на их месте, не будь клятвы кровью.

Имея доступ к материалам уголовных дел, стал публиковать статьи о судьбах малолетних преступников, причинах и обстоятельствах их жизненной драмы. Обвинительный приговор был бессилен исправить слущившееся, но человеческое сочувствие, личный пример могли бы им помочь.

Искренний порыв посвятить себя проблеме подростковой преступности еще более укрепился чтением «Трудной книги» Г.А. Медынского. Исходным материалом для нее стала переписка писателя с ребятами, осужденными на разные сроки. Решил поступать в Саратовский юридический, без сожаления забросил учебу в техникуме. С неослабным постоянством я целый год готовился к поступлению. Это стало доминантой каждодневной сосредоточенности ума и воли. В светлом читальном зале «горьковки» за столиком перед пальмой в кадке я часами просиживал над книгами.

В октябре 1965 года в вестибюле библиотеки произошла встреча с двумя студентами из радиотехнического института, Олегом Фроловым и Юрием Вуткой. На целое десятилетие она предопределила мое революционно-катаржанское будущее. С их подачи я с готовностью принял утопическую блажь по устроению светло-

го коммунистического рая. Вслед за этим последовало самозабвенное участие в создании тайного общества в Рязани и Саратове, неизбежный арест и 9 лет лишения свободы по приговору суда. Крах антисоветского подполья, жизненная и семейная драма, казалось бы, должны были поставить крест на будущем, но произошло по пословице «Бог вымочит – Он же и высушит». Из мордовского лагеря для особо опасных государственных преступников начался мой долгий и далеко не прямой путь в землю обетованную.

По неизъяснимому совпадению тем же ясным октябрьм под липами на засыпанном охрой тротуаре мне явилась златокосая студентка-гимнастка с истфака. О перипетиях нашего всезахватывающего горемычного чувства можно прочесть в книге «Горюша моя ясная. Любовь и вера из-за решетки».

Спустя полвека начинаю понимать, что сокровенную логику событий ранней молодости отчасти выражают слова апостола Иакова: «Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены» (Иак, 1:17). В моем случае уместно привести и пословицу: «Добрый разум не дается сразу».

ЛЮБОВЬ ДАРЯЩАЯ

Социологи, анализируя шкалу ценностей современного человека, отмечают неуклонный рост потребительских интересов. Прежде всего, это выражается в безудержном стремлении к накопительству и вещизму. Одновременно происходит повсеместное угасание сочувствия и взаимоподдержки. При гипертрофии финансовых возможностей наблюдается спад благотворительности. Известно, что семи процентов мирового бюджета вполне бы хватило, чтобы разрешить общепланетарные проблемы голода, безграмотности, медицинской помощи. К сожалению, состоятельные люди не торопятся выкладывать из глубоких карманов иско-мые суммы. Мало кого осенило, что ни копейки из накопленного они с собой на тот свет не захватят! Как говорится, у гроба карманов нет. Благодарения Богу, что Он еще при жизни побуждает нас не только потреблять, но и делиться от достатка своего.

Нечто подобное произошло с Иосифом. Он был одним из сыновей патриарха Иакова, первенцем от кроткой Рахили. В Библии сказано: Иаков «любил Иосифа более всех сыновей своих, потому что он был сыном старости его» (Быт. 37:3). Из всех детей он отличал его как долгожданного ребенка: Рахиль родила его после 14

лет неплодия. Отец рано усмотрел в сыне недюжинные задатки и, предвидя приближающуюся старость, возлагал на него немалые надежды. Как утверждает предание, Иосиф был очень похож на Рахиль, умершую при родах второго сына, Вениамина. Как доносит предание, Иаков же до конца дней горячо и беззаветно любил Рахиль, поэтому сходство Иосифа с ней смягчало его неизбывное горе, напоминая о невозвратной поре их любви.

Расположение отца льстило Иосифу и возбуждало его честолюбие. Однако это вызывало недобрую зависть у братьев. Однажды Иосиф не без самодовольства поведал им о своих снах. Из рассказа выходило, что придет время, когда все они преклонятся перед ним. Выслушав, братья еще более утвердились в мысли о его заносчивости и высокомерии. К тому же их возмущало, что Иосиф доводил до отца все их проделки.

Однажды, когда они пасли стада далеко в пустыне, то увидели приближающегося к ним брата. Подстегнутые чувством неприязни, они вознамерились убить его. Лишь благоразумие Рувима спасло Иосифа от расправы. В итоге озлобленные братья избили его и продали купцам каравана, шедшего в Египет. Родителю они, сговорившись, сообщили, что Иосифа растерзали дикие звери.

Переворот в сознании, переоценка ценностей чаще всего происходит в нас под ударами судьбы. Оказавшись на дне ямы, Иосиф много пережил, когда ощутил полную беспомощность и безнадежность. Постепенно пришло понимание, что он сам спровоцировал братьев на жестокий и бессердечный поступок. Можно представить, как много передумал Иосиф за долгие дни под изнурительным солнцем пустыни, когда караван следо-

вал в Египет. Вчерашний счастливчик и баловень, он оказался в жалком положении невольника. Не стало рядом отца, его душевной приязни. Впереди ждала пугающая неизвестность. В безысходности Иосиф воззвал к Богу, о Котором до этого мало вспоминал. Господь не оставил его мольбы без ответа. В книге Бытия сказано: «И был Господь с Иосифом» (Быт. 39:2). И действительно, с первых дней неволи он ощутил на себе правоту истины: «Любящим Бога, призванным по Его изволению, все содействует ко благу» (Рим. 8:28).

Еще недавно Иосиф ни в чем не имел отказа. Это разжигало его самомнение и отчуждало от братьев. Но вот наступила черная полоса. На суровую нитку дней и лет стал нанизываться выстраданный опыт иного, сочувственного отношения к людям. Попав к Патифару, начальнику телохранителей фараона, он добросовестно нес обязанности смотрителя его дома. Преданный своему хозяину, юноша отклонил домогания жены Патифара и, оклеветанный ею, оказался в темнице. Но, благодаря богоданной способности отгадывать сны, он после лет незаслуженных страданий обрел свободу и оказался на высоте положения.

Представленный фараону, Иосиф истолковал значение его загадочных сновидений о коровах и колосьях. Сон предвещал, что в Египте после семи лет обильных урожаев наступят годы бескормицы. Иосиф дал правительству мудрые советы, позволившие избежать последствий недорода. За это фараон сделал его своей правой рукой и скоро убедился, что тот достоин доверия. В однечасье вчерашний узник сменил жалкое рубище на дорогие одежды царедворца: на шее у него красовалась золотая цепь, а на руке сиял перстень. Став соправителем, он при выездах восседал на одной из колесниц

фараона, и встречные обязаны были кланяться ему до земли. Казалось бы, судьбу Иосифа решил случай. На самом деле полученные благословения стали проявлением участия Бога в его жизни.

Голод в Ханаане, на его родине, привел братьев Иосифа в Египет, искать помощи у фараона. Иосиф не забыл их жестокости, но при встрече он не дал воли чувству мести и не воспользовался их беззащитностью. Они же не узнали сразу своего брата в обличии важного сановника. Напротив, Иосиф сделал все возможное, чтобы помочь им и прежде всего – отцу с единоутробным братом Вениамином. Он великодушно предлагает им переселиться из голодного Ханаана в благополучный Египет.

Перед нами пример бескорыстной, зла не помнящей любви!.. Для Иосифа это сделалось возможным после череды падений и взлетов, когда он ощутил на себе не-прходящую любовь Бога. Пережив унижение рабства, он не отправил братьев под бичи экзекуторов, не повелел в отместку заковать их в кандалы. Один Бог способен произвести в человеке столь разительную перемену!.. Воистину, подлинная любовь – всегда любовь дарящая.

«Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор. 13:4–8).

В истории с Иосифом прообразно показана всеспасающая любовь, просиявшая в земном служении нашего

Господа. Мера Его самоотречения видна в исцеляющих прикосновениях к гнойным ранам прокаженных, в путях-дорогах под палящим солнцем Палестины, в готовности на всяком месте благовествовать и творить дела милосердия.

Вокруг нас неимоверно число нуждающихся и так мало тех, кто готов помочь им.

Христос

Он идет путем жемчужным
По садам береговым,
Люди заняты ненужным,
Люди заняты земным.

«Здравствуй, пастырь! Рыбарь, здравствуй!
Вас зову я навсегда,
Чтоб блюсти иную паству
И иные невода.

«Лучше ль рыбы или овцы
Человеческой души?
Вы, небесные торговцы,
Не считайте барыши!

Ведь не домик в Галилее
Вам награда за труды,—
Светлый рай, что розовее
Самой розовой звезды.

Солнце близится к притину,
Слышно веянье конца,
Но отрадно будет Сыну
В Доме Нежного Отца».

Не томит, не мучит выбор,
Что пленительней чудес?!

И идут пастух и рыбарь
За искателем небес.

H. C. Гумилев

На последнем, итоговом суде, где все до единого предстанут перед Господом, нас спросят о подлинных проявлениях сострадания и помощи.

«... Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне. Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? или жаждущим, и напоили? когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне...» (Мф. 25:34–40).

Благословение по случаю

В начале октября 1973 года меня с тремя зэками из стройбригады направили перекрывать щепой крышу одного из жилых бараков. Дело оказалось для меня знакомым, а потому работа спорилась.

В тот год осень стояла теплая и сухая. Любо было, вдыхая запах щепы, озирая с крыши окрестности, заниматься исконно мужицким делом. К слову сказать, я с детства испытывал тягу к дереву, унаследованную, видно, от вологодского деда-плотника.

После обеда, по обыкновению, вернулся в барак, чтобы оставшиеся полчаса придренуть, вытянувшись на койке. Едва улегся, как почувствовал внезапную резь со спины выше поясницы. Боль нарастила, и через минуту другую я, как червяк, извивался в мучительных корчах. Кто-то из «барачников» метнулся в медпункт и скоро вернулся с медичкой Кларой Ивановной. Склонившись надо мной, она торопливо приложила ладонь ко лбу, проверила пульс, спросила, где болит. «У тебя, Сенин, похоже, что-то с почками. Возможно, идет песок или камешек. Сам сможешь дойти?» Через пять минут я лежал на одной из коеок небольшой палаты медпункта. Озабоченная Клара Ивановна поспешила сделать два укола подряд, попросила не вставать и дала градусник. Постепенно боль утихала, температура была 37,5. Вскоре я крепко заснул, будто провалился, и проспал четыре часа кряду. Клара Ивановна давно ушла, но строго наказала санитару из зэков, Грише Челидзе, худенькому, услужливому грузину, не отходить от меня. В случае если вдруг станет хуже – бежать на вахту, чтобы её вызвали по телефону из дома. Гриша передал наказ, когда принес из столовой ужин в палату. Глаза его выражали неподдельное сочувствие.

Но, спрашивается, почему я назвал главку «Благословения по случаю»? А случай выпал воистину промыслительный, один из тех, когда внезапно открывается, что Господь через скорби и утраты приводит нас к непредсказуемым, духовно значимым обретениям.

Весной того года кто-то зашел в медпункт попросить

у Клары Ивановны таблетки. Замечу, что зэки уважали ее за участливость и простоту в обращении. Видно, она успела приглядеться ко мне, потому как не раз заводила откровенные разговоры, которые по режимным предписаниям были недопустимы. Выяснилось, что муж ее был родом из соседней с нами деревни. Нашлись и общие знакомые. Рассказывая про Рязань, работу в прокуратуре, я, видимо, обмолвился о своей тетушке, Ангелине Никаноровне, что преподавала в кооперативном техникуме. В конце приема Клара Ивановна неожиданно спросила: «Олег, а тетя-то твоя все так и работает в техникуме? Я это к тому, что Тонька, дочка, в этом году заканчивает школу и собирается ехать поступать в Рязань. Девочка она вроде не глупенькая, но «троеки» нет-нет, да проскакивают. А в техникуме, я знаю, конкурс приличный... Не мог бы ты через тетю посодействовать нам с поступлением?» Свою просьбу из осторожности она проговорила еле слышно, почти шепотом. Мы условились, что в следующий раз как приду, тут же при ней напишу письмо тетушке. Тетя Лина впоследствии рассказывала, что девочка оказалась старательной и воспитанной. Они сдружились, и Тоня не раз бывала у нее дома.

С того времени из благодарности за услугу Клара Ивановна, при возможности, тайком проносила для меня небольшие съестные гостинцы. Всякий раз неловко, да и боязно было их принимать. Мой внезапный приступ, по счастью, не перешел в болезнь. На другой день я чувствовал себя как ни в чем не бывало. Но Клара Ивановна, имея благовидный повод, решила подольше подержать меня в санчасти на больничном питании. Повезло и в том, что в палате я оказался один. Клара Ивановна вела прием с десяти до двух, а потом уходила

на соседнюю женскую зону. Санитар Гриша после ужина отправлялся в барак, пить чай с земляками. С 6-ти вечера и до утра, пока он не появлялся с завтраком, я был предоставлен самому себе. Нежданно-негаданно Господь даровал мне то, о чем я и мечтать не мог за четыре года заключения – возможность побыть в наедине с собой.

Мой друг, Женька Бабинцев, добрейшей души человек, с лица которого не сходила улыбка, приносил мне в палату свежезаваренный чаец. За разговорами мы иной раз коротали время до отбоя. Набирав в библиотеке книг, днями я прочитывал том за томом Островского, Лескова, Мамина-Сибиряка. Мне нравилось заносить в свой блокнотик цветистые, колоритные выражения. При заучивании они постепенно делались достоянием моего словесного обихода. Через язык, персонажи и образы, неповторимый национальный колорит мне открывалась боголюбивая сущность русской натуры. Выражалась она в покорности, незлобии и проникнутости народной жизни духом православия.

Днем, не выпуская из рук книги, осмысливая прочитанное, я помнил, что моё заповедное время наступит после отбоя. Погасив, как положено, свет в палате, раздергивал шторы на окнах, обращенных в сторону леса. Его темное загадочное окружение напоминало мне осенние ночи в избушке дедушки-пасечника. Просыпаясь на печи рядом с бабушкой, я какое-то время по-детски затаенно слушал не стихающий шум ветра в гуще осинника. Успокоенный светом лампадки и дыханием бабушки, вскоре снова засыпал. Впервые за три года я проводил ночи вне барака, не слыша привычного кашля, храла, скрипа коек, шарканья ног выходящих по нужде зэков. Упиваясь невообразимой тишиной,

подолгу стоял у окна. Возвращаясь к тумбочке, с наслаждением делал несколько глотков загодя заваренного терпкого чая. Какое-то время, погруженный в себя, ходил от стены к стене вдоль изголовья коек. От свет наружных фонарей делал мое убежище по-домашнему уютным. Меня, как мальчишку, увлекала возможность делать все, что мне заблагорассудится: читать вслух стихи, напевать вполголоса, разговаривать с самим собой. Далеко за полночь я опускался на колени лицом к окну и лесу за ним, чтобы помолиться. В те ночи, неожиданно выпавшие мне, я с упоительной подлинностью переживал ощущение навсегда, казалось бы, утраченной жизни, лучше которой невозможno было себе представить.

Так и остались бы три недели уединения солнечной меткой в сером безвременье отбываемого срока. И тут, неожиданно для меня, но не без ведома Господа Бога, история с почечной коликой получила сакральное продолжение. Сердобольная Клара Ивановна, прежде чем спровадить меня обратно в барак, решила для порядка напоследок измерить температуру. Мы не делали этого дней десять, успокоенные моим чудесным выздоровлением. И что же – те самые злосчастные 37,5! Обеспокоенная медсестра трижды нервно тряхнула градусник и попросила подержать еще раз. Но ртутный столбик остался верен себе. Наутро и в последующие четыре дня – та же картина. Температуру не могли сбить даже антибиотики, которые я послушно глотал. На исходе недели Клара Ивановна с напряженно-серьезным видом вошла в палату и, чуть помолчав, проговорила: «Олег, ты сильно не переживай, но я подозреваю, что у тебя туберкулез. Придется отправить тебя на больничку

в Барашево. Здесь у нас для лечения ничего нет, кроме таблеток и уколов, а там – рентген и неплохие врачи. Болезнь бякая, запускать ее не стоит, иначе я себе этого в жизни не прошу...»

Перед этапом, признаться, настроение было кислым. Не оставляла мысль о возможной чахотке. При полугодном существовании и отсутствии должного лечения легочное заболевание ничего хорошего не сулило.

На больничной зоне пресветлое небушко ниспославо мятущейся душе моей еще одно вразумляющее благословение. Поразительно, но утром первого лечебного дня градусник, как ни в чем не бывало, показал норму. Рентгеновский снимок удостоверил, что мои легкие, как у подводника – чисты и объемонаполнены. Предвидя, что врачи могут заподозрить в симулянстве и отправят восвояси обратно, я пожаловался на сколотый зуб, который нуждался в коронке. По счастью, на протезирование мне отчинили 2 долгих недели. Угроза скротечной чахотки, слава Богу, отпала. Целыми днями я благодушествовал в покое и сытости, читая книжки и общаясь с зэками из других зон. Одновременно не оставляла напряженная и мучительная работа мысли по постижении духовносного мира Православия.

Светлое крыло благодати озаряюще мелькнуло надо мной в этапный день. Каждую пятницу ожидалось прибытие на больничку очередной партии заключенных, что предвещало встречу с подельниками, новые лица, скучные лагерные новости. Накануне я валялся на койке с журналом. И тут двое рослых молодцов со спецрежима в полосатых робах вводят под руки статичка, махонького такого, лысенького, с седой бородкой. Вид у него был усталый, а взгляд ласковый такой, всепонимающий. Провожатые перепоручили его мне

и отправились в другой корпус, куда их определили. Помогая старичку раздеться, услышал его мягкий оказавший говорок: «Ой, миленькой, осторожно. Рученька-то у меня плохо слушается, совсем не владает...» Сделав для него все необходимое, я снова принялся за журнал. По лагерной этике не принято было докучать расспросами: «Кто ты, да откуда? За что сидишь? Какой срок получил?» Чуть позже я узнал, что Господь свел меня с отцом Михаилом Ершовым, иеромонахом катакомбной православной церкви. То была известная по лагерям, по-своему знаменитая личность. К моменту встречи он отсидел около 40 лет. Судили отца Михаила, как и многих из духовенства, за неприятие безбожной власти. По человеческому разумению, мы с ним никоим образом не могли встретиться. Но, видимо, неспроста так случилось что, будучи вполне здоровым, я оказался на больничке. Замечу, что для заключенных с особого режима был отведен отдельный барак, отгороженный от наших колючей проволокой. По условиям режима сообщаться с ними мы не могли. Но надо же было тому случиться, что за четыре месяца до нашей встречи тот барак сгорел. Поэтому всех прибывающих с «особняка» временно размещали в общих палатах.

Старичок, расположившись, облачился в длиннополый, серого цвета больничный халат с поясом. В этом одеянии он своим видом напоминал сельского батюшку. Неожиданно он присел на краешек койки напротив и, как бы приглашая к разговору, осторожно положил руку мне на колено. Со сдержанной улыбкой он произнес:

— Вот ты, милый, любишь Россию, и я люблю ее, матушку нашу... А как бы ты сказал о том?

Я растерялся, не зная, что ответить. Непостижимо, что, совсем не зная меня, он смог почувствовать те умонастроения, что тревожили душу несколько месяцев кряду.

— А послушай, Олег, какие глаголы мне Господь на душу положил о матушке России...

К сожалению, мне не удалось восстановить тех впечатляющих народно-распевных строк. В ответ на откровенность я прочел ему свое стихотворение «По дороге в Загорск».

Несколько необычно, поэтически возвыщенно началось наше недолгое с ним общение. Мне представляется, что отец Михаил имел дар прозорливости. Как-то раз, предавшись своим горьким думам, я лежал, укрывшись с головой одеялом. Не желая никого видеть и слышать, делал вид, что сплю. Вдруг почувствовал, что кто-то сел рядом и положил мне руку на плечо. Вслед за тем слышу знакомый голос, сдержанно, с участием во-прошающий: «Олег, дорогой, вижу, как ты маешься... Поведай о терзаниях своих, открайся мне, и тебе легче станет. Господь милостив, не сомневайся, Он все простит». Тогда я не подал виду, затаился, потому что не готов был довериться ему в исповеди.

Через две недели, прощаясь, я попросил у него благословения. Перекрестив, он минуту смотрел мне в глаза – будто с ожиданием. Помолчав, произнес: «До сих пор ты, Олег, не знал, как должно веровать. Но отныне знаешь... Если не станешь веровать, как тебе открылось, ты в жизни мучиться будешь». В те две недели мне открылось невместимо много. До сих пор те больничные откровения клонят к раздумьям.

Отец Михаил во всякое утро, за час до подъема, подолгу молился, стоя на коленях перед крохотной икон-

кой Богородицы. Можно было расслышать отдельные слова, имена святых. Он неизменно поминал убиенного государя с благоверной супругой и умученными чадами. Ел он один раз в обед, да и то помалу. Изредка, кроме среды и пятницы, вечером вкушал травный чай с сухариками. Беседуя, мы подолгу гуляли на свежем воздухе, а в непогоду – по больничному коридору. Разговоры с ним укрепляли, рассеивали сомнения. Поражало, что в нечеловеческих условиях ГУЛАГа он сохранил незлобие, приверженность вере, ясную память. «Мы потому трудно и плохо живем, что друг на друга злобимся и завидуем. Всяк себя пытается выдвинуть, на свою личину перстом указать – вот, мол, я каков! А жить надо с любовью, всех прощать, а самому почаше Богу виниться. В этом вера наша православная свои силы черпает».

Впоследствии один из лагерников, знавший еще в сталинские годы отца Михаила, рассказал мне, какой силой духа обладал этот человек. В те годы заключенных до лагпунктов доставляли эшелонами. Такое множество невозможно было разместить в камерах пересыльных тюрем. Тысячи их на морозе или при летней жаре дожидались своего этапа в открытых клетках из колючей проволоки. Люди маялись сутками, не зная, куда себя подевать, как обогреться и напитаться. Имея ревность о спасении душ подобных ему жертв репрессий, отец Михаил, обращаясь к ним с выстраданными воистину огнепальными проповедями. Кто-то на призыв к покаянию запускал матом, иные начинали каяться, зачастую со слезами, сердечным надрывом. Некоторые, рыдая, пластились по земле, рвали на себе одежду. Старец находил обжигающие совесть слова для тысяч отверженных ре-

жимом людей, лишенных свободы, семей, согревающей веры...

«... и поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками. Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас» (Мф.10:18–20).

Иеромонах Михаил скончался 4 июня 1974 года, на второй день после Троицы в 17-й малой зоне.

7 ноября – поминки по России...

На прошлое страны печальный трезвый взгляд.
Не прокляну за то, что колокол сносили,
Не закричу о том, что кануло назад.

Еще лежит в снегах измученное поле,
Кружится воронье и каркает беду,
Благословляю день, загаданной неволи
И сладок будет час, когда домой приду.

Все надо пережить, мы это заслужили.
И пусть в крови душа, она еще жива.
И меч еще в земле, мужик еще двужилен.
И солоны на вкус Евангелия слова.

М.Б.К, Дубравлаг зона 385/17

Закончен был сосновый тесный гроб...
Стояла ночь. Звенел снежок октябрьский,
Был далеко забытый отчий кров.
За тридевять земель, как в старой русской
Сказке.

От гроба пахло лесом и смолой,
И, прадедов обычай соблюдая,
Охапки шумкой стружки золотой
На дно ковчега смертного кидали.

Наверное, чтоб мягче было там,
Иль для того, чтоб помнил лес и землю,
Не позабыл, что почвы темнота
Рождение и тление приемлет.

И перед тою дальнею тропой
Присели по обычаю седому;
Да будут безмятежность и покой
Дарованы ушедшему из дому.

Сидели молча. Плыл табачный дым.
Молчанье становилось нестерпимым
И нам на удивленье, молодым,
И сгорбленным, изломанным сединам.

Да. Кончен был сосновый грустный гроб.
Стояла ночь. Луну катили ветры.
Сидели мы. Летели прямо в лоб
Грядущего слепые километры.

*В. И. Жильцов, Мордовия,
Дубравлаг зона 385/17*

ПОБЕДНАЯ НАДЕЖДА

Это случилось в самом начале исхода народа Божьего из Египта. Остались позади годы изнурительного труда, непреходящего страха за жизнь детей и свою собственную. По жестокому приказу фараона крепкие пальцы египетских повитух должны были сомкнуться на горлышке всякого новорожденного мальчика из евреев.

Накануне люди были свидетелями осатанелого упорства фараона, который ни за что не хотел дать им свободу. Они видели страшные опустошения от десяти казней, которые навлек на свою страну непокорный правитель. Но все эти ужасы теперь остались позади.

После трудного перехода израильский стан расположился между Мигдолом и Черным морем. Мирно дымились костры. У распряженных повозок суетились женщины, слышались беззаботные голоса детей и властные выкрики старейшин. На всех лицах было выражение облегчения, которое сменило недели и месяцы непрестанного страха.

Вдали влекущей синевой зыбилось море. Когда ветер доносил дыхание морской свежести, люди с ожиданием думали о предстоящем многодневном пути вдоль берега, надеясь восстановить силы после перехода по знойной безводной пустыне.

Неожиданно тревожные выкрики всполошили лагерь: то кричали сторожевые, которые бежали к центру стана, где возвышался шатер Моисея. На бегу они показывали в сторону Египта. Теперь все увидели, как далеко на горизонте зловещей змейкой поднималась пыль от конницы фараона. Шестьсот колесниц, запряженных четверками коней, угрожающей лавиной приближались к израильскому стану...

Моисей, с серым, как полотно палатки, лицом, видел, что лагерь охватывает паника. Метались и голосили женщины, мужчины с лихорадочным остервенением выдергивали колья палаток, кричали дети, ржали лошади. Какой-то час пути отделял несущуюся лавину от встревоженного стана!

Моисей оторвал взор от полосы пыли на горизонте и оглянулся назад. Перед ним пугающие цепенела не-проходимая ширь моря. Каждый в эти минуты видел эти страшные полосы беды. Одна надвигалась со стороны Египта, другая простиралась вдали за плоским каменистым побережьем. Но Моисей ни на мгновение не забывал, что над ними небо, где обитает незримый, но всесильный Бог. Сами собой его руки вскинулись, а глаза повлажнели.

В те мгновения ничего не оставалось, как уповать на Бога, Превознесенного и Милующего, Который мог послать им спасение. Неотвратимо надвигались колесницы фараона, готовые сбивать всякого своими дышлами, втаптывать в песок копытами коней женщин и детей.

Обезумевшие от страха люди теснились у шатра Моисея. Из толпы летели выкрики: «Разве нет гробов в Египте, что ты привел нас умирать в пустыне? Что это ты сделал с нами, выведя нас из Египта? Не это ли самое говорили мы тебе в Египте, сказав: оставь нас,

пусть мы работаем Египтянам? Ибо лучше быть нам в рабстве у Египтян, нежели умереть в пустыне» (Исх. 14:11–12).

Обратив к ним суровое, но просветленное лицо, Пророк произнес твердым, вселяющим веру голосом: «... не бойтесь, стойте – и увидите спасение Господне, которое Он соделает вам ныне, ибо Египтян, которых видите вы ныне, более не увидите во веки; Господь будет поборать за вас, а вы будьте спокойны...» (Исх. 14:13–14).

Говоря это, пророк представлял, как клочьями слетает пена со взмыленных коней, впряженных в колесницы. Он знал, как беспощадны разящие мечи воинов. Перед лицом погибели тех, кого вверил ему Бог, он в эти минуты мог надеяться только на чудо.

И Господь, Который слышит биение сердечка малой птахи, внял упованиям Моисея. И повелел ему Бог: «... подними жезл твой и простри руку твою на море, и раздели его, и пройдут сыны Израилевы среди моря по суше; ... и узнают Египтяне, что Я Господь, когда покажу славу Мою на фараоне, на колесницах его и на всадниках его» (Исх. 14:16–18).

И тогда столп облачный встал между станом израильским и египтянами. Для иудеев он сделался светом озаряющим, а для врагов – ночью беспросветною, «и не сблизились одни с другими во всю ночь» (Исх. 14:20). Наутро по воле Всевышнего море расступилось, чтобы пропустить израильтян. Когда солнце нового дня поднялось высоко над землей, народ был в безопасности. Справедливость карающей молнией поразила египтян и радугой спасения утвердилась над станом.

Когда Израиля в пустыне враг настиг,
Чтоб путь ему пресечь в обещанные страны,

Тогда Господь столп облачный воздвиг,
Который разделил враждующие станы.
Одних Он тьмой объял до утренних лучей,
Другим всю ночь Он лил потоки света.

О, как душе тоскующей моей
Близка святая повесть эта!..

...«Владыка в древности чудесно спас народ:
Он волны осушил морские»
О, верю, верю, Он и в наши дни придет
И чудеса свершит другие.

О, Боже, не народ – последний из людей
Зовет Тебя, тоскою смертной полный...
В моей душе бушуют также волны
Воспоминаний и страстей.

О, осуши же их Своей могучей дланью!
Как солнцем освети греховных мыслей тьму!
О, снизойди к ничтожному созданью,
О, помоги неверью моему!

A. H. Апухтин

Столп огненный

В пустыне раскалённой мы блуждали,
Томительно нам знойный день светил,
Во мглистые сверкающие дали
Туманный столп пред нами уходил.

Но пала ночь – и скрылся столп туманный,
Мираж исчез, свободней дышит грудь –

И Пламенем к земле обетованной
Нам Ягве указует путь!

И.А. Бунин

Что донесли до нас далекие события Исхода? Мы замечаем, что в жизни одни полагаются на свои способности, другие – на тугой кошелек, рычаги власти или на неотразимость красоты. Но ничто не может подменить всеразрешающей силы надежды и молитвы. Через них открывается возможность хранительного единения со Спасителем. Молитва – это общение бренного существа с Создателем, грешника – со Всесвятым, немощи – с Могуществом, смертного – с Предвечным.

Творимая при избытке радости или в покаянных слезах, она делает нас сдержанней в минуты счастья и тверже во дни испытаний.

«Бодрствуйте на всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих бедствий и предстать перед Сына Человеческого» (Лк. 21:36).

Пророк Моисей

Он не дошёл по той земли заветной,
До светлых её рек и солнечных дубрав –
Гнетущий груз греха и путь сорокалетний
Смежил ему глаза в чужой стране Моав.

Остались позади жара и пот Египта,
Зловещий свист бичей, моление и страх,
А впереди – она, как чаша неотпитая,
Манила и влекла земля цветов и трав.

Он видел Божий лик и гнев Его разящий,
Синяя дивный свет и ангелов крыла,

Но среди тьмы пустынь, сомнений и несчастий
Она ему звездой сияющей была.

Теперь лежать ему в сырой земле чужбины:
Ни камень, ни плита не скажут, где тот прах.
И вот в последний раз, как песня лебединая,
К престолу горнему молитва полилась.

И внял ему опять Творец и Бог Единый,
И бренный прах его на небеса подъял,
Чтоб верный раб Его, страдавший неповинно,
Отчизны истинной покой и мир узнал.

O. M. Сенин

Помиловка

С прошением о помиловании по закону можно было обращаться по истечении половины срока. Это мог сделать как сам осужденный, так и его близкие родственники. В моем случае дата, с которой лагерный срок пошел «под горку», выпадала на 8 февраля 1972 года. К тому времени я пережил обращение к Богу и окончательно разуверился в теории и практике марксизма. По выходу из БУРа, в декабре 1970 года, сознательно отстранился от участия в протестных лагерных акциях, ограничив свое общение с немногими друзьями, близкими по духу.

В начале февраля прошение о помиловании отправили, каждый от себя: отец, Рита и дядя мой, Федор Павлович, инвалид войны, орденоносец, директор школы соседней с нашей деревней. Для меня и родных потянулись дни ожидания. В зоне ко мне, как к юристу, зэки

нередко обращались с просьбами о составлении помиловок и жалоб на необоснованные приговоры. По опыту я знал примерные сроки хождения по инстанциям такого рода бумаг. Обычно ответы приходили в течение трех-шести месяцев. Ответ на мое обращение пришел ровно через год. К тому времени я почти потерял надежду на благой исход.

14 марта после обеда, когда я в швейном цехе строил рукавицы, явился посыльный из штаба: «Сенин, тебя вызывает начальник отряда, капитан Зиненко». Сразу почувствовал сердечное колотье, напряженное и непреходящее: не иначе, как пришел ответ из Москвы. Но вместо того, чтобы все бросить и поторопиться к отрядному, я закончил очередную пару и подравнял укладку готовых рукавиц. Выйдя в коридор, не спеша помыл руки. В голове неотступно, поочередно, а то и обе разом возникают, бьются одна о другую равно немыслимые для меня реальности: зона или воля?!.. Что же меня ожидает: долгожданная свобода или еще 4 года срока? На дворе сырьо, слежалый сероватый снег, привычно безликий вид зоны. Над головой хмурая отстраненность неба, даже мои сестрицы-сосны не радуют. Все опостылело, больше не могу!.. Поднимаюсь на деревянное крыльце штаба, останавливаюсь: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного и призри на душу мою. Не оставь меня и близких моих, пошли помочь и заступничество. Да будет на все воля Твоя». Стучу в дверь отрядного, вхожу. По его лицу ничего невозможного понять.

— Присаживайся, Сенин.

Не глядя на меня, он перебирает на столе какие-то бумаги. Наконец, первый обнадеживающий знак,— оторвавшись от стола, Зиненко улыбнулся и понимающе,

с участием произнес: «Наверно тебе, Сенин, сердце уже что-то подсказало? Хочу порадовать: твое прошение на помилование удовлетворено. Поздравляю!» После его слов меня разом подхватывает и невесть на какое небо переносит нежданная всенаполняющая радость: «Боже, неужто правда?! Неужто накрепко запертыe двери, разделяющие меня с Ритой, с доченькой, моими стариками, наконец-то, распахнутся?! Заново рожденный, оставив за спиной бедлам и светлую муку прожитых лет, я вернулся в мир моих грез и выстраданных ожиданий...»

Наутро, с рюкзаком за плечами, я получал в управлении лагпункта вещи и документы...

Через 15 лет времена непредсказуемо изменились. В 1991 году Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР я и все мои подельники были реабилитированы по отсутствию состава преступления в наших действиях.

12 октября 1989 года в «Комсомольской правде», которая издавалась тогда многомиллионными тиражами, вышла статья Татьяны Корсаковой «Дети оттепели». На всю полосу был помещен материал о молодых саратовских марксистах, которые готовили в стране новый революционный переворот.

Годы, проведенные в Дубравлаге, стали для меня временем исхода, освобождения из плена лжеучений, суливших молочные реки и кисельные берега безбожного коммунистического рая.

ДОЛГОЖДАННОЕ СЧАСТЬЕ ИАКОВА

Однажды престарелый Исаак призвал в шатер сына, Иакова, входившего в пору мужской зрелости. Он давно заметил в нем некоторые перемены. Отец видел, каким напряженно-задумчивым становилось лицо юноши, когда их верблюды проходили мимо ханаанских селений, оглашаемых звонкими голосами красивых и дерзких язычниц.

Исаак, склонив серебряно-седеющую голову, посоветовал: «... не бери себе жены из дочерей Ханаанских; встань, пойди в Месопотамию, в дом Вафуила, отца матери твоей, и возьми себе жену оттуда, из дочерей Лавана, брата матери твоей; Бог же Всемогущий да благословит тебя, да расплодит тебя и да размножит тебя...» (Быт. 28:1–3)

Иаков был простодушно послушен отцу. Он с детства хранил в сердце рассказы о Боге, щедро благословлявшем его деда Авраама, который с доверием внимал всякому слову Всеышнего. Иаков также верил в промысел и водительство Божие.

Вскоре он двигался на восток, в сторону Двуречья, где надеялся обрести свою суженую. После нескольких дней пути он пришел в долину Ефрата и недалеко от источника увидел пастухов, пригнавших на водопой

изнывающие от жары стада. Собравшиеся нетерпеливо поджидали остальных, чтобы совместными усилиями отвалить большой камень, закрывавший источник. Подойдя ближе, Иаков с почтительным поклоном спросил, не знают ли они Лавана, сына Нахорова, и жив ли он? Пастухи ответили: «Он здравствует и вот Рахиль, дочь, идет с овцами» (Быт. 29:6).

Иаков взглянул, куда указали пастухи, и увидел тонкую, как веточка, девушку с приветливо светящимся лицом. Легкой поступью она шла впереди стада к колодцу. Не отрывая глаз, Иаков отвалил камень, и овцы жадно припали к студеной воде. Провожаемый изумленными взглядами пастухов, юноша подошел к смущенной Рахили и поцеловал ее в прохладный лоб. Он вспомнил, что некогда также вот у колодца решилась девичья судьба его матери Ревекки. Глядя на стыдливо зардевшуюся Рахиль, Иаков понял, что перед ним – та единственная, которая на многие годы станет его возлюбленной и звездой признательности Господу. Несожиданно для себя он заплакал от нахлынувшего счастья.

Лаван, отец Рахили, поначалу приветливо принял будущего зятя, но, будучи человеком расчетливым и скрытым, не захотел так запросто отдать красавицу дочь на сторону.

Семь лет предстояло Иакову пасти стада, прежде чем он назовет свою ненаглядную жену. Но что это были за годы! Утром, на зорьке, Рахиль ласкающим взглядом провожала уходящего со стадами Иакова. Он же целые дни проводил в труде и мечтах. Его голос дрожал, когда он взывал к Богу, давшему ему отраду любви и сладкого ожидания. Сидя в тени смоковницы, отыскивал и слагал в сердце заветные слова, которые вечером со-

бирался сказать ей. А она оживлялась, когда замечала над закатными холмами пыль возвращающегося стада... Одни звезды, по-южному высокие и яркие, могли слышать нежные слова их кратких свиданий.

Иаков и Рахиль души не чаяли друг в друге, и потому годы протекли незаметно. Все это время родниковая водица кристально-чистой любви смывала слезинки ожидания и того горького обмана, на который решился хитромудрый Лаван. В конце брачного пира под покровом ночи вместо Рахили он привел в шатер жениха старшую дочь Лию. Но любовь победила испытания и злосчастья, которые предшествовали их благословенному супружеству. Готовность покорствовать и смиряться вознаградила счастливым единением сердец.

Рахиль

*И служил Иаков за Рахиль семь лет;
и они показались ему за несколько
дней, потому что он любил ее.*

Книга бытия

И встретил Иаков в долине Рахиль,
Он ей поклонился, как странник бездомный.
Стада подымали горячую пыль,
Источник был камнем завален огромным.
Он камень своею рукой отвалил
И чистой водою овец напоил.

Но стало в груди его сердце грустить.
Болеть, как открытая рана,
И он согласился за деву служить
Семь лет пастухом у Лавана.

Рахиль! Для того, кто во власти твоей,
Семь лет – словно семь ослепительных дней.

Но много премудр сребролюбец Лаван,
И жалость ему незнакома.
Он думает: каждый простится обман
Во славу Лаванова дома.
И Лию незрячую твердой рукой
Приводит к Иакову в брачный покой.

Течет над пустыней высокая ночь,
Роняет прохладные росы,
И стонет Лаванова младшая дочь,
Терзая пушистые косы.
Сестру проклинает, и Бога хулит,
И Ангелу Смерти явиться велит.

И снится Иакову сладостный час:
Прозрачный источник долины,
Веселые взоры Рахилиных глаз
И голос ее голубиный:
Иаков, не ты ли меня целовал
И черной голубкой своей называл?

A. A. Ахматова

Имя Рахиль переводится с еврейского как «овечка». Много лет пас Иаков отары хитромудрого тестя, чтобы ценой самозабвенного терпения в итоге заполучить возлюбленную, кроткую, как овечка, Рахиль. Она родила ему сына Иосифа, который, став правой рукой фараона, позаботился о бедствующем отце и братьях. Рахиль умерла при родах второго сына Вениамина.

В книге Бытия мы читаем: «И умерла Рахиль, и похоронена на дороге в Ефрафу, то есть Вифлеем. Иаков поставил над гробом ее памятник. Это надгробный памятник Рахили до сего дня...» (Быт. 35:19–20).

Гробница Рахили

«И умерла, и схоронил Иаков
Ее в пути...» И на гробнице нет
Ни имени, ни надписей, ни знаков.

Ночной порой в ней светит слабый свет,
И купол гроба, выбеленный мелом,
Таинственною бледностью одет,

Я приближаюсь в сумраке несмело
И с трепетом целую мел и пыль
На этом камне выпуклом и белом...

Сладчайшее из слов земных! Рахиль!

И. А. Бунин

Иаков

... И достиг я дядиного дома.
Солнце гасло, поднимая пыль,
Мчались овцы пить из водоема,
И гнала их юная Рахиль.

И забыл я дом моей Ревеки.
Семь годов, как раб, я стадо пас,
Чтоб моей назвать тебя навеки,
Ослепленный солнцем этих глаз.

Семь годов неделей пробежало:
Забывал я труд, когда порой

Ты мне в полдень губы освежала
Чистою водою ключевой.

… Где сокрыт весенний гроб Рахили –
Это место свято будет всем.
Ночь глуха, как некогда в Вефиле,
И звезда глядит на Вифлеем.

C. M. Соловьев

*Из письма от 11 апреля 1970 г.
Дубравлаг*

Рита, звездочка моя! Сколько раз я, лиходей, оступался, и ты, переболевши моей виной, прощала. То что надо было мне – понимание, сочувствие – я всегда находил у тебя. Разлука расшвыряла нас, навязала мучительный ритм существования, где нет места простой человеческой повседневности. Я не могу, как прежде, дарить тебе цветы, просыпаться вместе в нашей спальне, умиляться с тобой проказам доченьки. За восемь месяцев неволи благодаря тебе я познал цену истинной жертвенности. Ни словом, ни намеком ты не дала мне повода усомниться в твоей готовности и дальше идти вместе. После ареста было страшно даже предположить, сколько лет мы проведем в разлуке, терзало сомнение: не дрогнешь ли ты? Оказалось, что святое в человеке – будь оно величиною с зернышко – живуче и неубиваемо. Если есть в нас капля любви, сострадания, даже ослабленные мы бываем способны на подвиг. Слава Богу, что у меня есть ты – любящая, неизменно помнящая. Ты же знай, что есть губы, с которых

не сходит твое имя. В нашем удивительном прошлом,
как в куске горного хрусталия, навеки хранимо чарую-
щее полнолуние твоих глаз.

Путь

Ты прости меня, ты прости,
Что иду к тебе долго и трудно:
По мостам разметали настил,
Оббрала ватага приблудная
И цыган за коня не скостила.

Ты прости, что тебя к Покрову
Не утешу нежданным приездом,
Дней твоих безотрадных канву,
Порасцвеченных слабой надеждой,
Я владычной рукой не прерву.

Ты прости меня, ты прости,
Что твое одинокое ложе,
Где давно уже жар мой остыл,
На холодную келью похоже
И подняться к молитве нет сил.

Но поверь мне, что ты, только ты,
Моих радостей грустная вестница,
Там, за далью последней версты,
Душу рвущей лампадкою теплишься
И мои воскрешаешь мечты.

O. M. Сенин

Сколько раз ты успокаивала меня, говоря: «Алька, вот увидишь, все устроится. Ты у меня сильный...»

А это значит, печальница моя, что через завалы лет буду пробиваться к тебе, чтобы поцелуями вернуть к жизни мою спящую царевну. Как сладок мёд твой, как упоительна небесная манна твоего присутствия, возможность видеть, прикасаться и обмирать, любить единожды и вечно. В мучительных перекрутах разлуки я готов поступиться всем, чтобы снова вернуть наши уединения, прогулки, душевые разговоры за чаем об Аленке. Мученица моя светлоликая, обреченная питаться крохами, но блаженная в своей жертвенной любви, знала бы, какую всерадостную зарю зажгла ты там, где до сих пор светлели лишь сполохи предчувствий твоего явления... Пусть тебя греет мысль, что с утратой многоого ты не лишилась моей любви, безудержной и славословящей.

Во мне не сомневайся, в камере, под замком,— я тот же, по-прежнему растроганно отзываюсь на все, что как-то напоминает о тебе. Скажем, слушаю утром по радио метеопрогноз, сообщающий, что в Москве ожидается теплая солнечная погода. И уже вижу, как, поспешая с последней пары в «читалку», ты щуришься от веселого апрельского солнца. На Моховой замедлив шаг, с любопытством девчонки наблюдаешь, как из-под крыши падают на тротуар и с грохотом разбиваются, сбитые дворником, огроменные сосульки.

Недавно, читая «Асию» И. С. Тургенева, встретил имя Гретхен. Разом вспомнил, как на лестничной площадке саратовской «научки» начертал по запыленной побелке стены твое имя — Грет. Вывел его, как мальчишка, украдкой, с замиранием сердца. Каждый вечер, покидая гуманитарный зал библиотеки, ласкал взглядом знакомый, сотни раз повторенный в письмах росчерк самого дорогое мне имени. Спускаясь по лестнице, приветно приподнимал руку и шептал: «До завтра, чудо мое...»

11 апреля. У меня новость – два дня назад из полу-подвала перевели в камеру на четвертом этаже. К радости, на окне нет жалюзи. После трех месяцев мрачного затвора я могу видеть, как начинает рассветать, когда зажигаются звезды. Внизу громыхают трамваи, распускаются тополя, куда-то спешат люди. Выставив раму с запыленными стеклами, два дня не отхожу от окна. Ощутимо напоминает о себе весна, – влекущая, хмельная, равнодушно-неприкаянная к моим злосчастиям. От апрельского воздуха, голубизны, шума улицы, чувствую, как внутри властно заявляют пробужденные желания. Но стоит оглянуться, увидеть, где я, как сразу принимается за свое поднывающая боль. Наступит май, зайдутся белым и розовым яблоневые сады вокруг МГУ. Моя дипломница встанет на босоножки и сразу похорошееет. Но уже не сорвется, не прилетит к ней, как всегда нежданно, ее Сенин, не поведет вечерком свою Ладу на Воробьевы горы прогуляться. Представишь, и тут же в самое сердце уколет ревнивая тревога:

«Нас этот заменит и тот,
Природа не терпит пустот...»

В моем положении, а его не назовешь иначе как обреченным, хочется верить, что Сольвейг существует не только в книге и на сцене. Слава Богу, меня не оставила убежденность, что кроме пошлости и банальных прописей, где-то в ком-то хранимы реликты человеческих добродетелей.

Рит, ты не думай, будто я подразумеваю нечто дурное. Поверь, в сердце накопилось столько нежности к тебе, что никакие запруды ее не удержат. Между тем, мой жалкий удел – сообщаться с тобой не въяве, а по

преимуществу письмами. К сожалению, слова на бумаге бессильны соделать то вседарящее чудо, на которое способны истосковавшиеся руки и губы твоего узника.

Ты знаешь и слышала, что любовь – это счастье, и она невозможна без страдания. Но есть любовь-страх. Так вот, Ритэт, последние две ночи я несколько раз принимался плакать из страха за нас. Но полно об этом, прости... Ничего, горюша моя, как говорят, время лечит. Бог даст, несмотря ни на что – останемся человечками, с совестью, верой и понятиями. Лишь бы огонь не погас... Данте Алигьери прошел все круги ада, чтобы обрести возлюбленную им Беатриче в светлой райской долине. Сам я еще на пути к нашему утраченному раю. Терзаясь сомнениями, стискиваю зубы, отчиваюсь и снова зажигаюсь надеждой, что рано или поздно наши объятья уже не разомкнутся.

Читая Данте

От невозможности связать концы
В суровых сроках ожиданья
Тускнеют брачные венцы,
Слабеют клятвы и признания.

Но, прекословя безразличью,
Всё попирающему тупо,
Данте восхитил Беатриче
Из мрака смерти неотступной.

Так бесподобен краткий миг –
Награда трепетному чувству –
Вознесший «мыслящий тростник»
Под своды вечного искусства.

Над будничным чертополохом
Цветет старинным изразцом
Потупленное с детским вздохом
Её прелестное лицо.

O. M. Сенин

*Из письма от 5 июля 1970 г.
Дубравлаг*

... Девочка моя! Те три дня заново открыли мне, что ты – мой солнечный лучик, молодая травка, суженая мне от века, свет преображения моего. Ты одна способна успокоить, наполнить тихой радостью. Твоя легкая походка несет тебя, лебяжье пёрышко, навстречу мне. Я обожаю тебя!.. Спасибо за дни любви, грусти и восторгов.

Помни, ты не одинока, оставляю тебе жгучую любовь, упоения и голубизну прошлого. Год, как мы переживаем блокаду. Мне совестно за бессилие пробиться к тебе, согреть, утешить. Одно остается нам: терпеть и верить. Рано или поздно все в жизни обретает истинную цену...

Тоска

Мне б камнем разбиться
И, в пыль обратясь,
К тебе устремиться,
Чтоб вдруг, в одночасье
Ничтожной пылинкой,
Крупицей любви
Слезинкой скатиться
На щеки твои.

И в слезном сияньи
Стоцветным алмазом
Тоску расставанья
Отсечь одним разом!

O.M. Сенин

ЦЕПИ САМСОНА

После исхода из Египта и расселения в Земле обетованной народ, живший в окружении языческих племен, нередко уклонялся в подражании их верованиям и обычаям. Удаляясь от Истинного Бога, почитая бездушных идолов, он постепенно утрачивал силу духа. Его слабостью воспользовались соседи филистимляне и поработили народ израильский на целых сорок лет.

Страдания возымели вразумляющее действие и побудили народ к покаянию. В первый же год позорного ига Господь, скорбя о людях Своих, отозвался на их покаянные молитвы. Ангел явился к жене человека по имени Манной. Все считали женщину неплодной, но именно ей надлежало родить будущего заступника от врагов. Его зачатие и появление на свет воспринималось неслыханным чудом, как ответ Бога на мольбы многих и многих. Тем самым Господь хотел показать, что Он силен из ничего, из омертвей утробы произвести ожидаемого духовного вождя.

Мальчика назвали Самсоном, что означало «подобный солнцу». По мере возмужания он ощущал проявление необычайной силы, которая поражала соплеменников и устрашала недругов.

Однажды Самсон пошел в Фимнафу, местность, находившуюся на границе удела Данова с филистимлянами. Он хотел высмотреть расположение вражьей земли. Но случилось непредвиденное. На одной из улиц города Самсон встретил обворожительную филистимлянку и пленился ее красотой. Потеряв голову от страсти, он уже не думал о том, ради чего пришел в Фимнафу. Взволнованный Самсон возвращается обратно, но не затем, чтобы поднять соплеменников на поработителей. Теперь он желал лишь одного – добиться разрешения родителей на беззаконный брак с язычницей. Их уговоры не убедили упорствующего сына, который пытался оправдать свою женитьбу намерением ослабить изнутри, а затем и вконец поразить филистимлян. Самсон тешил себя малодушным оправданием, пытаясь совместить в душе святое Божие с греховным человеческим. В том состояла его роковая ошибка.

Из затеи с женитьбой не вышло ничего доброго. Сердце избранницы было не с ним, а с ее коварными соплеменниками, которые по-прежнему видели в Самсоне врага. Она выпытывает у легковерного мужа ответ на загадку, которая была предложена им филистимлянам. Раздосадованный Самсон в гневе совершаet целый ряд необдуманных поступков. В результате он теряет жену и еще более возбуждает против себя врагов. Они задаются целью выведать секрет богатырской силы непобедимого иудея. Случай помогает им.

Самсон увлекается новой прелестницей, Далидой, имя которой в переводе означало «нежность». Могучий израильтянин, бесстрашно, почти голыми руками поразивший тысячу филистимлян, не смог устоять перед коварной очаровательницей. Цепи, сделавшие его рабом похоти и вожделений, обернулись оковами зато-

чения. Обманутый льстивой наложницей, выведавшей секрет необычайной силы, ослепленный врагами, он днями напролет вращал каменное мельничное колесо для помола зерна. Обвисающие по плечам цепи не позволяли сделать лишнего шага.

Униженный и ослабленный, он, наконец-то, осознал, как многого лишился, изменив своему Богу. Недавний назорей, давший обет целомудрия, понял, что причиной его низложения стало безрассудное потворство страстиям. Но время было безвозвратно упущено... Самсон поступил высоким призванием – быть ревнителем веры, ее чистоты. Единственное, что мог совершить возрожденный покаянием колосс, – обрушить кровлю в храме Дагона и погибнуть под обломками вместе с множеством надменных филистимлян. «И воззвал Самсон к Господу и сказал: Господи Боже! вспомни меня и укрепи меня только теперь, о Боже!» (Суд. 16:28)

В своей переменчивой жизни Самсон познал две цепи. Пока золотая цепь Завета соединяла его с Богом, он был одухотворен, могуч и свободен. Но одурманенный красотой женщины, вслед за цепями страстей он ощутил на ослабевших руках и ногах кандалы неволи. После того, как его ослепили, он смог заглянуть внутрь себя и поразился глубине духовного падения.

Благословен, кто познал в жизни лишь одну цепь, олицетворяющую нерушимую верность Богу.

Самсон *(отрывок)*

«Не любишь ты меня! – Самсону говорила, Змеей вокруг него обвиввшись, Даила.– Не любишь ты меня, обманщик, мой еврей: Таишься от меня – в чем мощь твоя и сила?»

И филистимлянке признался назарей:
«Силен обетом я: не стричь моих кудрей».
И, золотом врагов его заране
Подкуплена, коварная краса
Атлету сонному острогла волоса
И крикнула:
«Самсон, вставай – филистимяне!»
От ложа страстного воспрянул назарей,
Как лев, но уж без ней, без прежней львиной мочи,
И вот поникнул он под тяжестью цепей,
И погасил ему нож филистимский очи,
И с торжеством был взят в позорный плен Самсон,
И жерновами хлеб молоть был обречен,
На радость злобною и Тира и Сидона.
Но дни, недели, месяцы прошли,
И снова волоса густые отросли
И пали на плеча широкие Самсона...

Л. А. Мей

Самсон

Был ослеплен Самсон, был Господом обижен,
Был чадами греха поруган и унижен
И приведен на пир. Там, опустив к земле
Незрячие глаза, он слушал смех и клики,
Но мгла текла перед ним – и в этой жуткой мгле
Пылали грозные архангельские лики.
Они росли, как смерч, – и вдруг разверзлась твердь,
Прорезал тьму глагол: «Восстань, мой раб любимый!»
И просиял слепец красой непостижимой,
Затрепетал, как кедр, и побледнел, как смерть.
О, не пленит его теперь Ваала хохот,
Не обольстит очей пи пурпур, ни виссон! –

И целый мир потряс громовый гул и грохот:
Зане был слеп Самсон.

И. А. Бунин

Орлович

Где-то я прочел, что смысл жизни состоит в выборе, как сиюминутном, так и в каждодневном совершающем. В выборе выражен волевой итог, он обнаруживает скрытые до поры предпочтения. Поступок более всего может сказать о человеке, потому как доподлинно выражает его натуру. Лицемерие отдает фальшью, оно беспомощно скрыть душевную подделку. Лицемеру обычно присуще трусоватое слабоволие. В условиях зоны человека всегда как на ладони,— себя самого от других не спрятать. Что-то изображать, кому-то подыгрывать можно месяц-другой. Но, в конце концов, саморазоблачения не избежать. Не успеешь пройти через двери-запоры лагпункта, как тут же тебя оценят. Со временем это проявится в уважительном признании либо в глухом неприятии.

Когда я всерьез заболел богоискательством, душа требовала конкретных осознательных примеров благочестия. Тогда и встретился мне человек, которого отличала необычная для зоны детски наивная просветленность. Звали его Виктор Константинович Орлович. Видом сухонький, чуток сгорбленный, отчего при разговоре смотрел на собеседника снизу вверх, смиленно и почтительно. Глаза, без всякого на то повода, лучились добротой. Говорил он скромно, но с чувством сердечного умиления ко всему, о чем бы не зашла речь. Работа у Орловича, даже по зэковским меркам, была за-

зорной – он убирал и чистил нужники. Кстати, грязное дело «золотаря» он вызвался выполнять по своей воле и нисколько этим не гнушался. Похоже, эта работа ему была надобна ради смирения, чтобы сердце помягчало.

В общении подкупали его неподдельное участие и ненавязчивая услужливость. Он с охотой мог отсыпать чаю на заварку, чинил чужую обувку, отказываясь от вознаграждения. Замечая в человеке интерес к вере, предлагал почитать что-нибудь из божественного.

В рабочей зоне ему выделили крохотную подсобку для хранения метел, веников, черпаков, емкостей с хлоркой. В своей каморе Виктор Константинович устроил уютное подобие молельни с самодельным распятием, иконками на картоне и голубенькими тетрадями в клеточку, куда он вписывал изречения из святых отцов. Красный угол обрамляли подсохшие дубовые ветки, наломанные в Троицу. После того, как мы с ним духовно сблизились, в обеденный перерыв всякий раз шепотком зазывал меня, как он выражался, «на беседу».

Родом Виктор Константинович был из Белоруссии, их многодетную семью раскулачили, пустили по миру. В немецкую оккупацию пытался обойти беду-войну сторонкой, но она сама его нашла. В партизаны не подался, полицаем стать побрезговал, из-за голодухи и озлобленности стал промышлять разбоем. После войны о том дознались, и за свои лихие дела он получил законом положенный четвертак. В те годы политические уголовники сидели вместе, часто враждуя между собой. Распри подогревались полуголодной кормежкой и пропагандой, именовавшей политзэков врагами народа.

«Ты не представляешь, милый брат, – рассказывал он, – каким злодеем я стал, как душой ожесточился. По

лагерям тогда кормили абы чем, да и то по урезанным нормам. К разбойному делу «отнять и поделить» я еще на воле поднавык. Потому оказался в числе тех, кто с топорами отбирал у бригадников мешки с хлебными пайками, когда те несли их из «раздатки» в барак. Бес-счетно меня в карцер бросали, ребра ломали, а я, ли-ходей, не унимался. От родителя передался мне необ-узданный нрав.

Помню, однажды, не спросясь, что-то с небушка на сердце нашло, защемило горькими думками. Сидел я тогда в карцере с тремя другарями-подельниками. Перед самым отбоем будто прожгло: «Если нынче не остановлюсь, то завтра-послезавтра сдохну, как пес. Сгину без покаяния и надежды на теплое пристанище у Господа Бога».

Сокамерники уже было улеглись, но я поднял их. Сам встал у двери напротив, весь в поту от волнения, и говорю им: «Ребята, досель вы знали меня одним,— таким, как видите. Но на утро вы узрите меня другим... Не удивляйтесь и не взыщите. Опостылело быть зве-рем, к Богу потянуло...»

Ох, Олег, дорогой мой Олежка, столько лет минуло с того поворотного часа. Первые годы я нарадоваться не мог. Встану на молитву перед сном и слов не нахожу, чтобы отблагодарить Господа за дарованную нечаян-ную милость».

ЗВЕЗДА РОЖДЕСТВА

Почти две тысячи лет назад совершилось великое чудодействие: Бог, обитавший во Свете неприступном, из любви к людям родился от Пречистой Девы и стал во всем, кроме греха, подобен нам. «Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Фил. 2:6–8).

Что побудило Сына Божия оставить Славу Неба и прийти на землю, где Ему предстояло пережить немыслимое: скорби и отвержение? Причиной тому – трагедия грехопадения. А как все было до этого? Творец, создавший лучший из миров, наделил человека красотой и совершенством Богоподобия. Замысел был прост и благ. Воспринять благолепие возможно было при условии всецелого доверия к Создателю. Господь надеялся, что люди, сколько бы их не рождалось, из любви и по доброй воле будут послушны Ему. Заметим: не из страха перед авторитетом Бога, а исключительно из чувства благодарной признательности. Именно они могли составить Церковь на безгрешной земле.

Но случилось нечто страшное и, казалось бы, непоправимое. Адам и Ева, осчастливленные Творцом, не

устояли и поверили падшему ангелу, что они станут как Боги и сами будут решать, что есть добро и зло. Таким образом была разорвана жизнетворная связь, которая, подобно пуповине, соединяла их с Источником жизнью вечной. С того момента грех и смерть вошли в человека, а сам он и все живое вокруг стали подвержены неотвратимому действию увядания, старения, болезней, телесного и нравственного распада. Казалось, как далеки мы от тех роковых перемен. И спрашивается, каким образом они затрагивают нас? Ответ многих изумит. Оказывается, со дня Эдемского искушения в каждом из новорожденных присутствуют предрасположения ко злу, унаследованные от прародителей. Трудно вообразить, что зло совместимо с младенческой чистотой и невинностью. Но, к прискорбию, это так!.. Наблюдая за детьми, оценивая собственные поступки, мы обнаруживаем в себе и у наших несмышленышей эту неодолимую наклонность. Беда и незадача в том, что сам по себе человек бессилен преодолеть внутренний греховный крен. Хотя всякий совестливо признает, что поступает плохо, но изо дня в день повторяет то же самое. Как говорит апостол Павел: «Желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу: уже не я делаю то, но живущий во мне грех... Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием; но в членах моих вижу ИНОЙ закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих...» (Рим 7:18–20, 22–23).

Представьте несчастного, увязнувшего в трясине. Стремясь выкарабкаться, он отчаянно баражается, но, не имея точки опоры, беспомощен перед засасываю-

щей его жутью. Надо честно признать, что без помощи свыше нам не устоять в искушениях и не очиститься от нравственной скверны. Отсюда неизбывная потребность каждого человека в Спасителе. Ни от кого другого, только от Него через протянутые руки веры мы получаем благодать. В Евангелии так названа духовная сила, позволяющая противостоять греху и его последствиям. От начала мира Сын Божий готов был из любви и сострадания искупить вину кающегося грешника. Поэтому, непрестанно согрешая, мы во всякое мгновение нуждаемся в Нем. Самостоятельно мы неспособны решить извечную проблему выбора между добром и злом, жизнью и смертью.

Адама и Еву Бог не оставил без надежды снова вернуться в утраченный рай. Обещание, прозвучавшее в Протоевангелии, стало для них вестью веры и ожидания. Оно возвещало, что по истечении времени от Жены родится Избавитель, Который разрушит дела дьявола, поразив его в голову. «И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятую» (Быт. 3:15). Далее, мы читаем в Библии: «И даст Господь Бог Пророка из среды тебя, из братьев твоих воздвигнет тебе Господь Бог твой: Его слушайте» (Втор. 18:15). Весь Ветхий Завет по сути христиоцентричен, то есть проникнут ожиданием Мессии. Ветхозаветные праведники возносили к Нему молитвы, пророчески предвидя день грядущего пришествия.

Перелистывая трепетные страницы Книги Книг, мы видим, как от века к веку образ Мессии обретает все более очевидные черты. За 700 лет до Богооплещения пророк Исаия предсказывает Его рождение от Девы: «Так Сам Господь даст вам знамение: се Дева во чреве

приимет и родит Сына и нарекут имя Ему – Эммануил, что значит «С нами Бог» (Ис. 7:14). «Ибо младенец родился нам, сын дан нам; владычество на раменах Его. И нареку имя Ему: Чудный Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира» (Ис. 9:6).

Во Христе человеку надлежало соединиться с Богом, небу – с землей. Уже тогда была предызбрана та, которую мы величаем Пречистой Девой и Богородицей. Она сделалась «лествицей». Благодаря Ей, Богом избранной Отроковице, Предвечный сошел в земной мир, а человек обрел благословенную возможность обожения.

«Ангел, войдя к Ней, сказал: радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами.

Она же, увидев его, смущилась от слов его и размышляла, что бы это было за приветствие. И сказал Ей Ангел: не бойся, Мария, ибо Ты обрела благодать у Бога; и вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего, и даст Ему Господь Бог престол Давида, отца Его; и будет царствовать над домом Иакова во веки, и Царству Его не будет конца» (Лк. 1:28–33).

Склоняясь к юному Христу,
Его Мария осенила,
Любовь небесная затмила
Ее земную красоту.

А Он, в прозрении глубоком,
Уже вступая с миром в бой,
Глядит вперед – и ясным оком
Голгофу видит пред Собой.

A. K. Толстой

Легенда

Был у Христа-Младенца сад,
И много роз взрастил Он в нем.
Он трижды в день их поливал,
Чтоб сплести венок Себе потом.
Когда же розы расцвели,
Детей еврейских созвал Он;
Они сорвали по цветку,—
И сад весь был опустошен.
«Как Ты сплетешь теперь венок?
В Твоем саду нет больше роз!»
— Вы позабыли, что шипы
Остались Мне,— сказал Христос.
И из шипов они сплели
Венок колючий для Него,
И капли крови вместо роз
Чело украсили Его.

A. H. Плещеев

В 750 году от основания Рима на улицах Иерусалима появился караван чужеземцев. Жители с недоумением взирали на неожиданных гостей, которые расспрашивали, где им найти недавно родившегося Царя Иудейского.

— Мы видели восхождение Его звезды и пришли, чтобы поклониться Ему,— объясняли они. Оказалось, что это были мудрецы-звездочеты. Они по звездам предугнали о рождении ожидаемого по всему Востоку Владыки мира. В Иерусалим их привела диковинная звезда. Позже св. Иоанн Златоуст изъяснил, что звезда, названная Вифлеемской, представляла собой средоточие светозарных ангелов. Они-то и указывали волхвам путь к месту, где обретался Богомладенец.

Жители Иерусалима, не отвечая на вопрошания волхвов, торопились пройти мимо, им было чего бояться... В тот год в Иудее правил надменный и жестокий Ирод. Захватив власть вопреки воли народа, при поддержке римлян, он всячески старался упрочить свое положение. Ради популярности в народе он брался за многое: строил театры и ипподромы, воздвиг святилище в честь римского императора и, не жалея средств, перестраивал и украшал Иерусалимский храм. Одержаный тщеславием, надменный правитель пытался затмить славу царя Соломона, строителя первого храма. Как все узурпаторы, он страдал болезненной мнительностью: ему всюду мерещились измены и заговоры. Мстительная рука царя опускается то на одного, то на другого.

Узнав о посланцах с Востока, Ирод не на шутку забеспокоился. С присущим ему коварством он выведдал, где находится ненавистный Младенец. Поняв, что волхвам открылся его вероломный замысел, он посыпал в Вифлеем отряд воинов, чтобы те умертили детей в возрасте до двух лет. Но козни Ирода оказались тщетными: в Богомладенце Иисусе в мир явился Царь царствующих и Господь господствующих!..

В то время в народах жило ожидание Спасителя. От Китая до Персии из поколения в поколение передавалось поверье, что Он родится в далекой Иудее. Греческий философ Платон писал о Великом Мудреце, который откроет людям вечную истину. Римский поэт Вергилий в 1 веке до Р. Х. в своей знаменитой «Четвертой эклоге» предсказывал появление Властелина мира.

Как все великое, пришествие Господа совершилось в тиши и безвестности, в маленькой Иудее на задворках Римской империи. В той незабвенной ночи суждено было родиться Тому, чье имя, известность и слава

затмят все бывшее до Него и явившееся после. Обла-
давший видимым и невидимым, Он появился на свет
в неприкаянной убогости хлева, куда в непогоду па-
стухи загоняли скот. В ту ночь, озаренную крылья-
ми ангелов, рядом с Богомладенцем была Его Пречи-
стая Матерь и Иосиф Обручник. С того дня и доныне
Она представительствует за род человеческий перед воз-
любленным Сыном и нашим Господом. Незримое для
многих вселенское событие было встречено ликующей
радостью ангелов, воспевших: «Слава в вышних Богу,
и на земле мир, в людях благоволение» (Лк. 2:14).
Ангелы с неба известили о случившемся пастухов, сто-
роживших своих овец недалеко от рождественской пе-
щеры. С доверчивостью простолюдинов они пришли
поклониться Господу всех «труждающихся и обреме-
ненных» (Мф. 11:28).

«Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе, пока-
зал Себя Ангелам, проповедан в народах, принят верою
в мире, вознесся во славе» (1 Тим.3:16).

Рождественская звезда *(в сокращении)*

Стояла зима.
Дул ветер из степи.
И холодно было младенцу в вертепе
На склоне холма.
Его согревало дыханье вола.
Домашние звери
Стояли в пещере.
Над яслями тёплая дымка плыла.
Доху отряхнув от постельной трухи
И зёрнышек проса,
Смотрели с утёса

Спросонья в полночную даль пастухи.
Вдали было поле в снегу и погост,
Ограды, надгробья,
Оглобля в сугробе,
И небо над кладбищем, полное звёзд.
А рядом, неведомая перед тем,
Застенчивей плошки
В оконце сторожки
Мерцала звезда по пути в Вифлеем.
Она пламенела, как стог, в стороне
От неба и Бога,
Как отблеск поджога,
Как хутор в огне и пожар на гумне.
Она возвышалась горящей скирдой
Соломы и сена
Средь целой Вселенной,
Встревоженной этою новой звездой.
Растущее зарево рдело над ней
И значило что-то,
И три звездочки
Спешили на зов небывалых огней.
За ними везли на верблюдах дары.
И ослики в сбруе, один малорослый
Другого, шажками спускались с горы.
... Часть пруда скрывали верхушки ольхи,
Но часть было видно отлично отсюда
Сквозь гнёзда грачей и деревьев верхи.
Как шли вдоль запруды ослы и верблюды,
Могли хорошо разглядеть пастухи.
— Пойдёмте со всеми, поклонимся чуду,—
Сказали они, запахнув кожухи.
... По той же дороге, через эту же местность
Шло несколько ангелов в гуще толпы.

Незримыми делала их бестелесность,
Но шаг оставлял отпечаток стопы.
У камня толпилась орава народу.
Светало. Означились кедров стволы.
– А кто вы такие? – спросила Мария.
– Мы племя пастушье и неба послы,
Пришли вознести вам обоим хвалы.
– Всем вместе нельзя. Подождите у входа.
... Светало. Рассвет, как пылинки золы,
Последние звёзды сметал с небосвода.
И только волхвов из несметного сброда
Впустила Мария в отверстье скалы.
Он спал, весь сияющий, в яслях из дуба,
Как месяца луч в углубленье дупла.
Ему заменяли овчинную шубу
Ослиные губы и ноздри вола.
Стояли в тени, словно в сумраке хлева,
Шептались, едва подбирая слова.
Вдруг кто-то в потёмках, немного налево
От яслей рукой отодвинул волхва,
И тот оглянулся: с порога на Деву,
Как гостья, смотрела звезда Рождества.

Б. Л. Пастернак

Сочельник в дедушкиной избушке

Из детства помню, что мои родители, как то было тогда принято, верой своей явным образом не обнаруживали. Зато дедушка, Павел Федорович, слышал за человека истово верующего. Они с бабушкой жили в лесу недалеко от деревни близ пасеки. Мальчишкой я там дневал и ночевал. Притягивала их доброта и красота природы.

Под Новый год елки они не наряжали. А перед Рождеством неизменно постились. Помню, бабушка шептом на ушко наказала мне, что в сочельник надо поговеть до первой звезды, чтобы радости было больше. Весь тот день я изо всех сил крепился, глотал слюни, но не садился с родителями за стол, решившись дождаться светлой рождественской звезды. Уже смеркалось, когда я припустил по тропке через овраг к домику старичков. Там в уютном тепле светились сразу три лампадки, а на столе меня ожидало медово-сладкое сочivo. Еще загодя я выучил праздничный тропарь и перед трапезой с волнением читал его, радуясь умиленному взгляду бабушки.

За стенами избушки заснеженный лес, высокое звездное небо, корова Лысенка в хлеву, куры на нашемсте – все ожидало Рождения Господа...

Праздник детства

Рождество.

За окном темно-сине.

Красит стекла мороз неспроста...

Мать довольна,

средь снега и стыни

Мы сбираемся славить Христа.

Невеликое в сущности дело,

Но душа от восторга дрожит...

Снег лежит удивительно белый,

Удивительно добрый лежит.

Меж сугробов,

по хрумкой дорожке,

Держим путь спотыкливой гурьбой

В старых валенках,

зябкой одеждке,
С Вифлеемской на древке звездой.

И с клубами морозного ада,
Возвещая Христа Рождество,
Валят в избу советские чада,
Славя светлое имя Его.

С Октября год идет тридцать пятый,
Но от веры народ не отвык,
Пусть мы в школе, как все,— октябрята,
Но с утра — пастухи и волхвы.

Кто-то скажет: «Ну что за нелепость!
Сочинений сегодняшних бред,
Если даже декретом Совдепа
Было сказано: «Господа нет!»

Только все ж не пропало наследство,
Наши матери Веру спасли,
Мы ее из далекого детства
Завещаньем любви пронесли...

... На березах морозные бусы,
Блеск звезды под разливом зари,
Но о чуде младенца Иисуса
Знать не знают земные цари.

Резкий холод слезу вышибает,
На сужденья еще не мастак,
Я бегу и в ладони сжимаю
Божьей Славы серпастый пятак.

В. И. Жильцов

Ночь тиха. По тверди зыбкой
Звёзды южные дрожат;
Очи Матери с улыбкой
В ясли тихие глядят.

Ни ушей, ни взоров лишних.
Вот пропели петухи,
И за ангелами в вышних
Славят Бога пастухи.

Ясли тихо светят взору,
Озарён Марии лик...
Звёздный хор к иному хору
Слухом трепетным приник.

И над Ним горит высоко
Та звезда далёких стран:
С ней несут цари востока
Злато, смирну и ладан.

A. A. Фет

МАТЕРИНСКАЯ ВЕРА ПРЕЧИСТОЙ

В Евангелии мы встречаем имена женщин, на долю которых выпало нежданное счастье видеть Христа и испытать на себе душевозрождающее действие Его любви. Для некоторых общение с Ним было кратким и исчислялось минутами. Другие пребывали рядом часы, дни и месяцы. И только Одна из всех, когда-либо явившихся на свет, провела рядом с Господом и своим единственным Сыном более тридцати лет беспокойной и святой жизни.

В свое время Ее родители, Иаким и Анна, не имея детей, горячо молились и дали Богу обет, что родившегося ребенка посвятят Ему на служение. Когда отроковище Марии исполнилось 4 года, они привели Ее в древний Иерусалимский храм. Под его сводами, незримо для людей, Она долгие годы готовилась к таинству Бого воплощения. Живя при храме, Дева Мария видела скорбь покаяния на склоненных лицах молящихся. Когда священник благоговейно разворачивал кожаные свитки Писания и читал пророчества о грядущем Избавителе, свет надежды скользил по их смуглым лицам. В ту минуту Ей так хотелось, чтобы Он пришел скорее, завтра, теперь...

Время проходило для Нее в чтении Торы, богослужениях и всевозможных послушаниях. Вечерами,

становясь на молитву, Она плакала об умирающих, больных, бесприютных, о тех, кто ожидал иной жизни – безгрешной, духовно исполненной. Все чаще Мария слышала, что скоро, вот-вот, должен прийти долгожданный Спаситель. В храме читали пророчества о чудесном рождении Сына Божьего от Девы. В душевной простоте Она и помыслить не могла, что именно Ее Бог избрал для этого еще в начале времен. Мы можем лишь догадываться о радостном потрясении, которое пережило Ее юное сердце при явлении осиянного Архангела... Он возвестил Ей: «... радуйся, Благодатная! Господь с Тобою; благословенна Ты между женами... И вот, зачнешь во чреве, и родишь Сына, и наречешь Ему имя: Иисус. Он будет велик и наречется Сыном Всевышнего...» (Лк. 1:28, 31–32) Со смирением приняла Она небесное благовестие. И как ни удивительно было это известие, сердце Ее всецело доверилось Богу.

Благовещенье

Ты была единственная от нас,
Днем Твоей мечтой владела пряжа,
Но к Тебе, святой, в вечерний час
Приступила ангельская стража.

О царица всех мирских цариц,
Дева, предреченная пророком.
Гавриил, войдя, склонился ниц
Пред Тобой в смирении глубоком.

Внемля непостижное уму,
Ты покорно опустила очи.
Буди Мне по слову твоему,

Свят! Свят! Свят!
твой голос, о пророче.

В. Я. Брюсов

О вере Пречистой так сказано в Евангелии: «Блаженна уверовавшая, потому что совершится сказанное Ей от Господа» (Лк. 1, 45).

Все, во что Она раньше по-детски верила, чего ожидала,— начинало сбываться. По Небесному Промыслу Ее юное тело сделалось причастным к таинству Бого воплощения.

К тому времени Мария была обручена с престарелым вдовцом Иосифом. По иудейским обычаям могли быть обручены очень юные девушки, почти девочки. Поэтому некоторые из них какое-то время после помолвки оставались в доме своих родителей. В Назарете многие знали невинность Ее отношений с Иосифом. Когда беременность Марии стала заметна, поползли слухи и сплетни. Она предвидела это со дня Благовещения, когда Предвечный Бог открылся Ей в Своей удивительной доступности для всякого из смертных. Но Ее вера в сострадающего и человечного Бога была превыше кривотолков и страхов. В предродовые сроки Она не побоялась отправиться в дальнюю дорогу до Вифлеема, ибо чувствовала, что носимое Ею под сердцем оберегается самим Небом. Потом, в Вифлеемской пещере, ослабевшая и счастливая, Она бережно пеленала теплое тельце богомладенца. Те же трепетные материнские руки в тревоге прижимали Его к груди, когда среди кромешной ночи, торопя и понуждая ослика, Иосиф пытался укрыться с ними в Египте от коварного царя Ирода.

Мог ли кто из жителей Назарета, глядя на подрастающего сына Марии предвидеть, что в этом задумчивом

подростке проступают мессианские черты ожидаемого всеми Спасителя мира? А Святая Матерь Его верила и хранила в сердце некогда слышанные слова ангелов и прозорливцев. Именно Ей мы обязаны драгоценными евангельскими сведениями о рождении и детстве Иисуса.

Возмужав, Сын Ее оставил дом. На свадебном пире в Канне Галилейской, глотая слезы Мария поняла, что, может быть, в последний раз ощущает рядом Его родное плечо. После, следя за Иисусом издали, будет жить обрывочными слухами. Никогда не посмеет Она отвлечь Сына от служения, в то время, возможно, понятного только Ей одной. И лишь на Голгофе, когда многие отступятся от Учителя и Господа, Пречистая будет ближе всех к своему истерзанному Сыну. Вид Его обвисшего на кресте тела, померкших глаз и обессиленно шепчущих губ кинжалной болью пройдет через материнское сердце.

Когда ранним утром первого дня недели заплаканные подруги позовут Ее пойти ко гробу, чтобы приготовить тело к погребению, Она останется дома. Иисус умер на Ее глазах, но Родившая Его не могла и не хотела верить этой смерти. Разум Ее принимал, что жизнь, которую Она дала Ему как Сыну Человеческому, была беззащитна перед жalom смерти. Но жизнь Сына Божьего, из любви к миру принявшего крестные муки,— эта жизнь способна была победить смерть. И воистину она восторжествовала над адом и смертью!

Немного сказано о Пресвятой Деве в Евангелии. Но если бы не было сказано ни слова, человечество всегда хранило бы благодарную память о Той, Которой суждено было стать сокровенным сосудом явления в мир Сына Человеческого.

Stabat mater

Горько плача и рыдая,
Предстояла в сокрушенье
 Матерь Сыну на кресте,
Душу, полную любови,
Сожаленья, состраданья,
 Растерзал ей острый меч.
Как печально, как прискорбно
Ты смотрела, Пресвятая
 Богоматерь, на Христа!
Как молилась, как рыдала,
Как терзалась, видя муки
 Сына – Бога твоего!
Кто из нас не взрыдает,
Зря святую Матерь бога
 В сокрушении таком?
Кто души в слезах не выльет,
Видя, как над Богом-сыном
 Безотрадно плачет мать;
Видя, как за нас Спаситель
Отдает себя на муку,
 На позор, на казнь, на смерть;
Видя, как в тоске последней
Он, хладея, умирая,
 Дух свой богу предает?
О святая! Мать любови!
Влей мне в душу силу скорби,
 Чтоб с тобой я плакать мог!
Дай, чтоб я горел любовью –
Весь проникнут верой сладкой –
 К искупившему меня;
Дай, чтоб в сердце смерть Христову,
И позор Его, и муки

Неизменно я носил;
Чтоб, во дни земной печали,
Под крестом моим утешен
Был любовью ко Христу;
Чтоб кончину мирно встретил,
Чтоб душе моей Спаситель
Славу рая отворил!

B. A. Жуковский

Сколько самоотвержения и материнского участия было явлено Ею за тридцать лет под одним кровом с Сыном! Неотступно следя за ним, Мать готова была во всякую минуту стать рядом, прикрыть Своим телом, как тогда, в тревожную ночь бегства в Египет.

На Голгофе у подножия креста, предсказанное старцем Симеоном, оружие страдания прошло через Ее стенающую душу.

Распятие

*«Не рыдай Мене, Мати
во гробе зрящи».*

1

Хор ангелов великий час восславил,
И небеса расплывались в огне.
Отцу сказал: «Почто Меня оставил!»
А Матери: «О, не рыдай Мене...»

2

Магдалина билась и рыдала,
Ученик любимый каменел,
А туда, где молча Мать стояла,
Так никто взглянуть и не посмел.

A. A. Ахматова

Она была первой из уверовавших в Него и потому ликующая весть о Воскресении перевернула и зажгла радостью Ее сердце.

... О Всесвятая, Благословенная,
Лествица чудная, к небу ведущая!
С Неба ко мне приклони Свои очи!
Воду живую, в вечность текущую,
Ты нам дала, голубица смиренная,
Ты солнце правды во мрак нашей ночи
Вновь возвела, Мать, Невеста и Дочерь,
Дева Всеславная,
Миродержавная
И тайнница Божьих советов!
Проведи Ты меня сквозь земные туманы
В горние страны,
В отчизну светов!

B. C. Соловьев

Бедная моя мамочка

Она родилась на Вологодчине в д. Колесово Чарозерского района, близ Кирилло-Белозерского монастыря. Закончив сельхозтехникум, как молодой агрономом была направлена в наши края, где судьба свела ее с моим отцом, Михаилом Павловичем Сениным. Светловолосая северянка Саша Павлухова родила ему троих детей, из которых я был старшим.

Помню ее домовитой, чистоплотной, неутомимой труженицей: вставала спозаранку, а ложилась всегда последней. За день ни разу не отдыхала, несмотря на

уговоры и попреки отца. Мама отличалась редкой памятью, которую, как и неутомимое трудолюбие, я у нее наследовал. Свою любовь к книгам она передала и нам, детям. Благодаря ей я с детства сделался страстным книжочием. По деревенским меркам мы имели достаточно большую библиотеку. В те годы чуть ли не каждый вечер мы с ней слушали по радио передачи «Театр у микрофона». Учеба всем нам давалась легко. Когда мы с сестрой одновременно поступили в институт, она – в педагогический, я – в юридический, для родителей это был праздник.

Мой арест стал для них страшным потрясением, поломавшим уклад их жизни. Отца, как члена партии, отстранили от должности директора совхоза. До пенсии им оставалось по 15 с лишним лет. Денежки, отложенные на сберкнижку, почти до копейки ушли на поездки в Саратов, адвоката, на тюремные передачи и многое другое. Мама признавалась, что в ту пору им постоянно приходилось занимать у соседей. На руководящих постах отец уже не мог работать. Надо было на что-то жить и зарабатывать пенсию. Они с мамой устроились в МТМ (Машинно-тракторную мастерскую), он – сторожем, а она уборщицей. После «отсидки» отец рассказывал мне: «Знаешь, сынок, тебе там явно не сладко было, но и мы с матерью здесь насторпелись. Когда в конце августа я начал сторожить, в первые ночи приходилось кемарить на ворохе соломы. Хотя я и полушибок с собой прихватывал, а все равно зябко, особенно под утро. Проснешься, а рядом, в десяти шагах, остов грузовой машины, в которой месяц назад сгорел дядя Ваня Спириев, наш сосед. Жутковато делалось, и такая обида за себя возьмет, что слезы накипают...»

В январе 1970 года в Саратове должен был начаться суд. Я надеялся, что на протяжении процесса каждый день буду видеть моих несчастных стариков. Но судья-изувер запретил родителям присутствовать в зале заседаний, пока они не будут допрошены в качестве свидетелей. А допросил он их, как, впрочем, и Риту с сестрой Галей, в самый последний день. Все десять дней пока длилось судебное разбирательство, они, бедные, томились в коридорах облсуда, не имея возможности видеть меня.

Каждое утро нас доставляли «воронком» во двор Саратовского облсуда. На воротах неизменно дежурил приставленный милиционер. Когда открывались две-ри «автозака», мы поочередно спрыгивали на землю. Справа и слева каждого из нас сопровождали конвоиры. Раздавалась команда: «Руки за спину! Не оглядываться! Вперед пошел!» Обвиняемых заводили в специальную камеру, находившуюся под залом заседания. Оттуда мы поднимались по лестнице прямо к скамье подсудимых. Там нас рассаживали на расстоянии полутора метров друг от друга, переговариваться между собой строго запрещалось.

В одно такое утро я спрыгнул из «воронка» и, не дожидаясь команды, привычно заложил руки назад. Но у конвоиров произошло некоторое замешательство. Какие-то мгновения я продолжал стоять, думая о своем. Неожиданно показалось, что мамин голос окликает меня: «Алька, сынок!» Только она с самого детства звала меня так. Повернул голову, и на удивление в трех метрах от себя увидел ее, мою бедную маму... Она стояла одна ввязанной душегрейке, с непокрытой головой, и, сжав пальцы рук на груди, не отрываясь, смотрела на меня. Ее похудевшее лицо, испуг и сострадание в любящих глазах мне не

забыть вовек!.. Не успев сказать ни единого слова, я повиновался команде: «Вперед, пошел!» Всего несколько мгновений я мог видеть ее, мамочку мою милую...

Пятнадцать лет, как ее не стало... Но в душе, как некий иконный образок, храним ее страдальчески-горестный вид. По сей день он вызывает во мне слезное содрогание от чувства вины и жалости к ней.

Маме моей посвящается...

*... Не видел того глаз, не слышало ухо,
и не приходило то на сердце человеку,
что подготовил Бог любящим Его*

Первое послание св. Ап. Павла
к Коринфянам, глава 2, стих 9

Не печалься, милый человече,
О напастях, горестях, о доле.
Голубое небо боли лечит,
Травы прорастают Божьей волей.

Видит глаз свечение созвездий,
Слышит ухо плеск ночного моря,
Но никто не ведает на свете,
Что Господь для верных подготовил.

Там Христа не поведут к ответу,
На пророков рук там не наложат.
Словно вечер ласкового лета,
Тих приют божественных подножий.

И только псалмов млечное струенье,
Только даль немеркнувшего света,

Да хвалы познавших воскресенье,
Да любовь Создателя Завета!

O. M. Сенин

Письма от мамы в зону

Из письма от 13 марта 1973 г.

Дорогой сынок, здравствуй!

11 марта в воскресенье ездила в Рязань к Аленушке, нашей внучке-сиротке. Дорога тебе известна, почти 200 км с двумя пересадками. Набрала для нее гостинцев, сколько могла донести. Медок в сотах, моченые яблоки, вишневое варенье – она любит им побаловаться. Перед поездкой получили письмо от прабабки Елены Ивановны. Написала, что у Алены температура, течет из ушек.

Я на телефон, спрашиваю Юлю: «Какие у вас дела?» Юля сказала, что все хорошо, Алена чувствует себя сносно, повеселела, ушки, кашель не беспокоят, проходят. И я решила поехать. Начну все, как было...

Приехала в Приокский в 11 утра, Алена только-только проснулась. От радости растерялась, глазенки удивленные. Потом кинулась ко мне, целует, а сама лопочет: «Бабушка, любименькая! Я долго-долго ждала тебя. Я без тебя скучала. Ты почему тогда сказала, что сходишь в магазин и скоро придешь, а сама не вернулась?» При этом плачет, слезки, как бусинки, катятся по щекам. От этих ее слов и слезок я тоже чуть не расплакалась – нехорошо обманывать детей.

И вот еще ее слова: «Бабуся, я очень хочу в вашу деревню, в деревню-матушку». Возвратившись, рассказала деду про «деревню-матушку», он долго смеялся.

Когда накрыли стол, она как гостеприимная хозяйка угождала меня кушаньями. Потом все просила: «Бабушка, оставайся ночевать... И забери меня, пожалуйста, в деревню. Я, правда, уже поправилась...» Пообещала, что приеду в апреле на день рождения и тогда уж заберу ее. Она, глупышка, немного успокоилась. Но то и дело спрашивала: «Через сколько деньков я за ней приеду».

Мы с дедом решили, если удастся забрать ее – в Рязань больше не отдадим. У нас ей куда лучше...

Из письма от 06 июня 1973 г.

Здравствуй, дорогой Олег!

Вот опять мы с папой остались вдвоем. Галя с малышкой Динулей вчера уехали к сватам в Ерактур. Сделалось как-то пусто в доме и на душе. Пока они у нас жили-были, мои горькие думы о тебе отходили, развеивались.

Получили письмо от Риты. В 20-х числах, вероятно, все вместе приедем к тебе в Озерное на личное свидание. Хорошо бы, если получится на трое суток, как в прошлый раз. Плохо то, что в это время ничего не будет из фруктов и овощей, а для тебя это значимо. Думаю, и в Москве ничего не купишь. Если Галя вернется к этому времени в Кишинев, попрошу ее оттуда прислать посылкой.

Погода летняя, теплая, дождики нас не обходят. Все вокруг зелено, листва и трава свежие, – одно загляденье! Ты сынок, помню, любил эту пору. Скоро 4 года, как там взаперти, ничего этого не видишь...

Писала в Рязань, сообщила бабке Елене Ивановне, что числа 10-го приеду, чтобы забрать Алену. Очень мы

с дедом соскучились по нашей лопотушке. Олег, что тебе привезти на свидание? В прошлый раз ты просил конверты, писчую бумагу и блокноты.

Много чего хочется, сынок, сказать тебе. Теперь уже скоро приедем и обо всем поговорим. Для Аленки поездки к тебе – всегда радость...

Из письма от 21 июня 1973 г.

Здравствуй, дорогой сыночка!

Ну вот мы, как говорят, опять «в своей Радее». Так не хотелось уезжать, оставлять тебя одного за колючей проволокой. Если бы то было можно – ухватила бы тебя, как маленького ребенка, и вернула домой.

Олег, напишу об обратной дороге:

Отъехали с Озерного примерно в 9.40. Никак не могла успокоиться, все тебя представляла, остриженного, похудевшего. Алена спрашивает: «Бабушка, почему ты все плачешь и плачешь?» Я ей отвечаю: «Головка заболела, и потому слезки текут». «Нет, бабушка, тебе папочку моего жаль». Перед Явасом и она стала потихоньку всхлипывать: видно и ей передалась моя тоска.

На станции сели на поезд до Зубова, а оттуда добирались на попутках. В Шацке были в 18.00. На свой автобус опоздали, ждали до девяти вечера Моршанский и в десять вечера, слава Богу, добрались до дома. Аленочка, девочка наша, так намучилась, что заснула, раздеваясь,. Отец обрадовался нам с внучкой. Признался, что на него тоже напала тоска, места себе не находил.

Олег, как обидно... Мы уехали в воскресенье, а в понедельник пришла посылка от Гали. В Москве перед

поездом в Кишинев успела купить тебе апельсины, банку кофе, консервы хорошие и отослала в надежде, что все это мы передадим тебе в зону. Такая вот заботливая у тебя сестра!..

Дома все по-прежнему, дел хоть отбавляй. На неделе буду ходить пропалывать участок свеклы, ты знаешь: каждый год правление совхоза всех трудоспособных выгоняет на прополку. Приходишь к вечеру такая усталая, что рук и ног не чувствуешь. А тут и свою картошку пора очищивать. 30 соток и все вручную, мотыжкой...

Из письма от 15 сентября 1973 г.

Олег, сынок, здравствуй!

Сегодня пишем тебе втроем – Алена с дедом сидят напротив, пьют чай с сотовым медом. У нас все по-прежнему, здоровье так себе. Готовимся к зиме. Сейчас вижу – за окном пошел снежок, в эту осень первый. Как не хочется холода, Алена, будто в утешение, только что разводила «философию», что зима ей больше нравится. Спрашиваю: «Отчего же?» «Оттого, бабушка, что в саду бело, на дубах красивый иней». И послушай, сынок, о чем она еще фантазировала: «Зимой, может быть, папочку отпустят в отпуск, и мы с ним будем кататься с горки на лыжах».

Скоро гостей будет полон дом: через неделю приедет мама Рита, обещался Коля Репин, а там и Михаил – студент из Тамбова. Только вот, когда я тебя буду встречать, сыночек мой?.. Все мы надеемся на возможное помилование. Ну а уж если Господь не пожалеет нас,

остается терпеть и ждать. Главное, не ослабеть здоровьем, чтобы дожить до счастливого дня.

Ездила с картошкой в Москву, продала 14 мешков по 16 коп. кило. Купить ничего не купила, кроме как своим девочкам Алене и Дине по платью, колготки и Мише рубашку. Чувствовала себя неважно, сердечко что-то барахлило.

Алена с дедом хозяйничали дома. По возвращении – рассказов была уйма. О теремке, который они с дедом устраивали из одеял. В мое отсутствие ездили на лошадке в лес, выбирали место, где летом дед соорудит ей настоящий теремок.

Доча твоя, каждое утро как умоется, идет вытираясь к зеркалу, смотрится в него и говорит: «Правда, бабушка, что я похожа на своего милого папочки?» Все ждет, поджидает тебя домой, «в отпуск» ...

Заступница усердная

В Мордовском Дубравлаге произошло мое обращение от марксизма к вере. Примеров таких идеино-духовных метаморфоз там было не мало. Большинство зэков, разных политических взглядов, моих ровесников из русских, со временем становились исповедниками православия.

В начале мая 1970 года после оглашения приговора я был доставлен в зону строгого режима, что в поселке Озерное. Помню, на другой день ко мне подошел Юрий Тимофеевич Машков, жилистый, лобастый, с окладистой бородой. Первый свой срок он получил еще студентом юрфака МГУ. Отбывая наказание, уверовал, сделался истово православным. Выйдя на волю, проя-

вил религиозную активность, недопустимую в условиях воинствующего атеизма. Как и следовало ожидать, последовали притеснения со стороны властей. Вместе с братом и беременной женой Машков пытался перейти советско-финскую границу. Всех троих схватили, и, в итоге, он получает 10 лет срока. Его молодая жена разродилась в «крестах», так назывался питерский следственный изолятор КГБ. Оттуда она последовала за мужем в Дубравлаг на женскую зону.

Прогуливаясь с ним вдоль «запретки», разговорились и скоро заспорили. Оно было вполне ожидаемо: он верующий, а я марксист. В ответ на мои петушиные насеки Юрий Тимофеевич с горечью проронил: «Представь, Олег, что к концу срока ты не только уверуешь, но и вознамеришься стать священником». Слова его оказались пророческими!..

Три года спустя после того разговора мы с Женей Бабинцевым, ныне митрофорным протоиереем, говорились, что по выходу на волю попытаемся толкнуться в семинарию. С подпорченной биографией и клеймом неблагонадежности сделать это было непросто. Оставалось надеяться единственно на милость Божью. Друг мой освободился намного раньше. Года через полтора порадовал неожиданным известием о поступлении в питерскую семинарию.

После помиловки я оказался в Караганде, где с ревностью неофита стал посещать церковь Михайловки. Основал ее в начале 50-х годов оптинский иеромонах Севастьян по освобождении своем из «Каранганда-лага». Ныне старец причислен к лику местночтимых святых. Деревянная, невысокая, с избыными окнами церковка была увенчана скромным куполом-луковицей с простым, обитым жестью крестом. В ней мы с Кате-

риной венчались и крестили нашего первенца Никона, нареченного по имени игумена Радонежского.

В ближайший свой отпуск, осенью, перемахнул самолетом из Караганды в Питер. Поразился каменному убранству города на Ниве, имперскому обличию дворцов и каналов. Наши разговоры с Женей, долгие и доверительные, поприбавили надежд на поступление, но «заковыки» в биографии могли стать непреодолимым препятствием. Исходя из личного опыта, он мне посоветовал: «О судимости они все равно узнают, но если при этом сочтут нужным принять тебя, им легче будет это сделать при «чистых» бумагах... Правда, есть еще один ход: попробуй пристроиться в какую-нибудь из дальних епархий. Если удастся, примешь сан, и тогда сможешь поступить на заочное отделение».

Следуя его совету, дважды пытался приткнуться в алма-атинской и тамбовской епархиях, но всякий раз безуспешно. Оставалось попытать счастье в Питере.

При написании биографии старался быть предельно правдивым. Дело облегчало то, что в трудовой книжке с 1969 по 1974 гг. значился пятилетний разрыв. Случилось так, что в день ареста утром я был предусмотрительно уволен из прокуратуры с формулировкой «по сокращению штатов». В биографии я добросовестно написал, что работал в этот период по трудовому договору на стройках Мордовии.

Несмотря на основательную подготовку и выявленные на экзаменах знания, меня таки не приняли... На этот случай у нас имелся запасной вариант. Знакомый ему архимандрит недавно был назначен епископом в одну из дальних епархий, где крайне не хватало священников. При посредничестве друга-семинариста мы списались с Владыкой, который благословил мой при-

езд к нему. И в этот раз, пытаясь замести следы, я пользовался подставным адресом и всячески скрывал свои намерения. Но, как выяснилось, проку от такой конспирации было мало. Сейчас, 35 лет спустя, по этим «малостям» можно представить, как непросто жилось на воле нашему «брату-отсиденту».

У Владыки провел четыре месяца с Успения до Нового года. В день по приезду, на праздничной Всенощной, стоя в алтаре, горячо молил Пречистую о помощи в дерзновенном желании стать служителем Церкви Христовой. Годы спустя неведомое тогда будущее открыло очевидное водительство Божие в моих долгих путях-дорогах. Не все из того, к чему я тянулся, сбылось. «Человек предполагает, а Бог располагает». Много раз движимый горячностью и нетерпением, удостоверялся, что Господь приуготовлял для меня то необходимое, что названо в Евангелие единственным на потребу.

Вверенная Владыке Епархия состояла из трех областей. Как иподьякону и келейнику мне приходилось сопровождать его при посещении приходов, разбросанных по обширным пространствам русского севера. Одна из поездок запомнилась особенно.

Начало декабря, снегу нападало вдосталь, но морозец мягкий, несмелый. На Введение Пресвятой Богородицы едем с Владыкой в Чичагово на престольный праздник. Из иподьяконов, мы с Афанасием Ивановичем. Ему давно за 70, но он не по-стариковски проворен и ревностно серьезен. Регент Фаина Павловна манерами и разговором сразу выдает в себе преподавателя музыки и пения. С ней сестры-близнецы, Аглай с Натальей- сопрано и альт. В их лицах видна скромность и женственная готовность всему умиляться.

В начале, часа три едем неспешным, пассажирским поездом. Владыка с протодьяконом Владимиром в купе рядом, у них там тихо. Мы, сидя кучно, о чём-то вполголоса говорим, время от времени сбиваясь на смех. Афанасий Иванович цыкает на нас и, указывая пальцем через плечо, выговаривает: «Владыка, небось, отдыхает, а вы, пустомели, все гумонитесь».

На платформе небольшого поселка нас встречает отец Василий, настоятель из Чичагово. Худенький, сутуловатый, седой как лунь. Видно, как он нам рад. Улыбаясь, каждому кланяется, то и дело повторяя: «Неизреченная благодарность за милостивое посещение..» До храма неблизкий край, еще ехать да ехать. Духовенство размещается в «козле», остальные едут на «пазике». Водитель предупреждающе поясняет: «По нашим колдобинам никакой другой транспорт не пройдет. Держитесь покрепче и много не болтайте, не то на кочках языки поприкусываете». Минут через десять въезжаем в лес, да такой, что глаз не оторвать! Заснеженные елки, стройные как невесты, а у корабельных сосен из автобуса и верхушек не видать – такие они высоченные... Смотришь по сторонам, дивуешься и тряски не замечаешь.

Деревня Чичагово вытянулась по пологому скату лесистого холма. Наверху Введенский храм, с погостом и домиком настоятеля. Оттуда, насколько глаза хватает, всхолмленные лесные дали, пойма реки и низкое северное небо. Розовая закатная полоса контрастно разделяет мир дольний и горний.

В натопленной горнице хлопотунья-матушка потчует нас чаем: «Отведайте, дорогие, вареньица из клюквки, черничное тут же, а морошку сам отец Никанор сбирал». Владыка то и дело обращается к радушным

хозяевам. Они ответствуют с готовностью, учтиво, но немногословно. До всенощной еще два с лишним часа. Владыка с протодьяконом остаются допивать чай, а остальные под началом отца Василия отправляются в церковь готовиться к службе.

Снег вдоль расчищенной дорожки до самой паперти лежит ровными продольными валами. Кресты на погосте несколько необычные, северные, с дощатым надкрышьем от верха до концов средней перекладины. Убеленные снегом, они напоминают о русской старине. Отец Василий на ходу поясняет, что в епархии Введенская церковь одна из самых древних. Как об особом ее достоинстве он сообщает, что электричество в нее по сю пору не проведено, потому молятся по старинке, при свечах и лампадах. Батюшка видит в этом особую благодать.

И впрямь, внутри покойно, благоувертливо: оклады икон обрамляют расшитые полотенца, а полы застелены домоткаными мягонькими дорожками. Обходим храм, благоговейно прикладываясь к иконам. Отец Василий останавливается у одной из них, что рядом с амвоном. И многозначительным жестом приглашает нас подойти: «Взгляните, миленькие, на святыньку нашу! У образа этого своя история, многострадальная. Сюда он перенесен был еще в войну из дома тогдашнего настоятеля о. Никанора. Мы как раз только что там трапезовали. Дом батюшка по нужде построил, потому как Матерь Божья их с матушкой пятерыми дочками благословила. Матушка тогда шестой была брюхата, девочку по рождению Полиной нарекли. Дите это изо всех особенного, воистину богоданное.

В год передвойной, великим постом за отцом Никанором приехали на «воронке» четверо... В кожаных

тужурках, с наганами и ордером на арест. Он в тот час в алтаре находился, к пассии готовился, народец приходской поджидал. Те, что в тужурках и с наганами, больно торопились, чтоб не при людях его забирать. Матушка Зоя тут же, в храме, лампадки возжигала. А те, картузов не снимая, прямо в алтарь. Настоятель заслыпал топот от сапог, выглянул из дьяконской двери и все сразу понял. Сам вышел им навстречу, чтобы те, окаянные, святой алтарь не осквернили.

Окружили они его, как в Гефсиманском саду стражи Христа-страдальца, и повели на допросы-поругания.

Матушке и говорить ничего не надо было, она опровергнула бросилась в избу, сдернула с вешалки полуушубок с шапкой и в «сидор» затолкала. Туда же теплую одежду для батюшки и каравай хлеба. Возвернулась наружу, а они уже собирались его в «воронок» заталкивать — дверцу открыли. Она первым делом «сидор» внутрь забросила, а сама батюшке на шею, плачет, заливается. На крик люди стали собираться, а она все причитает, стражей умоляет: «Пощадите неповинного, не оставьте деток сиротами, шестого ноне под сердцем ношу...» Один из них чернявый, злой, нос крючком, наган выхватил и ткнул ей дулом прямо в низ живота: «Отстань тебе говорю, крольчиха плодовитая». Та охнула и медленно так, с бережением на снежок опустилась. Прихожанки наши ее два месяца отхаживали, а когда малость оправилась, бабка-повитуха ее осмотрела и пригорюнилась: «Ребеночек-то, вроде цел, да вот грыжа растет. Не даст она тебе добром разродиться...»

Не зря говорят: пришла беда — открывай ворота. Они с батюшкой коровенку держали, на ее молочке детки росли, поднимались. Вскоре, как отца Никанора увезли, пришли из правления колхоза начальники жестокосер-

дые и свели кормилицу со двора. Что оставалось бедной попадье?.. Смиряться да уповать. Стала она с того дня по вечерам ходить к Богородиценой ели. Небось, слышали: за источником под горой с незапамятных времен ель стояла, высока, красива собой. Народная молва гласила, что на этом месте царица небесная являлась в утешенье пастуху, у которого в моровой год разом померли супруга и ребятишки с нею. Народ наш всегда святыне поклонялся, соблюдал ее своим вниманием: на древо образок с лампадкой повесили, приходя, молились Заступнице Усердной. А как пришла безбожная власть, ель эту спилили по приказу, нарочно. Стали намоленными полешками школу топить, а она в ту же зиму и сгорела. Матушка Зоя хоть и на сносях, тяжелая была, но каждый день ходила на то место, ни разу не пропускала. Образок всегда при ней, она его на пенечек возложит и поклон творит. Ей было о чем к Заступнице взвывать: от батюшки никаких вестей, детки полуголодные, невесть что и саму ее ждет с нерожденным чадом во чреве.

В неделю Жен-Мироносиц уложила она четверых, что поменьше, а старшей Настеньке велела посидеть, ее дождаться. И, как повелось, с образом Пречистой неторопко к пенечку направилась. Настенька сказывала, что матушка всякий раз по пути у источника из ладошки водицы пила, молясь за батюшку, в узах пребывающего, и за всех домочадцев. В тот вечер дочка ее ждет-поджидает, уже беспокоиться стала, что родительница припозднилась, вдруг слышит в дверь постучали, открывает, а на пороге просфорница Фекла, пришла спичек попросить, свои кончились. И тут через открытую дверь обе услышали крик оттуда, из-под горы. Побежали, а уже совсем стемнело, слава Богу, что

тропка натоптана... И видят: у пня на травушке матушки Зоя в предродовых схватках мучается. Фекла тут же за дело, а отроковицу обратно отослала за тем, что для родов надобно.

Видно вымолила роженица Поленьку, кровинку свою, родилась она жива-здоровенька... А мамочка ее, той радостью утешенная, у святого пенечка Господу душу предала.

Феклуша поведала: как только младенчик заявил о себе плачем, услышали они с Настей, будто поблизости корова мычит. Пригляделись, и впрямь стоит буренушка, невесть откуда взялась. Поначалу подумали приблудная, но хозяева так и не объявились. Настена потом с ней умеючи управлялась, доила, на лужке пасла.

Матушку Зою близ алтаря склонили, а образок с Заступницей – вот он, перед вами, всех приходящих привечает.

Через время, когда в военную годину Господь вождя вразумил, стали священников из тюрем выпускать, на радость деткам и людям вернулся и отец Никанор, при нем и храм открыли. Правда, он недолго пожил, видно крепко его примучали, все здоровье на рудниках в Воркуте оставил. Могилки их, как вы видели, рядышком. Поленька замуж вышла за семинариста, матушкой стала. У них с батюшкой доченька родилась, Зоенькой нарекли. Далече живут, правда, за Уралом, но каждый год приезжают на денек-другой. Поленька, случается, по часу от образа не отходит, плачет, Заступницу благодарит, лицом просветляется...»

Во время рассказа отца Василия я слышал за спиной всхлипы Аглай с Натальей и приглушенное покашливание Афанасия Ивановича.

Всенощная прошла по-монастырски благостно. Ког-да запели «Свете тихий...», слушая чистое голосовое стружение, представил две могилки рядом с алтарной апсидой, припорошенные снежком надгробные кресты над ними, поставленные близко один к другому. Батюшка с матушкой были дороги друг другу при жизни, теперь покоятся рядом в сырой земле, а души их единорадуются и молятся за всех нас на небе.

«Пресвятая Богородица! Помогай нам!...»

ГОРЬКИЕ ИТОГИ ПРОТИВЛЕНИЯ

Когда приходится выбирать, мы озадачиваемся вопросом: «Какое из решений будет правильным?» В таких случаях люди верующие говорят: «Если бы знать волю Божью, чтобы не ошибиться...» Но, зная, чего ждет от нас Господь, предпочитаем держаться пословицы: «Своя рубашка ближе к телу». Для них, как предупреждение, звучат слова апостола Павла: «Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, чтобы вам познать, что (есть) воля Божия, благая, угодная и совершенная» (Рим.12:3).

И все же для многих это – вопрос из вопросов: «Как узнать, в чем состоит воля Божия?» Надо помнить, что Господь, пытаясь приоткрыть Свой замысел, часто обнаруживает Себя в конкретных событиях и ситуациях. Его неизбывное желание – чтобы все познали истину и пришли к спасению. (1 Тим. 2:4). Важно в мешанине событий усмотреть промысел Божий. Именно об этом мы просим в молитве «Отче наш»: «Да будет воля Твоя и на земле, как на небе» (Мф. 6:10). Они звучат как просьба, пожелание, настояние. В зависимости от отклика, воля Божья проявляется двояко: как благословение или проклятие. Истинность утверждения можно проследить на примере евангельских событий, сопро-

вождавших Рождество Иисуса Христа. В тех эпохальных событиях выразилась любовь Бога ко всем, без исключения, людям. Но их отношение к чуду богооплещения было далеко не однозначным.

Из Евангелия мы узнаем: «Когда же Иисус родился в Вифлееме Иудейском во дни царя Ирода, пришли в Иерусалим волхвы с востока, и говорят: «Где родившийся Царь Иудейский? ибо мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться Ему. Услышав это, Ирод царь встревожился, и весь Иерусалим с ним. И, собрав всех первосвященников и книжников народных, спрашивал у них: где должно родиться Христу? Они же сказали ему: в Вифлееме Иудейском...

Тогда Ирод, тайно призвав волхвов, вывелдал от них время появления звезды. И, послав их в Вифлеем, сказал: пойдите, тщательно разведайте о младенце, и, когда найдете, известите меня, чтобы и мне пойти поклониться Ему. Они, выслушавши царя, пошли: и се звезда, которую видели они на востоке, шла перед ними, как наконец пришла и остановилась над местом, где был Младенец. Увидев же звезду, они возрадовались радостью весьма великою. И, вошедши в дом, увидели Младенца с Марию, Матерью Его, и, падши поклонились Ему; и, открыв сокровища свои, принесли Ему дары: золото, ладан и смирну. И, получив во сне откровение не возвращаться к Ироду, иным путем отошли в страну свою.

Когда же они отошли, се, Ангел Господень являет-ся во сне Иосифу и говорит: встань, возьми Младенца и Мать Его, и беги в Египет, и будь там, доколе не скажу тебе, ибо Ирод хочет искать Младенца, чтобы погубить Его. Он встал, взял Младенца и Матерь Его ночью, и пошел в Египет...» (Мф. 2:1–14).

Разгневанный Ирод повелел перебить всех вифлеемских младенцев, которые были примерно одного возраста с Христом. Вскоре он умирает мучительной смертью, а Иосиф с Марией и Иисусом возвращаются и поселяются в Назарете.

Ирод, как видим, пришел в беспокойство от известия о рождении царя Иудейского. Болезненная подозрительность правителя была известна. Его постоянно снедало чувство собственной неполноценности. Будучи по отцу идумеянином, он не имел в жилах чистой иудейской крови и по закону не обладал правом на царствование. К власти он пришел благодаря хитрой политической игре, поддерживая не соотечественников, а ненавистных им римлян. Поэтому царь всеми силами стремился завоевать расположение своих сограждан. Ради этого не сккупился на щедрые вклады для украшения Иерусалимского храма. В годы его царствования было развернуто большое строительство. Для развлечений воздвигается ипподром и здание цирка. В трудные для страны времена он милостиво снижает налоги. Когда в Палестине начался голод, Ирод переплавил часть своего золота, чтобы отлить дорогие блюда. На деньги от их продажи был закуплен хлеб для голодающих.

Другими словами, он шел на все ради упрочения своей власти и авторитета. Царь остро реагировал на всякий слух, в котором видел угрозу своему престолу. Одержаный маниакальным страхом, он убивает троих сыновей, расправляется с женой Марианной и ее матерью. Римский император Август говорил, что «безопасней быть свиньей во дворе Ирода, чем его сыном». Бесчеловечная жестокость деспота в полной мере проявилась накануне его смерти. Предвидя близкую кончину, он приказывает по ложным обвинениям арестовать

группу известных граждан города. Со своей сестры он берет слово, что они будут казнены в день его смерти. Зная, что никто не станет скорбеть о нем, Ирод надеялся, что будут пролиты слезы хотя бы таким образом.

Ясно, что человек, явивший собой нравственное чудовище, имел одно намерение по отношению к Богомладенцу – убить Его. Став гонителем Господа, он покрыл свое имя несмываемым позором. В маниакальной заботе о собственной славе он обрек себя на бесчестие. Имя Ирод стало нарицательным в народах, в то время как Христос сделался незакатной звездой человечества!

Как отнеслись первосвященники, фарисеи и книжники к рождению Мессии? Являясь религиозными вождями народа, ожидавшего Мессию, они, казалось бы, должны были возрадоваться известию волхвов. Но приверженные законничеству и обрядоверию, они не откликнулись на величайшее из земных событий и скоро стали ярыми гонителями Христа и Его последователей.

Богопротивление обернулось для них многими утратами: сожжением храма, разрушением Иерусалима и изгнанием из земли обетованной. В это же время проповедь Евангелия огласила пределы Римской империи и достигла стран востока, откуда пришли волхвы. Исповедниками веры в большинстве своем становились по преимуществу простые люди, подобные Вифлеемским пастухам.

Итак, мы видим, что волю Божию способен постигнуть и принять всякий, кто в сердечной простоте верует в Иисуса Христа как своего Спасителя.

«... умоляю вас, братия, милосердием Божиим, представьте тела ваши в жертву живую, святую, благоугодную Богу, для разумного служения вашего, и не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением

ума вашего, чтобы вам познавать, что есть воля Божия,
благая, угодная и совершенная» (Рим.12:1–2).

Эммануэль

Во тьму веков та ночь уж отступила,
Когда, устав от злобы и тревог,
Земля в объятьях неба опочила
И в тишине родился с-нами-Бог.

И многое уж невозможно ныне:
Цари на небо больше не глядят,
И пастыри не слушают в пустыне,
Как ангелы про Бога говорят.

Но вечное, что в эту ночь открылось,
Несокрушимо временем оно,
И Слово вновь в душе твоей родилось,
Рожденное под яслями давно.

Да! С нами Бог,— не там, в шатре лазурном,
Не за пределами бесчисленных миров,
Не в злом огне, и не в дыханье бурном,
И не в уснувшей памяти веков.

Он здесь, теперь,— средь суеты случайной,
В потоке мутном жизненных тревог
Владеешь ты всерадостною тайной:
Бессильно зло; мы вечны; с нами Бог!

B. C. Соловьёв

«... ИБО ОНИ БОГА УЗРЯТ»

Невозможно равнодушно смотреть на человеческие страдания. Так или иначе, сердце откликается на чужую беду. Чем больше мы живем, тем очевиднее убеждаемся во всеотзывчивости Господа, которое выражает Его отеческое сострадание к нам.

Обратимся к Евангельскому рассказу об исцелении слепого Вартимея:

«Приходят в Иерихон. И когда выходил Он из Иерихона с учениками Своими и множеством народа, Вартимей, сын Тимеев, слепой сидел у дороги, прося милостыни. Услышав, что это Иисус Назорей, он начал кричать и говорить: Иисус Сын Давидов! помилуй меня. Многие заставляли его молчать; но он еще более стал кричать: Сын Давидов! помилуй меня. Иисус остановился и велел его позвать. Зовут слепого и говорят ему: не бойся, вставай, зовет тебя. Он сбросил с себя верхнюю одежду, встал и пришел к Иисусу. Отвечая ему, Иисус спросил: чего ты хочешь от меня? Слепой сказал Ему: Учитель! чтобы мне прозреть. Иисус сказал ему: иди, вера твоя спасла тебя. И он тотчас прозрел и пошел за Иисусом по дороге» (Мк.10:46–52).

Когда Христос с учениками шел в Иерусалим на праздник Пасхи, Ему надлежало пройти через Иерихон, расположенный в 25 километрах от святого города. Улицы, по которым шли паломники, были как никогда многолюдны. По обычаю каждый иудей, достигший 20 лет, должен был в праздник Пасхи посетить Иерусалимский храм. Однако далеко не все могли себе это позволить, а потому старались передать свои наказы и просьбы через проходящих паломников.

В тот день по городу разнеслась весть о приближении Иисуса – пророка и чудотворца из Назарета. Люди высыпали на улицы, чтобы взглянуть на проповедника, дерзнувшего противостоять законникам, фарисеям и книжникам. Помимо простого народа тут находились священники и левиты, служившие при храме. Им не терпелось взглянуть на Человека, Который отвергал традиционные предания и обряды как ненужные.

В ожидавшей толпе был один несчастный, слепой Вартиней, страстно желавший встретиться с Иисусом. Он сидел близ дороги и напряженно, вытянув шею, вслушивался в нарастающие крики и рокот толпы. Можно понять нетерпение Вартимая, представив жалкую беспомощность слепого. Мир в многоцветной яркости навсегда угас для него. Чернильная тьма непреходящей ночи застилала глаза на протяжении долгих лет. Унизительно было ощущать проявления человеческого жестокосердия, зависеть от жалких грошовых подачек, без которых ему было бы не прожить.

Слепец покорно нес свой крест, но всеми силами души жаждал прозрения. Когда он узнал об Иисусе, ис-

целявшем незрячих, свечной огонек надежды затеплился в его потухших глазах. Далеко не каждый, страдая духовной слепотой, ожидает, подобно Вартимею, получить от Христа столь нужное «прозрение»!

По нарастающим голосам слепой понял, что Христос близко, совсем рядом. Ставшись перекричать всех, он стал звать: «Иисус, Сын Давидов! Помилуй меня!» Неотступная, рвущаяся из груди мольба слышалась в его крике. Этот крик явно резал уши ортодоксам-законникам, с недоверием и враждебностью ожидающим появления Христа. Им было за что опасаться и ненавидеть Его: дерзновенный Учитель из Назарета не раз заявлял, что Он Мессия, Сын Божий. Кроме того, Он вознамерился поднять руку на предания старцев, церемониальные обряды – и тем самым посягнул на их материальный достаток и авторитет среди народа. Громкие мольбы Вартимея раздражали и потому, что слепой называл Назарянина Сыном Давидовым и взвывал к Нему о помощи. Сердитыми окриками и шиканьем они пытались остановить его.

Поражает настойчивость, с какой Вартимей взвывал ко Христу, не обращая внимания на Его негодующих недругов. Воодушевляет неотступность молитвы и безоглядная вера слепого!.. Зачастую искренний порыв к Богу, надежда получить помощь встречает насмешки и скепсис. Важно, чтобы не охладел жар молитвы, не погасло упование.

Христос не мог пройти мимо, Он остановился и вел его позвать. Волнение, замирающая радость переполнили слепца. Порывисто сбросив с себя верхнюю одежду, с вытянутыми руками и ожиданием на лице, он двинулся на голос. Иисус спросил: «Чего ты хочешь от Меня?» Всю свою потемочную жизнь Вартимей ждал

этого вопроса, как ждал и Того, Кто откроет ему глаза на белый свет. В ответ слепой не проговорил, а выдохнул из запекшихся губ слова: «Учитель! чтобы мне прозреть».

«Иисус сказал: иди, вера твоя спасла тебя. И он тотчас прозрел и пошел за Иисусом по дороге» (Мк.10:52).

За скупыми строками Евангелия скрыты чувства и переживания, которые прошли в тот миг через душу исцеленного. По слову Господа разом исчезла пелена, застилавшая глаза Вартия. Взору прозревшего прорияла в красках и очертаниях красота Божьего мира. Вне себя от радости, он не мог наглядеться на лица детей, небо над головой, траву под ногами. Но более всего он поразился облику своего Исцелителя, свечению доброты и печали в Его глазах... Слезы признательности и озарившая его вера зажгли благодарную готовность идти вслед.

Придавленные тяготами жизни, мы вскидываем голову к Небу с просьбой о помощи. Но стоит тучам развеяться, снова впадаем в обыденную суеверие и напрочь забываем о Боге, Который еще вчера нас услышал и откликнулся.

Исцеленный Вартий избрал лучшую долю. Он криком сердца воззвал к Господу, исполнился благодарностью и, не раздумывая, пошел за Ним.

Христос

(отрывок из поэмы «Грешница»)
Любовью к близким пламенея,
Народ смиренью Он учил,
Он все законы Моисея
Любви закону подчинил.

Не терпит гнева Он, ни мщенья,
Он проповедует прощенье,
Велит за зло платить добром,
Есть неземная сила в Нем.

Слепым Он возвращает зренье,
Дарит и крепость, и движенье
Тому, кто был и слаб, и хром.

Ему признания не надо,
Сердец мышленье отперто,
Его пытающего взгляда
Еще не выдержал никто,

Целя недуг, врачая муку,
Везде спасителем Он был
И всем простер благую руку
И никого не осудил...

A. K. Толстой

Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы к небесам возводим очи,
Творя молитву дни и ночи,
Чтобы помиловал Господь.
Но если вслед за огорченьем
Нам улыбнётся счастье вновь,
Благодарим ли с умиленьем
От всей души, всем помышленьем
Мы Божью милость и любовь?

K. K. Романов

Мое окно

За день мне по несколько раз приходилось возвращаться в жилую секцию барака. Войдя, привычным ходом направлялся к своей койке с тумбочкой. Внешне все выглядело вполне обыденно, но только для стороннего взгляда. Во все годы неволи внутри меня, в хрустальном коконе души, тайно зиждился незримый сокровенный мир. Его невечерний свет мягкими бликами облегчал безысходность нечеловечески долгого срока. С постоянством, подобным биению сердца, во мне возникали и затихали волнующе знакомые голоса и звуки из прошлого. Как кадры из любимых фильмов, оживали лица и события. В душе, подобно цветомузыке, совершалась тончайшая игра настроений.

По утрам я просыпался под звуки гимна и в течение целого дня до отбоя был подчинен предписанному укладу жизни. Мне было бы ни за что не выжить там столько лет, не будь теплого свечения любви к Рите, доченьке, родным, незабвенному обаянию надолго оставленной жизни. Помимо жесткого ритма существования, я постоянное ощущал сокрытое ангельское водительство. Среди серости и однообразия оно проявлялось в раскрасе впечатлений, в обогащении смыслом, в надежде, светлой, как полоска зари. При подавленности лагерным образом жизни оно стало для меня истинным спасением. Я душевно слабел, пугался, чувствуя, как едва проступает пульс благоговейного соотклика тому, что было дорого моему изболевшемуся сердцу.

Воистину царство Божие внутри нас есть, и употребляющий усилие обретает его. Ради этого я внутренне следовал установленному ритуалу. Благодаря ему мне удавалось поддерживать живую связь с сокровенным

миром пережитого. Представьте, взглянуть хотя бы одним глазком на Царство Небесное я мог... через барацкое окно. Оно зазывно светлело рядом с моей койкой и тумбочкой. Вид, открывавшийся из него, являл взору, не больше и не меньше,— неписанную, чудотворную икону соснового бора. Чтобы вид его не сделался обыденным, не затерся, я всякий раз, направляясь в свой угол, внутренне готовился заново поразиться умироворяющей душу картине. Делая первые шаги от двери по проходу в сторону окна, сознательно старался до времени не смотреть в него. Подойдя к тумбочке, привычным движением выдвигал верхний ящик, где рядом с записными книжками и молитвословом лежал самодельный блокнот. На серо-коричневой картонке-обложке была приkleена маленькая фотокарточка, с которой на меня, улыбаясь, смотрели Рита и Алена. Бережно задвинув ящик, я не торопился поднять глаза. Постепенно взгляд мой двигался вниз от подоконника, по траве пригорка, тропинке, пробитой ногами зэков, к деревянным столбам с рядами «колючки». Далее, с нарастающим нетерпением, выше — по частоколу забора — к неотразимому видению царственно величавых сосен и влекущему небу с каравеллами облаков. Заворожено и легко, как во сне, я входил вглубь лесного массива, наполненного запахами смолы, ягод, редкой травы и низовой поросли. Не прикрывая глаз, видел нас с ней среди солотчинского бора в то последнее, горестное лето перед арестом.

Ах, если б можно было возвратить
Круженье той июльской карусели
Теперь, когда деревья облетели
И предстоит нам зиму пережить.

Здесь так тоскливы ранние потёмки,
Так непостижна общая судьба;
И только прошлого узорная резьба
Дарит теплом завещанной иконки.

O. M. Сенин

ЧУДО, ТВОРИМОЕ НАДЕЖДОЙ

То был трудный, но благословенный день. Утром Христос с учениками пришел в Вифсаиду. На городской площади вокруг них почти мгновенно образовалась толпа, которая быстро росла. Молва о галилейском Учителе и Чудотворце дошла и сюда. Люди приводили больных, жаждали услышать слово от новоизведенного Пророка, апостолы едва сдерживали напирающий народ.

Когда ко Христу приблизилась женщина, много лет страдавшая кровотечением, в толпе возбужденно заговорили. Зная, что никто не в силах помочь ей, кроме Бога, она на глазах у многих с трепетом коснулась рукой Его одежды – и тотчас почувствовала, что исцелилась. Через некоторое время ученики увидели, как толпа почтительно расступилась перед человеком со зволнованно-бледным лицом. То был начальник местной синагоги. Дома на его глазах умирала 12-летняя дочь. Услышав о Христе, он опрометью бросился на площадь. Господь, отзовавшись на его зволнованную просьбу, немедля поспешил к умирающей. Народ двинулся за ними. Но на полдороге им встретились бегущие навстречу слуги: «дочь твоя умерла; что еще утруждаешь Учителя?» (Мк. 5:35) Апостолы увидели,

как в потухших глазах отца вспыхнула надежда, когда он с мольбой и ожиданием склонил голову перед Христом. А Тот понимающие положил ему на плечо руку и повторил слова, сказанные утром больной женщине: «Не бойся, только веруй» (Мк. 5:36). И чудо свершилось, Он воскресил ее! В толпе отказывались верить, но слуги горячо уверяли людей в чудесном воскрешении девочки.

Жаркое палестинское солнце клонилось к закату, когда Христос с учениками вышел из города. Впечатленные Его речами и чудесами люди не хотели расходиться. Апостолы полагали, что собравшиеся останутся на этом берегу озера, но те устремились за ними на ту сторону. Уже смеркалось. Место было пустынное. Возбуждение толпы спадало. Кое-где плакали дети, просили есть.

«Накормите же их»,— сказал Христос стоящему рядом Филиппу. Апостол и сам думал о том же, но, взглянув на множество человеческих голов, прикинул, что и 200 динариев не хватит, чтобы купить хлеба для них. Да и купить было негде. Остальные ученики, жалея народ, а особенно детей, стали спрашивать, нет ли у кого чего-нибудь из съестного. Но вопрошания ни к чему не привели. Только у одного мальчика в котомке нашлось 5 небольших хлебов и 2 рыбки. Но такой малости не хватило бы даже детям. Апостолы виновато и растерянно смотрели на Учителя. Они искренне хотели помочь усталым проголодавшимся людям, но теперь как никогда чувствовали свое бессилие. В эти минуты своей беспомощностью они походили на большую женщину и начальника синагоги. И снова, который раз, вера открыла сердца людей для нового чуда! Почти 8 тысяч человек были накормлены чудес-

но приумноженными 5 хлебами и 2 рыбками, оказавшимися в котомке у мальчика.

Нередко мы напоминаем растерянных учеников. Когда нас покидает всегдашая самонадеянность и трудности кажутся величиной с гору, мы осознаем, как жалко смотрятся в наших руках 5 хлебов и 2 рыбки. В подобных ситуациях приходит на помощь и выводит из тупика безысходности робкая, но поистине чудотворящая надежда на милосердие Господа.

Когда б в покорности незнанья
Нас жить Создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свершиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно вечно было знать.

Но чувство есть у нас святое,
Надежда, Бог грядущих дней,—
Она в душе, где все земное,
Живет наперекор страстей;
Она залог, что есть поныне
На небе иль в другой пустыне
Такое место, где любовь
Предстанет нам, как ангел нежный,
И где тоски ее мятежной
Душа узнать не может вновь.

М.Ю. Лермонтов

Где сердце любит, где страдает,
И милосердный Бог наш там:
Он крест дает, и Он же нам
В кресте надежду посыпает.

И. И. Козлов

ВСТРЕЧА ХРИСТА С САМАРЯНКОЙ

Каждый может назвать одну-две встречи, которые оставили неизгладимый след и стали поистине поворотными в наших взглядах и судьбе. Для того, кто однажды пришел к Богу, встреча с Ним непременно имела благие последствия.

Как это случилось с женщиной-самарянкой, мы узнаем из 4-й главы Евангелия от Иоанна. Вражда и зависть фарисеев к растущему признанию Христа в народе побудила Его оставить Иудею и отправиться с учениками в Галилею. «Надлежало же Ему проходить через Самарию» (Иоан.4:4).

Сам путь, избранный Господом, говорит о многом. Самаряне являлись ассимилированными потомками тех колен Израилевых, которые за 7 веков до этого были покорены и уведены в плен ассирийцами. Иудеи считали их нечистыми по крови и верованиям. По этой причине относились к ним, как к язычникам, – с враждой и презрением. Отправляясь в Галилею, правоверные иудеи старались миновать Самарию, хотя дорога и занимала у них вдвое больше времени. Сколь велико было чувство брезгливости к самарянам, можно судить по пословице: «Есть хлеб самарян значит есть свинину». Христу такого рода предубеждение было чуждо,

поэтому Он последовал прямым путем. И, как мы далее увидим, Господь сделал это не напрасно.

В жаркий палестинский полдень апостолы вместе с Учителем подошли к городу Сихарь и остановились у древнего колодца, некогда принадлежавшего патриарху Иакову. Ученики отправились в город за едой, оставив Христа одного. Через некоторое время к колодцу пришла женщина-самарянка почерпнуть воды. Подойдя ближе, она с удивлением признала в человеке у колодца иудея, походившего на священника. Ее замешательство можно было понять. Помимо давней вражды между самарянами и иудеями, она знала, что раввину недозволительно разговаривать на людях не только с посторонней женщиной, но даже с собственной женой или дочерью. Подойдя ближе, женщина удостоверилась, что этот человек не похож на строгого законника.

Между тем, она немало удивилась, когда Христос попросил у нее пить: «Как Ты, будучи Иудеем, просишь пить у меня, самарянки? Ибо Иудеи с самарянами не сообщаются» (Ин. 4:9). По ее словам можно понять, как непросто было Христу расположить к себе недоверчивую женщину. Но и в этот раз Он с терпением совершает дело, ради которого пришел на землю.

Евангелие гласит, что Господь пришел «спасти людей Своих от грехов их» (Мф. 1:21). Продолжая разговор, Иисус сказал ей: «... если бы ты знала дар Божий, и кто говорит тебе: «дай Мне пить», то ты сама просила бы у Него, и Он дал бы тебе воду живую» (Ин. 4:10).

Слова незнакомца еще более удивили самарянку: этот человек не скрывал своей значимости и обещал дать ей некую живую воду. Такой водой у самарян считалась не колодезная, а проточная, родниковая. При этом незнакомец полагал, будто она гораздо лучше той

воды, что черпали из древнего колодца. Осмелев, женщина спросила: «Неужели Ты больше отца нашего Иакова, который дал нам этот колодезь, и сам из него пил, и дети его, и скот его? Иисус сказал ей в ответ: всякий, пьющий воду сию, возжаждет опять; а кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот не будет жаждать вовек; но вода, которую Я дам ему, сделается в нем источником воды, текущей в жизнь вечную» (Ин. 4:12–14).

Казалось, женщина глуха к словам Иисуса и явно не понимает их смысла. Не теряя надежды, Иисус пытается подвести собеседницу к принятию столь важной для нее истины. В душе она уже начинает подсмеиваться над чудаковатым раввином. Не имея при себе веревки, чтобы зачерпнуть из колодца, Он обещает напоить ее водой, испив которую она уже никогда не станет испытывать жажду. Как далека она от того, о чем пророчествовал Исаия: «И в радости будете почерпать воду из Источников спасения» (Ис.12:3). Не без иронии самарянка обращается к Иисусу: «Господин! дай мне этой воды, что бы мне не иметь жажды и не приходить сюда черпать» (Ин. 4:15). А Тот, чувствуя насмешливое недоверие, решается на последнее средство, чтобы вразумить ее.

Известно, что потребность в Боге, жажда очищения и святости возникает по мере осознания собственной греховности. Увлеченная разговором, женщина на время забыла о причине, заставившей ее отправиться за водой в такую даль. Она могла бы почерпнуть из любого колодца в самом городе. А объяснялось это просто: все знали ее как блудницу, жившую с пятым по счету мужем. Избегая людского осуждения, она предпочитала ходить по воду за город.

Изобличающие слова Господа прозвучали как гром среди ясного неба, усмиряя ее: «Пойди, позови мужа

твоего и приди сюда» (Ин. 4:16). Смутившись, она ответила: «У меня нет мужа». Иисус говорит ей: «Правду ты сказала, что у тебя нет мужа; ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе; это справедливо ты сказала» (Ин. 4:16–18).

Устыженная, она сердцем распознала в Нем пророка и с трепетом прониклась всем, что до этого Он говорил ей. Голос совести пробудил в ней потребность в показании. Как язычница она знала, что это можно сделать через принесение жертвы. Самаряне совершали жертвоприношение не в Иерусалиме, а у себя на горе Гаризим, где сохранились развалины их храма, разрушенного иудеями.

Иисус, видя, что сердце ее открылось для принятия истины, провидчески предсказал: «Поверь Мне, что наступает время, когда и не на горе сей, и не в Иерусалиме будете поклоняться Отцу; Вы не знаете, чему кланяетесь; а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от Иудеев; Но настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких поклонников Отец ищет Себе» (Ин. 4:1–23).

Христос, видя сомнения самарянки о месте для жертвоприношения, отвечал ей, что это можно сделать где угодно. В ответе Спасителя заключен общечеловеческий и всеобъемлющий универсализм Евангелия. После этих слов женщина с радостью осознала, что и она может стать последовательницей Бога Живого. Диалог с Христом внутренне подготовил ее к принятию Истинного Бога и посланного Им Мессии.

«Женщина говорит Ему: знаю, что придет Мессия, то есть Христос; когда Он придет, то возвестит нам все. Иисус говорит ей: это Я, Который говорю с тобою» (Ин. 4:25–26).

На этот раз самарянка принимает услышанное без тени сомнения. Любовь и долготерпение Христа сделали свое дело! Возвратившись в город, она с жаром рассказывает людям о своей встрече с Мессией. «И многие жители из города того уверовали в Него по слову женщины, свидетельствовавшей, что Он сказал ей все, что она сделала» (Ин. 4:39).

В жизни случается, что наши греховные стежки-дорожки нечасто пересекаются с путями Господа. Тому препятствуют упрямая привязанность ко злу и частоколы предубеждений. Но Господь неутомим в трудах благовестия, Он ищет встречи с нами, которая способна переиначить нашу жизнь.

«... если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною, ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее...» (Мф.16:24–25).

Молитва

Научи меня, Боже, любить
Всем умом Тебя, всем помышленьем,
Чтоб и душу Тебе посвятить
И всю жизнь с каждым сердца биеньем.
Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердую волю,
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.
Всех, которых пришел искупить
Ты Свою Пречистою Кровью,—
Бескорыстной, глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить!

K. K. Романов

СОМНЕНИЕ И ВЕРА АПОСТОЛА ФОМЫ

В наше информационно взбудороженное время неуклонно растет интерес к религии. Духовный голод, вызванный десятилетиями атеистической бескорынцы, ныне восполняется в новооткрытых храмах, в обращенности Церкви к социуму, в возможности духовно исполненной жизни. Но не просто преодолеваются завалы атеизма для тех, кто интуитивно или сознательно тянется к Господу как средоточию любви, добра и красоты.

Известно, что всякий поиск неизменно сопровождается сомнением, но если это честное сомнение, то оно непременно увенчается победой веры. Образ апостола Фомы может много сказать ищущим и сомневающимся. Не без основания этого апостола называют «Фомой неверующим». Он ни за что не хотел принять известие о воскресении Христа. А между тем Господь явился женам-мироносицам, двум ученикам, шедшим в Еммаус и, наконец, десяти апостолам, среди которых Фомы в тот раз не оказалось. Услышав взволнованный и достоверный рассказ учеников о явившемся им Учителе, он с прежним упорством продолжал стоять на своем: «Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю» (Ин. 20:25).

Будучи одним из 12-ти, он три года неотступно следовал за Христом, был свидетелем Его слов и дел. Не мудрствуя, Фома слагал в своем сердце, что видел и воспринимал. Постепенно время и события убедили его, что Иисус – истинный Мессия, предреченный пророками. Оттого умом и сердцем он не мог принять известия, что распятый на кресте Учитель на третий день чудесным образом воскрес. Иудеи полагали, что Мессия, избавит народ от римского ига и, сделавшись царем, вернет былую славу Израиля. Далеко не все поняли и восприняли слова Господа: «Царство мое внутри вас есть...»

Надо признать, что Фома в то же время любил своего Учителя и был предан Ему. Вспомним возбуждение учеников, когда Христос собрался идти в Иудею, узнав о смерти Своего друга Лазаря. Это произошло за неделю до распятия. Ученики знали о враждебных замыслах первосвященников и фарисеев и опасались, что Учитель, покинув безопасное место, направится в Иерусалим. «Равви, давно ли иудеи искали побить Тебя камнями? И Ты опять идешь туда» (Ин.11:8). Когда Христос подтвердил свое намерение идти в Иудею и предсказал свою смерть в этом городе от рук человеков-грешников, из всех апостолов один Фома, не раздумывая, отважился идти вместе с Учителем и разделить Его участь. Обращаясь к остальным, Он предложил: «Пойдем и мы умрем с Ним!» (Ин.11:16) Фома явил свою преданность Христу тем, что готов был идти на верную смерть.

Как видим, в душе апостола беззаветность веры со-седствовала с сомнением. Но повторим, то было честное, из сердца идущее сомнение. Когда Христос говорит о скором восшествии к Отцу, Он произносит слова: «А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете» (Ин.14:4).

Фома, не опасаясь прослыть за невежду, восклицает: «Господи! не знаем, куда идешь! и как можем знать путь?» (Ин.14:5) И тогда Иисус произносит слова откровения, которые Фоме суждено будет уразуметь после: «Я есмь путь, истина и жизнь» (Ин.14:6).

Распятие Христа потрясло ученика. Оно стало сокрушительным ударом по его надеждам на воцарение Мессии. Фома в простодушии своем верил, что Иисус, возвестив глаголы жизни вечной, принес людям надежду на бессмертие. Но как могло случиться, что Он, Мессия, стал достоянием смерти? Когда Фома узнал о совершившемся чуде Воскресения, он был настолько душевно разбит и подавлен, что не имел в себе сил поверить в ошеломляющую неожиданность события.

Что могло развеять упорное неверие Фомы? Господь, второй раз явившись ученикам, первое, что сделал – обратился к изумленному Фоме со словами: «Подай перст твой сюда и посмотри руки Мои, подай руку твою, вложи в ребра Мои. И не будь неверующим, но верующим!» (Ин.14:27) И на этот раз любовь Христа совершила свое неотразимое действие: предложив Фоме прикоснуться к ранам, Господь во мгновение развеял его неверие. У потрясенного ученика вырвалось выстраданное истовое признание: «Господь мой и Бог мой!» (Ин.14:28) Ни одно из Евангелий не знает подобного по силе и лаконизму обращения к Сыну Божьему. Оно принадлежит ученику Господа, который был равно искренен и честен в своей преданности и в своих сомнениях. Обращаясь к Фоме, Христос те же слова говорит ныне и нам: «Ты поверил, потому что увидел Меня. Блаженны не видевшие и уверовавшие!» (Ин.14:29)

Итак, апостол Фома сомневался, чтобы у нас с вами не осталось места для сомнений. Вера учеников, пре-

жде чем стать верой Церкви, должна была пройти через мучительное осмысление реальности Воскресения и его значимости для каждого человека.

Всякий, кто с горячностью сердца исповедует Спасителя, не перестанет повторять: «Господь мой и Бог мой!»...

Вера

О, вера чистая, святая,
Ты дверь души в обитель рая,
Ты жизни будущей заря,
Гори во мне, светильник веры,
Гори ясней, не угасай,
Будь мне повсюду спутник верный
И жизни путь
мне просвещай.

K. K. Романов

Евангелист Марк

Из четырех благовествований, составленное апостолом Евангелие самое краткое. Впервые я прочел его в 24 года на зоне строгого режима вместе с Эдиком Хамляйненом, моим другом по Дубравлагу.

Его арестовали, когда он учился на 2 курсе юрфака Ленинградского университета. Будучи родом из Карелии, он соединял в себе все черты уgroфинской типики: светло-русый, бледнолицый, со вздернутым мальчишеским носом. Внешний облик мало сочетался с дерзкой политической акцией, что вменялась ему приговором суда. Произошло это весной 1970 года, когда страна «развитого социализма» помпезно отмечала столетний юбилей вождя мирового пролетариата. В пику партий-

ному официозу, Эдик зажегся бесстрашной решимостью испортить праздник. В центре города студент-юрист высмотрел внушительного вида агитационный транспарант. Туда он и направился вечером 21 апреля, имея при себе две бутылки зажигательной смеси. Если бы ему удалось запалить красно-украшенную фанерную конструкцию, то за совершенную диверсию он запросто ограбил срок от 8 до 15 лет. При этом половину из назначенных судьей годков он должен был отбывать во Владимирском централе. Случись такое, я вместе с подобными мне заключенными Дубравлага лишился бы возможности общаться с этим светлым человеком и не без гордости называть его своим другом. Но при попытке поджога обе бутылки не взорвались, а лишь повредили фасадную сторону щита. Эдика тут же на месте загребли и возбудили уголовное дело.

Мы встретились с ним летом 1971 года на 17-й «большой» зоне и навсегда подружились.

Никогда не забыть, как мы с ним тайком читали Евангелие. По режиму нам запрещалось иметь Библию, Новый Завет, иконки и молитвенники. Между тем допускалось ношение нательных крестиков и религиозная литература, которую до 1968 года позволялось почти беспрепятственно пересыпать в зону. В личных библиотеках заключенных можно было найти что угодно: от книг с трудами отцов Церкви до годичных подписок журнала «Московская патриархия». Особо ревностным верующим, а такие среди нас были, неисповедимым образом удавалось заполучить с воли экземпляры Нового Завета на тонкой рисовой бумаге. Издания разрезали на отдельные книжечки, чтобы легче было прятать, и пользовались ими с соблюдением всяческой осторожности. Мы с Эдиком попросили у богомольного старичка Ор-

ловича дать нам почитать что-нибудь из «божественного». Тот весь засветился от радости, принял креститься и шепотом заверил нас, что в воскресенье после поверки передаст припрятанное Евангелие от Марка. «Только вы, ребятушки мои,— почти умолял он,— поберегите святыню Божию и себя. Намеднись при обыске у меня иконочку изъяли. Владычицы нашей Богородицы. Не могу сказать, как дорог мне был образок Заступницы нашей. Досель не перестаю скорбеть о нем...»

Мы загодя выбрали место, чтобы укрыться там на время. Это было маленькое помещение для кинобудки под самым потолком возводимого зёками здания клуба-столовой. В воскресенье после обеда, когда народ в большинстве своем заваливался на боковую, мы забрались наверх по припасенной лестнице. Оказавшись на месте, предусмотрительно столкнули ее обратно. Расстелив на бетонном полу фуфайки, трижды перекрестились, как просил Орлович, и принялись негромко читать главу за главой. С самого начала меня не покидало чувство сакральной значимости нашей затеи. Мы с ним впервые прикоснулись к миру незнаемому, открывавшему волнующую новизну евангельского повествования.

«... Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее. Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит. ... кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейственном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда прийдет в славе Отца Своего со святыми Ангелами...» (Мк. 8:35–38)

«... а кто хочет быть большим между вами, да будем вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом. Ибо и Сын Человеческий не для

того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих...» (Мк. 10:43–45)

Что-то мы знали и раньше, но отрывочно и с чужой подачи. Впервые про жизнь и подвиг Спасителя мы узнавали со слов апостола Марка, Его ученика. Они звучали для нас подкупающе убедительно, благодатно.

«... имейте веру Божию, ибо истинно говорю вам, если кто скажет горе сей: поднимись и ввергнись в море, и не усомнится в сердце своем, но поверит, что сбудется по словам его,— будет ему, что ни скажет. Потому говорю вам: все, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите,— и будет вам...» (Мк. 11:23–24)

Мы с Эдиком, как и большинство наших сотоварившей, не за просто так получили лагерные сроки. Некоторым образом мы были причастны к такому высокому понятию, как самопожертвование ради идеи. Но я никак не ожидал, что сердце мое будет учащенно биться от призывных слов Спасителя: **«... кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною»** (Мф 16:24). За время, пока читали 16 глав Евангелия, мы не проронили ни слова от себя. Да и что можно было сказать, когда мы впервые внимали глаголам вечной жизни.

... Ныне, бывая в храме, неизменно поминаю за упокой души в числе почивших лагерников Виктора Константиновича Орловича.

Новый Завет

Измученный жизнью суровой,
Не раз я себе находил
В глаголах Предвечного Слова
Источник покоя и сил.

Как дышат святые их звуки
Божественным чувством любви,
И сердца тревожные муки
Как скоро смиряют они!...
Здесь все в чудно-сжатой картине
Представлено Духом Святым:
И мир, существующий ныне,
И Бог, управляющий им,
И сущего в мире значенье,
Причина, и цель, и конец,
И Вечного Сына рожденье,
И крест, и терновый венец.
Как сладко читать эти строки,
Читая, молиться в тиши,
И плакать, и черпать уроки
Из них для ума и души!

И.С. Никитин

«ПАСИ АГНЦЕВ МОИХ»

Из учеников Спасителя особенно выделяется апостол Петр – порывистый, легко зажигающийся, готовый тут же, не сходя с места, подтвердить свою преданность Учителю. Он оставил нам немало уроков, радующих и горестных. Мы видим, как Христос берет его в число трех учеников на гору Преображения, где им посчастливилось узреть сияние Его Божественного образа. В другой раз Петр присутствует при исцелении дочери начальника синагоги. Но именно его Господь гонит от Себя со словами: «Отойди от Меня, сатана!..» (Мф.4:10). Ему, как первому из апостолов, Спаситель вверил созидание церкви, а тот по маловерию чуть было не утонул в море.

Среди учеников не было ни одного, который, подобно Петру, перечил бы своему Учителю. Но это он в саду Гефсиманском, никто другой, а он, выхватывает меч в решимости защищать своего Господа. Нет слов, личность апостола сложна, противоречива – и в то же время по-человечески притягательна. Потому хочется понять сокровенные причины его отречения. Известно, что он одним из первых был призван на служение благовестия. Неотступно следя за Христом, ученик сделался свидетелем спасительных речей и деяний Учителя.

ля. Единственный из двенадцати, осененный свыше, он признал во Христе Богом данного Мессию.

Дни и часы накануне распятия были тревожны и насыщены событиями. Господь на глазах у многих воскрешает Своего друга Лазаря. Петр не мог не видеть душевного потрясения людей, ставших свидетелями неслыханного чуда: ведь Лазарь пролежал во гробе четыре дня!.. Сразу после того Господь входит в Иерусалим под торжествующие крики толпы, устилавшей дорогу пальмовыми ветвями. Народ приветствовал Христа как Мессию-Освободителя в надежде, что Он избавит их от позорного ига римлян и вернет былое величие Израилю. Лучи славы, неожиданно воссиявшие над Иисусом, грели и Петра. Не случайно между учениками возник спор, кому из них надлежит быть первым. Честолюбивые настроения Петра то и дело проявляются в неоправданной самоуверенности.

На тайной вечере Господь горестно предрек ученикам Свои крестные страдания и разлуку с ними: «Дети! недолго уже быть Мне с вами. Будете искать Меня, и, как сказал Я Иудеям, что, куда Я иду, вы не можете прийти, *так* и вам говорю теперь» (Ин.13:13). Петр тут же с жаром заверяет Учителя в своей преданности и готовности следовать за Ним. «... Господи! почему я не могу идти за Тобою теперь? я душу мою положу за Тебя. Иисус отвечал ему: душу твою за Меня положишь? истинно, истинно говорю тебе: не пропоет петух, как отречешься от Меня трижды» (Ин.13:37–38).

Когда Христос пытается охладить горячность Петра, тот чувствует себя уязвленным,— заметно, как в его возражениях звучат нотки обиды. Петр явно недоумевает: неужели он, который неотступно следовал за Господом, теперь не может идти за Ним? В тот момент он ни-

сколько, ни на йоту не сомневался в своей преданности. Настораживает поспешность, с которой Петр заверяет и клянется. Невольно вспоминается предостережение апостола Павла: «Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть» (1Кор.10:12). Самонадеянность, в свою очередь, возбуждает дух прекословия, упорного настояния на своем.

«Тогда говорит им Иисус: все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь, ибо написано: «поражу пастыря, и рассеются овцы стада»; ... Петр сказал Ему в ответ: если и все соблазняются о Тебе, я никогда не соблазнюсь. Иисус сказал ему: истинно говорю тебе, что в эту ночь прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. Говорит Ему Петр: хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя. Подобное говорили и все ученики» (Мф. 26:31–35).

Напряженный диалог с Христом обнаруживает самоуверенность Петра и отсутствие смирения, доверительного послушания Господу. Что до пылких заверений, нетрудно заметить, что они отчасти подогреваются его порывистой горячностью.

«Подходит к Симону Петру, и тот говорит Ему: Господи! Тебе ли умывать мои ноги? Иисус сказал ему в ответ: что Я делаю, теперь ты не знаешь, а уразумеешь после. Петр говорит Ему: не умоешь ног моих век. Иисус отвечал ему: если не умою тебя, не имеешь части со Мною. Симон Петр говорит Ему: Господи! не только ноги мои, но и руки и голову» (Ин.13:6–9).

После предостережений, что Петр по упрямству может лишиться части с Ним, тот бросается в другую крайность, прося омыть не только ноги, но и всего. Он готов на все, лишь бы не лишиться своей части. Вроде бы кажется, что Петр во всем заодно с Христом и горой

стоит за Него. И в то же время мы чувствуем его некоторую отдаленность от Господа: он больше занят собой и оттого остается глух к вразумляющим предостережениям Учителя. Господь пытается донести до них, что прежде всего от учеников Он ожидает доверия. Вера! И только вера придаст им силу и стойкость в испытаниях.

«Симон! Симон! се, сатана просил, чтобы сеять вас как пшеницу; Но я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя; и ты некогда обратившись, утверди братьев твоих. Он отвечал Ему: Господи! с Тобою я готов и в темницу и на смерть идти. Но Он сказал: говорю тебе, Петр, не пропоет петух сегодня, как ты трижды отречешься, что не знаешь Меня» (Лк.22, 31–34).

И снова мы спрашиваем себя: отчего же Петр отрекся? Когда над Христом сгостились тучи, он пережил крах собственных ожиданий. Вместо торжествующих приветствий – злобные выкрики из толпы, вместо пальмовых ветвей – терновый венец на голове Спасителя. Не имея должной духовной опоры в вере, Петр испытал страх, оставленность и беспомощность. Он не устоял, пытаясь спасти себя ценой отречения.

Когда в третий раз пропел петух, Петр вспомнил горестные слова Господа, свои страстные заверения в верности и разом осознал глубину своего падения. Встретившись взглядом с измученным Учителем, Петр внутренне сжался, ожидая увидеть в нем осуждение. Но в глазах Христа он нашел лишь любовь и сострадание. Этот всепонимающий взгляд снова приблизил повинную душу Петра ко Христу. Он вдруг увидел в страдающем Учителе нечто, что было раньше скрыто от него. В эти мгновения он испытал возрождающее действие Господнего участия и всепрощения. Холодная ночь во

дворе первосвященника, у костра, стала переломной в его жизни...

Спустя некоторое время после победного Воскресения, в рассветном полумраке ученики на озере закидывали свои сети. Внезапно Петр узнал в человеке, стоявшем на берегу, Господа. Чувство вины и благоговения побудили его броситься в воду и поплыть к берегу. Но на этот раз он не спешит со словами признания – перед нами уже не прежний Петр!.. Молчаливо и выжидавше он вместе с остальными сидит рядом с Иисусом у костра. А Тот, провидя внутренние переживания ученика, трижды обращается к нему с одним и тем же вопросом: «Симон Ионин! любишь ли ты Меня больше, нежели они?» (Ин.21:17). Случись такое до отречения, Петр, не задумываясь, ответил бы, что любит Его сильнее прочих. Сдержанно и кратко он произносит: «Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя» (Ин.21:17). И тогда Спаситель благословляет его на предстоящее служение пастыря: «паси овец Моих...».

По сути, Господь и ранее свидетельствовал о его призвании. Но сейчас перед Ним другой Петр: возрожденный, наделенный страдальческим опытом, готовый со смирением совершать дело благовестия.

Много лет спустя в языческом Риме апостола мученически распяли на кресте. Считая себя недостойным даже в смерти уподобиться Господу, он попросил распять его головой вниз...

Из посланий Святого апостола Петра

«Посему, (возлюбленные) препоясав чресла ума вашего, бодрствуя, совершенно уповайте на подаваемую вам благодать в явлении Иисуса Христа. Как послушные дети, не сообразуйтесь с прежними похотями,

бывшими в неведении вашем, но, по примеру призвавшего вас Святаго, и сами будьте святы во всех поступках. Ибо написано: будьте святы, потому что Я свят» (1Пет. 1:13–16).

«Послушанием истине чрез Духа, очистив души ваши к нелицемерному братолюбию, постоянно любите друг друга от чистого сердца, как возрожденные не от тленного семени, но от нетленного, от слова Божия, живаго и пребывающего вовек. Ибо всякая плоть – как трава, и всякая слава человеческая – как цвет на траве: засохла трава, и цвет ее опал; но слово Господне пребывает вовек; а это есть то слово, которое вам проповедано» (1Пет. 1:22–25).

«... пасите Божие стадо, какое у вас, надзиная за ним не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия, и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду; и когда явится Паstryреначальник, вы получите неувядящий венец славы. Также и младшие, повинуйтесь паstryрям; все же, подчиняясь друг другу, облекитесь смиренномудрием, потому что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. Итак смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время» (1Пет. 5:2–6).

«Возрастайте в благодати и познании Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа. Ему слава и ныне и в день вечный» (2Пет. 3:18).

Отречение

К костру подсел он, руки грея.
Лицо зажег багровый свет.
«И ты – сопутник Назорея?
И ты – из галилеян?» – «Нет».

Ночь холодна, и месяц светел.
Первосвященнический двор
Вдруг огласил рассветный петел.
Прислуга спит. Сгорел костер.
Где Иоанн и где Иаков?
Где все? Он вышел. Даль пуста.
И вспомнил, горестно заплакав,
О предсказании Христа.

C. M. Соловьев

Подвиг есть и в сраженьи,
Подвиг есть и в борьбе;
Высший подвиг в терпеньи,
Любви и мольбе.

Если сердце заныло
Перед злобой людской,
Иль насилие схватило
Тебя цепью стальной;

Если скорби земные
Жалом в душу впились,—
С верой бодрой и смелой
Ты за подвиг берись.

Есть у подвига крылья,
И взлетишь ты на них
Без труда, без усилия
Выше мраков земных,

Выше крыши темницы,
Выше злобы слепой,

Выше воплей и криков
Гордой черни людской.

A.C. Хомяков

Именины сынишки

По приезду к Владыке началась жизнь, наполненная событиями, делами, о которых мне лишь мечталось. Карагандинское воцерковление наделило тем необходимым, что очень пригодилось на новом месте.

Оценив неплохую осведомленность в богослужебной практике, архиерей в первые же дни благословил меня на чтение Апостола, шестопсалмия, часов и канона. Постоянное и посвященное участие в службах заново открыло их глубокую содержательность. Пришло понимание богослужебной и храмовой символики. Меня захватывала гармония ектений, возгласов, клиросного пения. Яснее обозначился спасительный смысл литургического действия. Особенно это чувствовалось на архиерейских службах, в которых я участвовал как иподьякон и чтец. Между ними и поездками с Владыкой по храмам приходилось выполнять самые разные послушания: мести двор, колоть и складывать дрова в поленница, разгружать машины на епархиальном складе.

Владыке не было и сорока лет. Его отличала ровность в обращении и благожелательное внимание. Спустя месяц он обнадежил меня возможностью скорого рукоположения. Однажды протодьякон Владимир доверительно шепнул, что в церковном доме для меня с семейством готовят жилую половину. Все это время Катерина с двухлетним сынишкой скучала и ждала вызова в далеком Казахстане. Мысль, что хиротония не за

горами, и мои надежды, наконец-то, сбудутся, согревала каждый из дней. После трех моих неудачных попыток явно приоткрылась долгожданная возможность.

В то же время не оставляла тревожная дума: неужто товарищи из «серого дома» махнули на меня рукой и решили оставить в покое? Или сработали конспиративные предосторожности, и они ничего не знают о моей очередной затее?

Как-то в конце ноября мы с Афанасием Ивановичем работали на складе, собирая посылки со свечами и иконками для отправки на приходы. Неожиданно вошел мужчина, довольно молодой, прилично одетый. В тот момент мой напарник куда-то отлучился. Незнакомец осведомился: «Нельзя ли здесь купить свечи?». Я пояснил, что это можно сделать рядом, в храме. Мужчина слегка улыбнулся и на удивление мне проронил: «Все-то вы, Олег Михайлович, знаете! Сразу видно, свой человек в православии... Надеюсь, вы догадались, откуда я и зачем...» Отрекомендовавшись, он предложил сегодня же, не теряя времени, встретиться. Условились, что он будет ждать в машине поблизости с храмом.

В тот вечер я поведал ему, ничего не утаивая, о предъявленном обвинении, приговоре, сроке заключения и обращении к Богу в местах не столь отдаленных. В завершение разговора вполне искренне заверил, что в корне пересмотрел прежние убеждения и хотел бы всецело посвятить себя пастырскому служению. Сергей Ильич слушал, почти не перебивая, но при этом делал какие-то пометки в блокноте. Мы договорились встретиться на том же месте через три дня. На всякий случай он оставил свой номер телефона. Выходило, что обо мне отнюдь не забыли и наверняка чего-нибудь хотят.

В другой раз Сергей Ильич в разговоре заметил, что сказанное мной полностью подтвердилось. Тут же добавил, что не сомневается в искренности моего рассказания. Помолчав, с холодком в голосе проговорил: «Но как вы понимаете, Олег Михайлович, для нас этого недостаточно. За спиной у вас судимость за особо опасное государственное преступление. Став священником, вы будете иметь дело со многими людьми. Город у нас портовый, заходят иностранные суда. Нам известны случаи вербовки, в том числе и среди верующих. В этой связи ваше содействие в выявлении враждебных элементов было бы для нас весьма полезно, тем самым подтвердилось бы, что разрыв с антисоветским прошлым не пустые слова. Если вы пойдете нам навстречу и согласитесь сотрудничать, вопрос с принятием сана будет решен положительно».

Признаться, я предвидел, что разговор непременно примет такой оборот, и поэтому решил объясниться на чистоту. «Понимаю, Сергей Ильич, что для вас это работа, и вы не можете поступить иначе. Но, говоря по совести, то дело, которым я намереваюсь заняться, трудно совместимо с вашим предложением. Надо полагать, вас будет интересовать информация не только о шпионах, но также о священнослужителях и прихожанах. По натуре я человек внутренний, переживательный, одним словом, «самоед». Сидеть между двух стульев мне будет психологически непросто. А лишившись душевного покоя, вряд ли я смогу достойно совершать службы священника. Надеюсь, вам известно, что несколько человек из бывших политзаключенных стали церковнослужителями и ныне не вызывают никаких нареканий со стороны властей. Дайте же и мне шанс быть полезным верующим людям...»

В ответ на мои доводы и заверения Сергей Ильич дал понять, что он всего лишь выражает установку руководства. Подытоживая, снова предложил хорошенько подумать. Под впечатлением от встречи розовые крылышки моих ожиданий оказались изрядно подрезанными.

В то время я квартировал у одной благочестивой старушки. В маленькой комнатке в изголовье кровати меня всякий раз встречала фотокарточка моих дорогих и далеких Катерины и сынишки Никона. Возвратившись вконец расстроенным, я отказался от ужина и, не раздеваясь, улегся поверх покрывала. На душе было муторно и, как случалось при сильных переживаниях, слегка подташнивало. Не отпускало горькое осознание, что и на этот раз мои молитвы и старания оказались напрасными. Предстояло навсегда отказаться от несбыточных притязаний и ни с чем вернуться обратно.

Много раз наяву и во сне мне являлось одно и то же видение... Малая церковка среди сосен на берегу Белого моря, и тут же – деревянный домик с палисадом и георгинами в нем. Нам втроем было бы хорошо и покойно на любезном моему сердцу русском севере. Обретаясь там, хотелось духовно застолбиться, выровнять и упрочить мои ломкие отношения с Божиим Небушком. Ожидания, что вчера казались обнадеживающе возможными, теперь готовы были рассыпаться как карточный домик.

В воспаленном сознании, крадучись, подступали сомнительные думки: «А что если согласиться для вида?.. А когда рукоположат, – фигу им!.. Вывернусь, придумаю что-нибудь. В конце концов, не извергнут же они меня из сана».

Проснувшись, вспоминаю, что завтра 30 ноября – у сыночка Никона именины. Мы нарекли его в честь

игумена Радонежского, восприемника преподобного Сергия. Днем испросил у Владыки благословения пойти назавтра храм, причаститься и помолиться за малыша. Подумать только, прошло два года как Катерина порадовала его рождением. Когда забирал их из роддома, сердце мое билось восторженным колотьем: «Ника, сынок, тебе как продолжателю фамилии Господом дано воспринять и продолжить наше родовое начало».

Вспоминаю незабвенные минуты семейной идиллии: Катерина, покормив его, положила, спленатого, на одну из подушек тахты. Ублаженный мамой, он сладко заснул. Осторожно улегшись рядом, я с умилением вдыхал сладковатый запах младенческого тельца и скоро последовал его примеру. Когда мы проснулись, Катерина с милой улыбкой обмолвилась: «Зашла взглянуть, как вы там... Вижу трогательную картину: лежат себе оба моих мужичка, папа и сынок, спят-посыпаивают... А ты еще, Олежка, его бережно так рукой обнял».

На другой день, придя в храм, объяснил отцу Иоанну, что ныне хотел бы помолиться не в алтаре, а перед образом преподобного Никона. День был будний, народу почти никого. На клиросе трое певчих: Аглай, Мария и баритон Федор. Отец Иоанн негромко возглашает ектены, а они напевно вторят: «Господи помилуй». Молясь, стараюсь представить маленького Нику, каким он запомнился мне накануне отъезда: во фланелевой пижамке, заспанный он по-детски смущался, уклоняясь от моих поцелуев.

«Преподобный отче Никоне, моли Господа Иисуса Христа за тезоименитого младенца, сыночка нашего. Да ниспошлет ему Господь возрастание в вере, уразумение святых заповедей и телесное здоровье...»

При Малом входе вижу, как впереди батюшки с напрестольным Евангелием чинно ступает со свечой в руках его пятилетний внук Степочка. В голубеньком стихарике, льноволосый и большеглазый, он походит на небесного херувимчика. Любаясь им, думаю: «Дал бы Господь когда-нибудь и мне в сослужение отрока Никона, молитвенно взывать перед святым престолом». Представил нас вдвоем в алтаре – и сразу просветело на душе, но ненадолго... Как удар в спину – холодащий голос совести: «А что будет, если он, когда вырастет, все узнает?.. Чем я оправдаю свое малодушие?..»

Солью на рану звучат слова просительной ектении: «Христианския кончины жизни нашей, безболезнены, непостыдны, мирны и доброго ответа на Страшном Судищи Христове просим». Сколько раз я все это слышал с внутренней отстраненностью... Но теперь слова ектении касались меня напрямую. Погруженный в себя, слышу, как с клироса доносится: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Становится трудно дышать: «Выходит, я никогда не удостоюсь неизреченной радости видеть Господа». Стою, рассеянно молюсь и все неотступно думаю... Душа болит, будто ее в аду мучат...

И вдруг, словно очнувшись, слышу старчески слабый голос отца Иоанна, произносящего слова евхаристического канона: «Святая Святым!» Пораженный ими, внутренне вскрикиваю: вот оно то, единое на потребу, что мне надо было услышать в ответ на мои терзания!..

После отпуста, прикладываясь ко кресту и иконе Преподобного, я точно знал, что предстояло мне сделать в ближайшие дни. Прежде всего, до последнего момента не беспокоить и не огорчать Владыку. Больше недели потребуется, чтобы сняться с воинского учета

и выписаться. На обратный билет до Караганды денег у меня не было: почти всю получку высыпал Екатерине. Следующая ожидалась лишь после 20 декабря.

Когда паспорт и авиабилет грели мой карман, с тяжелым сердцем, превозмогая себя, отправился к Владыке. За четыре месяца мы по-доброму сблизились. Тесное общение в поездках и на службах приоткрывало черты и качества его натуры, которые мне хотелось перенять.

Припомнилось, как по осени нам предстояло служить в небольшом городке на Двине. Храм, величественный, но запущенный, высился на краю крутого берега. В свое время имел три придела, но сейчас служили только в одном из них – боковом. Отгороженный ради тепла дощатой перегородкой, он был тесноват даже для небольшого числа молящихся. По завершении литургии пошли крестным ходом вокруг церкви. Конец октября, голубеющее в разрывах облаков небо, бодрящий холод осени... По сторонам нетронутые временем северодвинские красоты. Три десятка прихожан со светлыми лицами и нестройным пением шли за священным совсем еще молодым архиастырем.

Когда поднялись по выщербленным ступеням на паперть, Владыка перед входом неожиданно оставил меня при себе, в то время как духовенство и миряне вернулись к месту молитвы. Вдвоем мы вошли в бесприютно пустое, выстуженное пространство главного придела. В пятиярусном поблекшем иконостасе отсутствовало около трети икон. Глазницы подрамников были заделаны фанерой, по которой мелом обозначены названия изъятых образов. Владыка с печалью в лице долго кропил иконостас. Под конец, не глядя на меня, с горечью промолвил: «Пять лет как забрали, якобы на реставрацию... Сами ничего не хотят делать и нас не допуска-

ют...» В пустом алтаре на подоконнике, что справа от Горнего места, Владыка заметил запыленный алюминиевый потир. Он достал носовой платок и некоторое время бережно протирал священный сосуд. Повернувшись, он передал мне потир. В это мгновение я заметил на глазах его слезы. «Видишь, Олег, это и есть давно предсказанная мерзость запустения на святом месте...»

Подъезжая к архиерейскому дому, представил его огорчение по поводу моего непредвиденного отъезда. Объясняясь, открылся ему не до конца, но он все понял и, как мне показалось, о многом догадался. И снова на его лице появилось знакомое горестное выражение. Прощаясь, Владыка с отеческой теплотой напутствовал меня: «Здесь, на земле есть обстоятельства, явно сильнее нас, но Господь все способен превозмочь. Главное, Олег, сохрани веру в сердце, а остальное Он вернет тебе сполна». Благословив, он подарил мне первый том «Настольной книги священнослужителя», которым я так и не стал.

Что греха таить, чувство досады и огорчения долго потом не оставляли меня. Но через полтора года открылось то, чего я не мог провидеть по человеческой недалекости... Еще в лагерной зоне заметил, как слабеет зрение. Из-за этого в бытность у Владыки при чтении шестопсалмии специально не гасили люстру, так как читать при свечах мне было уже затруднительно. По возвращению в Караганду тревога за глаза нарастала. После серьезного обследования я был потрясен заключением. Мне сообщили, что через год-два я утрачу способность читать, через десять лет – самостоятельно передвигаться, а к 50 годам напрочь ослепнущ. Невозможно было в это поверить, но, к сожалению, все произошло по писанному.

Задним умом благодарно сознаю, что тогда, на севере Господь уберег меня от многих душевных мук, которые пришлось бы претерпеть из-за разительной перемены жизни. Горько было бы из-за болезни глаз оставить учебу в семинарии и тем более –выстраданное поприще православного пастыря...

Из всех моих немощных молитв особую возношу за сына Никона. Не случись в его именины чудесного вразумления, какого мне было бы предстать перед Богом взыскующим?! Радует, что он в Церкви, венчался, и они с Верой растят двоих детей.

И меня, недостойного, Вселюбящий Господь доныне не оставляет своими милостями.

«ВЕРЬ В ВЕЛИКУЮ СИЛУ ЛЮБВИ!..»

Это случилось незадолго до выхода Иисуса на проповедь. Один язычник пожелал узнать, что представляет собой Бог, Которого исповедуют иудеи. К досаде, они не могли дать правильного и вразумительного ответа, так как исказили понимание Бога суемудрым человеческим преданием. Наконец, кто-то подсказал ему обратиться к законоучителю Гамалиилу, у которого назидался будущий апостол язычников Павел. Полагая, что Гамалиил, подобно прочим фарисеям, станет долго и нудно рассуждать по поводу его вопроса, язычник пошел на хитрость: «Равви, я готов поверить в вашего Бога, если ты расскажешь мне о Нем, пока я буду стоять на одной ноге». Старец едва заметно улыбнулся в бороду и сказал: «Не трудись, не успеешь ты встать, как услышишь ответ: Бог есть любовь. А познать Его можно, исполнив две заповеди: возлюби Господа Бога и ближнего твоего как самого себя. В этом суть, а все остальное – комментарии».

Все вокруг проникнуто присутствием Создателя. Он посыпает на землю теплые дожди, которые купают свежие побеги зеленеющих полей. Нас зачаровывают вишневые сады, от вида их хочется прошептать слова восхищенной благодарности. Но если Бог так очевидно

нужен нам, то спрашивается: зачем мы Ему? Видно за тем, что истинная любовь не может быть самозамкнутой, бездеятельной. Она вечно побуждаема делиться преизбыточной полнотой истины и блаженства. Благодаря ей в мгновение ока золотыми россыпями замерцали бесчисленные галактики. В голубоватой дымке атмосферы закружилась юная Земля. Все на ней цвело и любило: гибкий плющ обвивал шершавый ствол дуба, волчонок шаловливо игрался в траве со своим ровесником ягненком. Заботливая Ева протягивала мужу пригоршни алых ягод.

И не было бы конца эдемской идиллии, если бы люди воздавали небу ответным чувством. Увлеченные искусствителем, в падении своем, они, казалось, лишились милости Творца. Однако Его сострадающая любовь к ним, обманутым и несчастным, осталась неизменной. Отпадших, но раскаявшихся Он готов был примирить с Собою через жертвенную любовь Единородного Сына Своего. То было чувство, стоившее Спасителю кровавого пота, крестных мук и отданной за нас бесценной жизни.

Верь в великую силу любви!..
Свято верь в ее крест побеждающий,
В ее свет, лучезарно спасающий,
Мир, погрязший в грязи и крови,
Верь в великую силу любви!

С. Я. Надсон

ХРИСТОС И РАЗБОЙНИК

Иисуса осудили в пятницу, незадолго до иудейской Пасхи. Накануне Он провел бессонную ночь: допрос у первосвященника, а затем и у римского прокуратора. За два часа до того, как Ему возложили на плечо тяжелый крест, воины Пилата глумились над Ним: рядили Его в шутовскую накидку, оплевывали, били по щекам, полосовали тело ударами жутких семихвостых бичей. Господь так ослаб, что не мог нести крест, грубо сколоченный и увесистый.

Вместе с Ним к месту распятия вели двух разбойников. Они видели, что людям в толпе был интересен только Он, изможденный Учитель из Назарета, богохульно именовавший Себя Сыном Всеышнего. Все взоры были устремлены на этого Человека, в лицо Ему что-то кричали, указывали на Него пальцами, а на них не обращали никакого внимания. Это озлобило обоих разбойников. Когда Иисус оступался, они награждали Его издевками, стоило Ему замедлить шаг – злобными окриками понуждали Его идти. Больше всего их раздражало Его скорбное молчание. Он не отвечал на оскорбительные, хлестки выкрики, лицо Спасителя выражало печаль и покорность.

Некоторые в толпе не могли оставаться безучастными, сердбольные женщины от одного вида Несчастного плакали. Он взглянул в их сторону, и сострадание изобразилось в Его взгляде: «Дщери Иерусалимские! Не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших, ибо приходят дни, в которые скажут: блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы не питавшие!» (Лк.23:28–29) При этих словах один из разбойников вспомнил свою жену и ребенка, давно брошенных им. Нечто похожее на сожаление шевельнулось в его очертавшей душе, но он тут же отогнал от себя расслабляющее воспоминание.

Когда процессия поднялась на каменистый горб Голгофы, осужденным приказали положить кресты на землю возле вырытых ямок. Часть воинов кольцом оцепила место казни. Остальные, повергая осужденных на кресты, резкими ударами молотков пробивали им руки и ноги гвоздями. Оба разбойника, крича от боли и бессилия, проклинали своих мучителей. А их едва живой сотоварищ по казни и теперь молчал, хотя было видно, что Ему тяжелее всех переносить истязающую пытку.

Когда кресты с пригвожденными телами подняли и затем резко опустили концами в ямы, слышно было, как хрустели на руках у несчастных разрываемые сухожилия. Разбойники истошно кричали и бралились. Но Сын Человеческий и тут не вскрикнул, и лишь лицо Его еще больше побледнело и покрылось крупными каплями пота. Теперь все трое, обвисши на крестах, были видны вся кому в толпе, из которой с вызовом кричали: «Если Ты Сын Божий, сойди со креста, спаси Себя Самого...» (Мф.27:39) Стоявшие в первых рядах фарисеи и книжники самодовольно заявляли, обращаясь к на-

роду: «Других спасал, а Себя Самого не может спасти. Если Он Царь Израилев, пусть теперь сойдет с креста, и уверуем в Него» (Мф.27:42).

Кресты располагались так, что осужденные могли видеть лица друг друга. Один из злодеев, тот, что дуро-
гой вспомнил об оставленной жене и ребенке, перестал злобиться и неотрывно смотрел на Христа. Он слышал, как Тот горячо и слезно молился за Своих мучителей, за тех, которые поносили Его: «Отче! Прости им, ибо не знают, что делают» (Лк.23:34). Помимо горестной, едва слышной молитвы ни единого слова ропота не сорвалось с Его губ. Когда разбойник перевел взор на своего товарища, то поразился, насколько вид его был отличен от Страдальца, осужденного вместе с ними. На лице Христа отразилось сострадание к распинавшим Его, в то время как лицо разбойника было перекошено гримасой животной ненависти. С одних уст слетали слова молитвы, а другие извергали ругательства. Вид одного говорил о покорной готовности испить свою чашу, другой в исступлении корчился на кресте, не желая сми-
риться с участью.

В тот момент что-то перевернулось в душе разбойника. Ему вдруг захотелось быть похожим на человека, которому никто не верил, называя его самозванцем. В непостижимом озарении ему открылось, что никто из простых смертных не способен на подобную любовь и всепрощение, только Сын Божий мог явить их. Чувствуя, как неизведанная благость наполняет его сердце, он попросил Иисуса о самом важном, самом неотложном: быть похожим на Него во всем том человечном, что давно уже утратило его неприкаянное к добру сердце. В тот день и час он был единственным из толпы, кто признал в распятом и отверженном Учи-

теле из Назарета своего Спасителя. «Помяни меня, Господи,— взмолился он,— когда приидешь в Царствие Твое!». Лицо Христа в ответ на мольбу разбойника тронула слабая улыбка: «Говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю».

Голгофа

Распятый на кресте нечистыми руками,
Меж двух разбойников Сын Божий умирал.
Кругом мучители нестройными толпами,
У ног рыдала мать; девятый час настал:
Он предал дух Отцу. И тьма объяла землю.
И гром гремел, и, гласу гнева внемля,
Евреи в страхе пали ниц.
И дрогнула земля, разверзлась тьма гробниц,
И мертвые, восстав, явились живыми.
А между тем в далеком Риме
Надменный временщик безумно пировал,
Стяжанием неправедным богатый,
И у ворот его палаты
Голодный нищий умирал.
А между тем софист, на догматы ученья
Все доводы ума напрасно истощив,
Под бременем неправд, под игом заблужденья
Являлся в сонмищах уныл и молчалив.
Народ блуждал во тьме порока,
Неслись стенания с земли.
Все ждало истины. И скоро от Востока
Пришельцы новое ученье принесли.
И, старцы разумом и юные душою,
С молитвой пламенной, с крестом на раменах,
Они пришли — и пали в прах
Слепые мудрецы пред речию святою.

И нищий жизнь благословил,
И в запустении богатого обитель,
И в прахе идолы, а в храмах Бога сил
Сияет на кресте голгофский Иискупитель!

A. H. Anухтин

В Гефсиманском саду

... И в этот час, гласит преданье,
Когда, сомнением томим,
Изнемогал он от страданья.
Все преклонилось перед ним.
Затихла ночь и благоговенье,
И слышал он: «Моих ветвей
Колючий терн – венцом мученья
Возложат на главе твоей;
Но терн короною зеленою
Чело святое обовьет -
В мир под страдальческой короной.
Как царь царей, Господь войдет!»
И кипарис, над ним шумящий,
Кому шептал во тьме ночной:
«Благослови Господь скорбящий, –
Велик и славен подвиг твой!
Я вознесу над всей вселенной
Мой тяжкий крест, и на кресте
Весь мир узрит тебя, смиренный,
В неизреченной красоте!»
Но снова он в тоске склонялся,
Но снова он скорбел душой –
И ветер ласковой струей
Его чела в тиши касался:
«О, подними свой грустный взор!
В час скорби, в темный час страданья

Прохлады свежее дыханье
Я принесу с долин и гор,
И нежной лаской аромата
Твои мученья облегчу,
И от востока до заката
Твои глаголы возвещу!»

И. А. Бунин

ЗАРЯ ПОБЕДНОГО ВОСКРЕСЕНИЯ

Подавленный и скорбный, спал Иерусалим. Несколько женщин, пугливо оглядываясь и осторожно ступая по округлым камням мостовой, пробирались через спящий город. На плече у каждой тяжелел глиняный кувшин. В предутренней свежести чувствовался запах ароматических масел, доносившийся из сосудов. Ни единого слова не слетало с их губ. Печальные и сосредоточенные, торопились они до света прийти ко гробу своего Учителя. Им предстояло совершить то последнее дело, которое живые творят для мертвого: умастить Его тело благовонным миром, как было принято на Востоке. Они не успели сделать в тот страшный день, когда Его подвергли жестокой и позорной казни на кресте. Христос был распят в пятницу, на исходе дня, а заходом солнца начиналась суббота – день покоя. По заповеди в этот день иудеям предписывалось оставить всякие житейские заботы.

Возможно, они шли той самой дорогой, по которой недавно ступал и Он, измученный, обессилевший, всеми оставленный. Разве могли они знать, что века спустя тысячи и тысячи паломников, приезжая в Иерусалим, с благоговением будут ступать по улочкам, освященным крестным путем Сына Человеческого. О чем могли ду-

мать эти женщины в то единственное во всей истории человечества утро, утро Воскресения? Перед глазами неотступно стояла картина Его мучений, которая запечатлелась в памяти каждой сквозь слезы сострадания. Когда тело Господа обессиленно сползло вдоль бруса, Ему становилось трудно дышать. Пытаясь расправить колени и приподняться, Он всей тяжестью упирался в пробитые гвоздями голени, и тогда нечеловеческая боль судорогой перекашивала Его лицо...

Всего лишь неделю назад радостное ликование заливало улицы Иерусалима. Люди встречали Иисуса как царя и Божьего Помазанника. Но Он при виде общего поклонения, разостланных под ноги одежд и веток, криков и приветствий, оставался безучастен к происходившему вокруг. Со скорбью Господь провидел, как те же самые люди будут исступленно кричать Пилату: «Распни Его, распни!».

Так шли они ко гробу, исполненные печалью. Больше всего их заботило, смогут ли они отвалить огромный камень, закрывавший вход в пещеру. Из скупых слов евангельского рассказа мы с большей или меньшей вероятностью можем воссоздать все, что увидели и пережили жены-мироносицы на пути ко гробу Своего Учителя. Идти оставалось совсем недолго, и тут неожиданный подземный толчок испугал их и заставил остановиться. Одновременно им в глаза ударила вспышка ярчайшего света. Напуганные, они выжидавшие остановились, не спуская кувшинов с плеч. Но придя в себя, торопливыми шагами поспешили к месту, откуда просиял свет. Что же они увидели? Камень, который, казалось, навеки отделил жизнь от смерти, тьму пещеры от света дня, недра могилы от небесной выси, был отвален прочь некой нечеловеческой силой. А во мраке пещеры они нашли не

окоченевший труп, а сияющего радостью ангела, возвестившего им: «Что вы ищете живого между мертвыми? Его нет здесь: Он воскрес! Идите, скажите ученикам Его, что Он ожидает их в Галилее» (Лк. 24:5–6).

На Страстной

Еще кругом ночная мгла.
Еще так рано в мире,
Что звездам в небе нет числа,
И каждая, как день, светла,
И если бы земля могла,
Она бы Пасху проспала
Под чтение Псалтыри.
Еще кругом ночная мгла.
Такая рань на свете,
Что площадь вечностью легла
От перекрестка до угла,
И до рассвета и тепла
Еще тысячелетье.

Еще земля голым-гола,
И ей ночами не в чем
Раскачивать колокола
И вторить с воли певчим.
И со Страстного четверга
Вплоть до Страстной субботы
Вода буравит берега
И вьет водовороты.
И лес раздет и непокрыт,
И на Страстях Христовых,
Как строй молящихся, стоит
Толпой стволов сосновых.
А в городе, на небольшом

Пространстве, как на сходке,
Деревья смотрят нагишом
В церковные решетки.

И взгляд их ужасом объят.
Понятна их тревога.
Сады выходят из оград,
Колеблется земли уклад:
Они хоронят Бога.
И видят свет у царских врат,
И черный плат, и свечек ряд,
Заплаканные лица –
И вдруг навстречу крестный ход
Выходит с плащаницей,
И две березы у ворот
Должны посторониться.
И шествие обходит двор
По краю тротуара,
И вносит с улицы в притвор
Весну, весенний разговор
И воздух с привкусом просфор
И вешнего угара.
И март разбрасывает снег
На паперти толпе калек,
Как будто вышел человек,
И вынес, и открыл ковчег,
И всё до нитки роздал.
И пенье длится до зари,
И, нарыдавшись вдосталь,
Доходяттише изнутри
На пустыри под фонари
Псалтырь или Апостол.
Но в полночь смолкнут тварь и плоть,

Заслышав слух весенний,
Что только-только распогодь –
Смерть можно будет побороть
Усилем воскресенья.

Б. Л. Пастернак

Любовь вечна

Любовью ль сердце разгорится,
О, не гаси ее огня!
Не им ли жизнь твоя живится,
Как светом солнца яркость дня?

Люби безмерно, беззаветно,
Всей полнотой душевных сил,
Хотя б любовию ответной
Тебе никто не отплатил.

Пусть говорят: как все в творенье,
С тобой умрет твоя любовь –
Не верь в неправое ученье:
Истлеет плоть, остынет кровь,

Угаснет в срок определенный
Наш мир, угаснут тьмы миров,
Но пламень тот, Творцом возжженный,
Пребудет в вечности веков.

K. K. Романов

БОЛЬ И ЦЕНА ИСКУПЛЕНИЯ

Четверть века назад была осуществлена реставрация Эйфелевой башни, которая является национальным символом Парижа. Со временем около 2-х миллионов заклепок, на которых держится это грандиозное сооружение, пришли в негодность. Потребовалась их замена. В итоге, реставрация башни обошлась в три раза дороже, чем возведение. Труды и затраты на реконструкцию стоили того: ее стройный, впечатляющий силуэт по-прежнему радует и украшает панораму города.

Изначально сотворенный мир был дивен и совершен. Но после грехопадения последствия зла сказались на всех и повсюду. Ради возрождения человека, возвращения ему равного достоинства с ангелами Богу потребовалось совершить подвиг спасения, непостижимый для умов и сердец.

Что некогда утратил первый Адам – жизнь вечную и красоту богоподобия – мы через веру восприняли от Сына Божьего, Которого Апостол Павел именует Новым Адамом. Человек, заблудший и погибающий, рабски приверженный темным инстинктам и похотям, во Христе обрел Путь, Истину и Жизнь. Но при виде Голгофы и вознесенного на ней креста поражает непомер-

ная цена, открывшая нам врата рая. «... Не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его...» (Послание св. Ап. Павла к Коринфянам, глава 2, 9).

Разум не вмещает жертвенного величия искупления!.. Неужели мы, люди, слабые, ежечасно согревающие, стоим святой крови Того, Кто в пророчествах назван Великого Совета Ангел! (Ис. 9:6)

«... не тленным серебром или золотом искуплены вы от суетной жизни, преданной вам от отцов, но драгоценную Кровию Христа, как непорочного и чистого Агнца, предназначеннаго еще прежде создания мира, но явившегося в последние времена для вас, уверовавших через Него в Бога...» (1 Пет. 1: 18–21)

Ворота рая

Не семью печатями алмазными
В Божий рай замкнулся вечный вход,
Он не манит блеском и соблазнами,
И его не ведает народ.

Это дверь в стене, давно заброшенной,
Камни, мох, и больше ничего,
Возле – нищий, словно гость непрошенный,
И ключи у пояса его.

Мимо едут рыцари и латники,
Трубный вой, бряцанье серебра,
И никто не взглянет на привратника,
Светлого апостола Петра.

Все мечтают: «Там, у Гроба Божия,
Двери рая вскроются для нас,

На горе Фаворе, у подножия,
Прозвенит обетованный час».

Так проходит медленное чудище,
Завывая, трубит звонкий рог,
И апостол Петр в дырявом рубище,
Словно нищий, бледен и убог.

H. C. Гумилев

Пасха в зоне

Всякий праздник является собой радостное или скорбное переживание евангельских и церковных событий, значимых для нашего спасения. Лагерный народ, в большинстве своем, был верующим. Из «стариков» ревностью отличались литовцы-католики, западенцы-униаты, армяне и некоторая часть православных из русских. Хотя дата западной Пасхи чаще всего не совпадала с нашей, но те и другие с искренней благосклонностью поздравляли друг друга с Пресветлым Праздником. С утра после подъема, в бараке и на улице, зэки, встречаясь, приветливо кланялись друг другу со словами: «Христос Воскресе». Услышав в ответ «Воистину Воскресе», троекратно лобызались. Затем, по обычанию, следовали поздравления и пожелания. После ужина собирались и отмечали пасхальное торжество землячествами: русские, украинцы, белорусы, грузины, армяне, прибалты. На братскую трапезу вскладчину приносили что у кого было из вкусностей. Чаю по такому случаю заваривали вдосталь, целое ведро. Пересякрестившись на иконку, не стройно, но воодушевленно пели пасхальный тропарь «Христос воскресе из мертв-

вых, смертию смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав». Угощаясь и беседуя за чаем, читали стихи, пели любимые песни. В общении присутствовал дух дружелюбия и праздничности.

Вспоминаю Пасху весной семьдесят второго года в 17-й «большой» зоне. По обыкновению, в 7 утра дневальный по секции на всю громкость включал радио, что означало подъем. Наши православные из «стариков» – Виктор Константинович Орлович, Николай Дюжий и еще несколько из собратьев с засвеченными лицами уже пошли по баракам. Открывая двери в секцию, радостно возглашали: «Христос Воскресе! Всех вас, братья, с Пресветлым Праздником! После завтрака сердечно приглашаем в «сушилку» на Пасхальную трапезу! Непременно приходите, дорогие наши, ждем вас!» В «сушилке» из трех столов составили один, от порога до окна. На нем – угощение из пряников, конфетюшек и печеньев. По центру знакомо благоухает ведро «байкала» – умеренно крепкого душистого чая. Худенький, сутулый Орлович вместе с рыжебородым Колей Дюжим любезно потчуют братию, то и дело доливая черпаком из ведра в общую кружку. После двух отпityх глотков она по кругу переходит от одного к другому. За столом радушное оживление, не покидающее чувство духовной общности.

Столько лет прошло, но всякий раз, отмечая Праздник праздников и Торжество из торжеств, вспоминаю зону, печалуюсь, что душе недостает той, прежней полноты светлых переживаний Христова дня...

Воскресение

Опять на святцах – русская весна.
И снова Ты, оставил Вифсаиду,

Идешь туда, где, выместиив обиду,
Тебя събьет глумливая волна.

Но, Господи, отныне и навеки
К подножью вознесенного креста
Березы юные, творя святой устав,
Печально клоняют шелковые ветви.

И малых рек студеная водица,
Все слезы непросохшие вобрав,
Смешав их с благостью пасхальных трав,
Тебя зовет на землю возвратиться.

Чтоб навсегда, животворя творенье,
Превозмогая запустенья срам,
Вознесся к небу бело-синий храм
Пресветлого Христова Воскресенья!

O. M. Сенин

О наступлении ожидаемого дня возвещает праздничный трезвон колоколов над городами и всеми необъятной России. Многие считают святым делом посетить на Пасху храм Божий. Стоя с вожеными свечами на пасхальной службе, всякий раз заново переживаем чувство душевного восторга и братского единения. Отрадно собраться всей семьей, с гостями и родственниками, за столом с румяными куличами и многоцветьем крашеных яиц. Как никогда, в этот день мы сознаем, что мы люди крещеные, православные, что вера наша древняя, апостольская.

Сколько до слез родного в обличии белокаменных златоглавых церквей! Сердце просветляется от малино-

вого колокольного звона, воистину ангельского церковного пения, кроткого мерцания лампад перед украшенными иконами.

Верится, что Христос Воскресший поможет нам стать чище и человечней, побудит к деятельной заботе о ближних и дальних.

Кремлевская заутреня на Пасху

В безмолвии, под ризою ночною,
Москва ждала; и час святой настал:
И мощный звон промчался над землею,
И воздух весь, гудя, затрепетал.
Певучие, серебрянные громы
Сказали весть святого торжества;
И, слыша глас, её душе знакомый,
Подвиглася великая Москва.
Всё тот же он: ни нашего волненья,
Ни мелочно-торжественных забот
Не знает он, и, вестник искупленья,
Он с высоты нам песнь одну поёт,—
Победы песнь, песнь конченного плена.
Мы слушаем; но как внимаем мы?
Сгибаются ль упрямые колена?
Смиряются ль кичливые умы?
Откроем ли радушные объятья
Для страждущих, для меньшей братии всей?
Хоть вспомним ли, что это слово — братия —
Всех слов земных дороже и святей?

A. C. Хомяков

БЕСПЛОДНАЯ СМОКОВНИЦА

Сталкиваясь с неудачами, мы ломаем голову, пытаясь отыскать причину невезения. Казалось бы, все про-думали, изо всех сил старались, а в итоге получили нечто иное. Примеров тому в повседневности и истории предостаточно. На глазах поколения рушились дерзновенные политические замыслы, разваливались твердыни тоталитарных режимов, выдыхались громкогласые идеологии. Не успокаиваясь, мы пытаемся докопаться до первопричины происходящего в мире и с нами. Люди верующие, не пренебрегая историческим анализом, стремятся осмыслить ход событий через призму слова Божия. Они убеждены, что на многие из вопросов ответ дан в Божественном Откровении. Господь в свое время предрек: «Всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится» (Мф. 15:13). Выходит, совершающее без веры и вопреки воле Его,— заведомо обречено.

В подтверждение обратимся к знаменательному случаю из жизни Спасителя: «Поутру же, возвращаясь в город, взялкал и, увидев при дороге одну смоковницу, Подошел к ней и, ничего не нашед на ней, кроме одних листьев, говорит ей: «Да не будет же впредь от тебя плода вовек». И смоковница тотчас засохла. Увидевши это,

ученики удивились и говорили: «Как это тотчас засохла смоковница?» Иисус же сказал им в ответ: «Истинно говорю вам: если будете иметь веру и не усомнитесь, не только сделаете то, что сделано со смоковницей, но если и горе сей скажете: поднимись и ввергнись в море, будет. И все, чего не попросите в молитве с верою, получите» (Мф. 21:18–22).

Спрашивается, почему Христос так сурово обошелся со смоковницей? Вероятно, тем самым Он хотел преподать некий урок ученикам... Незадолго до этого на их глазах Господь в святом негодовании изгонял из храма шумных торговцев и меновщиков. Суeta и присутствие в святом месте нечистых на руку менял приижали его назначение быть Домом молитвы и поклонения. Подобное отношение к святыне говорило об ослаблении духовности среди иудеев. Иными желал видеть Господь Свой храм и Свой народ.

Похожее чувство Христос испытал, подойдя к смоковнице. Известно, что листья на ней появляются почти одновременно с плодами и свидетельствуют об их вызревании. Направляясь к зеленеющему дереву, Иисус надеялся утолить жажду сочными смоквами, но к досаде их не оказалось. И тогда у него вырвались горестные слова осуждения бесплодной смоковнице: «Да не будет же впредь от тебя плода вовек».

Чуть позже Господь пророчески предсказал разрушение храма Иерусалимского: «... И выйдя, Иисус шел от храма; и приступили ученики Его, чтобы показать Ему здания храма. Иисус же сказал им: видите ли все это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; все будет разрушено...» (Мф. 24:1–2) Иерусалимский храм являлся святыней и гордостью иудеев. Достигая высоты десятиэтажного здания, он

величественно красовался посреди города на Храмовой горе. Подобно сказочному миражу, он возникал перед взорами паломников, шедших на поклонение. Здание имело 10 ворот, обитых листами красного золота. Сплав золота и меди в те времена ценился значительно дороже, чем благородный металл. Некоторые из ворот достигали двенадцатиметровой высоты. Особенно поражали своим великолепием и размерами врата во Святое Святых. Над ними под сводами сияла позолотой огромная виноградная гроздь. Завеса, отделявшая храмовое пространство от «Святого Святых», была соткана из дорогой разноцветной шерсти. Каждый из цветов символизировал земные стихии: небо, землю, огонь, воду. По полю завесы были обозначены известные тогда планеты Солнечной системы. Взирая на нее, иудеи, приходившие в храм, с благоговением постигали, что Создатель всего видимого и невидимого присутствует здесь, среди них. Каждое утро множество священников и левитов при звучании труб, с пением и каждением фимиама совершали торжественный церемониал служения. Но однажды произошло невероятное: завеса разодралась сверху донизу!.. Это случилось в день и час Голгофского Распятия, когда содрогнулась земля, и затмилось солнце над Иерусалимом. То было грозным знаком скорого разрушения храма. Очевидцы рассказывали, что в один из вечеров они явственно слышали голоса: «Уйдем отсюда» – и легкий звук шагов. По преданию, это ангелы покидали храм, ибо со дня Воскресения Бог духом пребывает в сердцах Своих последователей. Помимо всего, сами собой открылись входные врата, что было под силу лишь дюжине сильных мужчин. Тридцать лет спустя, в 67 году от Рождества Христова, иудеи

восстали против ига римлян. При осаде Иерусалима храм загорелся от брошенной внутрь головни. Иосиф Флавий сообщает об устрашающем зрелище пожара и отчаянии иудеев при виде святыни, охваченной огнем. В это время в самой Иудее и по всей шире Римской империи возникали и множились общины Церкви Христовой. И никакие силы, как ни пытались, не могли в веках искоренить веру во Христа. Господь, созидая Церковь, предрек, что врата ада никогда не одолеют ее (Мф. 16:18).

Трагическая участь постигла и сам Иерусалим. Христос со слезами сокрушения предсказал черные дни для города и всего народа: «Иерусалим! Иерусалим! Избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов под крылья. И вы не захотели. Се, оставляется ваш дом пуст» (Лк. 13:34–35). На пути к Голгофе измученный вид Христа вызывал у некоторых женщин слезы сострадания. Остановившись, Он обратился к ним: «Дщери Иерусалимские! не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших, ибо приходят дни, в которые скажут: блаженны неплодные, и утробы неродившие, и сосцы непитавшие! Тогда начнут говорить горам: падите на нас! и холмам: покройте нас! Ибо если с зеленеющим деревом это делают, то с сухим что будет?..» (Лк. 23:28–31)

Осада Иерусалима вызвала страшный голод, люди умирали тысячами. Были случаи, что обезумевшие матери поедали собственных детей. 60 лет спустя после тех событий, римский император Адриан, подавив новое восстание иудеев, в конец разрушил Иерусалим. В знак отвержения он повелел пройти бороздой по улицам города и посыпать их солью. Даже название города

было запрещено для произношения. Он стал именоваться Элия Капитолино. Желая покарать иудеев, император Адриан издал указ, запрещавший им под страхом смерти оставаться в пределах земли обетованной. С того года началось предсказанное пророками рассеяние иудеев, затянувшееся на века. Вместо них пришел новый Божий народ, верой устремленный к горнему Иерусалиму.

По слову Спасителя, обрести Небесное Отчество можно при единственном условии: «Если будете иметь веру и не усомнитесь» (Мф. 21:21). Оно применимо ко всякому намерению и делу. Когда жизнь нераздельна с Его волей, любое начинание завершится благословенным итогом. Напротив, возводимое на песке неверия неминуемо завалится. Вера придает силы и разумения жить по заповедям, а они, как известно, проникнуты благожеланием по отношению к нам.

«... Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое...» (Мф. 7:24–27)

И ныне

Над нами те же, как древле, небеса,
И так же льют нам благ своих потоки,
И в наши дни творятся чудеса,
И в наши дни являются пророки.

Бог не устал: Бог шествует вперёд;
Мир борется с враждебной силой змия;
Там – зрит слепой, там – мёртвый восстает:
Исаия жив и жив Иеремия.
Не истощил Господь Своих даров,
Не оскудел верховной благодатью:
Он всё творит – и библия миров
Не замкнута последнею печатью.
Кто духом жив, в ком вера не мертва,
Кто сознаёт всю животворность слова,
Тот всюду зрит наитье божества.
И слышит все, что говорит Егова.
... И брата он, как Каин, не сразит;
Гонимого с радушной лаской примет,
Смирением надменных пристыдит,
И слабого и падшего подымет...

В. Г. Бенедиктов

ЖИЗНЕННЫЙ УЗОР ТАВИФЫ

Тавифа жила в Иоппии, старинном городе, некогда бывшем портом Иерусалима в Средиземном море. Название его означало «высота и красота». Так совпало, что скромная, немногословная женщина-христианка имела редкий дар доброхотного служения людям. Жила она в первоапостольском веке, когда последователей Христа отличали горение веры и дух жертвенности. Первые христиане не читали Евангелия, которое еще не было написано. Назидаясь словами апостолов, они напитывались тем, что слышали. Тем не менее, эти люди поражают жаром любви и готовностью умереть за Господа.

Всякое слово апостолов ложилось на верное Богу сердце, готовое к сиюминутному исполнению слышанного. Дух Евангелия претворялся в личной жизни и благовестии. Стоило им услышать «Блаженнее давать, нежели принимать», как они продавали имения и несли полученное к ногам апостолов. Услышав слова «Блаженны плачущие», они покорно сносили несправедливые наветы и оскорблении от язычников. Отвечая на призыв Христа «Бодрствуйте и молитесь», они собирались по ночам в катакомбах молиться и оплакивать убиенных собратьев. Во время гонений их утешала заповедь «Блаженны изгнанные за правду, ибо их

есть Царство Небесное» (Мф. 5:10). В надежде быть с Господом здесь и на Небе они вместе с Ним терпели крестные муки.

До нас не дошло ни единого случая сопротивления в ответ на преследования. Так они исполняли заповедь «Любите врагов ваших». Униженные, но духовно не сломленные христиане приклоняли головы под меч, претерпевали пытки, с молитвой встречали смерть от зверей в языческих цирках и амфитеатрах.

«... Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас...» (Мф. 5:11–12)

Эти люди жаждали Христовой праведности, и потому сила Святого Духа побуждала их, несмотря ни на что, свидетельствовать о своем Господе. «... Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать...» (Мф. 10:9)

В Риме

Средь Рима древнего сооружалось зданье –
То Нерон воздвигал дворец свой золотой;
Под самою дворца гранитною пятой
Былинка с кесарем вступила в состязанье:
«Не уступлю тебе, знай это, царь земной,
И ненавистное твое я сброшу бремя».

— Как, мне не уступить? Мир гнется подо мной.—
«Весь мир тебе слугой, а мне слугою — время».

Ф. И. Тютчев

В те годы жила, веровала и трудилась Тавифа. В книге «Деяния святых апостолов» приведены слова, что она была «исполнена добрых дел и творила много ми-

лостынь» (Деян. 9:36). Не покладая рук Тавифа служила людям, чем могла: шила одежду, искусно расшивала райскими цветами рубашки и платья. Вырученные деньги шли на дела милосердия. Многие в городе любили Тавифу за душевную щедрость и неутомимость в добрых делах. Нуждающихся она утешала ласковым словом и поделками своих искусственных рук.

Но случилось непредвиденное: Тавифа занемогла, слегла, и через несколько дней ее не стало. После ее кончины разом открылось, как она была всем нужна,— так много было тех, кто ее оплакивал.

В общем горе, как солнечный лучик, засветилась весть, что рядом, в Лидии, проповедует и творит чудеса ближайший ученик Спасителя — апостол Петр. Тотчас отправили за ним. Энергичный Петр, узнав о случившемся, с готовностью отозвался идти в Иоппию. Придя, он увидел слезы родных и подруг Тавифы, услышал рассказы о ее удивительном милосердии. Глядя на кроткое, просветленное лицо умершей, Петр многое понял. Затем он обратился с молитвой к Тому, Чьей благодатию она обрела людское признание. И на радость многим Господь воскресил добросердую женщину!..

Чему бы жизнь нас ни учила,
Но сердце верит в чудеса:
Есть нескудеющая сила,
Есть и нетленная краса.
И увядание земное
Цветов не тронет неземных,
И от полуденного зноя
Роса не высохнет на них.
И эта вера не обманет
Того, кто ею лишь живёт,

Не всё, что здесь цвело, увянет,
Не всё, что было здесь, пройдёт!
Но этой веры для немногих
Лишь тем доступна благодать,
Кто в искушеньях жизни строгих,
Как вы, умел, любя, страдать,
Чужие врачевать недуги
Своим страданием умел,
Кто душу положил за други
И до конца всё претерпел.

Ф. И. Тютчев

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЛУДНОГО СЫНА

Суть притчи проста, но глубоко назидательна. Она выражает горький опыт отпадения от Бога отдельного человека и человечества в целом. Из нее же мы узнаем о неизбежности покаяния и возвращении в отчий дом.

Вслушаемся в строки притчи: «Еще сказал: у некоторого человека было два сына; И сказал младший из них отцу: отче! дай мне следующую мне часть имения. И отец разделил им имение. По прошествии немногих дней, младший сын, собрав все, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно. Когда же он прожил все, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; И пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; И он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. Пришед же в себя, сказал: сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода! Встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою, И уже недостоин называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих. Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и,

побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: отче! я согрешил тебе: отче! я согрешил против неба и пред тобою, и уже недостоин называться сыном твоим. А отец сказал рабам своим: принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; И приведите откормленного теленка и заколите: станем есть и веселиться, Ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся. И начали веселиться» (Лк.15:11–24).

Бросается в глаза вызывающий поступок сына и отношение к случившемуся отца, терпеливое и сострадательное. Казалось бы, чего не доставало ему и что побудило, оставив за спиной уют и довольство, искать счастья на чужбине? Побудительная причина греха состоит в обманчивом убеждении, что счастье вовсе не в Боге, а где-то там, на стороне, далече. Давнее и роковое заблуждение!..

В райских кущах Сатана искушал первых людей лживой, но заманчивой возможностью сделаться подобными Богу. И тогда они сами станут решать, что для них хорошо или плохо. С тех пор это дерзкое настояние заявляет о себе в каждом из живущих. Как следствие – вызов всему и вся, нравственное разложение и утрата подлинной свободы.

В момент объяснения с отцом, самонадеянный юноша не мог предвидеть ожидающих его горестей и лишений. Не сомневаясь в своей правоте, он настаивает на положенной ему части наследства. При этом ему невдомек, что оно было нажито трудом и потом отца. До разрыва сыну ни в чем не было отказа: в доме царил великодушный принцип «все мое – твое». Если бы он мог увидеть себя со стороны во время объяснений с отцом, то устыдился бы своей неблагодарности и бестакт-

ности. Грязя о желанной свободе и разливанном море удовольствий, он знать не хотел, что в эту минуту творится на душе у отца.

Но таков парадокс, горький, как уксус: одержимые личными интересами, мы становимся глухи к доводам и переживаниям наших близких.

Насладившись вседозволенностью и беспечным распутительством, мы неизбежно попадаем в «кузузку» стесненных обстоятельств.

Блудный сын не сомневался, что вдали от родительского дома заживет припеваючи. Ему казалось, что без оглядки на отца, он сможет как надо распорядиться своим кошельком. Однако упрямое своеволие неизбежно сталкивает нас лоб в лоб с непреложными законами бытия, которые установлены вовсе не нами, а самим Господом Богом. Всякие попытки срывать звезды с неба напоминают сизифов труд, никчемный и безрезультатный. Пренебрегая призванием стать «образом и подобием Божиим», незаметно для себя мы опускаемся до низов скотоподобия.

Так произошло и с блудным сыном. С пустым карманом, застигнутый голодом, он рад был напитаться рожками, которыми кормили свиней. Но его бесчувственный хозяин не позволял ему досыта наесться из свиного корыта. Блудному сыну пришлось пережить меру унижения всеми оставленного и вечно голодного человека. Тем более что по понятиям иудеев пасти свиней и находиться рядом с ними считалось пределом нечестия. Вчера еще баловень жизни, он болезненно переживал свое бессилие и неспособность что-либо переменить. Вид окружавшего убожества, бесчеловечность хозяина заставили вспомнить об отчем доме, атмосфере любви и понимания. Прежняя жизнь виде-

лась утраченным раем, а забота отца уже не казалась докучливой опекой. Он готов был со смирением служить в родительском доме последним из наемников, только бы пришел конец постылому прозябанию на чужбине.

Сквозь слезы воспоминаний, прожегшие душу стыдом, он на мгновение увидел себя в лучах былой отцовской любви. Как сказано в притче, блудный сын, наконец-то, одумался и «пришел в себя»: теперь он точно знал, где и как ему следует прожить отведенное Богом время. Но возвращение возможно, если мы переступаем порог покаяния. Побитый жизнью, он отправился обратно, теша себя слабой надеждой на милость отца. А тот все это время продолжал ждать. Он первым завидел сына и, обрадованный, бросился ему навстречу. А тот, пав перед отцом на колени, взмолился словами, что повторял про себя по дороге к дому: «Отче! я согрешил против неба и пред тобой, и уже недостоин называться сыном твоим, прими меня в число наемников твоих» (Лк.15:18–19).

Жалкий вид и слезное раскаяние родного сына расстрогали отца. Он тотчас повелел принести для него лучшие одежды, надеть перстень на руку и созвать гостей на праздничный пир. Понятны чувства, переполнявшие его сердце: ведь его сын «был мертв и ожил, пропадал и нашелся» (Лк.15:32).

Проводя пустопорожнюю жизнь, не стоит забывать о готовности Господа принять в объятия каждого, кто с покаянием возвращается к Нему. Но для нас лучше было бы никогда и не оставлять Всес любящего Отца!.. В истории немало событий и потрясений, причина которых – apostasия – отпадение от Бога, утрата веры в Него.

Великая французская революция 1789 года, глумясь над верой, сжигая на кострах священные книги, пытаясь возвести «авиленскую башню» свободы, равенства, братства. Провозглашенные в декларациях и ре-чах ораторов, высокопарные обещания вскоре были залиты кровью гильотин.

Современная цивилизация, выхолощенная всеобщим безбожием, сделала ставку на благо прогресса и либеральные свободы. Навязчиво насаждается эго-демонизм – независимость человека от Бога, совести и долга. Атеистическая идеологема не разрешила планетарных проблем, а лишь многократно усугубила их. Незатихающие войны, политические перевороты, удушье экологического кризиса, нарастающий вал преступности, наркомании, алкоголизма – все это зловеще присутствует в мире. Вокруг неисчислимое множество искалеченных жизней, похожих, как две капли воды, на мытарства блудного сына.

Хочется, чтобы каждый одумался, пришел в себя и однажды вспомнил, что Господь не переставая ждет и по-прежнему любит заблудших детей Своих.

Он не хочет, чтобы мы, застигнутые пришествием в не-раскаянности сердца, услышали Его горестные слова: «Узами человеческими влек Я вас, узами любви...» (Ос.11:4).

Блудный сын

Ужели, перешедши реки,
Завижу я мой отчий дом
И упаду, как отрок некий,
Повергнут скорбью и стыдом!

Я уходил, исполнен веры,
Как лучник опытный на лов,

Мне снились тирские гетеры
И сонм сидонских мудрецов.

И вот, чтоб грезилось, все было:
Я видел все, всего достиг.
И сердце жгучих ласк вкусило,
И ум речей, мудрее книг.

Но, расточив свои богатства
И кубки всех отрав испив,
Как вор, совершивший святотатство,
Бежал я в мир лесов и нив,

Я одиночество, как благо,
Приветствовал в ночной тиши,
И трав серебряная влага
Была бальзамом для души.

И вдруг таким недостижимым
Представился мне дом родной,
С его всходящим тихо дымом
Над высыхающей рекой!

Где в годы ласкового детства
Святыней чувств владел и я, –
Мной расточенное наследство
На ярком пире бытия!

О, если б было вновь возможно
На мир лицом к лицу взглянуть
И безразумно, бестревожно
В мгновеньях жизни потонуть!

В.Я. Брюсов

Я посох мой доверил Богу
И не гадаю ни о чем.
Пусть выбирает Сам дорогу,
Какой меня ведет в Свой дом.
А где тот дом – от всех сокрыто;
Далече ль он – утаено.
Что в нем оставил я – забыто,
Но будет вновь обретено,
Когда, от чар земных излечен,
Я повернусь туда лицом,
Где – знает сердце – буду встречен
Меня дождавшимся Отцом.

В. И. Иванов

*Из письма от 20 января 1971
Дубравлаг*

Рит, бедная моя плакса!

В последние две недели отсидки в БУРе во мне произошел некий внутренний слом, повернувший меня к светлодушию и иноческой тиности. Кажется никчемным недавнее бунтарское противление, на душу нисходит раздумчивость, от суетности потянуло к вечным истинам. Похоже на то, как реставратор, послойно расчищая старую икону, постепенно, по сантиметру, раскрывает красочную палитру изначального лика. Чувствуешь, помягчал я как-то...

Ты упрекаешь, что не жалею я тебя. Но такое можно сказать лишь с обиды. Сама знаешь – дороже тебя нет человека. Ты для меня всегда была светом и доны-

не осталась родной и лучезарной. Мне ли не жалеть тебя, горемычную мою?.. О многом из того, что полыхает в душе и вокруг меня, ты не ведаешь, потому что в письмах я многого не могу сказать тебе.

Мой уголок

Помимо прочего, одна из тягот лагерной жизни – невозможность побывать одному, уединиться. Все 24 часа в сутки ты на людях, и так изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Но, как говорится, «живая душа калачика просит». Потому-то некоторые из лагерников имеют свою тропку, свой уголок за бараком, где можно если не укрыться, то хотя бы удалиться от людской стесненности. Семнадцатая зона считалась отнюдь не маленькой, барачные секции густо набиты. Зэки спали на двухярусных койках. Приставленные «пара к паре», они составляли «четверики», а еще их называли «вагонки». Получалось, что люди, спавшие как внизу, так и наверху, по сути, спали по двое, хотя каждый на своем ложе. Чтобы в положении лицом к лицу не смотреть и не дышать друг на друга, между койками на ночь натягивали матерчатую занавеску. Счастливчиками оказывались те из зэков, чьи койки стояли крайними от стены. Благодаря этому проход между стеной и кроватью становился своего рода укромным уголком. Его обладатель, сидя спиной к пространству барака, оставался «сам на сам» в своем углу. Такое место я заполучил по счастью в июле семидесят первого, когда из зоны отправили большой этап, и оттого народу в ней изрядно

поубавилось. Возвращаясь в конце дня с рабочей зоны в жилую, я знал, что меня ожидает обжитое уединенное mestечко. В изголовье глаз блазнила иллюстрация И. Шишкина «Рожь», а в тумбочке вместе с карамельками, повидлом и маргарином ждала вожделенная бачонка с растворимым кофе. Умывшись и переодевшись в чистое, предвкушая удовольствие, я приступал к кофейной церемонии. Сыпнув в кружку полную с горкой чайную ложку, отправлялся к бачку с кипятком. Обратно не шел, а шествовал, вдыхая запах, так напоминавший домашние запахи на воле. Целых полчаса до начала проверки можно было побаловаться кофейком, неспешно прихлебывая и откусывая по маленькому кусочку от карамельки. Изнутри медленно, как вода в половодье, поднималось настроение приятства и покоя. После ужина, если приходил кто-то из друзей, можно было доверительно вполголоса поговорить, обсудить свежие журналы, но на этот раз уже за чаем. Местечко мне нравилось и тем, что, принимаясь за письмо, не надо было скрывать выражения лица и набегавших слез.

Зимой того года я работал на «швейке» во вторую смену с 4 часов вечера до 12 ночи. Стремясь побольше быть на воздухе, взял за обыкновение читать книги во время прогулки. Присмотрел за баней расчищенную от снега полосу отмостки. Перелистывая страницы, часа по 2 вышагивал туда-сюда с книжкой в руках, изредка останавливаясь, чтобы обдумать прочитанное. Мягкий снежок, иней на «запретке», молчаливый лес поодаль и ни души поблизости. В сильные холода, когда на двор носа не покажешь, сразу после отбоя, при погашенном свете, я коленопреклоненно молился перед иконкой в своем закутке. С лагерных лет дорожу всякой возмож-

ностью уединиться, послушать тишину и узреть присутствие красоты и смысла во всем, что окружает меня.

Дорога к дому

15 марта утром, в половине девятого, за мной один за другим лязгнули запоры вахты. Душой и подошвами сапог я ощущал новое небо и новую землю обретенной свободы. От поселка Озерное до родительского дома, если брать по прямой, было всего-то 70–80 км. Мой отец горько шутил: «Олег, до тебя ведь рукой подать. Мы с матерью по ветру с тобой разговариваем...» На станции Явас прикупил для Алены кое-каких гостинцев. Малышка моя в ту зиму гостевала в деревне у стариков. Высматривая для нее что-нибудь из сладенького, все время видел себя как бы со стороны. Происходящее было так необычно, что не верилось, будто все это совершается со мной. До меня никак не доходило, что уже сегодня вечером моя маленькая растрепа будет сидеть у меня на коленях, а я стану гладить ее густющие детскими-пахучие волосы.

Выйдя на автотрассу, остановил новенький самосвал, забрался в теплую кабину, и час кряду общался с разговорчивым седеющим водителем. По моему виду он сразу понял, откуда я. Слушая невеселый рассказ о моих злоключениях, он преисполнился сочувствием и оставил на прощание свой рязанский телефон. Когда подъехали к Шацку, родному мне городку, я замолчал, растроганно всматриваясь в улицы и дома, памятные с раннего детства. В последние месяцы, мне часто снился один и тот же сон: будто я наконец-то освободился и добираюсь до дому. И как бывает в сно-

видении, с крыльями за спиной, радостный шагаю по знакомой улице Шацка, мимо «Детского мира», почты, старой церкви бурого кирпича до автостанции, что на верху Соборной горы. Оттуда, как на ладони видна Казачья Слобода с огородами, палисадниками, где веками жили мои предки по отцу. Но всякий раз просыпаясь, огорчался, что то был всего лишь сон. Со временем, даже не проснувшись, вдруг сознавал, что ничего такого, на самом деле нет и, очнувшись, я увижу себя среди ночи на барачной койке.

Водитель высаживает меня на перекрестке, у кафе «Казачок»: ему направо в Рязань, а мне дальше до места. Не верилось, все они: мама, отец, Алёнка, всего лишь в 20 км, и уж никак не ждут меня. День был на исходе, автобус к нам в Лесную Поляну ушел часом раньше. Остается одно — ловить попутную машину. Солнце, мартовское, желанное еще не зашло. За день своим теплом оно обласкало все, что можно. Повсюду чувствуется дух весны и покой сельчины. Внутри распирает от непреходящей радости, будто я на земле обетованной. Не могу надышаться, насмотреться... И надо же, как бальзам на душу, в домике напротив распахивается дверь бело-голубой крашеной терраски. Лохматый парень в спортивных штанах и тапочках кричит через дорогу: «Колян, ну чё, идем нынче на танцы в ДК? Моя Ларка слово дала, что приведет для тебя свою подругу из Ямской Слободы,— познакомиться. Помнишь, ту, рыжую, что тебе в прошлую субботу глянулась?» Слушаю, и слезы душат: такое все родное, наше, русское. Вижу, в мою сторону свернула грузовая. С надеждой машу перед ней рукой,— останавливается. «Друже, до Лесной Поляны, подбросишь?» В кабине двое, тот, что за рулем, простодушно, как бы извиняясь, поясняет:

«Тут такое дело, браток, я после «Луча» на Садовое сверну, километр до вашего поворота не доеду. Если не боишься, можешь лесом через запруду к себе выйти». Усаживаюсь в тесную кабину с рюкзаком на коленях: вот она, дорога к дому. Кажется, не еду по ней, а колобком качусь. Через полчаса ступаю сапогами по зернисто-рыхлому снегу в сторону темнеющего леса. Надо же отсюда совсем недалеко дедушкина усадьба, Сенино болото, осины, под которыми стояли ульи пасеки. Мальчишкой были исхожены все здешние стежки-дорожки, лесные уголки. Словно по мановению волшебной палочки со мной, случилось то, о чем вчера мог только мечтать. Смеркалось, но в лесу от снегоподножий дорогу хорошо видно. Дубы вдоль нее не просто стоят, они приветно высятся, встречая блудного сына. Вот она – плотина Малкова пруда – любимое место мальчишеских купаний, катаний на коньках и головокружительных съездов на санках с ее крутизны. Дальше надо было пройти безлюдной улицей до нашего оврага, с дубами и зарослями черемухи. На другой стороне его одним рядом деревянных домов вытянулась родная улица. Сладостное нетерпение сердца: скорее, чуть-чуть осталось… и я в раю! Заставляю себя остановиться и, слушая захолонувшее сердце, шепчу: «Господи, благодарение Тебе! Я у себя, дома…» Уже не во сне, а наяву вижу его оконца, светящиеся через ветки сада. Знакомая калитка с накинутым резиновым кольцом вместо крючка, отцовский омшаник под дубами.

Утром, сойдя с затертых ступеней вахты, я сделал первые шаги, ведущие сюда. Осталось пройти последнее – их, к счастью, совсем немного. Останавливаюсь как перед иконой у незадернутого окна горницы … Сквозь слезы вижу отца в теплых кальсонах, сидящего

с газетой на своей лежанке у печки. Возле его ног, сидя на полу, во что-то играется она, ненаглядная дочура, моя кровиночка... А мама, видно, на кухне – там тоже горит свет. Сколько-то времени стою, плачу, не отрываясь, смотрю на них, чтобы до конца дней запрятать в душу незабвенные переживания того мартовского дня. Медленно, не чувствуя ног, поднимаюсь по ступенькам крыльца, останавливаюсь, глажу ладонью знакомую филенчатую дверь. Сняв шапку, трижды перекрестившись, стучусь... «Слава тебе, Господи, за все!..»

«СЕ, ГРЯДУ СКОРО...»

Пришла она, осень, золотая, смиренная, наполненная прохладой, покорным кружением листьев. Сама того не желая, она напоминает о бренности всего земного. Человеческая жизнь рано или поздно подходит к предназначеному сроку, когда подводится итог прожитому.

В пору жатвы падут под серпом наливные колосья и пустородные плевелы. Плетеные корзины наполнят спелыми, сочными плодами, а порченные отбрасывают прочь. Глядя на красу плодоношения, вспомни, что и сам ты – Богом посеванное зернышко. Загляни в душу и спроси: «Созрел ли твой колос для Небесных житниц?» Если не так, знай, еще есть время и светит солнце благодати. Обрати к нему всё существо твоё – и лучи его облекут тебя в одежды Христовой праведности.

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора –
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё – простор везде, –

Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.
Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко ещё до первых зимних бурь –
И льётся чистая и тёплая лазурь
На отдыхающее поле...

Ф. И. Тютчев

Земля, недавно зеленевшая апрелем, благоухавшая цветением мая, теперь томится в ожидании урожайного кануна... Возвышенное, умиротворяющее спокойствие царит в природе.

Август

Как ясен Август, нежный и спокойный,
Сознавший мимолетность красоты.
Позолотив древесные листы,
Он чувства заключил в порядок стройный.
В нем кажется ошибкой полдень знайный,—
С ним больше сродны грустные мечты,
Прохлада, прелесть тихой простоты
И отдыха от жизни беспокойной.
В последний раз, пред острием серпа,
Красуются колосья наливные,
Взамен цветов везде плоды земные.
Отраден вид тяжелого снопа,
А в небе журавлей летит толпа,
И криком шлет «прости» в места родные.

К.Д. Бальмонт

Осень приводит за собой холода и выюги. Покоряясь ей, мы смиренно коротаем долгие зимние месяцы. Но

не таковы птицы! В предвестии холодов, они снимают-
ся с насиженных мест и, оглашая прощальными кри-
ками поблекшие дали, устремляются навстречу замор-
скому лету. Птицы не знают стужи: они всегда влекомы
к вечной весне. Подобно им чудесные крылья молитвы
способны уносить нас от неприкаянного холода отчуж-
денности к теплу богообщения.

С грустью провожая журавлиные стаи, усладимся
акварельной красотой родной земли, воспетой велики-
ми и малыми.

Журавли

Как описать мне этих журавлей,
Что родину веселую уносят
В страну далекую, где жнут и косят,
За лоно гибко-зыблемых морей...
Как описать мне этих журавлей?

Не о своей ли думаю вине?
В саду листвы пожухлое круженье.
И все – душе покой и утешенье,
Как клекот птиц осенних в вышине,
Беззвучно уходящих в день весенний.

Они летят. Под крыльями весна.
Под крыльями миллионы лет и судеб.
Все было так и так, наверно, будет,
И даль вокруг безгрешна и ясна...
Они летят. Под крыльями весна.

Как описать мне этих журавлей?
Что землю мою милую уносят...
Но, знаю я, они ее не бросят,

И много будет радости на ней...
Как описать мне этих журавлей!..

В.И. Жильцов

Меж болотных стволов красовался восток
огнеликий...
Вот наступит октябрь – и покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...
Широко по Руси предназначенный срок увяданья
Возвещают они, как сказание древних страниц.
Все, что есть на душе, до конца выражает рыданье
И высокий полет этих гордых прославленных птиц.
Широко на Руси машут птицам согласные руки.
И забытость болот, и утраты знобящих полей –
Это выразят все, как сказанье, небесные звуки,
Далеко разгласит улетающий плач журавлей...
Вот летят, вот летят... Отворите скорее ворота!
Выходите скорей, чтоб взглянуть на высоких своих!
Вот замолкли – и вновь сиротеет душа и природа
Оттого, что – молчи! – так никто уж не выразит их...

Н.М. Рубцов

Всякая душа при появлении на белый свет получает понятие о земном предназначении. От времени Адама и Евы оно состоит в нравственном уподоблении Создателю. «Итак, будьте совершенны, как совершен Отец ваши Небесный» (*Мф.5:48*).

Никто не оставлен в неведении, что добро – благо, а зло – пагуба. В предпочтении и выборе того или другого состоит смысл всякой жизни. Человек волен

воспринять красоту благочестия, либо опуститься до низов скотоподобия. Таким образом, всякий выбор неизбежно оборачивается жизненно-конкретными последствиями.

В притче о сеятеле под «почвой», в которую падает семя, подразумевается открытость и доверие Богу, готовность ответствовать на Его призыв (Мф.13:3–23). Провидя в каждом росток и колос, Господь неустанно сеет добро в сердцах человеческих. Но не всякое сердце отзыается на возможность украсить жизнь христианскими добродетелями. Много тех, кто принял зернышко, но не увлажнил его слезами веры, не согрел теплом отзывчивости. Рождаясь, такие люди бездарно проживают жизнь. Когда коса неотвратимой смерти резанет по стеблю – ничего уже не поправить.

«Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы. Итак, не будьте нерассудительны, но познавайте, что есть воля Божия» (Еф.5:15–17).

Притча о Сеятеле

Шёл сеятель с зёрнами в поле и сеял;
И ветер повсюду те зерна развеял.
Одни при дороге упали; порой
Их топчет прохожий небрежной ногой,
И птиц, из окрестных степей пролетая,
На них нападает голодная стая.
Другие на камень бесплодный легли
И вскоре без влаги и корня взошли,—
И в солнечный полдень дневное светило
Былинку палящим лучом иссушило.
Средь тернияпало иное зерно,
И в тернии диком заглохло оно...

Напрасно шёл дождь и с прохладной зарёю
Поля освежались небесной росою;
Одни за другими проходят года –
От зёрен тех нет и не будет плода.
Но в добрую землю упавшее семя,
Как жатвы настанет урочное время,
Готовя стократно умноженный плод,
Высоко, и быстро, и сильно растёт,
И блещет красою, и жизнию дышит...
Имеющий уши, чтоб слышать, – да слышит!

A. M. Жемчужников

Из Библии мы узнаем, что в прошлом целый народ не оправдал своего предназначения. Речь идет об Иудеях, которые призваны были стать светом во тьме языческого идолопоклонства. Вспомним о чудесах и откровениях, о Божьем водительстве в их духовно ломкой истории. Не раз и не два они изменяли высшему призванию, отливая из золата тельцов для поклонения, объедаясь мясом перепелов по маловерию и жадности. В конце концов, Божье избранничество они сделали пьедесталом для религиозно-национального самопревозношения.

Отвержение Мессии стало тем черным делом, что переполнило чашу долготерпения. Исполнились пророчества об участи Богом избранного народа: «Предаст тебя Господь на поражение врагам твоим; одним путем выступишь против них, а семью путями побежишь от них; и будешь рассеян по всем царствам земли... Сыновья твои и дочери твои будут отданы другому народу; глаза твои будут видеть и всякий день истаевать о них, и не будет силы в руках твоих. Плоды земли твоей и все

труды твои будет есть народ, которого ты не знал; и ты будешь только притесняем и мучим во все дни» (Вт. 28:25, 32–33).

Плачь! плачь! Израиля народ,
Ты потерял звезду свою;
Она вторично не взойдет –
И будет мрак в земном краю...

М.Ю. Лермонтов

Перед пришествием в закрома вечности будут собраны зерна милости и смирения, правды и сострадания. Над плевелами исполнится иное предначертание: «всякое растение, которое не Отец Мой Небесный насадил, искоренится» (Мф.15:13). Явление Господа во славе и Его праведный суд станут всеразрешающим итогом для умерших и живых.

Ныне по всем приметам время последнее – канун жатвы. «Се, гряду скоро: блажен соблюдающий слова пророчества книги сей» (Откр.22:7).

Но Господь долготерпелив, еще открыта дверь покаяния. Не пройдем же мимо нее!

Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит –
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить... И глядь – как раз – умрем.
На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

А. С. Пушкин

Зачем пленяет старая могила
Блаженными мечтами о былом?
Зачем зеленым клонится челом
Та ива, что могилу осенила,
Так горестно, так нежно и светло,
Как будто все, что было и прошло,
Уже познало радость воскресенья
И в лоне всепрощения, забвенья
Небесными цветами поросло?

И.А. Бунин

Мы живем во время, когда резко обозначился водораздел между верой стойкого меньшинства и упорным богоотвержением большинства. Многие ищут опоры и помощи в чем угодно и у кого угодно, но только не у Бога.

На Западе разрабатывается дорогостоящая программа, которая позволит вступить в контакт с инопланетянами. В диалоге предполагается выяснить, каким образом эти цивилизации, если они существуют, в своем развитии не пришла к самоуничтожению? Для землян это вопрос из вопросов: «Как избежать техногенного апокалипсиса?» На всякий вопрос всегда найдется ответ.

Много веков люди слышат предупреждающе-проникновенный голос: «... бодрствуйте во всякое время и молитесь, да сподобитесь избежать всех сих будущих бедствий и предстать перед Сыном Человеческим...» (Лк.21:36)

Он вопрошал с тоскою жгучей:
«Где скрыта тайна бытия?»
Но был безмолвен лес дремучий
И безмятежен шум ручья.

Пустыня сонная молчала,
Молчали звезды в вышине,
И только сердце прошептало:
«Она во мне, она во мне!»

И спрашивал он с новой думой:
«Где скрыта правда и любовь?»
И снова лес стоял угрюмо,
В пустыне тихо было вновь.
И в небесах луна молчала,
Блуждая светом по листву.
И только сердце прошептало:
«Любовь и правда в Божестве!»

К. М. Фофанов

Планетарная проблема обнищания, голода, разящих эпидемий, опустошительных бедствий настоятельно требуют отклика людей доброй воли. Однако из-за этого-истинной глухоты преуспевающие люди предпочитают тратиться иначе, выбрасывая на ветер баснословные суммы. Чудовищная военная машина пожирает непомерное количество средств и ресурсов.

Мир захлестнула мутная, зловещая волна преступности, наркомании, терроризма, разводов, содомии. Человечество отчаянно борется со стихией беззакония, пытается воздвигать дамбы и волнорезы, но все напрасно!.. Но лишь немногие, объединенные верой, надеются на Господа Бога и повседневный труд любви. Ободряющим примером для них было и остается наш Спаситель.

«Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф.20:28).

Молитва

О Боже мой! Восстанови
Мой падший дух; мой дух унылый,
Я жажду веры и любви,
Для новых битв я жажду силы.

Запуган мраком ночи я,
И в нем я ощущаю блуждаю,
Ищу в светильник свой огня,
Но где обрести его, не знаю.

...
Услыши, о Боже, голос мой!
Да возлюбив всем сердцем брата,
Во тьме затерянной тропой
Пойду я вновь – и без возврата!

A. H. Плецеев

Многие поколения желали увидеть неведомый, но вечно ожидаемый день пришествия Избавителя. Вероятно, первым о нем помыслил потрясенный и подавленный Адам, когда впервые ощутил бесприютность эдемского сада, ставшего для него навсегда чужим. Того же желала убитая горем Ева, когда распростерлась над неподвижным, холодающим телом своего сына Авеля.

Авраам провидел этот долгожданный день, передвигаясь со стадами в сторону обетованной земли. Безвестный семит-кочевник, отзовавшийся на зов истинного Бога, верил, что из его потомства произойдет Мессия. Он-то и вернет людям веры утраченный рай.

Пророк Моисей с просветленным лицом и скрижалями в руках, мечтал о часе, когда не только Синай, а всю землю озарит победоносное сияние Божьей славы. Ветхозаветные пророки предвидели время, когда заповеди

будут написаны не только на камне, но и на скрижалях возрожденных сердец. Две тысячи лет христиане, пре-возмогая гонения, сквозь слезы лишений и радостных обретений с ожиданием всматриваются в розовеющий Восток. По страницам Писания и истории Церкви Христовой красной нитью проходит вековечное упование «Ей, гряди, Господи Иисусе!» (Откр. 22:20)

Библия

О, Книга книг! Кто не изведал,
В своей изменчивой судьбе,
Как ты целишь того, кто предал
Свой утомлённый дух – тебе!
В чреде видений неизменных,
Как совершенна и чиста –
Твоих страниц проникновенных
Младенческая простота!
Не меркнут образы святые,
Однажды вызваны тобой:
Пред Евой – искушенье змия,
С голубкой возвращённой – Ной!
Все в страшный час, в горах, застыли
Отец и сын, костёр сложив;
Жив облик женственной Рахили,
Израиль-богоборец – жив!
И кто, житейское отбросив,
Не плакал, в детстве, прочитав,
Как братьев обнимал Иосиф
На высоте честей и слав!
Кто проникал, не пламенея,
Веков таинственную даль,
Познав сиянье Моисея,
С горы несущего скрижаль!

Резец, и карандаш, и кисти,
И струны, и певучий стих –
Ещё светлей, ещё лучистей
Творят ряд образов твоих!
Какой поэт, какой художник
К тебе не приходил, любя:
Еврей, христианин, безбожник,
Все, все учились у тебя!
И столько мыслей гениальных
С тобой невидимо слиты:
Сквозь блеск твоих страниц кристальных
Нам светят гениев мечты.
Ты вечно новой, век за веком,
За годом год, за мигом миг,
Встаёшь – алтарь пред человеком,
О Библия! о Книга книг!
Ты – правда тайны сокровенной,
Ты – откровенье, ты – завет,
Всевышним данный всей вселенной
Для прошлых и грядущих лет!

В. Я. Брюсов

Как непобедимо дело Божие на этой Земле, так непривычна восхищающая красота Его творения. Мы видим, как отходит душой человек, посеревший от каждодневной сути, подставляя лицо ветру, веющему с июльских послегрозовых лугов. Нечто возвышенное переживает он, любуясь ночным небом, усыпанным крупными августовскими звездами. Добрая улыбка не сходит с его лица, когда держит в ладонях теплого воробушка, выпавшего из гнезда...

Нас умиляет цветущий май родной земли, алые грозы, рябины в грустящих осенних лесах, снежинки ти-

хих предрождественских снегопадов...

Господи, как щедр Ты в Своей любви!.. Для нас звезды жасмина, грозовые ливни, соловьиные дивы по садам... Во всем Твоя краса и благостиныя.

Лучше, чем у Бунина о том не скажешь...

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...

Срок настанет – Господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я все – вспомню только вот эти
Полевые пути меж колосьев и трав –
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав.

И. А. Бунин

И вещим сердцем понял я,
Что все рожденное от Слова,
Лучи любви кругом лия,
К нему вернуться жаждет снова;
И жизни каждая струя,
Любви покорная закону,
Стремится силой бытия
Неудержимо к Божью лону;
И всюду звук, и всюду свет,
И всем мирам одно начало,
И ничего в природе нет,
Что бы любовью не дышало.

А. К. Толстой

СИЛА БОГА ЖИВОТВОРЯЩАЯ

ОБЛИК РУССКИХ ХРАМОВ

Наши храмы – белокаменные и рубленые, величаво-монументальные и игрушечно малые, сияющие позолотой и полуразрушенные – не могут не тронуть всякое сердце, не очерствевшее вконец. Какая-то в них нездешняя красота. Устремленность ввысь, предоющее существо святыни напоминают о желанном для каждого мире горнем. Храм целокупно является благостыню небесного и земного, олицетворяя собой модель мироздания. Купол, подобно небу, покоятся на твердокаменном остове стен, поставленных на прочную подошву фундамента.

Всякий храм обращен алтарем к востоку. Это означает, что свет и тепло вечной жизни мы обретаем через веру во Христа, а Он по Евангелию есть «Восток свыше» (Лк.1:78). Купола, сияющие позолотой или скромно выкрашенные, увенчаны Голгофским крестом, на котором нам однажды было даровано спасение. Иногда в основании креста можно видеть подобие полумесяца. Бытует мнение, что такое соединение указывает на торжество Православия над Исламом. На самом деле,

здесь дано символическое напоминание, что крест есть якорь нашего спасения.

Некоторые из церквей в плане имеют вид вытянутого прямоугольника со скругленной апсидой, напоминая тем самым некое подобие корабля. Таким образом, Церковь уподобляется Ноеву ковчегу, который переносит нас через житейское море к желанной пристани. Нередко к боковым сторонам храма пристраиваются приделы, и тогда в плане он воспроизводит очертание креста. Если контур основания представляет собой круг, это указывает на полноту истины и благодати, хранимых Церковью от начала.

Символично и число куполов. Шлемовидный – указывает на Бога Во Святой Троице Единого. Два купола – на двусоставную, богочеловеческую природу Христа; три – раскрывают смысл Животворящей Троицы; пять – символизируют Христа с четырьмя апостолами-евангелистами; семь, как число полноты, напоминают о семи таинствах, семи Вселенских соборах и семи церквях из книги Откровения. Девять куполов являются девятью чинами ангельских; наконец, тринадцать – означают Христа в окружении апостолов.

Многоярусные колокольни, по обычаю, ставились в противоположной от алтаря западной части храма, именуемой притвором. Подобная конструкция уподобляет храм кораблю с мачтой-колокольней. Сходство усиливается выступающей алтарной апсидой, по обыкновению скругленной.

Колокольный звон может много сказать сердцу верующего человека. Мерные удары, созывающие на молитву в утренние и вечерние часы, именуются благовестом. Постепенно благовест переходит в праздничный трезвон. С давних времен в неделю после

Пасхи народ православный радовали несмолкаемые звоны. Всякий, взбравшись на колокольню, мог по-трезвонить в свое удовольствие, что называется, потешить душу. На Крещение, приходя в храм, мы слышим особый колокольный перезвон, когда звонарь ударяет в каждый колокол поочередно, начиная с большого и заканчивая самым малым. Перед отпеванием и при выносе покойника печально-мерные удары раздаются в обратной последовательности и именуются «перебором». В старину, извещая народ о внезапно постигших бедствиях, били в набат. Доныне так называют тревожно-призывные удары в самый большой из колоколов.

Колокольня не всегда составляла с храмом единое целое, она могла стоять поодаль. Впрочем, не все храмы имели колокольни. В таком случае колокола подвешивали на особо устроенных звонницах, не столь высоких в сравнении с колокольней.

Престол каждого из храмов обыкновенно освящается в честь Троицы, значимых событиях из жизни Господа, Богородицы, во имя святых апостолов и Божьих угодников. В зависимости от этого храмы могут именоваться: Свято-Троицкий, Христорождественский, Преображенский, Благовещенский, Успенский, Петропавловский, Никольский... Престольные или, как их называют, храмовые праздники приходятся на дни молитвенного поминования о лицах и событиях, в честь которых освящен алтарь.

Ныне повсеместно восстанавливаются и заново возводятся благоувертивые церкви, открывающие для нас свои двери.

Радует, что они не пустуют, а наполняются православным людом!..

Тишина

(отрывок)

... Храм Божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.
Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди с открытой головой!
Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храм вздыханья, храм печали –
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слыхали
Ни римский Петр, ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил –
И облегченный уходил!
Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной...

Я внял... я детски умилился...
И долго я рыдал и бился
О плиты старые челом,
Чтобы простил, чтоб заступился
Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетенных, бог скорбящих,

Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарем!

H.A. Некрасов

Запели тесаные дороги,
Бегут равнины и кусты.
Опять часовни на дороге
И поминальные кресты.
Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка,
И на известку колоколен
Невольно крестится рука.
О Русь, малиновое поле
И синь, упавшая в реку,
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.
Холодной скорби не измерить,
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить –
Я научиться не могу.
И не отдам я эти цепи,
И не расстанусь с долгим сном,
Когда звенят родные степи
Молитвословным ковылем.

C. A. Есенин

Колокола

Несется благовест... Как грустно и уныло
На стороне чужой звучат колокола.
Опять припомнился мне край отчизны милой,
И прежняя тоска на сердце налегла.

Я вижу север мой с его равниной снежной,
И словно слышится мне нашего села
Знакомый благовест... И ласково и нежно
С далекой родины гудят колокола.

K. K. Романов

Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблужденье
И укротит бунтующую страсть.

E. A. Баратынский

Ветров весеннее приволье
Разрушенный ласкает храм.
И взгляда одного довольно,
Чтоб в душу привнести бедлам
Тоски, прозрений, тихой боли,
Век раскроивших пополам.

Перекошенными крестами
Горюет небо над землей,
Забыто вечное: «Бог с нами!»
А с ним – врачающий покой
Икон, окладов в полураме,
Паникал над головой.

Утеряны ключи от рая
Поклонов, ектений, молитв,
В свечном огарке утопая,
Фитиль смиренья чуть горит,—

И в людях совесть пробуждая,
Собор поруганный стоит.

O. M. Сенин

*Из письма от 12 мая 1971 года
Дубравлаг*

Рит, полгода назад заказал «книга-почтой» альбом «Рязань». Потерял всякую надежду получить, и вдруг приходит бандероль из нашего с тобой города. Книг у меня поднабралось немало, но альбом о Рязани – самый бесценный из всех приобретений. Тотчас с жадной поспешностью перелистал его от корки до корки, то и дело внутренне вскрикивая от радости. На каждом из листов представляли душепитательные виды самого дорогого места на всей земле. Желая продлить удовольствие от созерцания, обязал себя в каждый из дней просматривать по 10 страниц, не более. Всякий из снимков возвращает неизъяснимое обаяние моей любви к тебе...

... Наша первая прогулка наедине!.. Начиналась она с вечернего, заснеженного кремля от старинной церковки, сокрытой среди темных дерев, с красивым названием – «Спас на Яру». Уже тогда мне хотелось запечатлеть происходившее между нами по-буински, его словесной вязью, тонкой и выразительной. Всматриваясь по иллюстрации в очертания куполов, внутренним озарением постиг, что именно отсюда начались первые шаги нашего земного странствия. Молодым и восторженным, нам не дано было знать, что будет вписано страданиями и слезами в нашу общую судьбу. Видно

Богу было угодно, чтобы грядущие утраты обернулись непредвиденными обретениями...

С раннего детства распознал в себе мистическую потребность запомнить и сохранить поразившие меня впечатления. Всякий раз, возвращаясь к ним, я с любованием и грустью воспроизводил в памяти мельчайшие подробности пережитого. Для кого-то – блажь, чудачество, но мне дороги были камешки, засушенные цветы, веточки, старые письма, разного рода вещицы.

*Из письма от 9 мая 1972 г.
Саранск, изолятор КГБ*

... Отчего-то вспоминаются сумерки в Желудево, заросли отцветающей сирени на краю сада, прохладный подорожник тропинки. По-деревенски покойно, свежо от луговых низин. Старая церковь с патриархальной важностью высится над нашим домиком. Всякий раз ее ни на что не похожий силуэт напоминал мне о дедушке, Павле Федоровиче. Будучи ревнителем веры, он изредка брал нас с сестрой Галей в храм на службу. До Шацка мы добирались на попутках. Зимой, помню, даже в кабине грохочущего трактора. Стоя на службе, мало чего понимая, мы между тем чувствовали возышенную значимость происходившего. Все там было необычно: непривычно красивое сочетание огоньков лампадок и свечей с окладами и иконописными ликами. По возвращению домой наши одежки еще долго удерживали тонкий, сладковатый запах церкви...

... Мы стоим с тобой у калитки на маленьком вытоптанном пятаке среди лопухов и пахучей полыни. Раз-

говаривая, наблюдаем, как наша непоседа в платочке с льняной челкой играется в лопухах.

А сейчас вот, пожалей меня, Рит, сижу в камере один, как перст, и вспоминаю сельскую умиротворенность вечера и твои заждавшиеся глаза. Милое прошлое, ему одному дано хранить нерушимую верность пережитому. Пройдут годы и годы, но не просохнут слезы всепомнящей любви. Доныне и навсегда оно хранимо в моих залистанных, закапанных слезами «святцах». Я блажен уже тем, что могу укрыться от продажности мира, от его копошливой суеты в уединенном мирке, озаренном неугасимой лампадой сопереживаний...

СВЯТОЙ АЛТАРЬ

Алтарь располагается несколько выше уровня той части храма, где молятся прихожане. Латинское слово «alta aга» переводится как возвышенное место. Устроение алтарей восходит ко времени гонений на Церковь. В Риме тела мучеников приносили в катакомбы, где их благоговейно полагали во гробы, установленные на помосте. Место это отделялось решеткою или рядом колонн. Таким образом, богослужения первых христиан совершались на гробах мучеников. Умирая со Христом, они верили, что однажды воскреснут, подобно тому, как Он воскрес. Об этом напоминает антиминс – прямоугольный плат с частицами мощей. При освещении храма антиминс возлагается на престол, указывая на духовную связь Церкви земной, воинствующей против зла мира, с Церковью небесной, торжествующей во славе.

Во время Божественной Литургии на престоле таинственно и незримо происходит преложение (превращение) хлеба и вина в Плоть и Кровь Христовы. Там же находится дарохранительница с запасными Святыми Дарами, которыми причащают на дому больных и умирающих.

Располагаясь в центре алтарного пространства, престол олицетворяет зримое присутствие Бога в храме. Четыре боковые плоскости соответствуют четырем сторонам света, временам года и суток. Помимо названного, они знаменуют четыре сферы земного бытия: неживую природу, миры животный, растительный и человеческий род. Духовная символика престола иносказательно свидетельствует о Четвероевангелии, которое было проповедано народам (Мф.24:14).

Престол раскрывает свойства личности Спасителя, который был, по выражению пророка Исаии, «великого совета Ангел», жертвой за грехи, Царем мира и совершенным человеком. Эти свойства прообразно олицетворяются в четырех таинственных существах, которых увидел Иоанн Богослов у престола Христа Вседержителя. К ним относятся: телец – символ жертвенного животного, лев – царская власть и сила, человек – плотская природа Господа. И, наконец, орел, символизирующий горюю ангельскую природу.

Отсюда особый, сакраментальный статус престола. Прикасаться к нему и совершать священнодействия могут только священнослужители и лица из мирян, получившие на то благословение.

Поверх антиминса возлагается святое Евангелие. Тут же находится напрестольный крест, которым священник благословляет прихожан во время службы и подает его для целования в завершении ее.

В открытые Царские Врата можно видеть овальную нишу (апсиду). В ней устанавливается кафедра и трон (седалище) для епископа, что указывает на престол Бога невидимого и на Его незримое присутствие. Отсюда и название – Горнее место. На нем обязательно возжигается свеча или лампада.

Слева от Горнего места находится жертвенник, представляющий собой небольшой стол, где священник в первой части литургии совершаает проскомидию, то есть приготовление принесенных даров, хлеба и вина, к их перенесению на престол. К этому моменту вино наливается в потир (чашу для причастия), а хлеб в виде чаши размещается на дискосе, представляющем собой плоское блюдо.

Первая вечеря любви (евхаристия) была совершена Спасителем в верхней горнице накануне Его крестных страданий. Поэтому алтари наших храмов как бы повторяют собой празднично прибранную и укрупненную горнице. Таким образом, алтарь для храма является то же, что Церковь Божия для окружающего мира. Верующие люди испытывают неподдельное благоговение к святому алтарю.

У Всенощной на страстной неделе

На улице шумной – вечерняя служба во храме.
Вхожу в этот тихий, манящий к раздумью приют,
Лампады и свечи мерцают в седом фимиаме,
И певчие в сумраке грустным напевом поют:
«Черног Твой я вижу в лучах красоты и сияния,
Одежды же нет у меня, чтобы в оный войти...
Убогое, темное грешной души одеянье,
О Ты, Светодатель, молюсь я Тебе: просвети!»

A. M. Жемчужников

Молитва

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.

Есть сила благодатная
Возвучьи слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,
Сомненье далеко –
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

М.Ю. Лермонтов

ИКОНОСТАС

Приходя в храм на службу, мы обычно молимся в средней его части, между притвором и алтарем. При этом лицами и сердцами мы обращены к иконостасу, за которым находится «святое святых»: с престолом, жертвенником и горним местом. Таким образом, алтарь воплощает незримое спасительное присутствие Господа в таинствах и среди молящихся. Царские Врата в центре иконостаса зrimо показывают, что Спаситель открыл нам вход в небесный рай. Икона Благовещения над створками Врат раскрывает замысел спасения через богооплещение и последующее служение людям Сына Человеческого. Ниже помещаются изображения четырех евангелистов, возвестивших миру радостную весть об открывшейся возможности спасения. В Таинстве Евхаристии через Царские Врата Сам Господь является нам в Святых Дарах Своей пречистой Плоти и Крови. Подобное происходит на каждой литургии, когда священник выходит на амвон с потиром – чашей для Причастия. Икона Тайной Вечери показывает, что впервые это таинство было совершено Христом вместе с учениками в иерусалимской горнице.

Справа от Царских Врат находится образ Спасителя, а далее – икона праздника или святого, в честь которых

освящен алтарь. Слева помещен лик Богородицы. По обе стороны от Врат мы видим одностворчатые двери, северные и южные. Их еще называют дьяконскими по иконам перводьякона Стефана и архидьякона Лаврентия.

Иконостас, как правило, состоит из нескольких ярусов. Над Царскими Вратами расположен ряд праздничных икон. На них изображены наиважнейшие события из жизни Спасителя, Богоматери и Церкви: Рождество Христово, Его Преображение на горе Фаворе, Успение Пресвятой Богородицы, Воздвижение Животворящего Креста и другие. Третий ряд именуется деисусным. Название происходит от греческого слова «деисус», что переводится как усердное моление. По центру – образ Христа в священнических одеждах. Слева и справа от Него в молитвенно склоненных позах – Его Пречистая Матерь и Иоанн Креститель. Последний представляет ветхозаветных пророков и праведников, ожидавших пришествия Мессии, а Пресвятая Дева стала богоизбранной отроковицей, преуготованной для рождения Спасителя. Ее икона с Богом-младенцем на руках помещена в центре четвертого, пророческого ряда, где изображены великие пророки Ветхого Завета.

Последний, праотеческий ярус имеет центром икону Ветхозаветной Троицы, на которой в виде трех Ангелов Бог явился праотцу Аврааму под дубом Мамврийским. Сверху иконостас увенчен Святым Распятием. Оно показывает, что жертвенной смертью Господь искупил всех, ожидавших его пришествия, равно и тех, кто после Голгофы верою обретает дарованное спасение.

Иконостас своим устроением зримо раскрывает Божественный замысел спасения. Удостоверяющее показана любовь Бога к падшему человеку, которому ценой мучений и смерти Христа был возвращен утраченный рай.

Предстоя с молитвой перед образами, мы испытываем побуждение подражать им в добром и святом. Они дороги тем, что приблизились к богоподобию через веру и самозабвенную любовь. Оттого Церковь именует их преподобными, страстотерпцами, бессребрениками, блаженными и юродивыми Христа ради. Благоговейно предстоя перед иконостасом, мы надеемся на преобразующую силу благодати, способную и нас, кающихся, приблизить к Господу. Таким образом, Церковь земная соединяется с Церковью небесной.

Дорог мне, перед иконой
В светлой ризе золотой,
Этот ярый воск, возжженный
Чьей неведомо рукой.
Знаю я – свеча пылает,
Клир торжественно поет:
Чье-то горе утихает,
Кто-то слезы тихо льет,
Светлый ангел упованья
Пролетает над толпой...
Этих свеч знаменование
Чую трепетной душой:
Это – медный грош вдовицы,
Это – лепта бедняка,
Это... может быть... убийцы
Покаянная тоска...
Это – светлое мгновенье
В диком мраке и глухи,
Память слез и умиленья
В вечность глянувшей души...

A. H. Майков

Владимирская Богоматерь

Не на троне – на Ее руке,
Левой ручкой обнимая шею, –
Взор во взор, щекой припав к щеке,
Неотступно требует... Немею,
Нет ни сил, ни слов на языке...

... От мозаик, золота, надгробий,
От всего, чем тот кичился век, –
Ты ушла по водам синих рек
В Киев княжеских междуусобий.
И с тех пор в часы народных бед
Образ Твой, над Русью вознесенный,
В тьме веков указывал нам след
И в темнице – выход потаенный.
Ты напутствовала пред концом
Ратников в сверканье литургии...
Страшная история России
Вся прошла перед Твоим Лицом.

Не погром ли ведая Батыев,
Степь в огне и разоренье сел –
Ты, покинув обреченный Киев,
Унесла великолюбий стол?
И ушла с Андреем в Боголюбов,
В прель и глушь Владимирских лесов,
В тесный мир сухих сосновых срубов,
Под намет шатровых куполов.

И когда Хромец Железный предал
Окский край мечу и разорил,
Кто в Москву ему прохода не дал
И на Русь дороги заступил?

От лесов, пустынь и побережий
Все к Тебе за Русь молиться шли:
Стражи богатырских порубежий...
Цепкие сбиратели земли...
Здесь в Успенском – в сердце стен Кремлевых,
Умилясь на нежный облик Твой,
Сколько глаз жестоких и суровых
Увлажнялось светлою слезой!

...

И Владимирская Богоматерь
Русь вела сквозь мерзость, кровь и срам,
На дорогах киевским ладьям
Указуя правильный фарватер

Но слепой народ в годину гнева
Отдал сам ключи своих твердынь,
И ушла Предстательница-Дева
Из Своих поруганных святынь.

...

Не дрожит от бронзового гуда
Древний Кремль, и не цветут цветы:
В мире нет слепительного чуда
Откровенья вечной Красоты!

M. A. Волошин

Церковная молитва

Вот мирная семья смиренных поселян
На благовест любви, сзывающий мирян,
Толпой сберется в день воскресный,
И молятся они, чтобы Отец Небесный
Послал им свышний мир, чтобы за их труды
Им принесла земля обильные плоды;
Чтоб день был совершен, свят, мирен и безгрешен;

Чтоб исцелел больной, чтоб скорбный был утешен;
Живущим верою, хранящим Божий страх,
Трудящимся в молитве и слезах,
Всем странствующим, всем далече в море сущим
Господь послал свой мир, любовь и благодать;
Чтоб в покаянье им дни прочие скончать,
Чтоб ангел мирный, душ их и телес хранитель,
Берег и стадо их, и поле, и обитель,—
Чтоб помянул Господь во Царствии Своем
Отцов и братию, почивших смертным сном.

П. А. Вяземский

Праздник Троицы

По-весеннему быстро протекли, немалые своим числом, дни от ликующей Пасхи до свежелистенной Троицы. И, как повелось на Руси от Владимира Крещения, всякий из праздников облекал свою евангельскую первооснову в обряды и обычаи. Каждый из них имел неповторимые краски и запахи, свою временную пору: от морозного белоснежья Рождества до предосенней прохлады Успения. Отличаясь между собой убранством храмов, цветом облачений, ястием на столах, праздники имеют чудесную способность хотя бы на малое время приблизить нас к радующей благостиюне Божьего Царства. В эти дни недостижимо небесное будто преклоняется, милостиво нисходит к земному и юдольному человеческому бытию.

Накануне Троицы, прия в храм ко всенощной, мы всякий раз переживаем детское изумление, взирая на его пространство, изукрашенное цветами и зеленью. Еще вчера оно своей строгостью и святым величием

не допускало и мысли о совместности ликов, лампад, каменных сводов с пахучей травой под ногами, белоствольным струением тонких березок, обилием цветов и зелени. В эти минуты воистину веришь, что Животворящий Дух, сошедший на апостолов в Иерусалиме, в канун каждого русского лета преизбытком Своих даров возрождает к новой жизни земное лоно и человеческие души.

Троица

Гудящий благовест к молитве призывает,
На солнечных лучах над нивами звенит;
Даль заливных лугов в лазури утопает,
И речка на лугах сверкает и горит.
А на селе с утра идет обедня в храме;
Зеленою травой усыпан весь амвон,
Алтарь, сияющий и убранный цветами,
Янтарным блеском свеч и солнца озарен.
И звонко хор поет, веселый и нестройный,
И в окна ветерок приносит аромат –
Твой нынче день настал, усталый, кроткий брат,
Весенний праздник твой, и светлый, и спокойный!
Ты нынче с трудовых засеянных полей
Принес сюда простые приношенья:
Гирлянды молодых березовых ветвей,
Печали тихий вздох, молитву – и смиренье.

И.А.Бунин

В ОБРАЗЕ МЫ ЧТИМ ПЕРВООБРАЗ

Как много значит икона для православного человека! В молитвах мы изливаем перед ней душу, сокрушенno каемся, исполняемся тихой радостью. Иконой благословляют молодых при венчании и на пороге родительского дома. Уходящим на войну матери и жены с горячим упованиеи надевали на шею хранительный образок. Наконец, икона осеняет последний путь уходящих от нас родных и близких.

Поэтому немаловажно знать, когда появились святые изображения и каково их назначение. Греческое слово «*εικόνα*» переводится как образ. Отсюда происходит и русское слово «икона»; в просторечии иконы называют «образами». Это понятие мы встречаем на первых же страницах Библии. Все сотворенное Бог наделил формой, содержанием и красотой. Другими словами, всякое создание от великого до ничтожно малого, от ангелов до пресмыкающихся получило свой изначальный образ. «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему» (Быт. 1:26). Однако зло, войдя в мир, попрало и исказило совершенство и красоту изначально созданного. Прежде всего, это сказалось на человеке, который был создан «по образу Божию» и в этом смысле являл собой Его живую икону. С мо-

мента грехопадения жестокость и насилие, жадность и похоть, гордыня и зависть сделались атрибутами человеческой личности. Как известно, слово «бездобразный» имеет синонимы «некрасивый», «отталкивающий», «уродливый». В таком виде никто из смертных не может приблизиться к Всесвятому Богу и пребывать с Ним в общении доверия и любви.

Небесный Отец, желая вернуть нам нравственное совершенство, послал в мир Сына Своего, Который стал во всем, кроме греха, подобен нам (Флп.2:6–7). Во Христе была восстановлена утраченная духовная красота первого Адама. Но одновременно Сын Божий явил нам Собою «образ Бога Невидимого». В Ветхом Завете заповедь запрещала изображать Всевышнего, который не открывал себя людям явно, воочию. Но Иисус сказал: «Видевший Меня видел и Отца» (Ин.14:9). В этом смысле Христос становится первой и единственной иконой Бога. Таким образом, Бог стал видим, и, следовательно, изобразим. До Рождества лишь ангелы открывали себя достойным людям. Поэтому в Библии мы находим повеление об их запечатлении. Наряду с этим, существовал строгий запрет на изображения и почитание кумиров, ложных богов, а также их проявлений в разного рода фетишиах, камнях, деревьях, небесных светил. Возбранялось поклоняться божествам в обличье животных и человека.

Между иконопочитанием и идолопоклонством нет ничего общего. Поклоняясь измыщленным существам и предметам, люди лишали себя возможности служения истинному и живому Богу. Поэтому вторая заповедь Декалога запрещает изображение кумиров, но отнюдь не ангелов, которые являлись служебными духами Бога Невидимого. Их изваяния находились над крышкой

Ковчега в походной Скинии, а в последствии в Иерусалимском храме (Исх.25:18).

Уверовавшие во Христа получили благословенную возможность воссоздать в себе утраченный образ Божий. Многие из святых угодников стремились в слове и на деле подражать Господу и постепенно обретали богоподобное благолепие. Ныне мы именуем их «преподобными».

В иконописном изображении Господа, Богородицы, ангелов и святых мы прежде всего чтим их первообраз. Другими словами, через икону мы молитвенно сообщаемся с ними. Церковь указывала на разницу между реальной личностью и ее изображением. Она учила, что следует покланяться не краскам, не дереву, не веществу, из которого сделана икона, а самим небожителям.

На протяжении веков икона соединяла христиан с Горним миром. Случалось, что Господь в ответ на молитвы через тот или иной образ совершил чудеса. Такие иконы доныне почитаются как чудотворные. Предание хранит достоверные свидетельства спасающей и исцеляющей помощи Божьей, через них проявленной. И ныне то там, то здесь, к нашей радости, неожиданно начинают мироточить иконы. Православные видят в этом знак особой милости. На наших глазах Господь совершает свое душевозрождающее действие в русском народе.

Перед образом Спасителя

Пред Тобою, мой Бог,
Я свечу погасил
И премудрую книгу
Пред Тобою закрыл.

Твой небесный огонь
Негасимо горит,
Бесконечный Твой мир
Пред очами раскрыт.
Я с любовью к Тебе
Погружаюся в нем,
Со слезами стою
Перед светлым Лицом.
И напрасно весь мир
На Тебя восставал,
И напрасно на смерть
Он Тебя осуждал.
На Кресте под венцом
И спокоен, и тих
До конца Ты молил
За злодеев Своих.

Протоиерей Николай Гурьянов

Владимирской иконе Божией Матери

С какою кротостию
И скорбью нежной
Пречистая взирает с полотна!
Грядущий час
Печали неизбежной
Как бы предчувствует Она!
К груди Она Младенца прижимает
И Им любуется,
О Нем грустя...
Как Бог Он взором
Вечность проницает
И беззаботен, как дитя!

К. К. Романов

Моя молитва

... Тревожной совести угрозы,
О милосердый, успокой;
Ты видишь покаянья слёзы,—
Молю, не выди в суд со мной.
Ты всемогущ, а я бессильный,
Ты царь миров, а я убог,
Бессмертен Ты — я прах могильный,
Я быстрый миг — Ты вечный Бог!

О, дай, чтоб верою святою
Рассеял я туман страстей
И чтоб безоблачной душою
Прощал врагам, любил друзей;
Чтоб луч отрадный упованья
Всегда мне в сердце проникал,
Чтоб помнил я благодеяния,
Чтоб оскорбленья забывал!..

И. И. Козлов

ВОДОЮ И ДУХОМ

К семи Таинствам, установленным Церковью, относятся: Таинство крещения, миропомазания, покаяния, евхаристии (причастие), брака (венчание), елеосвящения (соборование) и священства. Нецерковный человек смутно представляет, что содержат в себе Таинства для полноценной духовной жизни. Некоторые заблуждаются, полагая, что ребенка надо крестить ради его здоровья и благополучия. Что касается здоровья и жизненного преуспевания, Господь обнадеживает нас словами «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф.6:33). Через крещение мы становимся чадами Церкви. Нам даётся прощение грехов, ниспосыпается возрождающая и укрепляющая благодать. Святитель Амвросий Медиоланский учил, что никто не входит в Царство Небесное иначе, как только через Таинство крещения. Оно вводит нас в сообщество людей, верою соединенных в единое духовное тело, главой которого является Иисус Христос. Именно так мы понимаем Церковь Божию.

Для достойного принятия Таинства необходимы вера и искреннее покаяние, отказ от прежней греховной, своекорыстной жизни. При этом крещаемый ос-

вобождается от власти первородного греха, духовно возрождается, становясь новым человеком. Первородным грехом мы называем отпадение прародителей Адама и Евы, которые пренебрегли заповедью Божией, поддавшись лживым обещаниям искусителя. С момента грехопадения люди рождаются с унаследованной наклонностью ко злу. Трагизм положения в том, что сами мы без помощи Бога не способны преодолеть эту наклонность.

В Таинстве крещения человек получает столь необходимую ему силу, которую в самом себе он не имеет. И хотя опасность впасть в искушение остается, по милости Божией мы всякий раз получаем прощение через покаяние и причастие. Некрещеный не может не грешить, а крещеный, хотя и способен грешить, но волен, полагаясь на Бога, и не грешить. Известно множество примеров, когда уверовавшие во Христа в крещении становились иными, воистину возрожденными людьми. Но должно помнить, что полученный залог новой жизни преумножается постоянством в молитве и делах благочестия. Симеон Новый Богослов предупреждал, что принявшие крещение в младенчестве и недостойно прожившие всю жизнь будут иметь большее осуждение, чем не крещеные.

Спрашивают, почему в Церкви крестят младенцев, которые не способны веровать и сознавать совершаемое над ними? На это есть прямое повеление Христа: «Не препятствуйте детям приходить ко Мне» (Мф.19:14). В Новом Завете, к примеру, встречается указание, подобное тому, что крестился не только глава семьи, темничный страж, но и все домашние его (Деян.16, 31–33). Несомненно, среди крещаемых были младенцы и несовершеннолетние.

Христианское Крещение заменило собой ветхозаветное обрезание, которое совершалось над мальчиком на восьмой день от рождения. Делалось это в знак приобщения его к народу Божию. Обрезание являлось сакральным прообразом новозаветного крещения. Во Христе мы «обрезаны обрезанием нерукотворенным, совлечением греховного тела плоти, обрезанием Христовым» (Кол. 2:11–12).

Казалось бы, в том и другом случае младенец не мог понимать совершаемых над ним обрядовых действий. Но такова непреложная воля Бога: «Сей есть завет Мой, который вы *должны* соблюдать между Мною и между вами ... Восьми дней от рождения да будет обрезан у вас в роды ваши всякий младенец мужского пола...» (Быт. 17:10–12).

Возражая сектантам, которые крестят лишь в сознательном возрасте, Церковь указывает, что акт крещения отличается от юридического договора, где необходима дееспособность сторон. Известно, что любящая мать готова на всё ради своего беспомощного ребёнка. Подобно и Господь, по любви Своей, заботится о детях, которых родители с верою приносят в храм. В Евангелии описаны случаи, когда Господь, по вере родителей, приходил на помочь их детям, например, исцеление бесноватого отрока в ответ на мольбу его несчастного отца (Мк.9:17–27). Поэтому в православии ребенка крестят по вере родителей и восприемников (крестных). Последние призваны всячески способствовать его духовному возрастанию. Восприемники от лица ребенка дают обеты перед Господом. Таким образом, на крестных, как и на родителей, возлагается ответственность за духовное возрастание маленького человека.

Новокрещеный, будь то младенец или взрослый, удостаивается нательным крестом – видимым знаком своей веры в Иисуса Христа и готовности следовать за Ним. В то же время крещальные одежды символизируют чистоту души, которую должно хранить во все время после совершения Таинства. В апостольские времена христиане носили белые одежды на протяжении недели после крещения.

После погружения в купель совершается Таинство миропомазания, а вслед за ним – обряд воцерковления. Священник, проходя от дверей храма к алтарю, трижды поднимает младенца, изображая крест, и читает особую молитву. Обыкновенно мальчика он вносит в алтарь и обходит с ним вокруг престола, а девочку полагают перед Царскими Вратами на солею, откуда детей из рук священника забирают восприемники. Во всю последующую жизнь они призваны следовать словам Евангелия: «Крещение, не плотской нечистоты омытие, но обещание Богу доброй совести, спасает воскресением Иисуса Христа» (1Пет. 3:21).

Молитва ангелу-хранителю

Научи меня молиться,
Добрый ангел, научи:
Уст твоих благоуханьем
Чувства черствые смягчи!
Да во глубь души проникнут
Солнца вечного лучи,
Да в груди моей забываются
Благодатных слёз ключи!
Дай моей молитве крылья,
Дай полёт мне в высоту,
Дай мне веры безусловной

Высоту и теплоту!
Неповинных, безответных
Дай младенцев чистоту
И высокую, святую
Нищих духом простоту!

...
Да откроется Тобою
Мне молитвенный чертог,
Да в одну сольются думу
Смерть, бессмертие и Бог!

П. А. Вяземский

Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая
(отрывок из поэмы)

... Так Бог велел; пред ним смирись,
Прими с любовью крест тяжелый,
Терпи, надейся и молись;
Он сам носил венец терновый;
Не унывай, не смей роптать,
Терпи – в страданьи благодать!

... Не бойся воли дать слезам;
Но только, слезы проливая,
Стреми взор грустный к небесам;
Кто плачет здесь, утешен там,
Сказал Господь.

... «Кто хочет царствия Христова,
Блаженства отрекись земного,
И чрез долину слез и бед
С крестом гряди Ему восслед!» ...

И. И. Козлов

Кольцо

Иди ж с надеждою веселой!
Творец тебя благослови
На подвиг долгий и тяжелый
Всепобеждающей любви.

E. A. Баратынский

ДАРЫ И ОЖИДАНИЯ НЕБА

Так повелось, что родители, принося ребенка во храм для крещения, делают это с верой и надеждой. Их обоядное желание – чтобы Господь сохранил его от злосчастий и болезней, даровал разум и добре сердце. Они надеются, что в будущем он станет для них опорой и утешением. Ради получения даров Святого Духа и совершаются Таинство миропомазания. Оно способствует христианскому подвиганию каждого, прошедшего через купель. Соединение крещения и миропомазания в единый богослужебный чин произошло еще в ранней Церкви. Святой Киприан свидетельствует, что христиане под словами Господа о рождении водою и Духом разумели под рождением водою крещение, а под рождением Духом – миропомазание. «Если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие» (Ин.3:5).

Присутствующие при обряде видят, как священник благоговейно обмакивает кисточку во святое миро и крестообразно помазует новокрещенному лоб, глаза, уши, ноздри, губы, грудь, руки и ноги. Всякий раз при этом он произносит: «Печать (т.е. знак) дара Духа Святого. Аминь».

Таким образом, происходит освящение разума и всех пяти чувств. Помазание груди, рук и ног предполагает

добрые наклонности и поступки. По словам пророка Исаи, человек получает «дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия» (Ис.11:2).

Освященное миро, ароматическое масло, сообщает новокрещенному силу благодати. Миро представляет собой оливковое масло, которое смешивается с белым вином и содержит в себе более шестидесяти видов растительных ароматических добавок. Оно приготовляется и освящается Святым Патриархом на литургии Великого Четверга Страстной Седмицы. Обычно чин мироцеремонии Святейший совершает один раз в несколько лет, освященное миро передают на многочисленные приходы Матери-Церкви. Тем самым, благословение Первопатриарха Церкви получает всякий, кто становится Ее чадом.

Полученные Дары могут быть реализованы при условии, что человек не отпадет от веры и Церкви. Таким образом, дар Святого Духа должен быть не просто пассивно воспринят, но активно усвоен. Преподобный Серафим Саровский учил, что «цель жизни христианина в стяжании (приобретении) Святого Духа». К сожалению, далеко не все, получившие св. крещение, ведут жизнь, достойную звания христианина. Поэтому важно, чтобы родители и восприемники должным образом воспитывали ребенка.

«Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость и воздержание. На таковых нет закона» (Гал. 5:22–23).

Таинство миропомазания, как и крещение, проводится один раз в жизни. Однако заметим, что в православной Византии и на Святой Руси миропомазание вторично совершалось над царственными особами при введении на престол.

Когда в свою сухую ниву
Я семя истины приял,
Оно взошло – и торопливо
Я жатву первую собрал.

Не я растил, не я лелеял,
Не я поил его дождем,
Не я над ним прохладой веял
Иль ярким согревал лучом.

О нет! я терном и волчцами
Посев небесный подавлял,
Земных стремлений плевелами
Его теснил и заглушал.

B. C. Соловьев

ТАИНСТВО ИСПОВЕДИ

Кто не переживал угрызений совести и внутренней подавленности от содеянного? Тяжело носить в себе такое: хочется выговориться, повиниться, облегчить душу. Ради этого Церковью установлено Таинство исповеди. Как тело нуждается в элементарной гигиене и уходе, так и душе необходимы очищение и врачующее утешение. Нарушение заповеди помрачает разум, извращает чувства и притупляет совесть. Упорство во грехе приводит к эгодемонизму, порождая беспокойство, страхи, неудовлетворенность собой и жизнью. Кто-то ищет утешение на дне бутылки, в сигаретке с дурнотной травкой либо в безрассудном прожигании жизни. Разумеется, это не выход, а скорее безысходный тупик...

Одно можно посоветовать: раскаяться, ощущив отвращение к губительному злу, и исполниться твердой решимости не грешить впредь. Поступая так, стоит надеяться на милосердное прощение. Оно дается нам через отпущение грехов в Таинстве исповеди.

Может возникнуть вопрос: а нужно ли открывать грехи священнику? Не лучше ли каяться непосредственно перед Богом, как то делают баптисты, адвентисты и им подобные? В отличие от них Православная Церковь основывает свое учение на непреложном Слове Божием.

Право на прощение грехов через покаяние было изначально вверено Господом апостолам, епископам и священникам. «Иисус же сказал им (апостолам): как послал Меня Отец, так и Я посылаю вас. Сказав это, дунул, и говорит им: Примите Духа Святого. Кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (Ин.20:21–23). «Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе...» (Мф.18:18).

Полученную от Господа власть «вязать и решить» апостолы передали своим преемникам: епископам и священникам, которые доныне властью, данной им от Господа, прощают либо оставляют грехи человеческие.

Кто исповедовался священнику, замечал, что при этом грех переживается очевиднее, чем в признательной молитве перед иконой. Священник олицетворяет Христа, к которому прежде всего обращено наше покаяние. В самом начале чина покаяния мы слышим напоминание: «Вот, чадо, Христос невидимо стоит, приемля исповедание твое». По окончании исповеди батюшка возлагает на голову кающегося край епитрахили, которая является зеркальным знаком священнической благодати, наделяющей иерея правом прощать грехи. Это видно из слов разрешительной молитвы: «Аз, недостойный иерей, властью, Богом мне данной, прощаю и разрешаю тебя от всех грехов твоих во имя Отца и Сына и Святого Духа». В этот момент незримым, таинственным образом мы получаем прощение свыше. Святитель Иоанн Златоуст говорил: то, что священники определяют на земле, то Бог утверждает на небе. Затем исповедник целует Евангелие и Крест, чтобы с облегченной душой и успокоенной совестью внутренне приступить к евхаристической чаше.

Через покаяние восстанавливается нарушенная связь с Богом, Церковью и близкими. Освободившись от груза грехов, мы исполняемся решимости жить по-Божьи, в любви и правде. Исповедь, обнаруживая духовную немощь, побуждает просить Божьей помощи.

Молитва

Не обвиняй меня, Всесильный,
И не карай меня, молю,
За то, что мрак земли могильной
С её страстями я люблю;
За то, что в душу редко входит
Живых речей Твоих струя;
За то, что в заблужденье бродит
Мой ум далёко от Тебя;
За то, что лава вдохновенья
Клокочет на груди моей;
За то, что дикие волненья
Мрачат стекло моих очей;
За то, что мир земной мне тесен,
К Тебе ж проникнуть я боюсь,
И часто звуком грешных песен
Я, Боже, не Тебе молюсь.

Но угаси сей чудный пламень,
Всесожигающий костёр,
Преобрести мне сердце в камень,
Останови голодный взор;
От страшной жажды песнопенья
Пускай, Творец, освобожусь,
Тогда на тесный путь спасенья
К Тебе я снова обращусь.

М.Ю. Лермонтов

Молитва

Прости мне, Боже, прегрешенья
И дух мой томный обнови,
Дай мне терпеть мои мученья
В надежде, вере и любви.
Не страшны мне мои страданья:
Они залог любви святой;
Но дай, чтоб пламенной душой
Я мог лить слезы покаянья.
Взгляни на сердца нищету,
Дай Магдалины жар священный,
Дай Иоанна чистоту;
Дай мне донесть венец мой тленный
Под игом тяжкого креста
К ногам Спасителя Христа.

И.И. Козлов

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.
Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.
И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты,
И силой кроткой и любовной

Смиряешь буйные мечты.
Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе серафима
В священном ужасе поэт.

A. C. Пушкин

Дар

Ни о чем я Тебя просить не смею,
всё надобное мне – Ты знаешь сам;
но жизнь мою, – то, что имею, –
несу ныне к Твоим ногам.
Тебе Мария умыла ноги,
и Ты ее с миром отпустил;
верю, примешь и мой дар убогий,
и меня простишь, как ее простили.

З.Н. Гиппиус

На посев леса

(отрывок)

... Велик Господь! Он милосерд, но прав:
Нет на земле ничтожного мгновенья;
Прощает он безумию забав,
Но никогда пирам злоумышленья...

Е. А. Баратынский

*Из письма от 9 ноября 1972 г.
Дубравлаг*

Под снегопадом легче бывает прозреть духовную вертикаль, изъясняющую душе красоту святости. Начина-

ешь понимать молодых радонежских иноков, которые предпочли аскезу подвига пущистым ресницам юных московских боярынь. На Руси не было европейских органов: нам ближе царственный гул колокольных звонов над заснеженными градами и весями. Их звуки волнующе узнаваемы в начальных аккордах второго рахманинского концерта. Для русского сердца в их благовесте сокрыт Божий зов и предназначенный путь. Не загубите бесценные души свои, не разменяйте их на медные пятаки житейской суэты. Почему бы, услышав, человеку сразу не взять, не отозваться? Но нет, непременно через смрад греховный, через падение Родиона Раскольникова к очистительным мукам раскаяния. И раньше я знал, что грех камнем тянет душу на дно, мучился, устыжался, отходил душой лишь после всеразрешающего покаяния. Подобно муравью, переползающему с травинки на травинку, не ведал, что надо мною есть Тот, кто свыше видит мои блуждания и, сострадая мне, исподволь указывает верный путь. И однажды мне открылось удивительное, неправдоподобное: оказывается я Ему нужен, Им любим. Сколько себя помню, всегда ощущал потребность боготворить, коленопреклоненно созерцать неотразимость красоты. То что раньше неясно сознавал, только теперь понял: источник и полнота ее... в Боге.

Отсюда, лада моя, мистические мотивы в моем стремлении идеализировать и обожать.

ПРИСТУПАЯ К ЧАШЕ

Однообразие повседневности отличают и красят мгновения, которые дарят сопричастность к прекрасному и вечному... Будь то тропинка среди облетающего леса, впечатляющая тишина музеиных залов, радущие праздничного застолья либо сердечное тепло молитвы. Сюда можно отнести все, что трогает, просветляет и на долго остается в памяти.

На верующего человека подобное действие производят события распятия. Стоя в храме, читая Евангелие, мы всякий раз заново переживаем крестные страдания Господа, ради нас добровольно предавшего Себя на злоречие, поношения, неправосудный приговор. Накануне голгофской казни Господь собрал в верхней горнице учеников на Тайной Вечере. Предрекая уготованный Крест, Он совершил перед ними священное действие, открывавшее безмерность Его любви. Апостолы в тот час еще не способны были до конца уразуметь происходящее. «Когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: приемите, ядите: сие есть Тело Мое. И, взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф.26:26–28).

Освящение хлеба и вина сделалось основанием величайшего из Таинств,— Таинства Евхаристии. Слово это с греческого переводится как «благодарение». Это чувство возникает у нас в ответ на возможность быть сопричастными Богу и вечной жизни. Евхаристия происходит во время литургии — главенствующего богослужения Церкви. По молитвам священнослужителей и прихожан незримым действием Святого Духа происходит «преложение» хлеба и вина в истинное Тело и Кровь Господа.

Принимая Святые Дары, мы делаемся сопричастны Христовой святости, без чего невозможно духовное единение с Богом и ближними как в этой, так и в будущей жизни. Поэтому в Православии Спасение понимается как «обожение». Именно в этом состоит наше призвание быть образом и подобием Божиим.

«Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питие. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нем» (Ин.6: 53–56).

Что мешает нам поддерживать духовную связь с Богом? Причиной тому — греховные наклонности и собственное бессилие преодолеть их. Как говорят, «рад бы в Рай, да грехи непускают». Поэтому причастие предваряет исповедь. Духовно очищенные мы с благоговением приступаем к евхаристической чаше. Каждый из нас с душевным волнением переживает животворное единение со Спасителем, Его любовью, истиной и красотой.

Общеизвестно, что причастие непосредственным образом оказывается на духовном и телесном здравии. Поэтому многие стараются причаститься при не-

дугах, духовной ослабленности и тяжелых жизненных обстоятельствах. Принимая с верою Святые Дары, мы получаем через них врачующую и укрепляющую силу благодати. Всякий раз при этом, хоть на малую толику, приближаемся в своей христианской жизни к сияющему нимбу Христовой святости. Преп. Иоанн Дамаскин писал, что это Таинство называется Причащением, потому что через него мы делаемся причастниками Божества Иисусова, через него соединяемся с Христом.

Когда провидя близкую разлуку,
Душа болит уныньем и тоской,
Я говорю, тебе сжимая руку:
Христос с тобой!
Когда в избытке счастья неземного
Забывается сердце радостью порой,
Тогда тебе я повторяю снова:
Христос с тобой!
А если грусть, печаль и огорченье
Твоей владеют робкою душой,
Тогда тебе твержу я в утешенье:
Христос с тобой!
Любя, надеясь, кротко и смиренно
Свершай, о друг, ты этот путь земной
И веруй, что всегда и неизменно
Христос с тобой!

K. K. Романов

Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печалах изнемог:
Чем ночь темней, тем ярче звезды,
Чем глубже скорбь, тем ближе Бог...

A. H. Майков

Чаша жизни

Мы пьем из чаши бытия
С закрытыми очами,
Златые омочив края
Своими же слезами;
Когда же перед смертью с глаз
Завязка упадает,
И все, что обольщало нас,
С завязкой исчезает;
Тогда мы видим, что пуста
Была златая чаша,
Что в ней напиток был – мечта,
И что она – не наша!

М.Ю. Лермонтов

Мои молитвы

Александр Викторович Иванов, ученый-историк из питерской националистической организации, подарил мне по случаю молитвослов с тускло-серебристым крестом на затертой синеватой обложке. До сих пор храню его, как реликвию. В зоне мне приходилось относиться к нему не менее бережно, опасаясь очередного внутрибарацкого обыска (шмона). Не рискуя лишиться святыни, я переписывал в отдельный блокнотик одну из молитв, а затем за два-три дня заучивал ее. Благодаря дедушке Павлу Федоровичу мне с младых ногтей были известны некоторые из них. Одни из молитв со временем призабылись, но при обращении к ним с легкостью оживали в памяти.

Лишившись в одночасье всего, я стал относиться к утраченному с проникновенным, отчасти религиоз-

ным чувством. Оно зримо проступает в моих письмах из зоны: чем ниже склонялось небо к моему горю, тем сильнее становилась слезная благодарность Богу. Рита, Алена, родители... душа моя в те годы изболелась за них. Сломленному, бессильному что-либо изменить, мне вдруг открылось, что Он, Господь, любит их, как и я, сострадает и старается помочь. Вскоре после ареста, получив карточку с мордашкой Аленки, я украдкой целовал ее и шептал: «Доченька, цветочек мой майский... Как хочу поднять на руки пушинку мою, зацеповать, дурачиться, быть рядом...» С тем же чувством родственной растроганности я обращался и к Нему, зная, что Господь слышит и ответствует мне. В разлуке любовь к Рите питала меня изголодавшегося, крепила обессилевшего. Чем ярче становилась звезда моего очарования, тем сильнее мучила совесть за прошлые обиды и обманы. Я готов был веревки из себя вить, чтобы быть достойным ее.

Заучивая молитвы, поражался глубине покаяния, присутствующей в них. А ведь они были составлены людьми, которых ныне мы почитаем за великих праведников. Между тем сами они всечасно винились пред Богом, что грехами своими причиняли боль Ему, вселюбящему и сострадающему. В прошлом я не однажды переживал похожие терзания, побуждавшие меня к повинным признаниям.

«... Пресвятая Владычице моя Богородице, святыми Твоими и всесильными мольбами отжени от мене, смиренного и окаянного раба Твоего, уныние, забвение, неразумие, нерадение, и вся скверная, лукавая и хульная помышления от окаянного моего сердца и от помраченного ума моего; и погаси пламень страстей моих, яко нищ есмь и окаянен. И избави мя от многих и лютых

воспоминаний и предприятий, и от всех действ злых свободи мя...»

В условиях зоны молитва требовала уединения. Одно дело, когда ты предстоишь перед Богом в храме, среди себе подобных. Но не просто было найти место и время среди людской стесненности. Не всякий мог на виду у многих глаз творить проникновенную молитву, осеняя себя крестным знаменем. Ради святого дела верующие приспособливались, кто как мог. В дальнем углу рабочей зоны мною была облюбована тропка вдоль «запретки». В половине третьего, сделав две нормы, последующие два часа до развода я имел благословенную возможность читать и молиться. На тропке, прежде чем достать блокнотик с переписанными молитвами, крошил куски хлеба, принесенные с обеда, разбрасывая их на снегу для воробьев и галок. Было в этом занятии нечто умиротворяющее, иноческое. Молитву заучивал предложениеми. Запомнив одно, переходил ко второму, но повторял уже оба сразу. И так до завершения. При каждом повторе душу озаряли отблески внезапно открывавшихся смыслов.

«... просвети ум мой светом разума святаго Евангелия Твоего, душу любовию Креста Твоего, сердце чистотою словесе Твоего, тело мое Твою страстию безстрастною, мысль мою Твоим смирением сохрани...»

Творя молитву, изредка останавливался, чтобы бросить влюбленный взгляд на зелено-снежный оконе цепенеющего леса. Сосны, снег, небо вчера и сегодня оставались неизменно те же, но всякий день глаз не уставал любоваться ими. Молитва, сопутствуя созерцанию, грела изнутри, делая все вокруг невыразимо близким, твоим, Божьим.

«Благослови, душе моя, Господа,
Благословен еси, Господи
Благослови, душе моя, Господа
и вся внутренняя моя, Имя святое Его.
Благослови, душе моя, Господа
и не забывай всех воздаяний Его...»

Свое местечко имелось и для вечерней молитвы, как раз на углу барака, рядом с моим окном. Перед отбоем зэки, готовясь ко сну, расходились с улицы. Это краткое времечко было мне очень дорого. Стоя на углу, лицом к лесу, тихо радуясь уединению, я обращался к Нему как заученными, так и своими, из сердца идущими словами. Зная, что кроме постового в эти минуты меня никто не видит, я не таил набегавших слез. Поминая поименно всех своих, будто обнимал дорогих мне родителей, сестрицу Галину с братом Михаилом; благословляя, нежно целовал на сон грядущий Риту и Алену. Каким бы ни было небо над головой – звездным или пасмурным, полным вечернего мрака или меркнущего света, – я знал, что молитвы мои доходят до Господа. Верилось: Он своей хранительной любовью пребудет со мной и с ними в предстоящей ночи. При этом душу осеняло чувство, похожее на то, что я испытывал, когда перед сном, склоняясь над кроваткой Алены, поправлял одеялко и, едва касаясь, целовал теплые пальчики на ее ручонке...

Пресвятая Богородица и все святые, молите Бога о нас.

Молитва

Сохрани ее, Боже, в затишье лесов
От всечасных набегов безрадостных мыслей,
В утешительных снах дни разлуки исчисли
И укрой за стеновою молитв и постов.

И я верю, Ты, Господи, аще восхочешь,
Над ее головой станешь радугой светов,
Херувимским распевом брусничного лета,—
И тогда горечь слез ее синь не источит.

O. M. Сенин

ВРАЧЕВАНИЕ ДУШИ И ТЕЛА

Наше настроение и душевное состояние зависит от разного рода факторов и обстоятельств. Но многим и в голову не приходит, что главная причина – наличие или отсутствие веры в Бога, Которым мы «живем и движемся и существуем» (Деян.17:28). Только от Него мы можем получить помощь для избавления от душевных и телесных недугов. Она подается нам в Таинстве елеосвящения. Мы потому называем его «соборованием», что в храме оно обычно совершается несколькими священниками.

Таинство установлено на основании слов апостола Иакова: «Болен ли кто из вас, пусть призовет пресвитеров Церкви, и пусть помолятся над ним, помазав его елеем во имя Господне. И молитва веры исцелит болящего, и восстановит его Господь; и если он соделал грехи, простятся ему» (Иак.5:14–15).

Собороваться можно и на дому, например, в случае тяжелой болезни. Принято думать, что делается это в преддверии смерти болящего. На самом деле в благодатных дарах Таинства нуждается всякий, желающий получить физическое и духовное врачевание.

Во время постов в храмах можно увидеть объявление о том, что на такой-то день назначено общее соборова-

ние. При священнодействии семь раз читаются тексты из Евангелия; верующие в это время стоят с возженными свечами. После каждого из чтений Священники подходят к молящимся и помазывают их елеем.

Елей представляет собой оливковое масло, смешанное с красным вином. С ветхозаветных времен и доныне он символизирует благодать, духовную радость, посылаемые для облегчения страданий и заживления ран. Таким образом, целительное действие заключено не в самом елее, а в силе Божией, незримо сходящей на верующих.

Не следует смешивать таинство елеосвящения с обрядом елеопомазания, который по уставу происходит на всенощном бдении сразу после чтения Евангелия. При этом священник помазует верующих елеем (маслом) из лампады.

Молитва

Царь Небес! успокой
Дух болезненный мой!
Заблуждений земли
Мне забвенье пошли
И на строгий твой рай
Силы сердцу подай.

E. A. Баратынский

Когда на то нет Божьего согласья,
Как ни страдай она, любя,—
Душа, увы, не выстрадает счастья,
Но может выстрадать себя...
Душа, душа, которая всецело
Одной заветной отдалась любви,

И ей одной дышала и болела,
Господь тебя благослови!
Он, Милосердный, Всемогущий,
Он, греющий Своим лучом
И пышный цвет, на воздухе цветущий,
И чистый перл на дне морском.

Ф. И. Тютчев

ЛЮБОВЬ И ВЕРНОСТЬ ДО КОНЦА

Радуют глаз свадебные кортежи, украшенные цветами, лентами, разноцветными шариками. Сияюще-счастливая, вся в белом невеста, мужественно-сдержаный, внимательный жених. Как хороши они, переполненные любовью и надеждами на будущее счастье. Но нередко молодожены не ведают, как много нужно, чтобы мечты их воистину сбылись... Для того то и установлено Тайство брака, дарующего возлюбленным Божье содействие. Другими словами, при венчании брачный союз получает Божественную санкцию и помощь по молитвам священника, жениха с невестой, их родителей, родственников и друзей. Незримым сошествием Святого Духа они соединяются в супружескую чету, делаясь мужем и женой перед Богом, Церковью и ближними. Во время этого красивого и трогательного обряда через молитвы, песнопения, чтение из Апостола и Евангелия перед ними раскрывается духовный и бытийный смысл предстоящей совместной жизни.

«Потому оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут (два) одна плоть» (Быт. 2:24).

Венчанию предшествует обряд обручения, когда священник спрашивает молодых об их добровольном

согласии и надевает на руку обручальные кольца. Они троекратно обмениваются ими друг с другом, что символизирует супружеское единство, скрепленное взаимной любовью.

Затем молодые с возжженными свечами становятся на белый плат, расстеленный перед аналоем с Евангелием и крестом. Священник вопрошают у жениха и невесты о твердости их намерений. Получив удостоверяющий ответ, возлагает венцы на их головы. При этом он творит тайносовершительную молитву: «Господи Боже наш, славою и честию венчай их!» Брачные венцы, давшие название обряду, символизируют их плотское воздержание и целомудренную чистоту. Это подчеркивает белоснежное платье и фата невесты.

Как учит Церковь, в эти мгновения на супругов снисходит благодать Божия, способствующая прочности семейных уз, чадородию, верности и самоотвержению. Вступая в новую жизнь, они обязуются заботиться друг о друге, родителях и воспитывать детей в духе христианской нравственности. Святитель Григорий Богослов пишет, что супруги, составляя единую плоть, имеют и одну душу. Взаимной любовью пробуждают друг в друге усердие к благочестию. Супружество не удаляет от Бога, а, напротив, еще более привязывает.

Затем в назидание супругам читается отрывок из послания апостола Павла к ефесянам: «Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви... Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее... Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа» (Еф.5:22–25).

Из Евангелия от Иоанна возглашается то место, где говорится об освящающем присутствии на брачном пире в Канне Галилейской Господа и Богородицы. После молитвы «Отче наш» священник трижды обводит молодых вокруг аналоя. Он первым поздравляет и напутствует их, благословляя иконами Спасителя и Его Пречистой Матери.

Раньше мы, русские, славились крепкими семейными устоями. Ныне, с упадком веры, силы зла здимо проявляют свое разрушительное действие в наших семьях. Страшно выговорить, но, по статистике, из тысячи браков восемьсот заканчиваются разводом. Более всего от этого страдают дети.

Свт. Иоанн Златоуст предупреждает, что мы подвергнемся строгому наказанию, если не будем заботиться о спасении наших детей.

Действенным средством оздоровления общества может стать воссоздание семьи на традиционных, христианских основах. Для этого не так уж много требуется: имея любовь и веру, жить по заповедям и установлениям Матери-Церкви.

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий. Если имею *дар* пророчества, и знаю все тайны, и имею всякое познание и всю веру, так что *могу* и горы переставлять, а не имею любви,— то я ничего. И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы. Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все перено-

сит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1 Кор.13:1–8).

*Из письма от 3 декабря 1970 г.
Дубравлаг*

Рит, наконец-то выпустили меня... Морозец, солнце, снег, сосны невдалеке,— хорошо-то как! Чувствую: не только я им рад, но и они мне. Совсем не хочется укорять тебя за неоправданно долгое молчание. Забыть и наплевать! Мне бы сейчас зацеловать тебя, закрутить — и махнуть с моей боярыней в сказочную заснеженную Солотчу.

Перед глазами — сияние такого же зимнего дня. Ты провожаешь меня на самолет в Быково. Случайно сели не на ту электричку; спохватившись, дожидаемся следующей на одной из снежно-нарядных подмосковных станций. Передо мной — из-под пушистой шали твое опечаленное лицико. Тебе не хочется отпускать меня, а я бы и сам вовек никуда не уезжал. Стучат электрички. Солнышко не по-зимнему радостное. Под ногами слегка утоптанный снежок перрона. Подумать только, я мог протянуть руку и дотронуться до рукава твоей шубки... За счастье почел бы только коснуться, ничего больше,— этого достаточно, чтобы задохнуться, чтобы покатились слезы и захотелось жить...

Нас ждет то, чему суждено быть. Боль, терзания — я люблю! Ночь, удущье обиды, слезы в подушку — не перестану любить! Годы беспросветные, долгие, жа-

лость к тебе, страх, самоистязания сомнением – вопреки всему буду любить тебя!..

Зов

Перекати то поле дикое венком,
Взлети на крик мой тошный серой утицей.
Не приведиолжизни пролежатьничком,
Яверю, знаю: утебя получится.

O. M. Сенин

Я жду тебя, медлительный июль.
Ты явишь чудо, рано или поздно,
И втихихднях твоихпроступит грандиозность
Разлукой тронутых вселенских струн.

Несспешных вечеров засветится свеча,
Ушедших радостей припомнанье,
И дивное, не знавшее названья,
Слиянье двух измученных начал.

O. M. Сенин

Из письма от 7 декабря 1970 г.

Дубравлаг

Любопытно, Рит, что в древнерусской литературе некоторые женщины имеют рязанское происхождение. Известная Февронья была взята в жены князем Муромским Петром из деревни Ласково, что близ Солотчинского монастыря. Приведу тебе притчу из «Жития о Петре и Февронии».

Изгнанные из Мурома боярами, супруги плыли в Рязань. Заметила Февронья, что человек один, плывущий с ними вместе с женой своей, смотрит на нее с блудным помыслом. Поняв похотливую нечистоту его желаний, Февронья попросила его почерпнуть и испить воды вначале с одного борта, а потом с другого. Когда он сделал это, она спросила, почувствовал ли он разницу. Тот ответил, что нет. Тогда Февронья смириенно и строго вразумила его: «Таково и естество женское».

Заметь, Ритэт, святая Ульяна Осоргина – также уроженка нашей достославной земли, не говоря уже о молодой жене рязанского князя Федора Игоревича – Анастасии. В декабре 1237 года, при известии о гибели мужа от татарских сабель, она бросилась с колокольни с грудным младенцем на руках.

Известно ли тебе, что предков твоих по батюшке, когда они еще в язычестве пребывали и именовались зырянами, просвещал и обращал в православие преподобный Стефан Пермский, впоследствии канонизированный? В заслугу ему ставится и создание пермской азбуки, благодаря которой он переводил на язык аборигенов библейские и церковные книги. Представь, моя белокожая зыряночка, кому обязана ты обращением в христианство.

Из афоризмов мне по душе пришли: «Не тако огнь жжет тело, яко же душу разлучение от друга»; «не остави друга древяного, новый бо не будет ему подобен». Как видишь, моя избирательность прямотаки по пословице: «У кого что болит, тот о том и говорит».

*Из письма от 24 июня 1971 г.
Дубравлаг*

22 апреля шестьдесят восьмого года... Равно дорогая нам дата. После лекций по обыкновению оправился на Саратовский почтамт, надеясь получить весточку от тебя. И правда, мне вручили, но не письмо, а телеграмму от бабушки Елены Ивановны. С восторженностью старой интеллигентки, зная о нашем с тобой пристрастии к Грину и его «Алым парусам», она отбила бесподобный текст: «Дорогой Олег, Риточка родила тебе романтическую дочь Ассоль, мы все поздравляем тебя». В первые секунды перед глазами только буквы с наклеенных полосок телеграммы. Известие, которое они содержали, дошло не сразу. Читаю еще и еще раз: «Риточка родила тебе дочь...» В голове невообразимая мешанина мыслей и чувств: «Почему в апреле? Ожидалось, что это случится в конце мая... Выходит, у меня теперь есть дочь... Дочь – это же девочка... А я шутливо и всерьез просил Риту, чтобы она родила непременно сына... Если девочка, значит она крошечная и красиенькая, как куколка... Когда подрастет, стану играться и подбрасывать ее, хохотушку, над головой. С этого дня я уже не сам по себе, а отец доченьки, только что появившейся на свет... Вчера еще ее не было, а сейчас где-то в роддоме она, завернутая в пеленки, посапывает носиком, открывает глазки, плачет. Какая же она маленькая и теплая!.. Подумать только, в этот день родилась и навсегда со мной пребудет моя кровинка, малая частица меня...»

С телеграммой в руке я стоял у овального окна в зале почтамта, застигнутый событием, которое вы-

светило в моей душе нечто особенное, не переживаемое никогда прежде. Боже мой, отныне нас трое: моя большеглазая тихоня подарила мне изумительную девочку, которую я стану любить ничуть не меньше ее счастливой мамы. Тут же, на вырванном тетрадном листе не написал, нет! – начертал захлестнувшие меня, сбивчивые признания любви к вам. Хотелось громко, на весь свет прокричать моей далекой нечто невыразимое!.. Рита моя, с этого дня сокрытая в тебе новая жизнь, мягкие толчки которой я ощущал под своей ладонью, станет богоданнным продолжением нашего рода...

Восклицательных знаков и многоточий, сколько помню, в письме было больше, чем слов. Но самое поразительное, оно не дошло до тебя... Сказать по правде, во всю жизнь я не написал ничего похожего. В те минуты, казалось, само небо сошло на землю и изукрасило её первыми весенними цветами. Предвидя, как растрогают тебя мои восторженные словословия, машинально вложил сложенный листок в конверт, заклеил и опустил в почтовый ящик...

Однако ты не прочла этого письма: вне себя от радости, я забыл написать на конверте адрес...

Прости, Ритэт, что разбередил горестное сердечко твое. Но то, что ты услышала, живет и торжествует во мне вопреки банальной прописи, что разлука убивает любовь. Может быть, она, разлука, и вправду способна на такое, но ей никогда не убить апрельских солнечных признаний, что навсегда пребывают сохранными в нераспечатанном тобой конверте...

Спасибо тебе за Алену. Наша малышка своим рождением и очарованием красноречиво показывают, что все случившееся было от Бога.

Доченьке моей из тюремной камеры

Знаю, сосны есть где-то
И церквушки в снегу,
Голубые кометы
Темный лес стерегут.

Утомившись игрою
Звуков дня-шалуна,
Распрягla свою тройку
У берез тишина.

Ни качанья, ни вздоха,
Ни дрожанья ресниц,
Звездно дремлет эпоха
Над стенами звонниц.

O. M. Сенин

Напрасен свет закатного портала
Прощанья час, что не вернется вновь,
Сегодня мне ручонкой помахала
Дочурки мотыльковая любовь.

Напрасны запахи и перемахи птичьи,
Июльской ночи круглая роса,
Когда в пространстве нет ее светличья
И кисточки в опущенных руках.

O. M. Сенин

*Из письма от 7 марта 1974 г.
Дубравлаг*

Милая Рит, лагерная весна едва заявила о себе месяцем мартом. Пока не очень-то верится в нее, недели две-три еще постоят холодные сугробные дни. А потом не удержишь,— она торжествующе заявит о себе токами небесного света, возьмется долгими капельными днями. Не заметишь, как выведет к духману белой черемухи и майских вечеров.

Каждый март привносит смутное, необъяснимое чувство вины перед тобой. Ласкаясь, хочется пожалеть тебя, не поднимая глаз оправдаться горячими, в спешке найденными словами: «Рит, Риточка, Ритуля, ради Бога, прости меня...» Твое имя — как молитва — со мной и во мне под голубым и пепельным небом. Как и раньше, винясь, сознаю превосходство твоей чистоты. Сколько раз, устыженный, я покаянно валился в ноги перед тобой.

7 марта. Шесть лет назад в этот день меня, как щенка, вышвырнули из МГУ. После неожиданной радости перевода из Саратова к тебе в Москву, мне удалось проучиться там всего два месяца... И вот опять облом, и снова мука разлуки. А ты на последнем месяце беременности... Вижу твой потерянный взгляд, белые пальцы, отрешенно разглаживающие полукружие клетчатого воротничка на платье. В тот вечер мы искали, куда бы скрыться от навалившейся боли, но не было спасения ни в шумном, переполненном вокзале, ни в темных дворах незнакомых улиц, где мы разыскивали моих дальних родственников. Ты покорно

следовала за мной, как привязанная, но, оглушенный тупой болью, я почти не чувствовал тебя. Не было сил видеть эти белые пальцы, такие жалкие и ненужные на отглаженном воротничке, и ресницы непонимающих, застывших глаз, на которых собирались слезки. От Бахмутовых ты уехала в университет раньше меня. Вернувшись в нашу комнату с настолкой, с «семейственной посудой» на шкафу, я увидел, что все там, от халатика на стуле до разбросанных сапожек, выглядело обреченно и как-то жалостно. Все было закапано твоими слезинками. Прости, что разбередил твое сердечко, тяжело об этом вспоминать, но и забыть не удается. Вместе с тобой живу надеждой, что Господь смируется над нами, и новая весна соберет всех нас вместе.

*Из письма от 10 февраля 1971 г.
Дубравлаг*

... Вспомнил, как в ноябре шестьдесят шестого мы добирались на отцовском «козле» к моим родителям из Пронска в Маклаково. Дорога была разбитой, машину бросало на колдобинах, тряслось так, что у тебя разболелось сердце, и сделалось нехорошо. Хотел попросить шоferа, чтобы тот ехал помедленнее, но ты остановила, говоря, что лучше уж поскорее добраться до места. Видно было, что ты как-то сникла и переменилась в лице. То и дело я с тревогой поглядывал на тебя, побледневшую, с подернутыми усталостью глазами. Не покидало чувство жалости, которое испытываешь к разболевшемуся ребенку. В те

минуты я готов был сделать всё, лишь бы тебе стало легче. Пересесть на переднее сидение ты не захотела, а только прошептала: «Алька, мне лучше здесь, с тобой...» Чтобы смягчить непрестанные толчки, я обнял тебя одной рукой за плечи, а другой крепко стиснул спинку сиденья. На каждой ухабине, мгновенно напрягаясь, бережно прижимал тебя к себе. «Потерпи, Риточка, уже недалеко... Приедем, сразу уложу тебя, болезнную, в постель, напою чаем, и, увидишь, все пройдет...» Не отвечая, ты расслабленно клонилась мне на плечо. Скоро затекла левая рука, но я терпел, не хотел тревожить тебя. Все было ничто в сравнении с подступающим страхом за родное мне существо.

Дома нас встречала мама. Вначале обрадовалась, но тут же, от одного вида твоего расстроилась. Проводив нас в избу, она побежала в контору к отцу с известием о нашем приезде. К концу дороги ты совсем ослабела. Когда я снимал с тебя шубку, ты обессиленно роняла руки, освобождая их из рукавов. Торопясь уложить, застелил на диване постель. Сняв влажные сапожки, натянул тебе на ноги теплые шерстяные носочки, укутал одеялом. Присев подле, не отрываясь, смотрел на твое лицо – оно было одного цвета с твоей светло-серой кофточкой. Приоткрыв глаза, ты виновато улыбнулась: «Алька, не волнуйся, у меня скоро это пройдет». И снова, как в дороге, прихлынула самозабвенная готовность на все ради тебя.

Прочел и захотелось заплакать... Как нестерпимо близка ты была в те минуты! Вспомнилась фраза из недавнего письма: «Если бы не разлука, как хорошо бы мы жили с тобой, Алька...»

Недолго мне уже осталось,—
Не веря собственным глазам,—
Читать влюбленно, по слогам,
Про губ твоих родную алость,
Про снегопады и улыбки
Под звуки плачущие скрипки.

Нескоро нам с тобой придётся,
Пригубя горечай бокал,
Понять, что каждый потерял
То, что лишь раз один даётся:
Сердец согласных тихий бой,
Всечастно дарящий любовь.

O. M. Сенин

*Из письма от 12 сентября 1970 г.
Дубравлаг*

Прими, Ритэт, очередное исповедание. Тебе, единственному человеку на всем белом свете, я доверяю самое сокровенное. Отсюда неизбывная потребность в письмах, желание говорить с тобой хотя бы посредством тонких листков. Авиапочтой они пересекают пространство в 2 тыс. км. И вот ты держишь их страницы в длинных красивых пальцах.

Знаю наверняка, что ты ждешь и нуждаешься в них. В каждом конверте присутствие ласковой нежности, без которой нам обоим жизнь была бы не в жизнь. Когда этот неприкаянно счастливый мир разом перевернулся, покернел от общей нам беды, я по-настоящему оценил, как много ты значишь для меня. Раньше твое дыхание

во сне, рядом, на подушке, воспринималось как самоочевидное. В разлуке мне открылось удивительное наполненность четырех лет, проведенных с тобой. Сейчас, в лесной глухомани, вдали от тебя, я благодарю Бога за светлые обретения тех лет.

Ты, грустинка моя, одновременно там – в далекой незвездной Караганде – и неизменно со мной – за колючкой. Не будь тебя, Алены, жизнь сделалась бы серой и никчемной. Как тонкая свечечка, ты озаряешь и тепло лишишь сумеречный закуток моего существования.

Перечитай письма, и поймешь, что они написаны человеком, для которого весь мир преломляется через хрусталик обожания его избранницы. А зовут-прозывают ее Ритой-Маргаритой, соплюшкой и очаровашкой. Да будет ей известно: единственное, чего я от нее жду, прошу и даже требую – любви и преданности!..

Мне думать о тебе –
Листать любви анналы!
Грустя по тонкому овалу,
Мне хорошо здесь думать о тебе.

Припомнится далекая Москва,
Знакомость торопливой электрички,
И стройной девочки моей обличье,
И нежностью рожденные слова.

O. M. Сенин

Мои два ангела

В лагерной жизни, помимо всех тягот заключения, самым страшным, безнадежно непреодолимым было

чувство неотвратимости срока наказания, определенного приговором. Сейчас невозможно выразить ту душевную жуть, которая подступала всякий раз после сигнала подъема. В осенние сутемки или летнюю рассветную явь обреченно и тягостно душила мысль: «И так будет еще три тысячи утр...»

Когда мордовское зарешеченное инобытие осталось позади, душу стали тяготить навязчивые сны. В их неотразимой подлинности снова и снова я должен был начинать свой девятилетний срок с сознанием роковой его неотвратимости. Однажды в изматывающей одноликости снов о зоне, вдруг пришло совершенно чуждо мне по жизни, но прожигающее душу сновидение... Приснувшись, я тут же без помарки написал строки, отчасти выразившие полуబедовую картину. В ней, как ангелы на иконе, запечатлены две женщины, мама и Рита, как никто ощущившие на себе тяготы моего срока.

Опять во сне мерещится облава,
Опять мне жутко, я вжимаюсь в стену,
Мне ходу нет ни прямо, ни направо,—
Рывком на левой я вскрываю вену...

Стена шатнулась, спину отпуская,
В глазах крестами огненными метит,
Я в темный погреб тихо оползаю,
И Мама милая фонариком мне светит.
Закрыто дело — я за все ответил!
А то, что будет, пусть придет с повинной
К той Женщине, чей льноволосый пепел
Усыпал путь мне в райскую долину.

O. M. Сенин

Ты остаешься, девочка моя,
Ты почему-то вечно остаешься
Хрустально-хрупкой осью бытия
И за глаза ты веточкой зовешься...
Но в днях моих, поверь, цветет она,
Та несказанно юная весна.

O. M. Сенин

ВЕНЕЦ ЛЮБВИ И СУПРУЖЕСТВА

Неустроенность современной семьи болезненно переживается обществом в целом и, прежде всего, теми, кто ее составляет. От взаимного отчуждения между супругами и детьми, горечи семейных конфликтов и разводов равно страдают все без исключения. Наиболее ощутимо это оказывается на эмоционально тонкой и менее защищенной натуре женщины. Утрат и горя можно было избежать, если бы внутрисемейные отношения слагались на христианской основе.

В Библии говорится, что при установлении супружества первая из женщин Ева была дана Адаму в помощь и восполнение одиночества: «Не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему» (Быт. 2:18). Другими словами, для полноты жизни Бог дарует Адаму ту, которая была «кость от костей его и плоть от плоти его» (Быт. 2:21). В Еве Адам открывает самого себя, сознает свое призвание по отношению к ней и их потомству. Нарекая ей имя, он тем самым дает именование и себе, своей человеческой самости. В ее глазах он уже не просто Адам, а «иши» (муж, мужчина), она же становится «ишиша» (жена, женщина, с др-евр.).

Таким образом, в замысле творения женщина дополняет и завершает природу мужчины в их брачном со-

юзе. Различие полов никак не должно было нарушить их равенства между собой и перед Богом. Объединенные любовью и долгом, они безраздельно принадлежат друг другу, составляя нерасторжимое духовно-телесное единство,— «... оставит человек отца и мать и пролепится к жене своей, и будут два одною плотью...» (Мф. 19:5).

Семья как Богом данный союз изначально была свободна от проявлений розни, насилия, страдания, борьбы за первенство.

Впоследствии по вине человека супружество не избежало искажений и коллизий. «Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою» (Быт. 3:16). Спасало, что потомки Авраама, оступаясь и падая, продолжали верить в Истинного и Живого Бога. Поэтому в истории Ветхого Завета в идеале сохраняется равенство мужского и женского начал, отношения взаимности и согласия, которые укрепляли брачные узы, оберегая их от распада. Вера подсказывала, что в выборе своей половины всякий нуждается в помощи и водительстве свыше (Быт. 24:42–52). Через Завет со своим народом Господь постоянно напоминал о ценностях супружеской жизни (Лев. 18). Святость и чистота ее были закреплены в седьмой заповеди Декалога, являвшего собой духовно-нравственное кредо.

Если в Ветхом Завете женщина прежде всего выражает себя в роли жены и матери, то в Церкви Христовой она может достигнуть духовного совершенства и через девство. Отсюда большое количество женских монастырей и имен святых дев и жен, запечатленных в святцах за их богоугодную жизнь.

Ныне предназначение брака выражено и освящено в таинстве, именуемом в народе венчанием. Вступающие в брак дают пред Богом обет верности, согласия, попечения друг о друге, родителях и будущих чадах. Помня обещания, данные перед алтарем, супруги стремятся строить семью как малую Церковь, преодолевая греховный эгоизм, склонность к диктату и забвение супружеского долга.

Заметим, что век назад Россия славилась благочестием и крепкими семейными устоями. С упадком веры ситуация изменилась к худшему. Это видно на количестве разводов, абортов, тревожных демографических показателях и нарастающей содомии. Отсюда насущная нужда в воссоздании семьи на традиционных, Богом данных основах.

Личное свидание

В заключении особо тяжкими кажутся 2 гири: неотвратимость срока и неослабная мука разлуки. В вынужденном одиночестве личные свидания были подобны голубеющим просветам в однообразно серой пелене тягучего времени.

На строгом режиме полагалось в год два общих свидания и одно личное. Первые предоставлялись на 4 часа и проходили в присутствии надзирателя, что называется, «через стол». Личное свидание по усмотрению администрации, в зависимости от поведения осужденного, давалось на срок до трех суток. От наличия взысканий зависело: будет оно без вывода на работу или с выводом. В последнем случае заключенный должен был в 7.30 утра явиться на развод, откуда всех строем

перемещали в рабочую зону. И только к шести вечера, усталый и подавленный, он мог снова возвратиться обратно. Для эзка и его близких в эти часы небо виделось в овчинку.

Из лагерных строений «дом свиданий», который размещался под одной крышей с вахтой, был для меня самым притягательным местом. Раз в год под его крышей ко мне на время возвращались полузабытые переживания былой жизни. В летние месяцы после ужина я брал фуфайку, книги и располагался на травке за бараком, стоявшем близ вахты. Часами читал, думал, писал письма к ней, но при этом взглядом и душой я видел и чувствовал, что в десяти метрах есть пустеющая комната с казенной обстановкой, зарешеченным окном. Она хранила чудоподобное присутствие моей любимой, доченьки, родителей.

Весной 1971 года меня с одним литовцем в сопровождении надзирателя привели в «дом свиданий» для ремонта пола на кухне. Отрываясь от работы, несколько раз с замиранием заходил в «нашу» комнатку, все в которой совсем недавно сорадовалось счастью нашей взаимности. Половицы коридора были дороги уже тем, что по ним ступали ножонки моей бесподобной трехлетней дочурки.

На личные свидания, а их за время моей отсидки было шесть, помимо Риты и Алены почти всегда приезжали отец с мамой. Каждой встрече предшествовал томительный и тревожный нервоз ожидания. Заводили меня к ним на исходе дня, сразу после развода с работы. По истечении времени с трудом берусь выразить свое впечатление от первых мгновений встречи. Никогда после в своей жизни я не переживал похожих минут... Как сейчас вижу страдальчески милые

лица моих старики, слегка испуганные застенчивые глазенки Алены, и она, моя Рита... При одном взгляде на ее сдержанно-улыбчивое лицо, волосы, загорелые ноги из-под цветастого платья чувствовал нежность и жалость, одновременно подступающие к сердцу... Объятия, слезы, восклицания,— наконец-то мы вместе!.. Потом меня ожидало царское угощенье, радость семейного застолья, моя легонькая светловолосая крошка на коленях. Она не отходила от меня: ласкалась, тормошила, требовала внимания. Как хорошо было видеть ее рядом, зацелованную, затисканную девчушку. По обыкновению, где-то после обеда родители, давая нам возможность побывать наедине, звали её погулять в лесочек, поискать грибов и ягод. Але-на охотно соглашалась и принималась просить, чтобы я непременно пошел вместе с ней: «Папа, папочка, там такие большие елки! Баба сказала, когда мы при-дем в лесок, белочка сорвет шишку и бросит мне под ножки. Пойдем, папочка, я тебе подарю ее...» Смутно помню, чем я отговаривался и что плел в свое оправда-ние. На второй день родители с Аленой обычно уезжа-ли, прощание всегда саднило душу. До сих пор жива совестливая укоризна за все, что они претерпели из-за меня.

Свидание

Я жду тебя в наскучивших стенах.
А где-то там, в пространстве октября,
Как птица райская, превозмогая страх,
Взлетаешь ты на зов государя.

В холодном небе, просекая дымку,
Грустящую над Сузdalской землёй,

Ты грезишь комнатой, где под пластинку
Я обминал, склоняясь над тобой.

В твоих глазах, потерянных от счастья,
В славянских льнах разбросанных волос
Губами жадными я постигал согласье
Любви и ревности, шипов и роз.

И уступала ночь круговорещенью
Объятий, шёпота, счастливых слез...
А за окном по злому наущенью
Бледнел разлукою предутренний мороз.

O. M. Сенин

Четыре стены, снегопад за окном,
Покорного времени долготерпенье.
Но нет моей девочки, и не дано
Наполнить минуты ее прославленьем.

Печально светлеет раскрытая книга,
Прекрасное фото, как отсвет виденья
Того несказанно счастливого мига,
Что встарь называли Святым Единеньем.

Когда в твоих милых славянских чертах,
Как фреска, проглянет забытая вера,
Я вижу наш город, ворон на крестах,
Печаль неизбывную осени серой.

В разлете бровей над зарницами глаз,
В цветке твоих губ с поцелуйною влагой
Я вижу смиренные, не напоказ,

Черты, наполнявшие сердце отвагой.

Лицом зарываясь в льняные потоки,
Сжимая в объятьях озябшее тело,
Я благословляю реченные сроки
Чтоб вместе свершить богоданное дело.

O. M. Сенин

Из письма от 28 октября 1971 г.

Дубравлаг

Скоро, Ритэт, нам грустно улыбнется дата, соединившая нас 4 года назад. В одиночестве переберем, как бусинки на ладони, те неправдоподобно прекрасные дни. Впереди у нас все зима, зима, метельная ночь, редкие вешки-хворостинки вдоль полузаметенной тропки. Ветер гонит поземку, сечет колкой снежной крупчаткой лицо. Недалеко, на той стороне поляны, у стены гудящего верхушками соснового бора – желанное зтишье. Там, под навесом из сосновых лап, укрылась избушка. Порывы ветра то и дело сметают с крыши легкие осыпи снега. В замедленном кружении снежинки пролетают вдоль бревенчатых стен, искрясь перед засвеченным оконцем. Внутри согретый уют человеческого жилья, располагающее потрескивание поленьев в печи. Что может быть лучше ночлега и неспешного ужина вдвоем... До ареста и теперь, при нашей жизни порознь, мне не раз виделось нечто похожее, романтически навеянное. Будем надеяться, Ритэт, что наша тропка рано или поздно приведет к теплу и покою родного крова.

Ты голубкой слетишь на ковчег,
Обессилевшей в поисках тверди.
Как прекрасен совместный ночлег
Ты подобна Рахили, поверь мне.

Маяту семилетнего срока,
Как кувшин, на плече ты несёшь,
В упоительном рабстве зарока
Неослабной надеждой живёшь.

Расплескав по плечам свои волосы,
Просветлённым сияя лицом,
Ты промолвишь чуть дрогнувшим голосом:
«Я живу, лишь пока мы вдвоём».

O. M. Сенин

А до того часа ни за что не превозмочь тоски по женщине, которая 4 года назад стала моей неотъемлемой половиной. Вспомни наше нетерпение быть вместе, рядом... Просыпаться утром под дождь за окном и знать, что впереди огромный, ни на глоток не отпитый день непредсказуемых радостей. За считанные дни неописуемо счастливых встреч мы настолько привязывались друг к другу, что предстоящая разлука представлялась подлинным мучением. После ареста стало несравненно хуже: от встречи до встречи не недели, а долгие месяцы.

Заточенье

По рукам и ногам кандалы неподъемные,
Стены силятся вспомнить закатные блики.
Твои губы в улыбке, до любви неуемные,
Сиротеющей ночью заходятся в крике.

А снаружи, к стенам, распокрытая осень,
Обласкавши подножья родных мне осин,
Паутину земли святорусской приносит
И заплаканных глаз твоих кроткую синь.

Тихих уочек наших расписные покои
До зазимков роднит листопадная гладь.
Но все золото их той улыбки не стоит,
Что в венчальный октябрь мое сердце зажгла.

Встань зажженной свечой над темничною
мглой
Замоли, отведи, все небесные кары...
Все прошито разлуки железной иглой,
И мне целую вечность стонать и пластиаться на
нарах.

O. M. Сенин

...27 октября!.. Годовщина нашего бракосочетания в загсе на Комсомольской набережной. В Москву я прилетел накануне. Ты, невеста моя, встречала меня в Быково. Припав ко мне, захлестнула на шее руки, не выпуская зажатой в пальцах кленовой ветки. Возвращаясь в университет, решили прогуляться и вышли на станции Ленгоры. Осень стояла теплая, листопадная и сухая. Незаметно для себя мы забрели в самую глубь парка. Оживленность и игривое настроение не покидали тебя всю дорогу. Признаться, я не узнавал своей тихони. На одной из полянок, как девчонка-озорница, ты шаловливо улеглась на траву и стала набрасывать на себя кленовые листья. Приглашая поиграться, ты протянула ко мне руки. Через мгновение я нежил тебя

в объятиях, с замиранием сердца ощущая в твоем теле таинственное присутствие жизни нашего будущего ребенка.

Как сластят горький свежезаваренный чай кусочками рафинада, так и я в этом памятном дне, следя неуконосительному обряду, растворю в душе чувство нежности к моей несравненной с кленовой веткой в руках. А ночью достану из-под подушки твой локон в конвертике, поднесу его к губам и беззвучно поплачу. Мне очень-очень захочется поцеловать тебя, сияющую, всю в белом, тем же поцелуем, как в тот поздний вечер, когда разошлись гости – и мы остались вдвоем, теперь уже как муж и жена...

Из письма 10 июня 1970 г.

Дубравлаг

... Каждое утро, после забытья сна, где еще живешь в прежней жизни, от одного вида камеры разом возвращаешься в жутковатую реальность дня. Мучительно бессилие перед тупой неподатливостью решеток и невозможностью что-то изменить. Чтобы прийти в себя, спускаю ноги с тюремной койки и подхожу к окну. Сквозь щели жалюзи проглядывает небо, голубеющее или пасмурное. Еще вчера осеняло оно мою недавнюю, поистине райскую жизнь на воле... Неужто придет тот пресветлый день, когда распахнется дверь в твою комнату, и я увижу удивленные глаза моей светловолосой горюши. Ты засветишься мне навстречу и, едва касаясь, дотронешься пальцами до моих заросших щетиной щек. Побледнев, молча захлестнешь на шее ослабевшие

руки свои и прошепчешь: «Алька, милый, вернулся...» Два человека, уставшие от разлуки, годами жившие ожиданием, наконец-то обретут друг друга. Огрубевшими пальцами я стисну твою запрокинутую голову и долго буду молча целовать большелобое, все в слезах лицо моей милой печальницы. Может быть, впервые за эти страшные годы по твоим щекам покатятся не горькие, а счастливые слезинки. Потом, по-детски всхлипывая, ты уткнешься в мое плечо. А я, задыхаясь от волнующего запаха тяжелых льняных волос, буду шептать тебе понятные только нам двоим слова. Поднимая на меня заплаканные глаза, ты со счастливой улыбкой снова и снова будешь убеждаться, что это он – твой прежний Алька. Он здесь, рядом, и, слава Богу, теперь уже навсегда...

Поверь, чудо мое, мы снова будем вышагивать под летним дождем по улочкам, валяться на сене, хрустя яблоками, читать вместе Евангелие от Марка и совсем по Блоку «слушать в мире ветер».

Ты осчастливила меня своим лицом
Старинной, удивительной работы,
И, осененный, я вдруг понял, кто ты!
Замкнулись дни всерадостным кольцом,
И в пушкинский октябрь вошли мы под венцом.
Теперь апрель, его зеленый дым
Клубится по рязанским палисадам.
И мне от жизни ничего не надо –
Лишь только нежить дни теплом твоим
И с любящим твоим встречаться взглядом.

O. M. Сенин

ПАСТЫРЬ ДОБРЫЙ

В народе священника принято называть батюшкой. В таком обращении чувствуются теплота и почитительность, которые вызывает облик православного пастыря. Мы приходим к нему со своими сомнениями, терзаниями и житейскими невзгодами. Перед ним открываемся в радостных признаниях и в греховном нечестии, от одной мысли о котором стыдом пылает лицо. Кого-то из батюшек мы с благодарностью вспоминаем всю жизнь. В свое время они крестили нас, наших детей, венчали молодых, соборовали и причащали. Наконец, они отпевали дорогих нам родных и близких, отошедших путем всяя земли. Есть священники, известные на всю округу своим благочестием. Другие смиленно совершают каждодневный пастырский труд, утешая и наставляя.

К сожалению, многие не имеют представления, как происходит поставление в священный сан. Напомним, что в Церкви установлено 3 степени священства, или чина: диаконство, иерейство и епископство. Поставление в священный сан происходит через хиротонию (рукоположение). Каждый из епископов через таинство посвящения становится восприемником благодати, которой Христос-Спаситель наделил апостолов. В свою

очередь, они передали ее епископам, ими поставленными. Таким образом, в Церкви Христовой никогда не прерывалась линия апостольского преемства, что стало залогом законности и подлинности совершаемых Таинств и обрядов.

Вот как описывает хиротонию протоиерей Серафим Слободской: «Самое важное действие при посвящении есть архиерейское возложение рук с призыванием на посвящаемого благодати Св. Духа... Рукополагаемый в диаконы или в священники вводится через Царские врата в алтарь. По троекратном обхождении престола и целовании его углов, он преклоняется пред ним. Архиерей покрывает его голову концом своего омофора, трижды осеняет ее крестным знамением и, возложив на нее свою руку, возглашает: «... помолимся убо о нем, да приидет на него благодать Всесвятаго Духа». Хор в это время поет по-гречески: «Кирие элейсон», – что означает «Господи, помилуй». При возложении на рукоположенного священных одежд, подобающих его сану, архиерей возглашает: «Аксиос!», то есть «достоин», и это «аксиос» повторяют все священнослужители и певчие» (Протоиерей Серафим Слободской «Закон Божий»).

В храме во время богослужения мы можем одновременно видеть епископа, священника и диакона. Священник, в отличие от диакона, носит поверх облачения наперсный (нагрудный) крест. Епископа, помимо прочего, отличает панагия (округлый, в виде медальона, образ Пресвятой Богородицы). Священник (иерей), по данной ему благодати, может совершать все таинства, кроме поставления в священный сан. Диакон, в переводе с греческого «помощник», сослужит священнику и епископу.

Перед рукоположением в диаконы каждому из посвящаемых предлагаю определиться с семейным положением. Другими словами, ему необходимо жениться либо принять монашество.

Таким образом, в Церкви существует как белое (женатое) духовенство, так и черное (монашествующее). При этом епископом может стать только иеромонах (священник-монах).

В наши дни в каждой из епархий Русской Православной Церкви трудами и молитвами священноначалия и духовенства совершается духовное окормление многочисленной паствы. В этом все они следуют заповеди Спасителя: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь» (Мф.28:19–20).

Научи меня, Боже, любить
Всем умом Тебя, всем помышлением.
Чтоб и душу Тебе посвятить,
И всю жизнь с каждым сердца биеньем.

Научи Ты меня соблюдать
Лишь Твою милосердную волю.
Научи никогда не роптать
На свою многотрудную долю.

Всех, которых пришел искупить
Ты Свою Пречистую Кровью,
Бескорыстной глубокой любовью
Научи меня, Боже, любить.

K. K. Романов

Святитель

Там, за этим леском, что видать из окна,
Есть обитель: давно над рекою
Золотыми крестами сияет она
И белеет зубчатой стеною.
Сотни лет ее колокол мерно гудит,
По заре на молитву сзывая,
И далеко удар за ударом летит
Над лесными вершинами края...
Много ходит в народе сказаний о ней:
В старину, говорят те сказанья,
Сам Угодник нашел в ней приют от скорбей,
И покой от мирского скитанья.
Если ты обездолен людьми и судьбой,
Если горе к тебе прикипело,
Если тяжкий недуг, присосавшись змеей,
Как огнем изсушил твое тело,
Если нет от тоски тебе сна по ночам,
Если труд твой в руках не спорится,—
Приходи в монастырь приложиться к мощам,
Приходи в монастырь помолиться.

С. Я. Надсон

Отец Валентин

Господь сподобил меня общаться со многими из приходских батюшек. Их личностная неповторимость неизменно вписывалась в собирательный образ русского священника. Обычно от благообразного вида батюшки мы безотчетно ощущаем присутствие чего-то родного, но полузабытого.

Нечто похожее я испытал при встрече с отцом Валентином Ястребцевым. Долгие годы, до глубокой

старости он служил в храме Благовещения Пресвятой Богородицы в с. Новотомниково, которое находилось в 15 км от родительского дома. Старостой храма чуть меньшее число годков пробыла моя тетка, Мария Григорьевна Сенина. По ревности своей она почти неотлучно находилась при храме и батюшке. Дочь ее Люся в разговоре со мной посетовала: «Не поверишь, Олег, четыре поста в году ей в особую радость: без устали молится, говоет. А у самой, ты бы видел, на коленках, нарости образовались, да ей все ничего. Раньше первой плясуньей на деревне была...»

Церковь в Новотомникове отстроилась к 1890 году. Местный помещик граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков не пожалел денег на проект, материалы и отделку. При первом взгляде видно явное сходство с Архангельским собором Московского Кремля. Кладка стен из красно-кремниевого кирпича воспроизводила орнамент, подобный резьбе по дереву. Внутри изумляли росписи и фарфоровый изразцовый иконостас. Храм стоял в пяти минутах ходьбы от барского дома, на краю парка, засаженного местными и привозными породами деревьев и кустарников. В годы безбожия, не имея должного присмотра, он изрядно поредел. А в двухэтажном усадебном доме разместили школу. Десять лет, с 1935 по 1946 годы, в церкви хранили зерно. С этим местом, батюшкой и теткой-старостой была связана одна из моих безуспешных попыток рукоположиться. Но не об этом пойдет речь...

Протоиеряя Валентина далеко окрест знали как единственного во всей епархии батюшку, который постом совершал отчитку бесноватых и подверженных порче. На это время из разных мест в Новотомникове съезжались люди, чаявшие избавиться от одержимости.

Чаще всего они добирались в сопровождении кого-либо из сродников. Расселившись по домам местных жителей, по два раза на день приходили в храм.

У тети Марии я объявился как раз в Успенский пост, накануне яблочного Спаса. Она была рада-радешенька, как говориться, не знала куда посадить и чем угостить. С родственным любованием глядя на дорогого гостя, рассказала мне про свой сон: «Вижу, будто под окном голубок на вишнью слетел. Трепетный такой, весь из себя беленький!.. Проснулась и думаю, к чему бы это... А как тебя завидела, сразу мне открылось, что сон тот был в руку».

После чая мы с ней направились в поповский дом, к батюшке. Пришли-то мы – пришли, да вот уходить от него потом никак не хотелось.

Отец Валентин походил на древнерусского аскета-отшельника. Высокий, с худобой постника, длинными седеющими волосами, он поразил меня выражением глаз и голосом. Говорил он с интонациями простеца, то и дело сбиваясь на скороговорку. При этом смотрел чуть в сторону, но когда взгляды наши встречались, я на мгновение обмирал, чувствуя, как его глаза всего меня просвещивают. Но, как ни странно, не спрятаться хотелось, а доверительно во всем открыться ему.

Тут же, в горнице, познакомился с парнем несколько моложе меня, с нездоровой бледностью и грустными, погасшими глазами. Батюшка, обращаясь к нему, добродушно называл его «Аркадий Аркашкин», а тот на это слабо улыбался. После всенощной мы с ним расположились до утра на сеновале. Долго не спали, все разговаривали. Тогда-то он и открылся, почему и зачем оказался в Новотомниково. Выяснилось, что Аркадий закончил тот же Моршанский строительный техникум,

где пришлось и мне проучиться два года. С дипломом в кармане его забрали в армию. Служил под Калининградом, в стройбате. Там сдружился с солдатиком из городских, у которого не раз бывал дома на увольнительные. На беду мама его друга, Клара Иосифовна, была всерьез увлечена гаданиями, заговорами, короче говоря – черной магией. Провинциал Аркаша ни о чем таком сроду не знал. Сначала из любопытства заинтересовался, а затем и пристрастился.

«Представляешь, Олежка, когда врояхался в чернушное дело, то просто ошелел от мысли, как много я могу!.. Совестно признаться, сколько гадостей я навторил, прибегая к нечистой силе. Ясно, что чернокнижие мне даром не прошло – впоследствии еще как аукнулось... После дембеля, распрошавшись с ними, думал – все забуду и стану жить, как прежде. Да куда там, – бес крепко вцепился в мою душу. Стал замечать, после заката, и особенно в новолунье, такая тоска находит – хоть вешайся. Аппетита никакого, ослаб, похудел, а по ночам сны мучили – не сны, а сплошная жуть. Мать забеспокоилась, все у меня выспросила, а как помочь, сама не знает. Хорошо, один дедок из верующих присоветовал ехать в Новотомниково, к отцу Валентину. Представляешь, после первой же отчитки легче стало. Как батюшка велел, стал утром-вечером молиться, Евангелие с житиями читать. Тогда, дурень, понял, что помимо нечистой силы есть и благодать, которая ее сильнее. Здесь, при церкви, два поста кряду провел. В те разы мы вместе с матерью приезжали, а тут она видит, что мне полегчало, и нынче одного отпустила.

Тебя, Олег, об одном попрошу. Выслушай и, пожалуйста, не удивляйся. Завтра мы вместе на клиросе будем. Если при пении Херувимской я вдруг примусь хихикать

или смеяться, ты хватай меня за руку выше локтя и читай про себя тропарь Животворящему Кресту».

Услышанное от Аркаши казалось чем-то неправдоподобным и не совсем умещалось в голове. На другой день во время обедни с ним ничего худого не сделалось. Сам я службу отстоял в неослабном напряжении, чего прежде со мной не случалось... Лицо Аркаши было бледнее обычного, он не переставая крестился и все время будто чего-то ждал. За трапезой, когда батюшка шутками-прибаутками раздавал нам освященные яблочки, Аркаша повеселел, тем более, что ему благословили целых три.

К вечеру того дня вместе со всеми, участвующими в отчитке, я снова пришел в храм. Всего набралось около 15 человек. Разместились тремя неровными рядочками перед аналоем с иконой праздника. Отец Валентин, в подряснике и с епитрахилью, сосредоточенно и неспешно начал каждение. Молитвы читал внимательно, стараясь донести смысл. В храме стояла необычная для службы тишина. Августовский закат сквозь кованые решетки окон напоминал о фаворском Свете, просиявшем от лика и одежд Спасителя. Аркаша прислуживал батюшке, поочередно подавая кадило с кропилом.

Стоя позади всех, я хорошо видел все происходящее. Передо мной, по обе стороны от девушки с испуганным лицом, стояли ее пожилые родители. Утром на службе они точно так же держались вместе. Накануне в ночном разговоре Аркаша сообщил, что девушку Марину привезли впервые. Пять дней батюшка ведет отчитку, а ее, бедняжку, бес ни в какую не отпускает.

Когда отец Валентин раскрыл Евангелие, Марина порывисто вытянулась, запрокинула голову и судорожно выставила руки впереди себя, словно кого-то оттал-

кивая. Тут же я услышал натужные, похожие на стон звуки. Старички, разом придвинувшись, ухватили ее с обеих сторон за руки. А той будто этого и надо было: вырываясь, она стала отчаянно визжать. От пронзительного крика, дико несообразного с храмом, у меня по телу пробежал озноб. Было видно, как все вокруг будто оцепенели. Один отец Валентин с невозмутимым видом вершил Божье дело, противоборствуя сатане. Подходя к Марине, он, творя молитву, хлесткими взмахами кропила пытался отбить несчастную у врага. А она, исступленно мотая из стороны в сторону повисших на ней родителей, уже не визжала, а орала невозможным, мужеподобным голосом. Сдернутая косынка валялась на полу под ногами. Сбоку я видел, как пряди мокрых волос облепили ее лицо, обезображенное жуткой гримасой. Только после того, как батюшка трижды приложил ей ко лбу напрестольный крест, Марина стала стихать. Постепенно крик менялся, слабел и под конец слышны были лишь облегченные всхлипы и шепот молитвы: «Господи, очисти меня, грешную...»

Все то, что привелось увидеть своими глазами, случилось на праздник Преображения 1978 года. Десять лет спустя отец Валентин почил. Мы, к сожалению, после ни разу не свиделись. Из редких писем тети Марии что-то узнавал о нем и ответно кланялся батюшке. Сама она дожила до 90 лет.

Все то время пока видели мои глаза, под стеклом на столе неизменно пребывала дорогая мне фотография. На ней был изображен отец Валентин на паперти того самого храма, который доныне почитается жемчужиной церковного зодчества. Верится, что сам батюшка ныне пребывает в раю Божьем, радуясь отсветам фаворского сияния.

После того, как рассказ о нем был мною закончен, я узнал о книге «Свет миру. Жизнеописание протоиерея Валентина Ястребцева». Прилагаю из нее небольшой отрывок:

«Отец Валентин Ястребцев родился в с. Вановье Моршанского уезда 1 апреля 1899 года. В памяти односельчан сохранилось предание, что купель, в которой крестили о. Валентина, когда он был младенцем, внезапно озарилась ослепительным солнечным светом. Все это заметили и кто-то сказал: «Ну этот ребенок особенный. Это что-то значит. Какое-то знамение свыше». В детстве у о. Валентина была любимая игра – он сдвигал стулья и говорил: «Это алтарь, сюда нельзя». Развернув платок, завязывал на груди – это была фелонь. К веревочке привязывал камушек – это было кадило. Помахивая этим «кадилом», он все время пел: «Слава Тебе Боже», «Господи, помилуй».

… батюшка не вкушал мяса, был очень неприхотлив в быту, довольствовался малым, не любил никакой роскоши. Господь наделил о. Валентина даром экзорцизма (изгнания бесов). Родные его вспоминают, что отчитывать больных он стал еще до войны, вернувшись из первой ссылки. После войны, когда батюшка стал служить в Новотомниково к нему приезжало много больных. Приезд бесноватых о. Валентин предчувствовал. Начинало ломить кости, тело болело. Чаще приезжали постами, но некоторым он назначал особо. Приезжие жили в сторожке, для них готовили пищу, причем продукты покупались на деньги о. Валентина.

К батюшке приезжало много священников за советом и за духовной помощью. Один из них, о. Александр (Тараканов), посетивший о. Валентина незадолго до его смерти, рассказал такую историю. Когда он приехал

в село и зашел к батюшке, тот очень обрадовался ему и сказал что месяца три назад ему явился бес и пригрозил: «За то, что ты мне столько досадил я сделаю так, чтобы к тебе после твоей смерти не приедет ни один священник. И похоронят тебя, не отпев». И действительно, проходит время и ни одного гостя-священника, хотя раньше почти каждый день кто-нибудь приезжал. Батюшка стал сильно беспокоится, думая, что слова злого духа уже начинают сбываться, но тут приехал о. Александр.

За несколько месяцев до своей смерти о. Валентин слег, редко вставал. Болей если они и были, он никак не показывал, только в последнюю ночь, когда боли усилились стонал, не спал. Потом боли вдруг прекратились и батюшка тихо умер, как уснул. Произошло это 17 марта 1988 года».

С ПЕЧАЛЬЮ И НАДЕЖДОЙ О ЗЕМЛЕ ОТЦОВ

«О, РУСЬ, МОЯ!..»

*Из письма от 7 июня 1971 г.
Дубравлаг*

... Вспомни зиму шестьдесят шестого года и наши свидания в согретом уюте рязанской «паблички». Мы оставались вдвоем, с наушниками, в полусвете кабинета для прослушивания пластинок. В тот вечер мы слушали Второй фортепианный концерт Рахманинова. Ты сидишь рядом, прикрыв глаза, а мои пальцы чувствуют тепло твоего запястья. Мы оба слышим проникновенные звуки фортепианной партии в исполнении автора... Они по-добны хрусталию, падающему на серебряное блюдо. Им вторит плещущее море оркестрового звучания... Пальцы пианиста исторгают невозможное для понимания, чему остается с упоением внимать, отдаваясь неисповедимой магии музыки. Под эти звуки, как Китеж-град, поднимается из глубин души она, любимая с детства Россия... Вековая дрема сосновых боров, белый песок равнинных речушек, воспетая земля древних станов, изрубленных

кольчуг ратников. Знал ли я, что совсем скоро, приняв свой крест, через страдания осознаю себя ее блудным сыном, с покаянием возвратившимся в отчий дом, некогда в пренебрежении оставленный...

Земля отцов

Прикажи умереть –
И я вскину в готовности голову,
Дай лишь мне досмотреть,
Как Господь наш поделит всем поровну.

Тот ненайденный клад
Непридуманной сказочной жизни,
Где, не мят и не клят,
Я живу в возрожденной Отчизне.

Там синеют снега,
Хорошоют резьбою деревни,
Там, блажен, наугад
Я бреду по прекрасной и древней

Среднерусской равнине,
Что в окладе мещерских лесов
Испокон и доныне
Почтена за основу основ.

Пусть узорные церкви
Собирают воскресший народ.
Да вовек не померкнет
Над тобой голубой небосвод!

И тогда, не простясь,
Просиявши счастливым лицом,
Я верну свою часть
Ради сказки с хорошим концом.

O. M. Сенин

Скажу ли то своё, чему суждено будет остаться во времени? Не ради тщеславия, но единственно из желания быть услышанным. Как Бог даст... Пока лишь ощущаю в себе подспудный пласт наитий, почти не тронутый. Пытаюсь строить на нем.

*Из письма от 12 июля 1971 г.
Дубравлаг*

Плакса ненаглядная, из разобиженного письма понял, как тебе худо и одиноко. Желая успокоить свою горюшу, бережно беру твои пальцы, воспетые мной, и принимаюсь один за другим целовать их. Заискивающе заглядывая в твое смурное личико, вижу, как оно постепенно отходит,мягчает. И, чтобы вконец разогнать тучки, поведаю, что сейчас происходит во мне и вокруг.

После поднадоевшей жары пришли вожделенные прохладные деньки. Из леса тянет бередящим запахом свежескошенного сена. Близ нашей Рязани так же вот благостно цепенеют верхушками высоченные сосны, покоятся в берегах застывшие воды Старицы. По ней за неделю до ареста я катал на лодке вас с Людмилой Кашаевой и горланил песни про Стеньку и разнесчастную княжну-персиянку. Сам я родился и вырос на другом краю Рязанчины. Деревня, где я рос, была окружена полукольцом лиственного леса. Прохладные трепетные осинники соседствовали со светлыми дубравами. В мае в сырых от полой воды лошинах бушевала черемуха. Чистые пруды, удерживаемые в лесных оврагах надежными земляными плотинами, дарили нам, ребятишкам, радости купания и катания на коньках. По осени багрянец

и охра диковинным произволом пятнали эту завораживающую глаз красоту. Из далекого моего детства я вынес доныне не оставляющее меня восхищение пейзажами предопределенного мне рождением природного лона.

Вместе с привязанностью к тебе я равно возлюбил виды мещерской стороны, воспетые Есениным и Паустовским. Последний писал: «Там боры стоят, как кафедральные соборы». Не будь студентки-рязаночки, ставшей моей избранницей, никогда не открылось бы мне сосновое очарование Мещоры.

Чувство грусти светло,
Как осенняя роща сквозная.
Опадает листва.
Журавли закурлыкали в лад.
Что-то в наших сердцах
В эти дни навсегда исчезает,
Совершая с молитвой
Печально-веселый обряд.

Утром сизый туман
На болоте студит голубику,
Глухо грают вороны
В рязанскую дремную рань.
Не заметишь – октябрь;
Измочалит дождем повилику
Простодушных надежд
Луговой, васильковый дурман.

Звонче будут телеги
Кричать в удлиненном просторе
Расступившихся рощ,
Просиненно-открытых озер,

Можжевельник сухой
На седом ото мхов косогоре...
Жадно ловит душа,
В грусти мягкой теряется взор.

Будут падать дожди,
Чуть шушукаясь в листвах опалых,
Наливая тарелочки хрумких,
В засол не попавших груздей,
Чтобы в них тишина
Опустевшего неба качалась,
Спелость стылой воды
Била в жаркие ноздри лосей.

Чувство грусти светло.
Мы об этом не сразу узнали.
Погрусти эти дни,
Отдохни, золотая земля...
Пусть плывут по векам
Наши тихие, русские дали,
Журавлинью грусть
Рассыпая на наши поля.

В. И. Жильцов

*Из письма от 27 сентября 1971 г.
Дубравлаг*

... Недавно читал отрывки из дневниковых записей Бунина. Как всегда, он поражает меня сходством в видении мира и душевных пристрастиях. Бунин – самая близкая мне натура из тесненного золотом списка ма-

стеров русского слова. В дневнике за 20-е августа всего одна строчка: «Чем я живу? Все вспоминаю, вспоминаю...» Боже, так это же я сам! И вскрик, и радость от ободряющего сходства, высокой причастности. В пяти словах, многажды мною повторенных, заключена истина о болеутоляющей отраде пережитого. Кажется, строчка не написана,— она нанесена усталой рукой, когда в саду, за окном кабинета, стекленели предосенние сумерки, сулящие ночные заморозки резкостью запахов и глубиной звездного неба. Последнее слово, и перо замерло над строкой. На листе бумаги запечатлен горестный осадок дум и настроений тревожных месяцев перед эмиграцией. Подавленное ожидание грядущего... Оно было где-то рядом и пугало его в минуты одиночества шевелящейся великолепием мерзкого хвостатого ископаемого. Но до полной гибели России оставалось малое в своей жалкости время. И Бунину его предстояло пережить. В эмиграции он жил памятью — тем идилличным, обреченным на невысказанность миром, кладбищем которого было сердце, кровоточащее от вида повсеместно учиненного разора.

Можешь себе представить, что в те годы творилось в России... Бунин, один из пристрастных очевидцев трагического века, мучительно пытался осмыслить причины и исход «красной смуты». В «Московской вести» от 12 сентября 1911 года читаем: «Меня занимает главным образом душа русского человека в глубоком смысле, изображение черт психики славянина».

... Продолжаю 24-го сентября. Пасмурное, явно на дождь утро. В холодной ветреной хмурости беспокойно раскачиваются верхушки сосен. Совсем рассвело, но удручающая серость неба, ветер и сплошной шум леса придают всему неприглядный вид глубокой осени.

Вспомнилось четверостишие незаконченного стихотворения:

Расшибаясь о деревья
Ветер темный и сырой
По заброшенным кочевьям
Шарит лапой травяной...

Стоишь, слушаешь, смотришь – и вдруг испугаешься застигшей врасплох озабочной мысли: «Что если никогда уже не затихнут шумящие по всей земле леса, не сверкнет уставшим от серости глазам голубеющий кусок неба? Неужели рыхлые вислые тучи денно и нощно будут ползти по нему?» Разом прижмет она тебя к устрашающему пределу воображения. Становится не по себе, и начинаешь искать утешения в светлой очевидности пережитого. Заступница-память воскрешает осеннюю, златолиственную, сверкающую куполами кремля Рязань недавних лет. Будто наведавшись на час, неотрывно любуюсь узорчатым орнаментом старых особняков, шагаю по знакомым тротуарам, ощущая ка-блуком тонкость опавших листьев. Там я у себя, я дома. Всякая улица до мелочей изучена и душевно близка, как коврик в нашей уютно заставленной комнатке, по-путемной от тополей за окном. Бывает, проснусь среди ночи в бараке и, спасаясь от бессонницы, без устали плутаю по исхоженным нами уложкам.

Так хочется от злой беды
От маяты в сознании воспаленном
Туда, где в старые следы
Упали листья кленов.

Где в переулках шепчешь ты
Сосулек тихим звоном.
Там на изморозь карнизов,
Как февральский синий наст,
Искрится печально снизу
Полнолунье твоих глаз.

O. M. Сенин

Последние две недели зачитываюсь трилогией А. К. Толстого: «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович» и «Борис Годунов». Поражаюсь, как автор мастерски использует золотоносные пласти русского языка. На этом фоне таким обедненным, худосочным видится современный лексикон. К другим достоинствам можно отнести напряженное сюжетное построение и филигранную лепку характеров. Просматриваю объемистый том фразеологического словаря, выписываю, а затем заучиваю колоритные речевые обороты. Делаю это с усаждением. Получаю газету «Московские новости» на французском языке. По выходным с одним из моих товарищей слушаем пластинки, чтобы усовершенствовать наш рязанско-тамбовский прононс. Хотя и с трудом, но дело подвигается. Надеюсь, к концу срока буду знать французский на «5».

А теперь потешу тебя историко-литературной «мешаниной». Слушай же...

Наш непревзойденный прозаик Лев Толстой свою раннюю вещь «Казаки» написал... в стихах. Гоголь обладал поразительной памятью. Юрий Тынянов также удивлял современников способностью запоминать.

Недавно сообщалось, что в публичную библиотеку в Ленинграде было передано более 2 тысяч документов

из архива Анны Андреевны Ахматовой. О лице, сделавшем этот богатый дар, там не говорится. Вне всякого сомнения, то был сын Ахматовой Лев Николаевич Гумилев, который наследовал её архив. Среди бумаг – рукописи исключительной историко-литературной ценности и книга прозы, содержащая неоконченный мемуарный цикл. Она писалась после 10 лет молчания, начало которому положило печально-знатенитое постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград», где партийной критике было подвергнуто творчество Ахматовой и Зощенко. Общеизвестна реплика главного идеолога Жданова, назвавшего поэтессу «барынькой, мечущейся между будуаром и мольельней». Только после 1956 г., с началом «оттепели», стали выходить книги ее стихов. В последующие десятилетия имя и творчество Ахматовой приобрели поистине всемирное признание. Ее стихи были переведены на многие языки. В Италии ей присуждают литературную премию «Этна-Таормина». В Англии Ахматовой была присвоена почетная степень доктора оксфордского университета. В начале весны 1966 г., когда поэтесса умирала в одной из питерских клиник, по стране стояли очереди за ее последней книгой «Бег времени».

Еще плывет в душе октава хора,
Еще горит свеча в моей руке,
А Муза уже вышла из Собора
В венце терновом, в лавровом венке.

Ее полет необозрим и вечен,
Душа отпела, замерли глаза.
Спокойно спи, царица русской речи,
В России есть живые голоса.

Прости людей, предавших твое слово,
Для них последний уготован Суд.
Весенним днем их дети в Комарово
Тебя с печалью светлой помянут.

Наступит час и Музе непокорной
Честь воздадут на берегах Невы.
Перед стеной навек ты встанешь скорбно
С тоской бессмертной гордой головы..

М.Б.К., Дубравлаг

*Из письма от 23 мая 1972 г.
Саранск, изолятор КГБ*

... Череда времен года – едва ли не единственное
зримое разнообразие в условиях зоны. Снова наступит
и пройдет короткое лето средней полосы, одарит новыми
запахами и красками. Вдалеке от тебя сладко будет
вспоминать дни, залитые прощальным светом августа,
видеть наш город, где над земным золотом садов
высится и сверкает небесное благородство куполов.
Помню, летела паутина, оставали к вечеру кремневые
кирпичи собора. День назад ты уехала в Москву, то-
ропясь к началу учебного года. Один, прощаясь с Рязанью,
я приходил в кремль и подолгу стоял на высоком
парapете архиерейского дома. Внизу от подножия
крепостной насыпи, сразу за обмелевшим Трубежем,
стлались выкошенные окские луга, с редкими копна-
ми на них. И казались бы они бескрайними, похожими
на даль Дикого поля, если бы за плавной Окой не
темнел державной полосой Луковский бор. Он напо-

минал о близких мещерских лесах, где в старое время рязанцы рубили засеки от татарской конницы. Среди могучих сосен замерли на века крепостные стены и церкви Солотчинского монастыря. Смотрел, думал, и на глазах проступали слезы от горделивой причастности к былинной, мужественной древности. Когда-то из щелей бойниц с коротким стуком тетивы вылетали певучие стрелы. Толпы визжащих татар носились под его стенами на вертких лошадях.

Триста лет спустя там падал крупный слепой дождь, мочил сухую хвою и завитки твоих расплетающихся кос. Мне хотелось понести тебя на руках, но ты, смеясь, не давалась. Никогда в жизни не будет ничего восхитительнее того дождя и нашей умопомрачительной влюблённости...

В селе Коломенском – нарядная трава,
В апрельской синеве сияют главки храмов,
Бьет колокол, стареют дерева,
Линяют титлы в грамоте охранной.

В селе Коломенском мы у себя, мы дома.
Нам русская живая старина,
Как даль красна, как хлеба кус знакома,
Трудами праотцев она утверждена.

В селе Коломенском, где церковь Вознесенья
Хранит от вандалов московский окоём,
Не мелочась, отбросивши сомненья
Мы правды ради дышим и живем.

Живем, как сироты, случайным подаяньем,
В печали, в радости – всегда к виску виском.

Господь лишь знает, может, не случайно
Приветил ангел нас улыбчивым лицом.

O. M. Сенин

*Из письма от 20 августа 1973 г.
Дубравлаг*

Идут дни, невозвратные мои денечки. Происходящее, будь оно великим или малым, видимым или незримым, сгорает в них, оставляя сырой пепел воспоминаний. За четыре года я втянулся в обыденный, неспешный ход времени. Грустно только, что постепенно забываешь о садах, где тяжелеет антоновка, о рязанском небе с врезанными в него силуэтами вечерних храмов, о запахах домашнего уюта. И даже ты, моя милолика, все чаще видишься мне как бы в дымке, оставляя боязливую тревогу самой возможности забвения.

Ты где-то далече, а рядом август – приветливый печальник и старинный мой друг. У него для меня клумбы поздних цветов. Им, как девушкам, зябко в его лонных ночных. А днями он пишет неброские акварели спокойными, мягкими красками небес и земли. Август неизменно радует, успокаивает, ему доверяешься... Вытянешь руку – и кожей осознаешь невидимый ток тепла, легкость паутины. Он ничего не обещает, а всего лишь понимающе говорит: «Рита, Алька, хотя бы на часок вернитесь к песчаному плесу с редеющим ивняком на речке Проне. Там 7 лет назад я протянул вам свои прохладные ладони. И до сих пор, закруженные жизнью, вы с ней не можете забыть прикосновения тихой моей

любви». Ты, русалочка, осталась в нем лунной дорожкой. Куда бы я ни уклонялся, ее светящаяся полоска смиренно тянулась за лодкой. Да, я дурил, с размаху ударял по глади воды веслами. И она билась в испуге, но, постепенно успокаиваясь, неотступно следовала за мной.

Ты прошепчи,— ты крикни,— я приду
И поддержу огонь, что наисходе.
Ты видишь: осень клином ввысь уходит,
И жить начертано нам на роду.
Изнемогают чуткие ладони
От прежней нежности прикосновений,
Волос и глаз твоих чудотворенье
Меня влекут к тишайшей речке Проне...
Но безвозвратны даты упоений,
И ветер по свету листву сырую гонит.

O. M. Сенин

Журавлю перебили крыло.
Кареглазый, худой, неповинный,
Он с тоскою смотрел, как несло
Сине небо его половину,
Как владел властелин окоем
Ее тонко очерченным телом,
А она беспокойно смотрела
В пустоту, где летели вдвоем.

Вот и я в казематах темницы
Без тебя, без покоя и власти,
Лбом к виску твоему прислониться,
Здесь почел бы за высшее счастье.

А в осенних туманах земли,
Как в безлунном саду хризантема,
Одиночко, печально и немо
Дрогнешь ты в ожиданьи зари

O. M. Сенин

19 августа. Преображение Господне. С друзьями-единоверцами отметил яблочный Спас. Непостижным образом к нашему скромному застолью явились они, румяно-налитые яблочки! Перед трапезой сотворили молитовку, прочитали тропарь празднику и отведали по несколько сочных и хрустких долек.

Дочь наша, со слов бабушки, ждет мамочку в деревню, потому как ей за грибами не с кем ходить. Дядя Миша как-то дал ей важнущее поручение: сбегать через овраг в магазин за сигаретами. Она так волновалась и, когдаозвращалась с покупкой и сдачей в кармашке, всем знакомым, кто ее окликал, поясняла, что она при деле и, мол, некогда ей разговоры разговаривать. Рит, подумать только, ее ножонки ступают по траве-мураве кусочка земли, где я родился, возрастал, познавал себя и Божий мир... Помнишь, я рассказывал тебе, что в детстве временами меня охватывала беспрчинная тоска. Неотвратимые сумерки, холодная роса на траве, чувство неприкаянной затерянности в предвечернем тускнеющем пространстве заставляли меня искать утешительного тепла. Детским сердцем я ведал, к кому и в какую сторону следует бежать; знал, что по дороге снизойдет на меня желанное успокоение. Босоногий, в застиранных сатиновых штанишках, я бежал через овраг к домику дедушки и бабушки, жившим в лесу при пасеке. Мой страх и сырой холод, наполнявший овраг, превозмогались и как бы утрачивали свою силу, когда

я припускал по тропке в гору. Меня ждала лесная избушка с заваленкой, бузиной под окнами, с влекущими запахами жилья, напеченных оладьев и старых дедушкиных книг. Переступив порог, постепенно согревался и успокаивался в уюте скучного быта, с ласковым кругом от керосиновой лампы на потолке. Мне было невообразимо хорошо среди обнадеживающей, таинственной сопричастности малого сего к Богу и вечности.

Застигнутый бедой, в холоде одиночества, я и ныне ощущаю себя плачущим мальчиком, ищущим Господнего тепла и покоя...

Поволокой пасмурного неба,
Беспросветным дождика литьём
Я казнюсь за то, что ещё не было
И за то, что поросло быльём.

Цвет весенний к жизни возвращая,
Не в ладах с седою головой.
Я, как клен осенний, облетаю
Охру разбросав по мостовой.

Словно мальчик, выпустивший руку,
Я рыдаю, сдавленный толпой.
Ты рванись на жалобные звуки,
Зацелуй, заплачь, закрой собой.

O. M. Сенин

*Из письма от 5 декабря 1973 г.
Бараево, «больничка»*

Ты как-то прислала мне в Саратов строчки из Блока:

«Кольцо существованья тесно:
Как все пути приводят в Рим,
Так нам заранее известно,
Что всё мы рабски повторим.

И мне, как всем, всё тот же жребий
Мерещится в грядущей мгле:
Опять – любить Ее на небе
И изменять ей на земле»

Представить невозможно, что в ту пору мы могли ощутить даже малую частицу этой горькой истины. По мне, мы жили тогда беспокойным всезахватывающим чувством и видели вокруг себя просторы синего снега вперемешку с январским чернолесьем. Небо над нами было уютно низким, серо-белесым. В бесприютности разлуки нам дано было присутствие близости и очага на всяком месте той огромной, для счастья предназначенней земли.

Не забыть разноцветия заката под Коломной... Тихо шел поезд на Рязань. Прижавшись друг к другу, мы смотрели, как навстречу наплывали величавые очертания отверженных храмов. В вязких сумерках, в гуще необлетевших садов, в деревянных особняках за заборами чудилось присутствие старомосковского быта. Твоя христоматийно-славянская внешность золотистыми косами и голубизной глаз как нельзя лучше дополняла ту красоту. Казалось, в эти минуты мы с тобой как никогда заодно. Не заслуженная, а дарованная по рождению и растворенная в крови причастность ко всему русскому рисовала мне тебя светоликой княжной из бревенчатого, резьбой изукрашенного терема. До сих пор так и живу, вполоборота к прошлому...

Твой светлый лик таит иносканья
Рязанской достославной старины,
Как рукопись с утраченным названьем,
Как сладкий дым родимой стороны.

И по дороге к Сергиевой Лавре,
Вбиная сосен благостный покой,
Я видел, как закатами прославлен
Неизгладимо русский облик твой.

В постылости тюремного плененья,
В разладе между жизнью и мечтой
Останется заветным утешеньем
Неопалимо-русский образ твой.

O. M. Сенин

Имея поручение от сострадающего сердца стать со-
ставителем летописи нашей любви, неустанно заношу
на ее страницы всё сколько-то значимое, улыбками
и слезками отмеченное. Кто, как не я, призван помнить
наш судный день, день вынесения приговора: семь лет
 лишения свободы и два — ссылки... Перед глазами,
 будто вижу его в последний раз,— твое растерянное,
 недоумевающее лицо, выражавшее одно-единствен-
ное: «Не может быть!» С того мгновения тебе, горюша
моя, не дано другого лица, такой я буду помнить тебя
до гроба.

Снова расстроил без вины виноватую мою девочку
... Из письма в письмо одно и то же. Но, клянусь, ниче-
го не могу с собой поделать. Никогда, слышаши, никог-
да не свернется кровь в ранке,— ей так и сочиться, пока
ты жалостливо не склонишься над ней...

Холодов льдисто-хрусткая ясность
Возвеличила лунные ночи,
Очевидней представилась разность
Наших жизней, незримых воочию.

Твоих сосен посадских гравюры,
Жемчуга твоих грустных путей
Я, лишённый наследия, сдуру
Получил от царицы моей.

А взамен, беспросветный невежда,
Одураченный радужной чушью,
Поманил я никчемной надеждой
Твою детскую наивную душу.

O. M. Сенин

Из письма от 24 августа 1970 г.

Дубравлаг

Рит, проработал подшивку журнала «Вопросы истории» за 1970. Рекомендую посмотреть некоторые статьи. В № 2 и № 3 – Артемьев «Следствие и суд над декабристами». Составишь себе представление о поведении заговорщиков из дворян на следствии. Откровенно говоря, наши первые революционеры оказались жидки на расправу. Но Пестель не сломился, он да еще несколько бунтовщиков держались весьма достойно.

Во 2-м номере просмотри статью Назарова «В диком поле». Она содержит очерк набегов на Русь отрядов Крымского и Хазарского ханств в 16 веке. Оказывается, берег Оки с городами Коломна и Рязань в 15–16 вв. являлся защитным рубежом против частых разорительных набегов беспокойных южных соседей. Представь

себе, наш маленький Пронск в 1541 году выдержал трехдневную осаду многочисленного войска Сагиб-Гирея, который так ни с чем и убрался от его стен.

Рит, к тебе просьба: при возможности набросай характеристику Ключевского как личности и историка.

Пиши. Рекомендуй, наставляй. Я жду.

Из письма от 7 декабря 1970 г.

Дубравлаг

«Слово о полку Игореве» удивительно по лиризму и целостности. Прочитал его в «Изборнике» вкупе с прочим. Мало что можно поставить рядом со «Словом» по языку и образности. Оно в этом смысле сияет, как жемчужина среди малахита. Неудивительно, что сделано столько попыток поэтического переложения этого шедевра.

Из житий святых сердце задело «Житие протопопа Аввакума, собственноручно им написанное». Свидетельством фанатичной неуступчивости старой веры дошли до нас духовно-страстные писания «огнепального» протопопа. Неистовый Аввакум, принявший за свое непокорство муки неизреченные, привнес в них гордомыслие, хлесткое полемическое красноречие и подкупывающее описание своих невзгод. Меня-таки умилило упоминание о черной курочке, которая во время голодного пути с семьей до места ссылки, несла, по милости Божией, по два яичка в день. Столь необычное просторечие впечатляет. Можно представить, как зажигала его последователей личность страстного расколоучителя, героизированная несокрушимой верностью старому обряду. На казни, уже объятый пламенем, он, поднявши руку со сложенным двуперстием, из огня выкрикает по-

следние слова: «Тако креститеся...» У Ключевского нашел развернутое изъяснение причин раскола, который стал подлинной трагедией для нашего отечества.

Прочел повесть о походе Грозного в 1570 году на Новгород, с описанием душу отврашающих опричных зверств. Страшно, что даже малых детей метали с моста в Волхов. Во мне еще больше укрепилось неприятие жестоких мер, которыми сопровождались его реформы – по существу, необходимые. Очевидна его заслуга в искоренении боярского сепаратизма и утверждении сильной государевой власти.

Знакомому мне лагерному поэту принадлежат такие строки.

Царь молится, народ молчит.
«Прости нам Боже, Боже, Боже...»
Темнеет кровь на Волхове...
Прости! Малюта уничтожит,
Все что противится Москве.
Нам не нужны рыданья вдовьи
И слезы сирот, – смут посев,
Но выжжем мы глаза жидовьи
И дух тлетворный в граде сем.

M.B.K.

*Из письма от 10 февраля 1971 г.
Дубравлаг*

Недавно закончил вторую книгу «Анны Карениной». Проникся симпатиями к Левину. Заметь, Левин, несмотря на эмоциональную динамику характера, в глав-

ном – натура ровная и цельная. К вере его влечет не избавление от зла в самом себе, а вопросы вселенские, ключевые – о смысле жизни. Во мне происходит нечто сходное, но разница в том, что мой духовный поиск подогревается внутренним конфликтом, зачастую раздирающим. Мне бы пожар в себе потушить, а уж потом помышлять об ангельских мирах. Отсюда неизбежна разница в восприятии веры, глубине и силе ее проникновения в личность. Владимир Соловьев пишет: «Сущность добра открывается наитием, действием Божиим. Между тем энергия его проявления в человеке зависит от внутреннего отклика на даруемую благодать, что обнаруживается в силе и направленности личной воли».

Словом, у Левина поиск совершается по запросу ума, у меня – из чувства бессилия в борении с самим собой. Оно и понятно: его рефлексия протекает в барской усадьбе, и любимая Кити рядом с ним, а я – в узилище и терзаниях разлуки.

… Прочел несколько томов «Истории» С.М. Соловьева, затем перепахал этот же период по Ключевскому. В итоге сложилась общая картина петровских преобразований боярской Руси. Заметь, энергичное и результативное царствование Петра Великого сменяется временем политической беспомощности, фаворитства и шутовства при троне скипидородержателей. Казалось бы, пружина петровского энтузиазма должна была и далее приводить в действие его замыслы. Общеизвестно, что «царь-плотник» отнюдь не довел до конца строительство имперской храмины. Однако на протяжении последующих 40 лет не появилось монархов, подобных ему. Напротив, российский престол сменяют один за другим самодержцы, не способные продолжить начатое дело. Зато каждый из них так или иначе отли-

чился в расточительстве и ослаблении достигнутого. Помнишь, у Андрея Вознесенского: «Петр I – пот первый...»? И действительно, не смотря на страшную костоломку народной жизни, Петр сам работал, не зная устали, и побуждал к тому, тычками и дубинками, своих сподвижников.

С увлечением читаю книгу М. К. Каргера «Новгород» – исследование по истории новгородской архитектуры. Надо полагать, при написании дипломной работы, ты её, конечно же, смотрела.

Пролистал монографию Н. Е. Носова «Становление сословно-представительных учреждений в России» (изыскания о реформах Ивана Грозного). В ближайшем письме своим поделюсь взглядом на опричнину, а пока скажу, что я солидарен с концепцией автора.

*Из письма от 5 марта 1971 г.
Дубравлаг*

В «Вопросах литературы» за январь в разделе «полемика» помещена статья некого Ерофеева. На ее страницах с ужимками литературного гусара он галопирует по работам Доминики Арбан, французской исследовательницы творчества Достоевского. Одна из них называется «Достоевский – виновный». Насколько я понял, мысль ее такова: душевые особенности натуры писателя неотразимо сказались на идеально-проблемном окрасе его произведений.

В первом номере «История СССР» твой мэтр Б. А. Рыбаков поместил статью в защиту достоверности сведений, которые Татищев заимствовал для своей

«Истории» из утраченных летописей XII века. Академик аргументировано доказывает его чистоплотность историка в обращении с летописным материалом. Там же он отвешивает подзатыльник Пештичу и делает лестный реверанс нашему общему знакомому А. Г. Кузьмину. Последний в том же номере поместил рецензию на недавно вышедший 31-й том «Полного собрания русских летописей». Она изложена основательно и с блестящим знанием предмета.

В «Вопросах философии» заслуживает внимания статья об экуменическом диалоге христианских церквей: РПЦ, англиканской и баптистской. Там же стоит просмотреть материал о тенденции духовного упадка в католицизме.

Большой интерес вызвала статья Л. Н. Гумилева, опубликованная в 1-м и 2-м номерах журнала «Природа» за 1970 г. Лев Николаевич – этнограф, необычайно одарен и имеет творческую родословную: он сын Анны Андреевны Ахматовой от брака с поэтом Н. С. Гумилевым; трижды сидел при Сталине, ему посвящен «Реквием», отрывки из которого я тебе присыпал.

Как ученый-исследователь Гумилев обосновал и ввел в научный обиход понятие пассионарности. Согласно его концепции, каждый этнос ограничен временными рамками самопроявления, которое выражается в преимущественно присущих ему видах деятельности: завоевательной, культурной, религиозной, сфере искусства и т.д. Например, викинги (норвежцы) с V по XIII века являлись грозой для всего атлантического побережья, да и Европы в целом. Затем утихомирились и, потеряв интерес к героике набегов, преспокойно стали ловить селедку. «Пассионарии» суть те выдающиеся личности, которые проявили себя в поворотные моменты истории,

такие как: Александр Македонский, Гаутама Будда, Карл Великий, Владимир Креститель, Наполеон и т.д. Гумилев считает, что человечество может существовать и способно выжить только при наличии национальной мозаики. Стирание этнокультурных различий и нивелирующая глобализация, по его мнению,— явления очевидно негативные для ментальности всякого этноса.

Если можешь, прочти его книгу «Поиски вымышенного царства» (изд-во «Наука», 1970). В ней изложены и фактологически подтверждены основные положения этногенеза.

*Из письма от 20 апреля 1971 г.
Дубравлаг*

Читаю сразу несколько книг: «Историю славянских литератур» Пыпина (СПб., 1857), заканчиваю «Герои и еретики» Данэма. Одновременно слежу за периодикой, просматриваю подшивки прошлогодних литературных журналов. Заказал недавно альбом «Сокровища русского искусства». Живопись IX–XVI вв.. Книга весьма необходимая при моих нынешних духовных увлечениях.

*Из письма от 17 мая 1971 года
Дубравлаг*

В 3-м номере «Вопросов истории» за 1971 год шеф твой, Б. А. Рыбаков, ярится и негодует на теорию этно-

генеза Льва Гумилева. Академик с высоты своего авторитета накидал ему хороших плюх за якобы вольное обращение с источниками. Тем самым он придал еще больше притягательности концепции Льва Николаевича. Спрашивается, о чём же спор? Предерзостный этот Гумилев полагает, что «Слово о полку Игореве» не имеет никакого отношения к событиям похода 1185 г. По его мнению, написано оно было в 1249–1252 гг. для того, чтобы в завуалированной форме высказать неодобрение по поводу дружбы князя Александра Невского с ордынским ханом Сартаком. Ну, а Рыбаков, сама понимаешь, ногами топает на Гумилева за оспаривание милой его сердцу исторической версии. Сознаюсь, собственного суждения на этот счет не имею. Может, ты что отпишешь. Гумилев мне интересен, тем более что в жизни он, как говорится, прошел «и Крым, и Рым». Около 13 лет находился в местах, куда ворон костей не таскал. В перерывах между арестами учился в Ленинградском университете на восточном факультете: в 1956 г. наконец-то закончил истфак ЛГУ, через 4 года защитил кандидатскую, а в 1966 г.– докторскую.

Интересно было узнать о распространении на Руси несторианской ереси. Название свое она получила по имени патриарха Константинопольского Нестория. Он учил, что Пресвятая Дева Мария родила человека, а не Бога. Поэтому несториане называют ее не Богородицей, а Христородицей. По их учению, Иисус, родившийся как человек, через веру и послушание обрел божественное достоинство и сделался сыном Божиим, Богочеловеком. Другими словами, несториане умаляют божественную природу Христа в пользу его человеческого естества. Ересь была предана анафеме на Эфесском соборе в 431 г.

«История СССР» № 2 за 1971 год. В. А. Янин в соавторстве с М. Х. Алешковским выдал свежую историческую версию происхождения Новгорода. Новым Новгород стал называться по отношению к Холмограду (древнейшее самоназвание Новгорода). Возле Холмограда постепенно возникают поселки («концы»). Каждый из них представлял одно из племен, в совокупности составивших население Новгорода, смешанное по своему этническому составу. Но достаточно, так я тебе всю статью перескажу. Прочти, не пожалеешь!

Теперь просто факты. Степан Борисович Веселовский оказался последним из могикан, занимавшихся в постреволюционный период генеалогией дворянских родов. Сам он выходец из дворян, потомок знаменитых петровских дипломатов, близкий родственник Софьи Перовской. С детства вращался в кругу отпрысков старинных боярских фамилий,— все это, безусловно, сказалось на выборе предмета его научных изысканий.

В прошлогоднем номере «Новый мир» за март прочел как откровение повесть Валентина Катаева «Трава забвения». Он пишет о своих встречах в Одессе с И. А. Бунином незадолго до его эмиграции. Поверженная, обезображенная красота России, где все было так любимо Иваном Алексеевичем, горестно отразилась в «Октябрьских днях». Катаев несколько раз встречается с почитаемым учителем. Свой письменный перед Бунином он выразил словами: «Я должен был увидеть человека, перед талантом которого преклонялся, и который представлялся мне существом почти сказочным». Читал страницу за страницей и одного желал: чтобы как можно дольше не заканчивалась захватывающая хроника нескольких дней из жизни великого Мастера.

«... Скажи поклоны князю и княгине,
Целую руку детскую твою
За ту любовь, которую отныне
Ни от кого я больше не таю»

(И. А. Бунин)

Много раз перечитывал стихи про себя и вслух, поражаясь красоте слога и звучания.

*Из письма от 30 августа 1971 г.
Дубравлаг*

В 20-е гг. официозная критика отнесла роман М. Шолохова «Тихий Дон» к этнокультурному жанру. Главная заслуга произведения виделась в том, что оно давало читателям сведения о жизни «Войска Донского». «Тихий Дон» имелся в нашей домашней библиотеке. Взрослея, едва ли не каждый год я с увлечением перечитывал его. Последний раз – в саратовской тюрьме. Сильная, талантливая вещь, полная жгучей исторической правды, открывающая языковое богатство донского казачества.

Из поэтов-современников открыл для себя Владимира Соколова. Закончил литературный институт, ему за сорок. Первую книжку стихов издал в 1952 году. До последнего времени был известен в узком кругу любителей изящной словесности. Евтушенко, с которым они дебютировали почти одновременно, признавал его своим учителем. Однако Евгений Александрович, идя на поводу идейно-митинговой стихии,

сохранил приверженность гражданской поэзии. Сам он признавался: «Проклятие мое, души моей растраста – эстрада!»

В это время малоизвестный подвижник пера Владимир Соколов служил трепетному русскому слову. Он не соблазнился публичной славой, оставаясь верным своему поэтическому избранничеству. В шестидесятых годах пришло признание. Имя поэта заняло прочное место в негласном списке подлинных мастеров слова.

Любовь

Утешь меня. Скажи мне: всё неправда.

И я поверю. Я хочу поверить.

Я

должен

верить

через не могу.

На отдалённом синем берегу

Моей реки, зовущейся Непрядва,

На камушке сидишь ты. Злая челядь –

На противоположном берегу.

Утешь меня. Скажи мне: всё, что было,

Случайность, наважденье, не закон.

И я влюблённо, а не через силу

Тебе отвечу русским языком.

Утешь меня. Чтоб впредь не попрекали.

Ведь я силён. Ещё сильней – со зла.

... И я погибну на реке Каяле,

Чтоб ты, как Русь, как девочка жила.

B. C. Соколов

Из письма от 27 января 1972 года

Дубравлаг

Арсений Тарковский приобрел известность как переводчик восточной классики. В начале 60-х годов вышла книга его собственных стихов «Перед снегом». В признании ее безусловных достоинств сошлись мнения многих рецензентов. В 1966 году выходит сборник «Земле – земное». А в шестьдесят девятом году – «Вестник». Тарковский – тончайший лирик, его поэзии присущи философичность, изысканность слога, самобытно осмысленный историзм. Он часто использует библейские мотивы и сюжеты, современность у него не в почете.

Из стихотворения «Земля»:

«За то, что на свете я жил неумело,
За то, что не кривдой служил я тебе,
За то, что имел не бессмертное тело,
Я дивной твоей сопричастен судьбе...»

Борис Примеров – молодой поэт, обративший на себя внимание своим первым сборником «Синевой разбуженное слово». Дарование многообещающее, видит и слышит мир в изумительной яркости. Едва ли не каждая строка украшена образом. Много от Есенина, с которым его роднит не только манера письма и тема, но и пылкий поэтический темперамент:

«Голубые занавески
Поразвешанных лучей
Над узорьем перелесков,
Над снегами снегирей...»

*Из письма от 9 марта 1972 г.
Дубравлаг*

Прочел книжку о русских пейзажистах, возымел представление об их родословной и чудачествах. Иван Иванович Шишкин, оказывается, выглядел настоящим «медведем» – рослым и могучим. Писал он одни лесные пейзажи; медвежат на известной картине «Утро в сосновом бору» изобразил кто-то из друзей-художников – сам он не способен был, и все тут. Ходили слухи, что Шишкин и Айвазовский – большие скупердяи. Но мало верится, – где-то я читал, что Айвазовский пол Федосии облагодетельствовал. Но если и были прижимисты по мелочам, так то не великий грех.

С увлечением читаю Владимира Солоухина – «Письма из русского музея». В доску наш, «почвенный» человек!

Пытаюсь составить представление по истории Русской Церкви. Материала для этого предостаточно. Кажется, сообщал тебе, что, оказавшись в зоне, обнаружил среди книг старых эзков редкие, даже дореволюционные издания по православию. Дело в том, что до 1968 года разрешалось пересыпать книги из домашних библиотек. Но потом как отрезали – только «книга–попчтой». Представь, Рит, у меня, книгочея, глаза разбежались при виде редкостных духовных изданий. Не теряя времени, спешу воспользоваться книжными закромами.

Читаю все о славянофилах. Симпатичнейшие люди, витязи русского дела. Такое богатство ума, чувства, и на тебе – ни одной крупной монографии о них, одни лишь статейки!

*Из письма от 14 июня 1972 г.
Дубравлаг*

«Русская фольклористика», хрестоматия, М.: Пропагандистское издательство «Прогресс», 1971. В зоне все не доходили руки до фольклора. Вместе с хрестоматией захватил сборник «Русское народное поэтическое творчество». Оказывается, только с середины XIX века по-настоящему обратили внимание на красоту и богатство фольклорного наследия. Между тем оно постепенно вымирало в последнем своем пристанище – на русском Севере. Страшно подумать, что через полвека собиратели могли не застать и того малого, что сберегла народная память из сокровищницы неповторимых образов и словесной вязи. Не раз русские люди в благодарности снимут шапки перед именами неутомимых собирателей и исследователей фольклора: А. И. Афанасьев, Ф. И. Буслаев, П. Н. Рыбников, А. Ф. Гильфердинг. Век спустя и я тоже восхищаюсь певучим складом старых заонежских песен.

Признаюсь, едва прихлебнув из берестяного ковша, почувствовал: до чего же хороша брага! По приезду примусь за сборники песен Печоры и Поморья.

*Из письма от 12 сентября 1972 г.
Дубравлаг*

Принялся за Глеба Успенского, его «Нравы РаSTERЯЕвой улицы». Бунин высоко отзывался об этом писателе. И, правда, диалоги, словесные обороты колоритны,

разговорно-подлинны, без видимых следов стилизации. Но в его подаче как-то безысходна, по-бытовому принижена жизнь тульских мастеровых. Одновременно читал Лескова, стилист он несравненный. В описаниях природы и характеров – присутствие авторского обаяния и располагающей приподнятости. Послушай наставление, коим матушка-купчиха вразумляет своего великовозрастного, под дверной косяк ростом, сына: «Живи, чадо, в незлобии, не ходи в игры и в братчины, не пей две чары за единый вздох, не ложись в место заточное, да не сняли б с тебя драгие порты, не доспеть бог тебе стыда-срата великого и через тебя племени укору и покосу бездельного» (из рассказа «Грабеж»).

В журнале «Звезда» за этот год из номера в номер публикуется роман-исследование Б.И. Бурсова «Личность Достоевского». Вводится много нового биографического материала. Для невзыскательного читателя позиция автора выглядит убедительной, хорошо аргументированной. Однако недоумеваешь, видя, как Бурсов пытается дистанцировать Федора Михайловича от тем и вопросов, к которым он имел особое пристрастие. Взять хотя бы его неприязнь к полякам и католицизму как к религиозной системе. Пусть он не был до конца воцерковленным человеком, но его душевный пиетет перед православием не подлежит сомнению.

Валентин Катаев в «Новом мире» после «Святого колодца» и «Травы забвения» поместил книгу воспоминаний «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона». Сделано мастерски, он многажды и не напрасно заявлял о своем ученичестве у Бунина. Некоторые куски выписаны как стихотворение в прозе.

Открыл для себя Юрия Трифонова. Он мастер психологически проникновенного городского романа. Не

отрываясь, прочел повести «Предварительные итоги» и «Долгое прощание».

Недели две не выпускал из рук «Выбранные места из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя. Его вероискательство представлено там в подобии многосмысловой мозаики. Собранные под одну обложку небольшие статьи раскрывают искренность и своеобразие его христианства. Просмотри помещенные там суждения о русском духовенстве и очерк о его друге, художнике Вячеславе Иванове. Гоголь был необычайно скрытым человеком. Ближайшим своим друзьям, в искренности и расположении которых не мог усомниться самый завзятый привереда, он никогда не открывался в своих творческих и житейских помышлениях. Утаивая правду, Николай Васильевич был большим охотником до мистификаций. Ему ничего не стоило самым серьезным тоном поведать о событиях, тут же, на месте, им выдуманных. С каким наслаждением он хохотал, если проделка удавалась!

Но наряду с этим Гоголь был человеком удивительной душевной чистоты. С. Т. Аксаков называл его святым. Последние месяцы перед смертью Николай Васильевич переживал необычный религиозный подъем. Он читает церковные книги, постится, часами беседует с протоиереем Матвеем Константиновским. С ним его познакомил граф А. П. Толстой, в доме которого закончились дни земной жизни Гоголя. От помощи врачей он отказывался. Общее истощение было таково, что через полость живота легко прощупывались позвонки. За 10 дней до смерти им были сожжены рукописи 2-го тома «Мертвых душ». В 1908 г. А. Блок назвал письмо Белинского к Гоголю «истерическим бранным криком». После он писал о «великом грехе» Белинского перед Гоголем.

*Из письма от 24 ноября 1972 г.
Дубравлаг*

Рит, как я понял, ты почитываешь «Иностранный литературу». Дело по сути невозбранное, но только в меру, душа моя, в меру. Одухотворенность оставила Европу еще в конце средних веков, а на сей день там на-крепко утвердился рационализм, чистоган и, как сказано в Евангелии, «похоть плоти, похоть очей и гордость житейская». По этим дорожкам мы, русские, с Западом наперегонки не бегали и, надеюсь, не побежим. Для меня нет ничего превыше духоносного русского слова. Всякий ищущий обрящет здесь мятежность поиска, выстраданность веры и вселенскую глубину. Поэтому читай лучше наших великих соотчичей,— они на большее наставят. В западной литературе талантов хоть отбавляй, другое дело — какому божку они фимиам воскуряли. Уж больно суэты много, всё за курочками бегают, и один помысл — самим собой мир удивить. Огорчает, что даровитые люди, составляющие цвет западной литературы, в нравственном отношении выглядят сквернавцами и блудодеями...

*Из письма от 23 февраля 1972 года
Дубравлаг*

Журнал «Наш современник» за 71-й год присудил литературную премию Анатолию Жигулину. Заслуженно. Послушай, стих как раз на тему весны:

Согрело мартовское солнце
Еще заснеженную степь.
Позолотило у колодца
Бадью обмерзшую и цепь...

И после долгого ненастья
Опять простор широк и свеж.
Опять рукой подать до счастья,
До всех несбывшихся надежд.

И ждет душа отрады вешней,
Благословенного тепла,
Как почерневшая скворешня,
Как обнаженная ветла.

Поэт родился в 1930 году в Воронеже. В десятом классе входил в антисоветскую организацию, именуемую «Коммунистической партией молодежи». В 1949 году был осужден на 10 лет. Через пять лет вышел по амнистии, впоследствии был реабилитирован. Его стихи пришли по сердцу Твардовскому; в них неизменно присутствуют две темы: красота природы средней полосы и лагерные переживания.

Недавно у него вышел новый сборник стихов «Свет предосенний». Название дано по строчке его стихотворения:

Тихое поле за логом,
Чистый холодный овес.
И за обветренным стогом
Рощица тонких берез

Родина! Свет предосенний
Неомраченного дня.
Желтым потерянным сеном
Чуть золотится стерня...

Попрошу тебя, при возможности прикупай в книжных магазинах сборнички поэтов «тихой лирики». Их имена я не раз называл тебе. Дело это не разорительное, стоят они не больше полтинника, а мне ты тем весьма угодишь. И еще: перепиши мне с десяток русских песен, общеизвестных, застольных. «Ямщика», «Лучинушку», «Когда я на почте служил ямщиком», «По Муромской дорожке», «Плещут холодные волны», «Про Стеньку», «Живет моя отрада». Бывает, мы с друзьями, разогревшись чайком, чувствуем потребность порадовать душу песней, но, к досаде и стыду, слова до конца мало кто знает.

ДУХОВНЫЙ ЭВЕРЕСТ ЛЮБВИ

Начало века устрашающим образом обнажило множество общепланетарных проблем. Мертвой хваткой они сомкнулись на горле человечества. Перед угрозой экологической катастрофы нарастает тревога за наш общий дом. В ряде государств борьба с наркоманией объявлена первоочередной проблемой. Смертоносный СПИД, который называют чумой XX века, гуляет по странам и континентам. Мы не можем не слышать щемящего душу плача детдомовских детишек, не замечать жалкой оставленности стариков, брошенных собственными детьми. Растущее число разводов, как лезвие ножа, проходит по живому через сердца и судьбы. А сытое самодовольство и бесчувствие ко всем и ко всему новых хозяев жизни?! Если мы захотим обозначить причину великих и малых бедствий, а ее следует обозначить, то не ошибемся, когда скажем, что она – в тотальной утрате любви к Богу, к себе подобным и природному лону, где нам выпало жить.

Первое, что бросается в глаза – духовная ущербность человека. И, как следствие, повсеместный разор, который он учиняет на всяком месте, где ступает его нога. Острый дефицит любви приводит к тому, что ее

благотворной атмосферы лишается все живое. По сути, любовь есть подобие кислорода, без нее невозможна жизнеспособность цивилизации. Не имея ее в сердце, мы не сможем выстрогать ладное топорище, воспитывать детей и руководить другими.

Хлебороб, утративший тягу к земле, не соберет ожидаемого урожая, а врач, не проникшись болью пациента, ему вряд ли чем поможет. Похожие примеры можно приводить без числа... Сегодня мало кто сомневается, что решающим является «человеческий фактор». Под ним подразумевается духовная харизма, и нравственная позиция личности.

В крестном подвиге Христа нам дано неопровергимое доказательство, что мы нужны Ему, ради нас Он готов, казалось бы, на невозможное. «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин.3:16)

Силою благодати мы способны пополнять оскудающую атмосферу добра, света и единства. Истинно верующих отличает чувство, которое с очевидностью угасает в других. «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин.13:35).

Досадно, что в Церкви приходится видеть, как искушающий суд самоправедности побуждает иных с прищуром высматривать грехи других. В таких случаях наш язык становится горьким источником злоречия. В результате утрачивается сердечность в отношении собратьев. Желание полюбоваться «самосвятостью» подталкивает к недостойному подглядыванию в замочную скважину. Возникает нездоровый интерес к уличающим подробностям и фактам.

Бытуют искушения и другого рода, когда мы вступаем в ожесточенные споры по вопросам, не стоящим ломаного гроша. Нам невдомек, что неуступчивостью к чужому мнению соблазняются наши же собратья, неутверженные в вере.

В постатеистическом обществе, прагматически заzemленном и духовно выхолощенном, Церковь призвана заново открыть притягательную красоту образа Божия. Господь силен полной горстью дать Своим людям все, чего им недостает.

Человечество несет невосполнимые цивилизационные потери, поэтому оно стало исторически опытнее, разборчивее. Пошатнулась вера в могущество разума, науки и прогресса. Людей потянуло к первоначалам. Церковь своим учением, проповедью, жизнью указует на духовный Эверест. Для исповедников веры таковым является наш Господь и Спаситель, Который возлюбил всех живущих и возлюбил до конца (Ин.13:1).

«Смотрите, какую любовь дал нам Отец, чтобы нам называться и быть детьми Божиими. Мир потому не знает нас, что не познал Его. Возлюбленные! мы теперь дети Божии; но еще не открылось, что будем. Знаем только, что, когда откроется, будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть» (1 Ин.3:1–2).

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?
Блеснет твой луч и оживит
И сон разгонит и туманы...
Но старые, гнилые раны,
Рубцы насилий и обид,

Растленье душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет...
Кто их излечит, кто прикроет? –
Ты, риза чистая Христа...

Ф. И. Тютчев

МИЛОСЕРДИЕ

Милосердие привычно отождествляется с состраданием или прощением. На самом деле это понятие имеет более глубокое содержание. В библейском контексте, помимо сказанного, оно выражает привязанность Бога любящего к сотворенному Им человеку. Нечто похожее испытывает мать к ребенку, которого носит под сердцем. По рождении она продолжает самозабвенно заботиться о нем. И действительно, если любишь, то, не раздумывая, решаешься на все ради дорогого существа. Отсюда участие, сострадание, всепрощение. Как явствует из пословицы, «ум истиной просветляется, сердце любовью согревается»; «любовь – кольцо, а у кольца нет конца».

Такой добродетели, как милосердие, свойственна преданность и верность. В этом случае доброта, проявляемая к другим, становится осознанной, продиктованной чувством долга. Зная, что насилием или окриком ничего не поправишь, стараемся подействовать на человека мягко, по-доброму, лаской и уговорами. Не зря говорят: «Милость властна над грехом, как вода над огнем».

Святитель Иоанн Златоуст писал: «Милосердие в том и состоит, что милует согрешивших». На самом

деле мы заслуживаем иного. Но Господь с удивительным постоянством проявляет к нам Свое милосердие. Его неизбывное желание – уберечь нас от зла и его последствий. И если мы не до конца очерствели, лучшим ответом станет божеское отношение к ближним.

Многие знают о судьбе великой княгини Елизаветы Федоровны, причисленной к лику новомучеников и исповедников Российских. Ее муж, Сергей Александрович, будучи генерал-губернатором Москвы, в 1905 г. погиб от бомбы террориста Каляева. Княгиня своими руками собирала на носилки все, что осталось от горячо любимого человека. Убитая горем, она не ожесточилась сердцем. Более того, посетив террориста в тюремной камере, она простила его злодеяние и ходатайствовала об отмене смертной казни. Впоследствии Елизаветой Федоровной была основана Марфо-Мариинская обитель с больницей, считавшейся одной из лучших в городе. Здесь же располагались детский приют, школа и аптека для бедных.

Сегодня, как никогда, люди страдают от личной и национальной нетерпимости, духа осуждения, неуступчивости и холода разобщенности. И действительно, чего проще – обличая и осуждая себе подобных, рубить сплеча. Но о таковых в Евангелии сказано: «Суд без милости не оказавшему милости» (Иак.2:13). И напротив, из Нагорной проповеди мы узнаем: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф.5:7).

От Крещения Руси Церковь прививала в сердцах начала веры и благочестия. Приходивший в храм неизменно творил молитву, самую краткую из всех: «Господи, помилуй!». Перед исповедью и причастием полагалось непременно повиниться и попросить прощения у тех, с кем был в ссоре или размолвке. Накануне Великого поста, в Прощеное воскресенье, делали то же самое.

В обычай было откликаться на чужую беду. Всем миром собирали грошики и одежду для погорельцев, подавали милостыню нищим. На доброхотные пожертвования возводились храмы, строились богадельни, сиротские и странноприимные дома.

Утешает, что блики неподдельного участия, готовности забывать обиду и не помнить зла и ныне живы в людских сердцах. Помоги нам, Господи, сохранить и преумножить это бесценное качество в характере русского человека!

Шел Господь пытать людей в любови,
Выходил он нищим на кулижку.
Старый дед на пне сухом в дуброве,
Жамкал деснами зачерствелую пышку.

Увидал дед нищего дорогой,
На тропинке, с клюшкою железной,
И подумал: «Вишь, какой убогой,—
Знать, от голода качается, болезный».

Подошел Господь, скрывая скорбь и муку:
Видно, мол, сердца их не разбудишь...
И сказал старик, протягивая руку:
«На, пожуй... Маленько крепче будешь».

C.A. Есенин

«Жалость дому твоего снести мя».
Евангелие от Иоанна. II. ст. 17.

Пожалей меня так,
Как умеют жалеть на Руси...

Как никто не жалел
И теперь не жалеет на свете.
Снова вечер, как знамя,
Над голой землей водрузил
Беспрокойно-холодный,
Забвением дышащий ветер.

Этот ветер студеный
Не все еще выдул тепло.
Дух любви и прощенья
Хранят наши темные избы...
Я и в толк не возьму,
Но не просто же так повезло –
Называть себя сыном
Единой навеки Отчизны.

На закате октября,
Призадумавшись падает снег.
Первый раз от небес
Недалеко стужею веет...
Пожалей меня так,
Как любимых целуют навек,
Обессиленной птицей
На глине сырой холдея.

Пожалей меня так,
Как умеют жалеть на Руси,
Как никто не жалел
И теперь не жалеет на свете...
И за все с меня строго,
С любовью и гневом спроси,
чтобы смог и тебе
Я с любовью и гневом ответить.

В. И. Жильцов

Тюремная передачка

... Лагерь научил довольствоваться малым, посильно помнить и заботиться о вечном, непреходящем. Многое из того сурового времени призабылось, но некоторые события особо хранимы в памяти.

В декабре 1970 года, после того, как я вышел из БУРа, ко мне приехали на общее четырехчасовое свидание мои родители. Как ни старались они бодриться, тяжело было смотреть на них. По моей просьбе они привезли продукты, которые мне должны были включить в предусмотренную режимом посылку. Расчет был прост: старики надеялись, что при личной передаче им удастся уговорить надзирателя, чтобы тот добавил хотя бы пару килограммов сверх положенного. Но на беду, передачу принимал черствый, как сухарь, старшина по кличке Седой. С лица у него обычно не сходила насмешливая, иезуитская улыбка.

По окончании свидания родителей вывели через вахту наружу. Они стояли с привезенными харчами возле зарешеченного окна с небольшой железной форточкой, «кормушкой», через которую принимали продукты. Мы со старшиной находились напротив у столика, на котором стояли весы. Я видел, как старики мои озабоченно суетились. Мама держала за лямки увесистый рюкзак, а отец дрожащими руками выкладывал на лоток перед «кормушкой» колбасу, сало, консервы и что-то еще. Седой раза два строго останавливал отца: «Это заберите назад – не положено». Отец потерянно замирал с куском сала в руках и, превозмогая себя, умоляюще просил: «Товарищ прaporщик, пожалуйста, примите. Мы с женой в такую даль ехали, все на себе тащили. Попсочувствуйте, прошу вас». Ему по-женски дрожащим

голосом со всхлипами вторила и мама. Но Седой был неумолим. Его губы чуть кривились в улыбочке, когда он однозначно повторял: «Инструкцией не положено... Сверх веса ничего не могу принять. Забирайте обратно». Беспомощно махнув рукой, отец со скорбным выражением лица перекладывал продукты с лотка обратно в вещевой мешок, который продолжала держать заплаканная мама. Почти половину из того, что они привезли, пришлось забрать обратно.

НАСЛЕДИЕ СЛАВЯНОФИЛОВ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Воззрения А. С. Хомякова обнаружили свою значимость уже при его жизни, в контексте русской истории 30–50-х годов XIX века. Тогда назрела необходимость пересмотреть прошлое и настоящее страны с позиции национального самосознания. Петровские реформы воистину «подняли на дыбы» всю Россию. Они раскололи русское общество на западноориентированную аристократию и народные низы, утратившие опору в лице императора и своего барина, в парике и безбородого «на английский манер». Церковь была низведена до положения духовного ведомства и по замыслу царя-реформатора являла собой «пятое колесо» в телеге имперского правления. Богословие постепенно наполнялось протестантским содержанием. Идеи французских просветителей привнесли в аристократическую среду новый тип религиозности – масонство. Оно отчуждало от Православия значительную часть дворянского сословия. Отчужденность от Церкви существовала как скрыто, так и явно. К примеру, основанное князем Голицыным «Библейское общество» культивировало некое внецерковное христианство.

Но скоро последовала оправданная реакция здоровых сил нации. Митрополит Московский Платон (Левшин), выражая чаяния духовенства и иерархии, одновременно со святителем Тихоном Задонским обозначил тяготение Церкви к святоотеческой первооснове. Оно выражалось в настоятельном призывае «назад к отцам». Затем эта тенденция будет продолжена в служении и богословии митрополита Филарета (Дроздова). В 40-е годы заявляют о себе славянофилы. Небольшая группа дворян-интеллигентов во главе с А. С. Хомяковым по влиянию на умы скоро заняла выдающееся положение в русском обществе. Именно они совершают подготовительную работу по раскрытию самобытности и всемирной значимости духовно-исторического опыта России. К сожалению, их выводы даже в условиях консервативного николаевского правления не были восприняты должным образом. Так называемым передовым людям республиканский радикализм декабристов представлялся европейски прогрессивным и вызывал у них большее сочувствие. Оппоненты славянофилов – «западники» не хотели принимать идею русской самобытности и мессианства. Россию они считали провинциальной и азиатски-лапотной.

Прозападный либерализм реформ Александра II обнажил теневую сторону провозглашенной, но духовно не подкрепленной свободы. Свидетельством тому стало расшатывание устоев, разгул терроризма и смерть от бомбы царя-преобразователя. Кратковременное царствование Александра III оправдало надежды славянофилов на единственность триединого союза: православия, самодержавия, народности. В конечном счете это привело к укреплению национального организма и возышению авторитета Российской Империи в междуна-

родных делах. Примечательно, что в эти годы золотой рубль сделался европейской валютой, а государь-миротворец твердой рукой удерживал мир в Европе.

В наше время в расстановке мировых сил нетрудно усмотреть исторические аналогии, заставляющие снова и снова обращаться к наследию славянофилов. Перестроочные процессы принудили страну идти на поводу у Запада. Обнаружилась кричащая несовместимость навязанных моделей преобразования с укладом и архетипами дореволюционного и советского опыта. Либеральные реформы обернулись социальными потрясениями и национальным унижением. Понесенных утрат не счастье, а залечивание ран займет десятилетия. Всे разрушительных последствий можно было избежать. Но, как известно, у «архитекторов перестройки» напрочь отсутствовал огляд на назад и стремление сохранить значимые приобретения прошлого. Славянофилы, в пику им, делали упор на самобытность исторического пути России и видели в этом залог ее преуспевания. Они держались убеждения, что все новое должно быть сообразовано с предшествующим национальным опытом.

Последнее президентское правление отмечено укреплением государственного суверенитета и оправданным возвращением к традиционным ценностям. Это вселяет надежду, что постепенно будет восстановлено державное и духовно-культурное величие Отечества. Время показало, что историческая доминанта имеет свойство воссоздавать национальную первооснову из руин. Тем самым подтверждаются выводы и предсказания славянофилов.

Современные «западники» во всякой попытке выстроить национально ориентированный государственный курс видят угрозу тоталитаризма и крайнего на-

ционализма. Такие замахи свойственны устроителям нового мирового порядка. Его всеподавляющий каток оставляет после себя жалкое зрелище национального и религиозного обезличивания. Если Господь Бог причастен ко всякой красоте и неповторимости, то Люцифер горазд лишь на плоское и примитивное однообразие. Таким образом, происходит приготовление мира к пришествию антихриста и установлению его кратковременного и погибельного царства.

А. С. Хомяков как богослов пытался творчески осмыслить природу Церкви. Во всю жизнь он держался убеждения – Церковь одна. Он подтверждает это сравнительным анализом католицизма и протестантизма в соотнесении с Православием. Алексей Степанович полагал, что «божественное назначение Церкви состоит не только в том, чтобы спасать души и совершенствовать личное бытие, – оно состоит еще и в том, чтобы блюсти истину сокровенных тайн в чистоте, неприкосновенности и полноте и пронести ее через все поколения как свет, как мерило, как суд».

Хомяком утверждал, что католицизм, проникнутый папским авторитаризмом, представляет собой «единство без свободы». Напротив, протестантизм с его все-дозволенностью в толковании Библии, межконфессиональной разобщенностью определяется Хомяковым как «свобода без единства». Протестанты превратили Библию в некое подобие Папы Римского с его вероучительной непогрешимостью. Причиной тому – пренебрежение православным, соборным изъяснением Писания. Отсюда непрестанное дробление протестантизма на конфессии и секты, несогласные между собой. Принцип «соло фиде» («спасение только по вере») обернулся отрицанием богатейшего исторического опыта Церкви.

А. С. Хомяков писал, что реформация привела не только к опустошительным религиозным войнам, но и к духовно-культурному оскудению Европы.

Экспансия в Россию деструктивных тоталитарных сект, начавшаяся в перестройку, спровоцировала усиление религиозной разобщенности населения. Прежде всего, это сказалось в едином для сектантов неприятии Православия. Как известно, в сектах подвергаются разрушению (деструкции) связь человека с Церковью, равно как с социумом, культурой и семьей. У сектантов отсутствует чувство патриотизма, они отказываются принимать армейскую присягу и защищать Отечество с оружием в руках. Адептам деструктивных сект присуще огульное отрицание национальной культуры. Нередко на религиозной почве происходит распад семьи.

Посредством контроля над сознанием последователям сект внушаются вероучительные и поведенческие стереотипы. В итоге они попадают в жесткую зависимость от религиозной организации и ее лидеров. Постепенно утрачивается объективная самооценка и усиливается фанатическая приверженность секте. «Протестанты, — писал А. С. Хомяков, — проповедуют свободу, но на деле они бесчестят свободу сынов Божиих, ибо не знают ни дарованного ей благословения, ни плодов его».

Рост числа сект с неизбежностью приводит к конфессиональной и межчеловеческой розни, что представляет угрозу достоинству и правам человека. Пребывание в секте приводит к утрате религиозно-культурной ментальности. Адепты сект, уподобляясь белой вороне, постепенно делаются чужими среди своих. Только Православие способно сплотить общество единой национальной идеей, духом высокого патриотизма, необходимостью созиания сил для возведения нашего

Русского Дома. В сложившейся ситуации воззрения славянофилов становятся востребованными более, чем когда-либо.

России *(отрывок)*

Твое всё то, чем дух святится,
В чем сердцу слышен глас небес,
В чем жизнь грядущих дней таится,
Начало славы и чудес!..
О, вспомни свой удел высокой!
Былое в сердце воскреси
И в нем сокрытого глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему – и, все народы
Обняв любвию своей,
Скажи им таинство свободы,
Сиянье веры им пролей!
И станешь в славе ты чудесной
Превыше всех земных сынов,
Как этот синий свод небесный –
Прозрачный вышнего покров!

A. C. Хомяков

Коршун

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынnyй луг.–
В избушке мать, над сыном тужит:
«На хлеба, на, на грудь, соси,
Расти, покорствуй, крест неси».
Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,

А ты всё та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней.—
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

A. A. Блок

Россия, прости, что злоба
Дышала с моей строки.
И ты ведь, и я, мы оба —
Друг к другу подчас строги.
Нынче с душой иною,
Нынче с поклоном я.
То, что считал виною,—
То лишь беда твоя.
Наобещала эра
Благостей миру всему,
Тогда уступила вера
Доверию твоему.
Диких клинков блистанье,
Радуга злых дорог.
Было тебе испытанье,
Будет тебе урок.
Но в тьму завела дорога
Слепые твои мечты.
И всё же, уйдя от Бога,
Безбожной не стала ты.
Аршином боль не мерила,
Лживой ханжой не была.
Ты так же, ты чисто верила
В нечистые их дела.
И оттого над порогом
Меча я не подниму,

Я знаю:
Россия с Богом,
Хотя и спиной к Нему.

Л.И. Бородин

Господь мой, бессмертный и крепкий,
Встающий в заставах сосновых боров
Светящийся, золотом сколотой щепки,
Влекущий созвучием колоколов!

К тебе в окаянстве своём притекаю,
Во храм принося покаяния грусть
И, благостно светел, смотрю не мигая
На лик, осенивший крещёную Русь.

О.М. Сенин

С ПЕЧАЛЬЮ И НАДЕЖДОЙ О ЗЕМЛЕ ОТЦОВ

Последние десять лет нашей задерганной истории одарили россиян надеждой на лучшее. Пробивает путь долгожданное и нужное, но хватает и того, от чего хочется скривиться и нос зажать. Все больше становится тех, кто по принципу «от противного» провидит черты жизни, достойные великой страны. Речь идет о нашем светлодушном, трудолюбивом народе в целом. Нам, русским, есть откуда взять созидательный материал для возведения нового. Порукой тому – опыт прошлого, просоленный потом, увенчанный подвигами и обретениями. Национальное унижение 90-х, неубиваемая надежда на возрождение былого величия – вот фундамент, на котором поднимутся стены Русского Дома. Есть добрые знаки, что дело это вполне сбыточное.

Нельзя не видеть, что возросла тяга к духовности и Церкви как ее зримого выражения. Впрочем, мнения по этому поводу самые разные. Одни утверждают, что это – всего лишь дань моде. Скептики полагают, что религиозный бум – явление временное. Оно вызвано перестроичным прессингом, который многих придавил материально и психологически. Третьи пророчат России приближение конца. Каждое из суждений в какой-

то мере справедливо, но правым никого не назовешь. Об историческом тупике, утрате всего и вся сокрушились не однажды... Но в испытаниях и смутах являлись Минины и Пожарские, Кутузовы и Жуковы. И всякий раз страна, пройдя через разор, утраты, страдания, поднималась с колен. В ушедшем веке невзгоды посещали нас не раз и не два. Но отнюдь не каждый, придавленный их тяготами, спешил разогнуть спину в храме Божьем. И вряд ли стояние по два-три часа на службе, что выдержать физически не просто, можно назвать модным увлечением.

Несомненно, есть глубинные причины возрастающего неподдельного интереса к Церкви, которая десятилетиями была гонима. В те годы нас приучили оценивать себя заземленно и космополитично. Вроде того, что бытие определяет сознание, а нации рано или поздно сольются в безликое этническое море. Как-то призналось, что при рождении человек получает от Бога не только душу и тело: он становится листком на ветвях могучего родового древа. Благодаря этому личность вбирает в себя национальные архетипы и наследственные задатки.

К прискорбию, в начале XX века история России претерпела трагический излом. Одни дерева безжалостно выкорчевывались, от других отсекались целые ветви. На образовавшейся пустоши скоро поднялась дикая беспородная поросль. Явились поколения «Иванов, не помнящих родства».

Когда в тоске самоубийства
Народ гостей немецких ждал,
И дух суровый византийства
От русской Церкви отлетал,

Когда приневская столица,
Забыв величие свое,
Как опьяниенная блудница,
Не знала, кто берет ее,

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край, глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

A.A. Ахматова

Но далеко не все поддались национальному обезличению. Человек, потерявший руку или ногу, иногда ощущает боль в той части тела, которой давно уже нет. Подобно этому многие из нас болезненно переживают утрату бытийно-насущной связи. Приходит осознание, что теперешние корни зацепились разве что за песок. Но напитать их может исконная, родная нам почва.

Можно по пальцам перечесть жизнеобразующие понятия, без которых мы сгинем «яко обры». К ним с уверенностью должно отнести сильную, централизованную власть. Она призвана выстраивать политику на ценностях, способствующих оздоровлению националь-

ного организма. Лишь в этом случае ответная, благодарная поддержка народа станет гарантией авторитета и прочности режима.

Государственность, созидаемая князьями Рюиковичами, обрела смысл и формы благодаря просветительскому труду Церкви. Христианство стало основообразующим фактором государственности и культуры. Его влияние обнаруживается на всем историческом срезе жизни нации. Власть в заботе о духовности неизменно отдавала предпочтение Православию в сравнении с иными верованиями. Ныне Церковь отделена от государства, не имеет должной поддержки и возможности деятельного влияния на общество. По закону «О свободе совести» 1997 г. она имеет те же статус и права, как прочие религиозные организации, большинство из которых мы называем сектами. Имея явно выраженную западную ориентацию, они становятся проводниками планомерной вестернизации в умах и душах своих адептов. Опасность сектантской экспансии в том, что она посягает на духовный фундамент нации.

Церковь сегодня отделена и от школы. Разделяющая запретная полоса зорко просматривается либералами и так называемыми правозащитниками. Тревожит, что одновременно в духовно незащищенную среду детей и молодежи вторгаются сквернословие, табакокурение, алкоголизм, наркомания, половая распущенность и преступность.

Семья на Руси всегда была оберегаема брачным венцом, любовью и взаимными обязанностями родителей и детей. Стремление к прочности семейных устоев являлось чертой национального характера. В наши дни семья подвержена действию распада. С запада пробирается ползучая зараза содомии, феминизма, проституции. Одна за другой страны Европы легализуют гомосексуальные бра-

ки, с пеной у рта настаивают на правах сексменьшинств. Под сводами протестантских церквей совершается свято-татственное венчание «голубых» и лесбиянок.

В домах престарелых по всей стране доживают свой век несчастные старики, оставленные детьми. Этим людям горько видеть черную неблагодарность от собственных детей. Конечно, среди пенсионеров есть и такие, кто по молодости не очень-то заботился о детях, предпочитая пожить в свое удовольствие. Не напрасно предупреждал святой Иоанн Златоуст: «Хотя бы вся наша жизнь была благополучна, мы подвергнемся строгому наказанию, если не радеем о спасении детей...»

Невозможно не признать, что народ наш как никогда нуждается в духовном возрождении, крепкой семье и сильной авторитетной власти. Следует горячо веровать и много трудиться, а милость Божия поистине беспредельна!..

... Говорят, надломилась
Житейская статная сила,
Что от века до века
Спасала крещеную Русь,
Но не верую в то,
Как бы грустно и тяжко ни было,
И сомнений своих,
Как рожденья любви, не боюсь.

Дух народа высок,
Но скрыт от докучливых взглядов,
Как скрыта в природе
Звенящая радости боль,
Но в годины беды
И порой золотых листопадов

Откровений и чувств
Проступает кровавая соль.

Перед каждой бедой
Говорят:
Мы уже на исходе.
После наших побед
Говорят:
Отодвинут предел.
Нет пределов у нас,
Мы в великом Христовом походе.
И Христова любовь –
Наш великий и скорбный удел.

В. И. Жильцов

Сергий Радонежский и его дело

Преподобный своей жизнью показал, что единственно вера является стержнем личности. Благодаря вере совершалось формирование национального характера с его жизнестойкостью и наклонностью к делам любви и добра. Это позволило горстке иноков трудом своих рук и молитвой основать в глухих лесных дебрях монастырскую обитель. Постепенно вокруг нее начали селиться крестьяне, ремесленники, простой люд.

Таким образом, вокруг храма Святой Троицы и монашеских келий возник и расширился посад. Ранее пустынное место сделалось обителью духовного делания и земных трудов. В созидании духа и державы нуждалась Русь, разоренная татарами.

Преподобный Сергий стал непосредственным участником объединения разрозненных княжеств вокруг Мо-

сквы. Он благословил на грозную сечу князя Димитрия Донского и богатырей-иноков Пересвета с Ослябей. Победоносная Куликовская битва ослабила иго и способствовала упрочению Московской Руси.

Ученики Преподобного основали многочисленные монастыри по лону земли. Труд Церкви стал плодотворной основой духовности, культуры, народного уклада и государственных устоев.

В наши дни, после десятилетий воинствующего атеизма Православная Церковь заняла достойное место в общенациональном деле патриотического, духовно-нравственного просвещения и воспитания молодежи на традиционных ценностях.

В конце октября 2013 Святейший Патриарх Кирилл на Всемирном Народном Соборе заявил: «Если мы говорим о патриотизме, если мы говорим о государственном подходе ... мы говорим о воспитании фундаментальных ценностей в жизни народа. ... И если они сохранятся, то будет жива Россия, всегда будет сохраняться духовная сила нашего человека...»

Не мнишь ли ты, что эгоизм и страх
Пустынников в трущобу уводили?
Кто б ни был прав, но в ангельских мирах
Дивятся лучшие их неприметной силе.

Нет, не забыл я страшные века,
Гнетущий пласт нужды, законов, быта,
Куда людская жгучая тоска
Была судьбой, как семя в прах, зарыта.
Когда от битв дымился каждый дол,
Когда бедой грозились злые дали,

Одни лишь схимники свой наивысший долг
Свою жизнью молча утверждали.

Хмель естества дотла испепелив,
Приняв в народе имя страстотерпцев,
Страданье твари – птиц, людей и нив
Они впитали целокупным сердцем.

Ушкуйник, смерд, боярин и купец
Их, как владык таинственных, просили
Внести за них сокровище в ларец –
В незримый Кремль, в небесный Град России.

За грех царей, за буйства пьяных сел,
За кривду войн, за распри, за разруху,
Они за нас – за всех, за вся, за всё –
Несли страду и горький подвиг духа.–

В наш поздний век – кто смеет на Руси
Измерить мощь молитвы их смиренной,
Кто изъяснит, чья помошь в небеси
Её хранит над самою геенной?

Нет боле чуда? –Ложь! – Есть чудеса,
Я каждый миг их отголоскам внемлю,
Есть внутренний затвор, скиты, леса,
Есть тайные представители за землю.

Пусть многогранней стала вера их
И больше струй вмещает гибкий догмат,
Но древний дух всё так же твёрд и тих,
Необорим и грузом бед не согнут.

Д.Л. Андреев

ВЕРА БЕЗ ДЕЛ МЕРТВА

(Церковь, интеллигенция, молодежь)

Массовое сознание в современной России все очевиднее проникается интересом к духовно-культурному наследию. Многолетний запрет на любые проявления религиозности не подавил потребность в озаряющей вере. Видно, оттого зажигаются глаза школьников, когда они слушают неспешный рассказ приглашенного на урок батюшки. Им интересно знать о преподобном Сергии Радонежском, о красоте православных храмов и праздников, о небесных озарениях М. В. Ломоносова и А. С. Пушкина. Такие встречи обогащают и по новому высвечивают знания, уже приобретенные на уроках литературы и истории.

Детям и взрослым сегодня равно доступна возможность приобщения к неупиваемой чаше Православия. Однако старшему поколению, напичканному каверзами секулярного образования, воцерковление дается непросто. Прежде всего, это касается интеллигенции. Из-за всеядного, неразборчивого интереса к разного рода влияниям, таким людям бывает не просто определиться на перепутьях идей и верований. Далеко не всегда дорога к храму для них бывает прямой и торной. С другой стороны, молодежь по незащищенности своей легко

поддается западным духовно ущербным новациям, которые принесла стихия рынка и необузданная свобода. В их среде присутствует идеологический скепсис, прагматизм, моральная неразборчивость и обольщение потребительской псевдокультурой. Динамика бездуховности и примитивизма усугубляется возрастной импульсивностью и подростковым экстремизмом. Речь идет не только о заведомо проигрышной переоценке ценностей на западный манер. Не менее пугает выпадение духовно-нравственной составляющей при формировании личности в болезненный период переходного возраста.

Проблема усугубляется тем, что некоторые преподаватели используют на уроках запас знаний, усвоенных в пору господства вульгарно-материалистической идеологии. Открывшийся доступ к информации иного свойства радикально не изменил ситуацию. Сказывается инерция привычки, отсутствие личной мотивации и творческого подхода. Одновременно с педагогической рутиной достоянием учительских мозгов становятся заоконные ноу-хау, которые не работают на усвоение учениками своего, исконного.

В перестроечную годину российскому образованию пришлось пережить зашоренное копирование толстовской и вальдорфской педагогики, концептуальную вариативность в преподавании истории по учебникам Сореса, заимствования из теологии Сан Мен Муна и космологии «Живой этики» Рериха. Припомним разворачивающие штудии «сексуального воспитания» по методикам РАПСа и гедонистически ориентированную валеологию.

Негативно сказалась на общественном сознании экспансия деструктивных сект и культов. У части со-

граждан головы оказались набиты ложно-религиозной несуразицей. И все это не от недостатка ума, а от отсутствия церковно-конфессиональной позиции. Как следствие – духовная аморфность и безоглядное приятие всего и вся, с утешительной подоплёкой «Бог-то один».

Во всём, как видим, мартышечье, бездумное подражательство Западу. Однако, реалии возрождения немыслимы без питающей и животворящей почвы традиции. Но как преодолеть досадную отчужденность интеллигенции и молодежи от Православной Церкви? Как защитить души от шкурного чистогана, национальной безликости и религиозного уродства, культивируемого в тоталитарных сектах? На что должны быть обращены лучшие силы нации, чтобы предопределить славную будущность России?

В свое время славянофилы возгласили необходимость возврата к национальной самобытности, к «почве». Этот путь способен уберечь от безоглядного, опрометчивого подражательства, карикатурного склонения в сектантское и оккультное духоблудие.

Чаще всего адептами сект становятся люди невоцерковленные, с ослабленным чувством патриотизма и духовно-культурной инаковости (ментальности). Этим можно объяснить плоский сектантский ригоризм, отрицающий лучшее в истории России и Православия. Но именно Церковь соделалась первопричиной всего святого и национально-значимого в жизни народа. Признание ее зиждительной миссии способно вызвать внутреннюю расположность к вероучению, таинствам и обрядам.

Историческим успехом русского пути стало созидание типа человека, отзывающегося на христоподобную простоту и красоту. В прошлом и теперь каждый из нас нуждается в стяжании утраченного образа Божия,

а это возможно лишь в Церкви. Окажись мы в стороне от пути к храму, как тут же бездорожье национального обезличивания приведет нас к гибельному отчуждению от всего святого.

Часть советской интеллигенции была воспитана на лучших образцах русской литературы, которые привлекали отсветом евангельских истин. Постепенно в этой среде возникла и культивировалась внецерковная религиозность. Сама Церковь в те годы по известным причинам находилась на периферии общественного сознания. К вящей радости, пришли иные времена. Они открыли возможности свободного, беспрепятственного воцерковления. Но сила привычки дает о себе знать: некоторые не могут избавиться от признания самодостаточности внецерковной религиозности. Спрашивается, как донести до этих милых людей, что русская культура усвоила далеко не все из светоносного достояния, хранимого Православием?..

Таким людям надо открыть правду об искреннем приятии мастерами слова духа и красоты Православия. Помимо художественного раскрытия, необходима христианская, а не абстрактно-гуманная оценка событий и персонажей.

Стансы сыну

Люби людей; люби природу...
Неволей близких и родных
Не покупай себе свободу...
Учись у добрых и у злых.

Есть в небе место ясным зорькам,
Но там и темной ночи мгла,
И сладкий мед в растенъи горьком
Находит мудрая пчела.

Пусть лучше ты обманут дважды
И проклят ложью не за ложь...
Чем сам обманешь хоть однажды
И на проклятье посягнешь!

Мы, проклиная, сердце губим,
И свет любви теряем с ним...
Мир наш – пока его мы любим,
Разлюбим – станет он чужим.

К. М. Фофанов

Педагогическое сообщество нуждается в более тесном знакомстве с богословием и религиозной философией. Это позволит проследить сложный путь богоискусства в истории литературы и мысли.

В исторических дисциплинах следует доходчиво и доказательно высветить культурообразующую роль Православия. Подлинный патриотизм – это прочувствованная и осмысленная приобщенность к суровой и впечатляющей истории прошлого. Ни в коих савославия. Пликах необходиморавственного тельство. а уроках следует не «проходить» историю, а дать детям возможность пропустить ее через сердце. Много значат примеры добронравия из житий, бытовой святости, ратных и созидаательных подвигов.

В преподавании естественнонаучных дисциплин доныне преобладают материалистические подходы и эволюционные модели возникновения вселенной и развития жизни. Наукой накоплен немалый фактический материал в пользу креационизма, подтверждающий разумно-творческое происхождение мироздания. Необходимо в качестве альтернативы эволюционизму знакомить учащихся с креационной

моделью. Это поможет преодолеть тенденциозную односторонность.

Понятно, что непросто изменить в одночасье мировосприятие педагогов и учащихся. Согревает надежда на жизненную силу национальных архетипов и достаточно крепкий фундамент духовных ценностей, сохранившийся от былого Русского Дома.

Наш век

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.
Безверием палим и иссущен,
Невыносимое он днесъ выносит...
И сознает свою погибель он
И жаждет веры... но о ней не просит.
Не скажет ввек с молитвой и слезой,
Как ни скорбит пред замкнутою дверью:
«Впусти меня! – Я верю, Боже мой!
Приди на помошь моему неверию!..»

Ф. И. Тютчев

ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА

Наши дети будут расти, как сорная трава, и станут Иванами, не помнящими родства, если только мы не откроем им жизнетворный пласт православной культуры. В противном случае вседозволенность, размывание и подмена вековечных понятий добра и зла приведут к всеобщему духовному одичанию, восстановит одного против всех и всех против одного... А это гибельно для России!

По благословению митрополита Тульского и Белевского Серапиона, начиная с 1998 года, мне пришлось заниматься вопросами духовно-нравственного образования и воспитания. На федеральном уровне эта проблема была лишь обозначена. К сожалению, инициативы Русской Православной Церкви не имели тогда должного понимания и содействия. Видно, еще не пришло время... Однако на региональном уровне усилиями духовенства и мирян, при содействии власти придерживающихся, удавалось сделать немало.

«От почина до сего дня»

Доклад, прочитанный

в Уральском университете в ноябре 2007 года.

Всех нас, собравшихся на этот духовно значимый форум, объединяет и тревожит одно: что следует сде-

лать для того, чтобы русская школа стала единственным средством сбережения народонаселения и самой души России? Очевидно, что будущее страны в наших детях. Но непредвзятый взгляд открывает нам печальную картину. Принято говорить о проблемах, актуальных для молодежной среды: алкоголизме, наркомании, преступности, половой распущенности... Но существуют тенденции, которые могут привести к тому, что суммарное число дееспособных граждан в стране не сможет обеспечить армию и прокормить больных и инвалидов. К примеру, 50 процентов выпускников школ по состоянию здоровья имеют ограничения в выборе профессии. Известно, что жизнеспособность детей блокадников была на порядок выше, чем у сегодняшних младенцев. Распространенные патологии, которые порождают сверхзаболеваемость и смертность, берут начало именно в школе. Медицинские карты школьников содержат зловещий букет заболеваний. В них все чаще присутствуют заболевания, свойственные среднему и пожилому возрасту. Юноши и девушки к моменту половой и гражданской дееспособности обнаруживают серьезнейшие нарушения детородных функций. Показатели неблагополучия с неотвратимостью подтверждаются обвальным ослаблением демографического потенциала. Вспомним неутешительную пословицу: «От худого семени не жди доброго племени».

Известно, что человек имеет психосоматическую, душевно-телесную природу. В отличие от иных живых существ, которые получают свою биологическую самость при рождении, развитие антропоса происходит иначе: мало родиться человеком, им должно стать. Исконным проявлением человечности остается упо-

добрение образу Божию. На этой сверхцели должна сосредоточить свои усилия национальная система образования. Понятие «воспитание» предполагает каждодневное насыщение ребенка дидактической пищей, которая помогает ему стать духовно-нравственной личностью. Трагизм ситуации в том, что современная школа во многом утратила изначальные созидательные доминанты. Укажем на проблемы, которые высвечивают перекосы образовательного процесса. К примеру, вытесняются и игнорируются предметы творческого, эмоционально-смыслового характера. Родители хотят видеть в ребенке прежде всего успешного функционера, специалиста, другими словами – супермена. Отсюда засилье программно-информационного обучения и, как следствие, нарастающая интенсификация учебного процесса. Во исполнение социального заказа формируется не личность, а некое прагматически-востребованное существо. Прибавьте массированную пропаганду гедонизма, прожигания жизни в удовольствиях и наслаждениях. Ныне это раскручивают либеральные «сексопатологические» СМИ. Понятия, преобладающие в семье и школе, ориентирует детей, прежде всего, на земное благополучие. Не важно при этом, какими средствами оно достигается. Но опыт предшествующих цивилизаций показывает, что этот путь обреченно-гибельный. Вывод здесь один, и вывод удручающий: потеря христианских ценностей в образовании и воспитании на деле привела к тому, что очевидно сформировался глобальный механизм самоликвидации человечества. Важно, не теряя времени, усилиями власти, Церкви, школы и семьи начать осуществление христиански-ценностного образования и воспитания.

Введение в школах РФ «Основ православной культуры» (ОПК) является для нас указующим перстом Божиим.

В Тульской области начало преподаванию предмета ОПК было положено в 1999 году. Поводом послужили опыт Курской епархии. Поскольку наша область входила тогда в «красный пояс», успех предприятия во многом зависел от личной позиции инициаторов. Ими стали молодой и энергичный владыка Кирилл и Андрей Самошин, глава администрации одного из районов области, патриот и депутат Госдумы. В июне 1999 года в школе поселка Богучарово, бывшем имении А. С. Хомякова, удалось собрать на пятидневный семинар преподавателей истории и литературы из всех школ пригородного Ленинского района. Занятия проводил священник Сергий Дульнев, настоятель Сретенского храма, построенного матерью А. С. Хомякова. Батюшка в беседах открывал слушателям смысл спасительной веры. Магистр богословия О. М. Сенин, сотрудник епархиального отдела по образованию и катехизации, в своих лекциях дал обзорный духовно-исторический комментарий по основным темам программы. С первых часов обнаружился живейший отклик педагогов. Две недели совместной работы закончились благословенной поездкой в Оптину Пустынь.

Через год к эксперименту присоединились отдельные школы Алексинского, Щекинского, Белевского районов и города Тулы. Главы этих районов по личному расположению оказывали содействие в проведении семинаров и их финансовому обеспечению. В 2001 году приказом директора главного управления образования г. Тула Играевой Э. И. преподавание ОПК было начато в двадцати школах города. По благословению владыки

Кирилла священники на местах деятельным образом участвовали в работе с педагогами, организовывали паломнические поездки и экскурсионные посещения храмов.

После нашумевшего указа министра образования В. М. Филиппова от 22.10.2002 г. противниками преподавания ОПК была поднята волна ожесточенной критики. В итоге преподавание культурологического по своему содержанию предмета было неправомерно поставлено в один ряд с предметами религиозного содержания, которые ведут в школе священнослужители. Таким образом, для обучения ОПК стали требовать согласия детей и письменного разрешения родителей. Но это обстоятельство не остановило энтузиастов.

В числе преподавателей, участвовавших в семинарах, были по преимуществу те, кто проявлял интерес к духовно-культурному наследию Православия. Священники на местах, хорошо знавшие паству, приглашали для преподавания педагогов из прихода, в том числе и тех, которые уже находились на пенсии.

На семинарах богословские темы поручались духовенству. Сразу выяснилось, что, располагая несравненно большим запасом знаний, чем их слушатели, не все священники имели опыт доступного раскрытия темы. С этой целью на епархиальном уровне стали проводить семинары учебно-методического характера. Одновременно мы предлагали учителям по возможности посещать богослужения и духовные беседы для мирян. Таким образом, священник становился для них духовником и компетентным консультантом. Педагоги стали чаще приглашать батюшек на свои уроки, а те с готовностью принимали экскурсии школьников у себя в хра-

ме. Особым образом сближали и вдохновляли поездки по святым местам и участие в ежегодных образовательных чтениях в Москве.

Первые занятия на семинарах имели обзорный характер. Важно было, хотя бы в чертах, раскрыть спасительный смысл и христоцентризм Священной истории. Учителям предлагалось начать с самого простого: вдумчивого прочтения детской Библии и «Закона Божьего» протоиерея Серафима Слободского. Особое внимание уделялось содержательному раскрытию вероучительных тем и богословских понятий. Далее обсуждались темы занятий по предмету ОПК. Обычно это делали сотрудники лаборатории по ОПК и педагоги, имевшие опыт преподавания этого предмета. Помимо ежемесячных выездных семинаров, преподавателей дважды в год собирали во время каникул в областном центре. Прошедшим курс обучения выдавались квалификационные сертификаты.

Недостаток базового образования восполнялся не только семинарами, духовными беседами, паломническими поездками. Много делалось для обеспечения необходимой литературой как учебно-предметного, так и православно-мировоззренческого плана. Для этого из Москвы доставлялись и передавались на благотворительных началах книги, брошюры, кассеты и диски. Наиболее востребованными были альманахи «Фома» и «Нескучный сад». Они подкупали богатством содержания и прекрасным оформлением.

Особо хочется сказать о Тульской классической гимназии, которую создал и возглавляет протоиерей Лев Махно. Стараниями батюшки и педагогов это учебное заведение стало образцовым и задает тон в деле православного образования не только в Тульской обла-

сти, но и далеко за ее пределами. В стенах гимназии ежегодно проводятся представительные и плодотворные Рождественские образовательные чтения.

На выборах в Тульскую областную Думу 2004 года депутаты-патриоты «Засечного рубежа» стали второй по численности фракцией. Через полгода они инициировали проведение обширного круглого стола по обсуждению проблемных моментов духовно-нравственного образования и воспитания. На нем присутствовали все заинтересованные: от педагогов и учащихся до чиновников и депутатов. Выражая общее мнение, областная Дума обратилась к губернатору с просьбой о разработке целевой областной Программы по духовно-нравственному воспитанию. В сентябре 2005 года при областном ИРО была создана лаборатория по духовно-культурному наследию Православия, которую возглавил С. И. Маслов, доктор педагогических наук, убежденный христианин. К тому времени география эксперимента ощутимо расширилась и охватила почти половину области. Летом 2006 года, когда целевая Программа только разрабатывалась, и финансирование еще не было открыто, по просьбе депутатов администрация области выделила 700 тыс. рублей на приобретение учебно-методических пособий, словарей, аудио и видеоматериалов по ОПК для пилотных школ города и области.

Буду рад, если крупица нашего духовно-педагогического опыта окажется востребованной соработниками на ниве возрождения России.

Школьник

– Ну, пошел же, ради Бога!
Небо, ельник и песок –

Невеселая дорога...
Эй! садись ко мне, дружок!

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дело?
Это многих славный путь.

Вижу я в котомке книжку.
Так учиться ты идешь...
Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош.

Знаю: старая дьячиха
Отдала четвертакочок,
Что проезжая купчиха
Подарила на чаек.

... Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете –
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете –
Сон свершится наяву!

Там уж поприще широко:
Знай работай да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай,—

Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой,
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

H. A. Некрасов

***Духовность – это то,
что нужно нашим детям***

Со школой и системой образования сегодня у нас связаны светлые надежды и горестные раздумья. Многие педагоги удивляют своим самозабвением, а лучшие из учеников – дарованиями и целеустремленностью. Однако школа в целом оказалась беззащитной перед новоявленным соблазном вседозволенности, который породил наркоманию, половую распущенность, бездуховность. Обнадеживает, что общество, родители, все те, кому присущ дух болезнования за наших детей, пытаются делать все возможное, чтобы оградить их от угрожающей напасти.

С этой целью Главным Управлением образования совместно с Тульской епархией были организованы и проведены учебно-методические семинары. Их цель – раскрыть и актуализировать перед педагогами жизнеутверждающий пласт духовно-культурного наследия. Преподаватели школ испытывают явный дефи-

цит знаний о Православии, которое между тем явилось основой исторического развития России.

Присутствующие на семинаре узнавали много нового о роли Церкви, религиозном поиске известных писателей и поэтов, изобразительном языке иконы, наконец, о внутреннем согласии между Библией и наукой. Со мной поделилась одна из участниц семинара: «Для меня было внове узнать, что пушкинский «Пророк» связан с жизненным подвигом Исаии, величайшим пророком древности. А известное стихотворение «Отцы пустынники» есть поэтически точное переложение молитвы святого Ефрема Сирина. Приходится признать, что демонические глубины преступления, совершенного Раскольниковым, невозможно объяснить без евангельского понимания добра и зла. Опять-таки, будучи гуманитарием, никогда не думала, что «теория большого взрыва» подтверждает библейский рассказ о сотворении мира».

Семинары проводил катехизатор епархии, магистр богословия Олег Михайлович Сенин. Вероятно, потому, что сам он много повидал и испытал в жизни, слова его убеждали посвященностью и обаянием личного духовного опыта. Ирина Владимировна, завуч по воспитательной работе, также высказала свое мнение: «Очень жаль, что занятия могли посетить немногие из преподавателей. Теперь все заняты, с утра до вечера в работе. Хорошо было бы проводить такие семинары непосредственно в стенах школы. И поверьте, такого рода знания будут востребованы не только педагогами, но и учащимися».

*Анна Соловьева,
из сюжета для радиоэфира*

Сохрани, Боже, достояние Твое!

Несколько лет кряду Олег Михайлович с группой своих молодых сотрудников обьезжает многоголосые детские лагеря по берегам Оки. На день у него по три-пять выступлений перед ребятами разных возрастов. Каждая встреча содержит увлекательную и динамичную подачу материала. Отсюда заинтересованный отклик как детей, так и воспитателей.

Лето в этом году выдалось жаркое и душное. В такие дни в городе совсем невмоготу. Оттого детей и взрослых тянет на вольную волю, к прохладе леса и речки. Особенно хорошо в эту пору на Оке. На ее белопесчаных берегах среди хвойных и лиственных дерев уютно разместились корпуса и коттеджи оздоровительных лагерей. Там все подчинено одной цели – поправить, укрепить здоровье детей. В развлечениях, купаниях и занятиях одарить их радостями полноценного летнего отдыха.

Слава Богу, что есть люди, которые заботятся и о духовном их здравии. Четыре сезона подряд Алексинские лагеря обьезжает катехизатор епархии О. М. Сенин.

Вот что мне рассказала сотрудница администрации Галина Мекалина, неизменно сопровождающая Олега Михайловича: «Стоит признать, что в большинстве своем наши дети далеки от Церкви. Все оттого, что мы, их родители, в свое время не были приобщены к вере. Сейчас хоть и свобода религии, но в школах ничему такому не учат. Как педагог, я знаю, что возрастное восприятие с пяти до двенадцати лет надолго сохраняется и воспроизводится в будущем. Именно в этот период детская душа интуитивно, как цветок к солнцу, тянется к светлому и загадочному. Словом, что сейчас посеем,

то впоследствии и пожнем. Когда перед ними предстает человек в подряснике и скуфье и заводит располагающий разговор, то откуда чего у них берется!.. Живо откликаются, вспоминают когда-то прочитанное и услышанное о Господе, заповедях, церковных праздниках. Открыто, не стесняясь, высказывают свое мнение и догадки. В течение часа и более Олег Михайлович удерживает их завороженное внимание, перемежая общение конкурсами, викторинами, яркими примерами.

С удивлением для себя обнаружила, что многие дети знают не только пословицы о Боге и вере, но и молитвы. По просьбе Олега Михайловича они читали их, не смущаясь, перед всеми. Надо было видеть, как радовались те, кто получал в виде поощрения иконки, крестики и книжки. Не были забыты и воспитатели: для них были приготовлены иллюстрированные православные журналы «Фома» и «Нескучный сад».

В одном из лагерей я разговорилась с Marinой Владимировной, преподавательницей литературы одной из алексинских школ. Она на каникулах устроилась здесь воспитателем. «Олега Михайловича знаю по семинарам, которые он проводит с преподавателями школ по курсу Православной культуры. У самой интерес к этому появился года четыре назад. Очень помог в этом наш батюшка, отец Андрей Чекмазов. Оттого приятно было его видеть вместе с Олегом Михайловичем на первом семинаре. Раньше думала, что школа и семья сами по себе способны уберечь ребенка от зла. Но сейчас вижу, что соблазны давят на детскую психику, ослабленную плохой наследственностью, экологией, влиянием улицы. Чувствуется, что педагогической дидактики явно недостаточно, чтобы противостоять этой мутной волне. Здесь требуется что-то большее...

Прочтя книгу Ивана Шмелева «Лето Господне», я попротестовала христианской чистоте и цельности восприятия мира, который для героя книги является миром Божиим. Тогда самый пустяшный проступок воспринимается ребенком как нечто недостойное, что ранит и обижает Господа, Который неизменно его любит и ожидает взаимности. Если в детском сердечке нет любви, то она впоследствии непременно появится. Не будет ее, и тогда в маленьком человечке виден лишь уродливый, отталкивающий эгоизм.

Лагерь у нас элитный, дети непростые, поэтому и попросила Олега Михайловича как-то заострить на этом внимание. Он умело вовлек их в дискуссию о «Золотом правиле Евангелия», оно, как известно, гласит: «Относись к другому так, как ты хотел бы, чтобы он относился к тебе». Вопросы были не в бровь, а в глаз: «Вот ты, Дима, или ты, Катя, вы ведь не хотите, чтобы кто-то из друзей вас обманывал, оскорблял? Вам же не нравится, когда кто-то вас обижает или предает? Почему же вы сами много раз делали это по отношению к другим? А теперь представьте, как все выглядело бы, если бы вы последовали «Золотому правилу»? Как легко было бы вам общаться между собой, с воспитателями, с папой и мамой».

«И надо сказать,—тихо, но твердо заключила Марина,— дети благодаря этой встрече что-то для себя поняли и приняли...»

На мой вопрос о самых памятных впечатлениях от алексинской акции Олег Михайлович ответил: «Порадовала совместная поездка в Колюпаново, к источнику и мощам блаженной Ефросиньи. Давно заметил, что посещение храма неотразимо действует на детские души. Оно создает тот внутренний настрой, благодаря кото-

рому ощущается присутствие святыни. Еще в автобусе пытался рассказать о таком необычном для них подвиге юродства, то есть, по сути добровольного безумия, на которое решилась молодая фрейлина императрицы Екатерины Второй. Теперь мы почитаем ее под именем блаженной старицы Ефросиньи. Оказалось не так-то просто донести современным школьникам, что в самоотречении молодой блистательной княжны Вяземской куда больше привлекательности и некоей высшей пользы, чем в обычном сейчас для людей самоутверждении любой ценой.

Помимо моих слов благодать Божия совершила свое дело: в храме многие из них прикладывались к мощам, ставили свечки, крестились. Немалой смелости требовалось, особенно девочкам, окунуться в святой источник с обжигающей ледяной водой. Зато потом столько разноголосых восторженных впечатлений!..

Что мы можем знать об их жизни наперед? Остается одно – воспитывать и надеяться на лучшее.

Кстати, прошедшее лето еще раз убедило меня в правоте изречения: «Подобный подобному рад». Месяц назад провел целую неделю в Велегоже в детском патриотическом лагере «Отечество». Дважды в день мы встречались с ребятами, и я рассказывал им о православной духовности, обрядовой красоте праздников, читал стихи моих любимых поэтов. Неделя общения сблизила и сроднила меня с юной дружиной, состоящей из тульских школьников. Отрадно было видеть, как постепенно у них засвечивалось общее нам чувство любви к родной земле, к вере предков.

Особым событием стала встреча и общение с группой сербских школьников, приехавших на Оку из предместий Белграда. Глядя на этих шумных, непосредствен-

ных ребят, трудно было представить, что они пережили адский гром бомбардировок. Из разговоров с ними мы, русские, от детей до воспитателей, очевиднее осознали, как агрессивны и безжалостны силы мирового зла. Они всячески пытаются лишить сербов и русских исконной веры, родной культуры, независимости.

Если в предстоящее лето меня пригласят к юным «витязям», то с радостью откликнусь».

*Татьяна Смирнова,
«Засечный рубеж», 17 июля 1999 года*

ПАЛОМНИЧЕСТВО КО СВЯТЫНЕ

В ясный морозный день конца ноября автобус с преподавателями города Тулы и Щекино отправился в Оптину обитель. На протяжении всей поездки ее организатор О.М. Сенин много рассказывал о монастыре, настраивая и приготавляя учительскую братию ко встрече со святыней. Мы много узнали об оптинских старцах, трудностях монашеской жизни, роли монастырей в истории России. Подобно добруму семени, сказанное западало в души слушателей. В большинстве своем то были преподаватели нового предмета «Основы православной культуры», недавно появившегося в ряде школ Тулы и области. Сидя в автобусе, педагоги с увлечением участвовали в конкурсах и викторинах на библейские и церковные темы. Правильный ответ тут же вознаграждался интересным книжным подарком или иконкой.

Еще издалека обитель просияла нашим взорам многоцветьем куполов и бело-известковым опоясанием стен и башен.

Монастырь
Крестом высоким осененный,
Вдали от сел и городов,

Один стоишь ты, окруженный
Густыми купами дерев.

Вокруг глубокое молчанье,
И только с шелестом листов
Однообразное журчанье
Живых сливаются ручьев,

И ветерок прохладой веет,
И тень бросают дерева,
И живописно зеленеет
Полян высокая трава.

О, как сыны твои счастливы!
В твоем безмолвии святом
Они страстей своих порывы
Смирили бденьем и постом;

Их сердце отжило для мира,
Ум с суетою незнаком,
Как будто светлый ангел мира
Их осенил своим крестом...

I. C. Никитин

Нам посчастливилось постоять на монастырской службе, которой, кажется, нет равной по молитвенно-му настрою и благозвучному пению мужского хора. Олег Михайлович заранее напомнил, как должно вести себя в храме, приложиться к ракам оптинских старцев, подать поминальные записки за живых и усопших. Некоторые потом делились, как прикладываясь ко святым мощам, вспоминали те или иные моменты из жизни

старцев. Для них это стало впечатляющей основой живого сердечного обращения к Божиим угодникам. Надо было видеть лица паломников, когда, стоя у могил трех иноков, убиенных изувером-сатанистом, слушали впечатляющий рассказ о кровавой трагедии, случившейся ранним пасхальным утром 1993 г.

Накупивши книг и иконок в монастырской лавке, мы отправились в скит, где в свое время обретались и принимали православный люд великие оптинские старцы. От монастыря до скита всего 300 метров, но лес по сторонам был такой красоты, что хотелось идти и идти. В скиту даже земля под ногами казалась святой, необычной. Олег Михайлович говорил о дорогих учительскому сердцу Н. В. Гоголе, И. В. Киреевском, Ф. М. Достоевском, о мятежном богоискателе Л. Н. Толстом, которые со своими думами и вопрошаниями приходили сюда. Нам открылся мир молитвенного единения. Трудно передать словами благодатное чувство, что возникало при соприкосновении со святым местом!

На обратном пути заезжаем в Шамордино – Казанский женский монастырь, основанный преподобным Амвросием. Непередаваемо величие храмов и вид русских далей, открывающийся с высоты откоса! Несмотря на мороз, многие из паломников и двое мальчишек – пятиклассников с бесстрашием окунулись в источник.

В завершение поездки нас ожидал незабываемый поэтический час. В уютном тепле автобуса, с вечерней тьмой и белым снегом за окном, мы слушали стихи о России и вере, о евангельски просветленной душе русского человека. Олег Михайлович проникновенно и с чувством читал хрестоматийно известные строки и созвучные им стихи его друзей из мордовского политлагеря.

Поездка в Оптину многое открыла нам. Учитель Православной культуры не может жить вне Церкви и без молитвы. Никакие учебники и методики не смогут сделать его носителем нашего духовно-наследия. А паломничество и есть живое дыхание прошлого. Вера предков узнается не понаслышке, а личным опытом, когда чувствуешь обратную связь с духовным миром Отечества.

Сердечно благодарим редакцию «Засечного рубежа», оплатившую поездку, и О. М. Сенина за его назидательное и вдохновенно поэтическое сопровождение.

Дмитрий Струков, преподаватель ОПК

За горами, за желтыми долами
Протянулась тропа деревень.
Вижу лес и вечернее полымя,
И обвитый крапивой плетень.

Там с утра над церковными главами
Голубеет небесный песок,
И звенит придорожными травами
От озер водяной ветерок.

Не за песни весны над равниною
Дорога мне зеленая ширь –
Полюбил я тоской журавлиною
На высокой горе монастырь.

Каждый вечер, как синь затуманится,
Как повиснет заря на мосту,
Ты идешь, моя бедная странница,
Поклониться любви и кресту.

Кроток дух монастырского жителя,
Жадно слушаешь ты ектенью,
Помолись перед лицом Спасителя
За погибшую душу мою.

С.А. Есенин

БУР

Мне исполнилось 23 года, когда я оказался на 17-й «большой» зоне Дубравлага. Примерно 2/3 заключенных составляли «старики», так между собой мы, «антисоветчики», называли осужденных за военные преступления. В большинстве своем эти люди имели по приговору по 25 лет срока. Отбывая нечеловеческие по длительности «четвертаки», они покорно несли свой крест: старели, болели и умирали в зоне. У них было единственное желание – выйти на свободу, чтобы малый остаток дней провести на Родине, с уцелевшими сродниками.

Одну треть наследников зоны составляли осужденные за антисоветскую деятельность, в возрасте от 20-ти до 40 и более лет. Сами они в шутку называли себя «мальчиками-антисоветчиками». Имея политические убеждения и сознание своей правоты, эти люди были объединены неуступчивым противостоянием лагерной администрации, режиму и власти как таковой. Одержимые молодостью, полагая, что им уже нечего терять, они, подобно Дон Кихоту, бесстрашно и самозабвенно сражались с «ветряными мельницами». Когда свежим огурчиком я попал в этот рассол, то сразу пропитался общим бойцовским духом. Мы постоянно составляли и подписывали разного рода обращения и жалобы в го-

сударственные и зарубежные инстанции, бумаги эти нередко переправлялись запрещенным способом. Кроме того, по разным поводам объявлялись голодовки, отказы от работы и выполнения производственной нормы. Подобными мерами мы пытались принудить администрацию выполнять заявленные нами требования.

За 5 месяцев бунтарского дurosветства, в котором обнаружилась безудержность моей натуры, я испытал на себе все возможные меры наказания. 2 октября меня неожиданно вызвали к начальнику лагеря, капитану Горкушову. Он зачитал распоряжение о выдворении меня в БУР на 2 месяца за многочисленные нарушения и упорное нежелание встать на путь исправления.

Барак усиленного режима (БУР) находился недалеко от вахты и был отделен от жилой зоны двумя рядами колючей проволоки. Всех, кто попадал туда, сажали на пониженный паек, лишали возможности переписки и свидания. Круглосуточно, за исключением получасовой прогулки в огороженном деревянном дворике, заключенный должен был находиться в жилой либо рабочей камере. Дозволялось взять с собой одежду, книги, все постельные принадлежности: матрац, подушку, одеяло. Большую часть камеры занимала «вагонка» – так назывались сваренные из металлических уголков двухъярусные нары с дощатым настилом. Моим соседом оказался Валерий Петрашко, по виду совсем подросток, смуглый, с горящими глазами и по-мальчишески смешливый. С группой таких же, как он, «малолеток» (несовершеннолетних) его посадили за поджог прокуратуры в небольшом сибирском городке. Через коридор от нас, в рабочей камере, стояло несколько швейных машинок с электроприводом, на которых мы были обязаны в течение рабочего дня заниматься пошивом рука-

виц. Разва два мы с Валерой принимались за шитье. Но в БУРе еще не топили, в камерах было зябко, и мы решили отказаться от работ. За отказ нас перевели на карцерный паек. Это было совсем ничего, одним словом, «голодуха». Зато теперь у нас появилась возможность общаться и читать книги с утра до ночи. Чтобы вконец не задрогнуть, приходилось утепляться: не снимая фуфайки и сапог, в одежде, мы ложились на голые доски настила. Поверх тонких одеял наваливали на себя матрацы, набитые техническим тряпьем. Расположившись головами к оконному проему, мы принимались за чтение. Книги в неограниченном количестве можно было выписывать из библиотеки. Благодаря полуголодному досугу я за два месяца прочел шеститомник Ключевского, всю многотомную «Историю» Соловьева, не говоря уже о художественной литературе, состоявшей преимущественно из русской классики.

Пребыванию в БУРе сопутствовали неожиданные для меня, бунтаря-нигилиста, Божии благословения. В соседней с нами камере сидели двое зэков с «малой» 17-й зоны: Леонид Иванович Бородин, впоследствии крупный русский писатель, многолетний редактор журнала «Москва», и его подельник – Николай Викторович Иванов, ученый-историк. Они принадлежали к питерской националистической организации. В организацию входили колоритные идеино зрелые люди, в большинстве своем православные. Мы с Валерой не имели возможности общаться с ними непосредственно, но, благодаря добряку-надзирателю, часто обменивались книгами, а случалось, и записками. Когда дежурный по необходимости покидал здание, мы переговаривались с ними через дверь. Среди переданных книг оказались «Духовные основы жизни» религиозного философа

Владимира Соловьева» и «Изборник». В последнем были собраны лучшие произведения древнерусской литературы от «Повести временных лет», «Киево-Печерского патерика» до «Жития протопопа Аввакума». Обе книги оказали на меня воистину переворотное действие. При чтении не покидало замирающе-радостное чувство узнавания своего, родового, национального. Неожиданно открылась подспудная приверженность к русским корням и православному благочестию. Летописи, жития святых, исторические сказы вызывали одухотворенно-горделивое чувство родства с соотчичами, славными своим героизмом и святостью. У Соловьева, через толкование молитвы «Отче наш» я, убежденный марксист, открывал любовь Бога, непрестанно изливающую на мир земной и небесный. В полумраке нетопленой камеры, ослабленный многодневным недоеданием, три недели не получая писем от Риты, я в те дни растворялся в тепле Божьего присутствия.

Именно таким Он открыл мне в прогулочном дворике в ноябрьский вечерний час. Однажды испытав до-прежь неведомую сопричастность с Ним, я доныне не перестаю помнить об обещанном рае как возможности навечного единения с моим Господом. С того дня, оступаясь, падая, бесчинно согрешая, содрогаясь от близости ада, я тешу себя тем, что еще есть время, еще не наступила та рекущая минута, когда стану безраздельно принадлежать Ему.

Монастырь на Казбеке
Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,

Как в небе реющий ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.
Далекий, вожделенный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!..

A.C. Пушкин

ПРАВОСЛАВНАЯ БИБЛИОТЕКА

С конца 90-х гг. я увлеченно занимался введением факультатива «Основы православной культуры» (ОПК) в школах г. Тулы и области. Дело это непростое: приходилось преодолевать сопротивление управленцев от образования, недоверие к предмету отдельных педагогов и родителей. Но Господь пособлял нам, всюду находились понимающие отзывчивые люди, что и стало залогом успешных подвижек. Однако ощущался дефицит учебно-методической литературы для преподавателей и пособий для учащихся. Недоставало общедоступных изданий по богословскому и культурологическому спектру православия. Благодаря отклику некоторых издательств и ряда книжных магазинов, мы получали столь необходимые книги, журналы, брошюры и газеты. Таким образом, библиотеки города и школ пополнялись книгами Священного Писания, детскими Библиями, справочниками, словарями, атласами, изданиями «Закона Божьего». Со временем появилась возможность создания отдельной специализированной библиотеки. Ее книжный фонд мы разместили в городском методическом центре, в удобном для проезда месте.

За 10 лет существования библиотека регулярно пополнялась. Одновременно росло и число ее посетителей.

«Приглашаем читателей»

В Туле на базе информационно-аналитического центра Главного Управления образования открылась православная библиотека. Большую роль в этом сыграли усилия катехизатора Тульской епархии Олега Михайловича Сенина. Мы попросили его ответить на наши вопросы.

А.С.: Олег Михайлович, когда и каким образом возник замысел по созданию общедоступной православной библиотеки?

О.М.: Шесть лет назад я начал преподавать в педагогическом университете такие предметы, как история религии, религиоведение, этика. Как человеку верующему, мне хотелось, чтобы мои студенты пользовались учебниками и пособиями не временен госатеизма, а источниками, которые давали бы им истинное и глубокое представление о вере в Бога. Но, к сожалению, таких книг в библиотеке оказалось ничтожно мало. Такая же невеселая картина открылась при знакомстве с фондами городских библиотек. И тогда по благословению Владыки Кирилла и при содействии великодушных доброхотов мы передали первые партии необходимой религиозной литературы в педуниверситет и библиотеки города. Затем дело дошло до комплектования некоторых школ, музеев и областной периферии.

В год двухтысячелетия Рождества Христова мы организовали при Главном Управлении образования ежемесячный семинар для педагогов города по изучению духовно-культурного наследия Православия. Одновременно, по инициативе епархии, в таких районах как Ленинский, Алексинский, Щекинский, началось преподавание факультатива по русской духовной культуре.

А в 2001 году этот курс ввели и в большинстве школ города. Естественно возникла необходимость учебно-методической базы. Ясно было, что без библиотеки нам не обойтись.

А.С.: Четвертого октября я присутствовала при открытии этой библиотеки. Приятно порадовали красивые застекленные шкафы-стеллажи, которые уже на две трети заставлены книгами. Скажите, откуда прямо-таки в одночасье появилось такое множество замечательной литературы, не с неба же она вам свалилась?

О.М.: Да, представьте, эти пять шкафов, обилие книг и удобный стол с компьютером мы получили по милости Божьей от людей, искренне и с готовностью откликнувшихся на нашу просьбу. Замечу, что по скромности своей все они держатся евангельского правила: «пусть правая твоя рука не знает, что делает левая».

А.С.: Олег Михайлович, будучи инициатором и, по сути, создателем этой замечательной библиотеки, как Вы могли бы представить содержимое Вашего детища?

О.М.: Прежде всего, это книги Священного Писания, многочисленные справочники, словари и атласы. Для занятий с детьми мы имеем около 40 красочных детских Библей в переводе православных священников. Для преподавателей, которые дорожат достоинством нашей национальной школы, есть книги по православной педагогике от Ушинского и Пирогова до энтузиастов-почвенников наших дней. Преподавателей мировой художественной культуры ожидают книги по истории Вселенской и Русской Церкви, иконографии и церковной архитектуре. Хотя библиотека еще невелика, но уже сейчас непросто перечислить все в ней имеющееся.

Прежде всего, мы ожидаем увидеть у книжных полок преподавателей школ и колледжей, вузов города. Надеемся, что это малое начинание послужит делу возрождения светоносного наследия святотеческой традиции.

*Анна Соловьева
«Засечный рубеж», 16 сентября 2001 года*

Слово

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо Свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.

И орел не взмахивал крылами,
Звезды жались в ужасе к луне,
Если, точно розовое пламя,
Слово проплывало в вышине.

А для низкой жизни были числа,
Как домашний, подъяремный скот,
Потому что все оттенки смысла
Умное число передает.

Патриарх седой, себе под руку
Покоривший и добро и зло,
Не решаясь обратиться к звуку,
Тростью на песке чертил число.

Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это – Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

H.C. Гумилев

«РУССКИЕ ВЕЧЕРА»

В конце лета 1995 года в моей головушке возникла одна задумка... Как показало дело, она была явно от Бога – создать в Туле православный лекторий. Будто по наитию родилось и название – «Русские вечера». Добрые знакомые предложили и место – Дом учителя, располагавшийся недалеко от кремля, напротив старого корпуса педуниверситета. Предполагалось, что аудиторию составит та часть городской интеллигенции и прихожан, которой была небезынтересна духовная культура России. Я считал, что любая попытка объединиться под хоругвями веры и знания послужит собиранию разрозненных сил.

Так совпало, что с сентября того же года началось мое подvizание в педуниверситете, что позволило заинтересовать и привлечь к посещению «Русских вечеров» студентов. Происходившие там встречи во многом совпадали с моими лекциями и семинарами. И если поначалу ребята приходили потому, что надо было получить зачет, то потом, как они сами признавались, бывали уже из интереса...

Каждую пятницу, кроме летних месяцев, в течение семи лет лекторий собирал народ, неравнодушный к национальному наследию. На долгое время он сде-

лся для меня предметом беспокойной заботы и светлых переживаний...

Тепло и щедрость «Русских вечеров»

Теперь трудно представить культурную жизнь Тулы без «Русских вечеров». Ровно три года прошло с тех пор, как в уютном зале Дома учителя собрались люди разных возрастов – от студентов до пенсионеров.

День рождения лектория отмечали торжественно. Поздравлять участников и инициатора О. М. Сенина пришли помощник губернатора по вопросам свободы совести И. Н. Шелопаев, депутаты областной Думы В. Н. Петрушенков и В. В. Тимаков, преподаватели двух тульских университетов и юридического института, студенты, литераторы. «Если в такое трудное время люди собираются на «Русские вечера», – значит, дух жив, и будет жить Россия», – сказал И. Н. Шелопаев.

Перед началом я задала Олегу Михайловичу вопрос: «В чём Вы видите назначение своего «детища»?» И вот, что я услышала в ответ...

– Лучший способ противостоять сорной траве вестернизации и мировоззренческой аморфности – заботиться о родной «почве» и возделывать ее. Она одарила нацию дивными цветами и соплодиями веры и творчества. Как и веком раньше, немалая часть русской интеллигенции легкомысленно вертит головой по сторонам, пренебрегая богатством вселенского и русского Православия. Чтобы эти люди не сгинули в сектах, не заразились теософской проказой Рерихов и обольщениями оккультизма, был создан православный клуб-лекторий «Русские вечера».

– Как вы объясните, что в любую погоду по пятницам едут с разных концов города в Дом учителя?

– Наверное, их влечет сюда потребность в теплом, задушевном общении. Рыночная стихия понуждает к обособленности, эгоцентризму, расталкиванию локтями. Но ведь мы всегда слыли за народ общинный и исторически старались держаться вместе, сообща: будь то крепкая семья, церковный приход, деревенская община, купеческая гильдия, офицерское или дворянское собрание. Очевидно, это не умерло в нас и до сих пор. Обаяние прошлого велико и неотразимо. Приобщаясь к нему, нельзя не ощутить своей принадлежности к великому народу. А этого нам так не хватает...

– Олег Михайлович, каждое из собраний становится незабываемым событием. Вам удается разыскивать и приглашать удивительных людей, находить интересные, волнующие всех темы. Какие встречи были самыми значительными за эти три года?

– Каждая из них по-своему незабываема. Начало было положено темой «Подвиг жизни и веры преподобного Сергия Радонежского». Потом говорили о духовном поиске Пушкина, чье творчество во многом определило наше самосознание. Темой обсуждения стала история написания Александром Ивановым знаменитого полотна «Явление Христа народу» с художественной и богословской трактовкой картины. На одном из «Вечеров» приоткрылся мир религиозной поэзии Тютчева, нашего гениального лирика. Слушали «Литургию» Рахманинова и говорили о символике богослужений.

Архитектор Александр Владимирович Шевчук рассказывал о храмовом зодчестве, реставрации тульских церквей. В беседе за «круглым столом», посвященной

творчеству Бунина, приняла живое участие преподаватель педагогического университета Мария Александровна Козьмина. С увлекательным рассказом о Сергее Есенине выступил известный книголюб Валерий Васильевич Пилипенко. В диспуте, посвященном философскому наследию Достоевского, приняли участие ученый Виталий Борисович Ремизов и молодой филолог Роман Львович Шмараков. Раз за разом слушатели узнавали о судьбе поэта-мученика Николая Клюева, о создателе храма Христа-Спасителя Константине Тоне, композиторе Бортнянском. Большую аудиторию собрал вечер памяти нашего выдающегося земляка Алексея Степановича Хомякова. Словом, всего не перечесть. Событием для «Русских вечеров» всегда бывают встречи со священниками. Это и понятно, ибо созидательный труд Русской Церкви выстроил величественный храм народной жизни.

– Что Вы можете сказать об аудитории «Русских вечеров»?

– Завсегдатаями встреч стали люди поколения 60–70-х годов. То было время романтической окрыленности и высоких идеалов. Из него вышли книгоочи, любители и знатоки классической и современной литературы. Поэтому «вечера» строились сообразно их интересам. Помимо духовно-культурной тематики, устраивались концерты церковных и народных хоров, русского романса, случались и сольные выступления отдельных музыкантов.

– Кроме тем, охватывающих широкий спектр русской истории, живописи, литературы, музыки, «вечера» радовали их участников встречами с интересными людьми. Кто только ни выступал на «Русских вечерах»! Назовем, к примеру, несколько имен.

– Преподаватели тульских вузов, среди них Людмила Петровна Фролова и Галина Петровна Присенко; культуролог, краевед Игорь Николаевич Юркин. Замечательный доклад сделал местный краевед, собиратель фотографий старой Тулы Александр Иванович Наумов.

Частыми гостями были священники. Православный народ валом валил на беседы старейшегоprotoиерея Тульской епархии Вячеслава Гаврилова. Студентов увлекало общение с молодым священником Вячеславом Ковалевским, возглавляющим в городе Православное молодежное движение.

Событием становились приезды гостей из столицы. У нас побывал Михаил Михайлович Дунаев, преподаватель Московской духовной академии, автор многотомного труда «Православие и русская литература». Выступали редактор журнала «Москва» Леонид Иванович Бородин и писатель Владимир Николаевич Крупин. А однажды гостями «вечеров» стали члены редколлегии журнала «Наш современник».

В Доме учителя довелось дважды принимать народного художника России Вячеслава Михайловича Клыкова, скульптора, патриота, человека обширных знаний и интересов.

Духовным наставником клуба-лектория стал Владыка Кирилл. Знаменательно, что Никольские образовательные чтения с 1996 года проводятся в рамках «Русских вечеров». На них приезжали известные богословы: иеромонах Анатолий Берестов, отец Олег Степняев и диакон Андрей Кураев.

– Известно, что ваши собрания не ограничиваются выступлениями и концертами. Нередко разговор продолжается за чашкой чая...

– Действительно, «вечера» уже сложились как небольшая община, поэтому время от времени мы устраиваем совместные чаепития, где читаем стихи, поем, рассказываем случаи из жизни. Все это очень сближает и роднит.

Изначально мы стремились, чтобы общение сделалось мостиком, связующим участников с Церковью. В наши дни, имея тягу к горнему, можно сполна получить все потребное для души. Отрадно, что многие благодаря «Русским вечерам» открыли для себя дорогу к храму.

– Олег Михайлович, я тоже стараюсь не пропускать встречи в Доме учителя. Хочу сказать, что почти каждый «вечер» – это подлинный праздник познания и пир общения. Такие блестящие выступления, обсуждения и полемика! Здесь звучали глубокие, прошедшие через сердце откровения. Оттого-то они всегда находили отклик у слушателей. Хочется пожелать творческого долголетия самому клубу и его гостям!

Беседовала Татьяна Каркешина

«ИМЕЮЩИЙ УШИ, ДА СЛЫШИТ»

Весной 1997 года на удивление горожан в самых людных местах, на площадях, перекрестках, при входе на рынки, то и дело появлялась группа православных активистов. Они выставляли красочный стенд с иконой Богородицы, видом храма и начертанием: «Тула Православная». Седобородый, статный человек в подряснике, скуфье и с мегафоном на плече воодушевленно и проникновенно обращался ко всем, кто готов был слушать о значении веры, заповедей, доброты и милосердия. Его помощники ненавязчиво предлагали прохожим листовки, газеты, брошюры, приглашали на богослужения и духовные беседы при храмах. Люди по-разному относились к новоявленным проповедникам, но было очевидно, что перед ними не докучливые сектанты, а верующие из нашей, русской Церкви...

Необходимость подобной акции давно назрела. Православная общественность Тулы тем самым заявила свой ответ наступательной сектантской пропаганде. Нашу Церковь нередко критикуют за пассивность и излишнюю терпимость по отношению к многочисленным сектам, что занимаются прозелитизмом на нашей исконно православной земле. И действительно, большинство священников заняты восстановлением храмов, возрождением приход-

ской жизни, каждодневными богослужениями. К тому же Церковь уважает личную свободу и не позволяет себе вторгаться в чужие дома, как это делают западные миссионеры. С другой стороны, возможности информационной свободы побуждают ревнителей Православия действовать по заповеди: «... будьте всегда готовы всякому, требующему у вас отчета в вашем упоминании, дать ответ с кротостью и благоговением» (1Пет. 3:15).

Далеко не все знают, что в городе уже третий год действуют православные образовательные курсы, где желающие получают основательную вероучительную подготовку. Из них и состоял небольшой, но дерзновенно-активный отряд «Духовной заставы». Впервые они заявили о себе близ Свято-Сергиевского храма в Заречье в первое воскресенье Великого Поста. Призывный щит, иконы, молодежь с листовками, газетами сразу привлекли внимание прохожих. Люди благодарили, некоторые останавливались и задавали вопросы.

В свою очередь и я обратилась с вопросом к Олегу Михайловичу Сенину, катехизатору епархии, инициатору данной акции: «Во время проведения стояний вас видят и слышат сотни людей. Какова их реакция?»

О.С.: Чаще всего приходится слышать слова одобрения: «Наконец-то Церковь наша начала заявлять о себе. До сих пор на улицах можно было видеть одних лишь надоедливых сектантов. Большое спасибо за газеты, за сообщение о празднике, мы ведь все в этом смысле темные: о своей вере мало чего знаем. Сегодня надо об этом на каждом углу говорить». Впрочем, иногда раздаются голоса, исполненные неприятния и нетерпимости. Но, слава Богу, такое не часто приходится слышать. Несомненно одно: народ наш нуждается во втором крещении, подобном тому, которое в свое время осуществил

князь Владимир Красное Солнышко. А для этого необходимо возродить апостольское, огласительное служение Церкви. Духовенство и миряне не должны ждать, когда люди сами придут в храм. Поэтому сегодня, как никогда, значимы слова Спасителя: «Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам» (Мф.28:19).

Сейчас и слепой видит, что нас, русских, пытаются оторвать от исторических корней и пересадить в горшки западной бездуховной масскультуры. Вся эта коварная селекция совершается с целью соделать из нас безликих инкубаторных цыплят, чтобы затем поместить в курятник мирового порядка. Приходится с горечью признать, что делается это ловко и не без успеха. Сегодня едва ли не вся молодежь оказалась без руля и ветрил. Их сознательно сманивают на сторону дешевками потребительского общества.

Наряду с этим все, во что верили люди старшего поколения – патриотизм, коллективизм, моральные принципы – ныне затоптано и попрано. Думается, выход у нас один – восстановление жизненных устоев, на которых веками стояла держава. К сожалению, мы призабыли, что устои эти изначально были православными, а народ русский неспроста именовался народом-богоносцем.

*Марина Горчакова,
«Засечный рубеж», 19 марта 1997 года*

Молитвенные стояния

Для туляков стали привычными и, как выясняется, желанными православные молитвенные стояния.

В прошедшее воскресение людской поток, шествующий мимо главпочтамта на рынок и обратно, был встречаем поздравлениями с днем Торжества Православия. Их возглашал через мегафон катехизатор епархии Олег Сенин. Прохожим невозможно было не отозваться на приветствия и целый иконостас, составленный из образов, которые держали в руках прихожане. Приятно было получить церковную газету, проспект с заповедями, иконки и брошюры.

Праздник Торжества Православия, завершающий первую неделю Великого Поста, был установлен в середине IX века во знаменование победы над многочисленными ерсиями. В наши дни поверженные лжеучения снова распространяют секты, нагрянувшие к нам из-за рубежа. Каждая из них беспардонно уверяет: «Только у нас вы найдете истинную веру, потому что наше учение целиком основано на Библии». Очевидно, что сектанты сами себя изобличают такими безответственными заявлениями: ведь Бог един и Библия одна, а сектам числа нет.

Ради того, чтобы оградить простодушно-доверчивых людей от зазывных обещаний, на улицах и площадях города устраиваются молитвенные стояния. Начало им было положено ровно год назад. И вот я снова обращаюсь к Олегу Михайловичу: «Сколько было проведено таких стояний и каковы, по- вашему, их результаты?»

О.С.: В общей сложности за год было проведено более 50 стояний или, как мы их называем, «Духовных застав». За каждой из акций стоит немалая работа. Прежде всего, надо обзвонить и собрать людей: обычно требуется 5–7 человек. Затем с тюками газет, с разборным щитом и мегафоном мы добираемся общественным транспортом до места. За два-три часа стояния

раздаем множество экземпляров «Московского Церковного вестника», «Радонежа», «Семейной Православной газеты» и других. Тираж доставляем из Москвы. И хотя получаем не совсем свежие номера, между тем в них содержится непреходящий, духовно значимый материал о прошлом и настоящем нашей Церкви. Многие из тех, кому мы вручаем эти газеты, до этого ни разу в жизни не держали их в руках. Помимо газет, готовим и раздаваем пасхальные и рождественские поздравления. В них размещены адреса и телефоны тульских храмов, расписание духовных бесед и занятий воскресных школ. Одновременно, обращаясь к прохожим через мегафон, сообщаем о предстоящих праздниках, напоминаем о непреходящем значении веры и заповедей. Люди узнают самое необходимое о крещении, исповеди, причастии и постах. Одним словом, стараемся донести истину, что посредством веры и воцерковления они могут защитить себя и своих детей от пагубы сквернословия, алкоголизма, наркомании, половой распущенности и преступности. Особым образом предупреждаем о действующих в городе тоталитарных сектах, говорим о методах их работы, о деструктивном воздействии на психику, здоровье и образ жизни человека. Напоминаем о мерах безопасности при контактах с сектантами.

В завершение разговора я пожелала Олегу Михайловичу и его сподвижникам помочи Божьей в многотрудном деле духовного просвещения.

*Марина Горчакова,
«Засечный рубеж», 12 марта 1998 года*

МАЛЫЕ КАМНИ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ДОМА

Недавно встретил давнишнего знакомого, молодого священника. На радостях долго и увлеченно проговорили. Расспрашивая о его однокашниках по семинарии, узнал, что все, принявшие сан, были направлены в храмы, некогда безбожно порушенные. Необходимость возрождения приходов понятна всякому, кто зрит и сердцем переживает бедственные последствия мерзости запустения. Оно стало горестным следствием гонений на церковь богооборческой власти, насаждавшей в «стране Советов» воинствующий атеизм. В поселках и деревнях, где доныне нет храмов, люди не защищены от нарастающего вала греховной вседозволенности.

До недавнего времени таким местом было Большое Скуратово в Чернском районе. Село имеет древнее происхождение, связанное с именем небезызвестного опричника Малюты Скуратова, сын которого стал первым владельцем имения. Из архивных документов известует, что в 1767 г. помещик Алексей Иванович Скуратов на месте деревянной церкви возвел каменный храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы. В 1850 г.

храм был обновлен и благоукрашен на средства князя Ивана Леонтьевича Шаховского.

16 июня, на исходе субботы, вместе с новоназначенным настоятелем, Павлом Шуваловым, подъехали к паперти полуразрушенного храма. Надо признаться, вид он имел удручающе безотрадный,— хоть глаз не поднимай. Перед началом всенощной мы с батюшкой осторожно пробрались к алтарю по доскам, разложенным прямо по земляному полу. Тут же дожидались начала службы немногочисленные прихожане. На временном иконостасе с иконами, наклеенными на листы картона, не было даже створок Царских врат. Однако радовало, что на клиросе псаломщику Роману увлеченно, хотя и не совсем складно, подпевали несколько мальчишек и девчонок из воскресной школы. Со слов старосты, Татьяны Леонтьевны, о. Павел сразу приглянулся сельчанам приветливостью и простодушием. Получив назначение, он вместе с матушкой Анной, освоившей иконописное дело, и годовалой дочуркой Настенькой оставили обжитую Тулу и отправились в один из дальних приходов.

«Наш батюшка, слава Богу, не устрашился вида разрухи,— говорит Татьяна Леонтьевна, показывая на облупленные стены и своды Скуратовской церкви.— Замысел у отца Павла — не только восстановить храм, но впоследствии, при наличии средств, возвести строение для крестильни, иконописной мастерской и воскресной школы. Одна незадача: нас, прихожан, пока маловато. Соответственно, столько же и денежек в церковной кружке...»

Назавтра, после праздничной службы всем русским святым, мы отправились в дом культуры — на встречу с сельчанами. Народу пришло не так-то много: не-

делю как установилась жаркая погода, долгожданная для покоса и огородов. Но те, что собирались, слушали, высказывались и молились от сердца. На сцене прохладно-sumerечного зала я познакомился с директором Скуратовского совхоза Валерием Константиновичем Бурыкиным. Он, как бы извиняясь за малолюдство, между тем заверил: «Нынче не пора для бесед... А по осени, как управляться с огородами, люди непременно соберутся». В обращении к односельчанам его слова по звучанию, по проникновенности не походили на дежурное приветствие, сказанное по случаю. От настоятеля и старосты я был наслышан о немалой помощи храму со стороны правления. По дороге к святому источнику, что за селом Бредихино, я слушал его занимательный рассказ о местных достопримечательностях. Он был сдобрен историческими подробностями и влюбленностью в свою землю человека-патриота. Радовало, что все эти люди за одно: хозяиненник и мудрец Бурыкин, алтарник Гришенька, неунывающая Татьяна Леонтьевна. Господь собрал их подле молодого ревностного батюшки для многотрудного дела – сабирания камней заново возводимого Русского Дома.

Наше будущее за мальчишками и девчонками. Они в порушенном храме молодыми голосами привносили надежду на возрождение земли, которой свыше дано именование «Удел Пресвятой Богородицы».

Ангел

В вечерний час, над степью мирной,
Когда закат над ней сиял,
Среди небес, стезей эфирной,
Вечерний ангел пролетал.
Он видел сумрак предзакатный,—

Уже синел вдали восток,—
И вдруг услышал он невнятный
Во ржах ребенка голосок.
Он шел, колосья собирая,
Сплетал венок и пел в тиши,
И были в песне звуки рая —
Невинной, неземной души.
«Благослови меньшого брата,—
Сказал Господь.— Благослови
Младенца в тихий час заката
На путь и правды и любви!»
И ангел светлою улыбкой
Ребенка тихо осенил
И на закат лучисто-зыбкий
Поднялся в блеске нежных крыл.
И, точно крылья золотые,
Заря пылала в вышине,
И долго очи молодые
За ней следили в тишине!

И. А. Бунин

ПОД ХОРУГВЯМИ КРЕСТНОГО ХОДА

Мало что греет душу в безотрадной круговерти дней и событий. Но не зря говорят: жива душа калачика просит. И понятно, почему так тянет к святому, светлому и возвышенному. К некоторым оно приходит через обращение к Богу, искреннее и радостное воцерковление. И тогда, вопреки серой обыденности, в душе будто загорается огонек свечечки-былиночки. На глазах восстанавливаются и наполняются храмы, воссоздается утраченный уклад приходской жизни.

Наш рассказ о том, как в начале лета 1999 года в Тульской епархии состоялся первый многодневный Крестный ход. Накануне, в день памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия и на праздник Пасхи, на удивление и радость горожан впервые за 80 лет по улицам «оружейной столицы» прошло многолюдное церковное шествие. Одно дело – в течение часа пройти от Кафедрального собора до кремля по свободному от транспорта проспекту. Но не всякому по силам почти двухнедельный паломнический путь. А между тем, число желающих перевалило за 200.

Священноначалие епархии в лице митрополита Серафиона благословило это благое намерение. Организа-

тором и неутомимым толкачом духовно-дерзновенного замысла стал мирянин, неофит, Владимир Николаевич Петрушенков. Неисповедимыми путями Господь приводит людей в Церковь!.. Уроженец деревни близ Новомосковска, активист и трудяга по натуре, вчерашний партиец, он горячо и бесповоротно обратился к вере отцов. «После переворота 17-го года,— говорил он,— мы, в безумии, на великое замахнулись — возжелали низвести рай на землю. Не сразу поняли, что без Бога — ни до порога. Сами того не сознавая, пилили сук, на котором сидели. И оказалось, что с утратой веры начался распад нравственных устоев».

Ради того, чтобы былые грехи замолить, Господу Богу послужить, вчерашний парторг принялся за дело. Предстояло найти доброхотов и жертвователей, проколесить дважды по 500-километровому маршруту, договориться на местах о встречах и ночлеге. Владимиру Николаевичу удалось заручиться четырьмя автобусами, грузовиком и тремя УАЗами. Друзья помогли с полевой кухней, матрацами и одеялами... Словом, воз был не из легких, но Петрушенков сдюжили. Спасало, что оргкомитет возглавил молодой викарный епископ, владыка Кирилл. Его стараниями было оповещено духовенство городов и поселков, где должен был проследовать Крестный ход. По храмам Тулы развесили объявления, приглашавшие паломников. Несколько раз по областному радио и на телевидении сообщалось о предстоящем событии.

Поскольку Крестный ход получил именование «Русь соборная», были отправлены приглашения в соседние епархии. Напечатали 30 тысяч православных листков и доставили из Москвы столько же газет и брошюр для раздачи.

Крестный ход начался от святыни земли русской – Куликова поля. 1 июня, в день памяти святого благоверного князя Димитрия Донского, Владыка Кирилл совершил Божественную Литургию в храме Рождества Пресвятой Богородицы в Епифани. По окончании службы паломники выстроились перед храмом, слагая из своих рядов колонну.

Зрелище было поистине душевозносящее. Впереди следовала звонница из нескольких разновеликих колоколов, закрепленных на УАЗе. Шестеро мужчин и отроков несли кресты разной величины. За ними блистала величавая златотканая хоругвь со Спасом Нерукотворным. Далее шла икона Всех Русских Святых, переданная народниками Оптиной пустыни. За духовенством и певчими вздымались к небу 40 хоругвей и знамен, которые несла дружина московского Союза православных хоругвеносцев. Рядами по 4–5 человек шел с иконами наш православный люд. Каждый – со своими скорбями и надеждами, с покаянием и смирением, но объединенные в одно духовное целое.

Вот восьмилетняя щебетунья Маша с мамой-сердечницей. Та на третий день пути доверительно открылась мне: «Думала, из-за сердца и полкилометра не пройду, придется садиться в автобус... И надо же! Господь так укрепил, что вот уже столько прошла, а сердечка своего не чувствую. И Маша моя радуется, как цветочек раскрылся. Она всю зиму занималась в воскресной школе при Щегловском монастыре, а теперь думаю отдать ее туда на послушание в летние каникулы. Да и сама она того хочет». Машенька в легком платочке вместе с детворой раздавала листки и газеты всем, стоявшим на тротуарах и обочинах.

Среди певчих – две монахини из рязанского Солотчинского монастыря: совсем молоденькая инокиня

Анна, разговорчивая и умилильная, и вторая, гораздо старше ее, Мария – сдержанно-любезная.

«В обители нас 20 сестер, – рассказывает она. – Матушка игуменья назидает нас и, случается, не без строгости. Но с нами, неслушными, иначе и нельзя. Все мы разные, но каждая понимает, что спасемся лишь любовью и послушанием. В монастыре с грехами нелегко – но где как не там помочь Божья и благодать Его спасающая. Вот и на Крестном ходе – телу трудно, а душа очищается, легчает...»

Вчерашний бухгалтер Анатолий Иванович, пенсионер из пригородного Скуратова: «Мне моя говорит (это он про жену): ты мужик неглупый и хоть малую, но веру имеешь. Но признайся, к бутылке тебя тянет сильнее, чем к храму. Сходи вместе со всеми, посмотришь, как другие веруют... Может, и тебе Бог даст слабость свою перемочь».

Среди паломников – Людмила, преподавательница Закона Божьего из Ростова. В свое время закончила институт культуры. Одинокая, любит детей. Она просто светится, когда говорит о них: «Нынче детки малые ничего не знают о Господе и святой Церкви, да и кто им расскажет?.. Родители в атеизме воспитаны, а учителям и доныне не позволяют на уроках говорить о вере. У себя в Ростове стараемся под любыми видами в школу попасть. Более чутких слушателей не найти. Душа у них, как голубенькая промокашка: видели бы вы, с каким доверием они воспринимают истории из Евангелия».

Глава дружины хоругвеносцев, Леонид Донатович, поведал о побудительных причинах создания их Союза: «Известно, что спасение совершается благодатию, а она проявляется прежде всего через красоту и благо-

лечение. Помимо Православия подобной красоты не сыскать. По лицам видно, что взирающие на хоругви, иконы и кресты не остаются безучастными».

Через 15 городов и поселков прошел тульский Крестный ход. И всякий раз люди откликались на перезвон колоколов, на звуки молитвенного пения, на проникновенные слова, усиленные мегафоном катехизатора епархии Олега Сенина. Одни выходили на встречу, стояли на тротуарах и балконах, шли следом. Удивлялись, глядя на невиданное, красно-украшенное шествие, другие крестились, просветлялись лицами, утирали слезы.

И верилось, что ни один не остался равнодушен к увиденному и услышанному. Крестный ход, приумноженный местными жителями, неизменно останавливался посреди города или селения. В считанные минуты из хоругвей и икон устраивался походный иконостас. Перед ним священники служили молебен и кропили святой водой многолюдную толпу. Звучали призывные и назидающие слова проповеди.

За время пути каждый обогатился бесценными крупицами духовного опыта. Помнится, когда паломники вошли в город Киреевск, где никогда не было храма, на глазах у всех над крестами, хоругвями и иконами завис белоснежный трепещущий голубь. Во время шествия по Богородицку и Белеву, где нас особенно тепло встречали, солнышко чудно играло на июньском небе. В одном месте всех порадовали телята и жеребята, которые, как завороженные, смотрели с луговины на проходящую мимо процессию. Неожиданно один жеребенок сорвался с места и ускакал вперед. Через несколько минут мы снова увидели его: он ласково терся о мать своим гнедым боком и вместе с ней дивовался увиденным.

Жеребенок

Ах, как удивительно смело
Он нес в первозданном тепле
Свое невесомое тело
По майски весомой земле.

Звенели в выси жаворонки,
Кропила росою трава.
А голос заливисто-звонкий
Все звал его,
Звал его,
Звал...

Но что ему было за дело,
Когда, возрожденьем пыля,
Летела под ним и летела
Почти невесомо земля.

В. И. Жильцов

Срединой нашего пути значилась Тула, где в эти дни ожидался приезд Святейшего Патриарха Алексия. Встреча паломников с Архиепископом русской Церкви стала самым отрадным из впечатлений. 6 июня на площади перед Всехсвятским кафедральным собором негде было яблоку упасть: шеренги курсантов, множество детей, летние платочки, улыбчивые лица. Святейший отечески напутствовал и благословил колонну паломников. В те минуты многие впервые так близко увидели его, услышали добродушно-глуховатый голос, почувствовали сердцем любовь и мир, исходившие от Первосвятителя.

Начавши путь от поля ратной славы, богомольцы к вечеру 10 июня подошли к Оптиной пустыни, колыбели

русского старчества. В стенах обители мы возблагодарили Господа, что все увиденное, услышанное и осмысленное нами показало неубиваемое присутствие веры православной в нашем народе. Наше спасение – в возрождении русской души, ее приближенности ко храму и Богу.

Эти бедные селенья,
Эта скучная природа –
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношней крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.

Ф. И. Тютчев

Русь глухонемая

Был к Иисусу приведён
Родными отрок бесноватый:
Со скрежетом и в пене он
Валялся, корчами объятым.
– «Изыди, дух глухонемой!» –
Сказал Господь. И демон злой
Сотряс его и с криком вышел –
И отрок понимал и слышал.
Был спор учеников о том,
Что не был им тот бес покорен,

А Он сказал:
«Сей род упорен:
Молитвой только и постом
Его природа одолима».

Не тем же ль духом одержима
Ты, Русь глухонемая! Бес,
Украв твой разум и свободу,
Тебя кидает в огнь и в воду,
О камни бьёт и гонит в лес.
И вот взываем мы: Приди...
А избранный вдали от битв
Күёт постами меч молитв
И скоро скажет: «Бес, изыди!».

M.A. Волошин

ХРАМ НЕ В БРЕВНАХ, А В РЕБРАХ

В праздник Покрова жители пригородного Скуратова группами и порознь подходили к заброшенному школьному саду. Там ожидалось нечто необычное и в то же время долгожданное – освящение закладного камня будущей церкви. Начал накрапывать дождь, стоять было зябко, но люди не расходились. Вспомнилась пословица: «На Покров до обеда дождь, а после обеда – снег». Когда подъехал автобус с духовенством и певчими, в первые же минуты молебна морось разом прекратилась. Затихла и толпа, слушая столь непривычные чтение Евангелия и пение хора. На виду у собравшихся близ стендса с планом и обликом будущего храма воздвигли крест в два человеческих роста. При кроплении святой водой по радостным лицам людей было видно – они поверили в то, что вчера еще казалось невозможным.

О том же говорил протоиерей Геннадий Ковалевский: «Десять лет назад мы с печалью взирали на оставленные, поруганные храмы. А ныне чудом Божиим восстанавливаются старые и возводятся новые. Значит, жива в народе вера. Многие души тянутся к Богу и открываются для благодати. Сегодня вы совершили первое свое богоугодное дело: пришли, чтобы помолиться и обна-

дежиться. Но назавтра потребуются руки и средства для созидания Дома молитвы. Помните, что по мере того, как станут подниматься стены и леса, Дух Святой будет устраивать и ваши сердца. Не зря говорят: «Храм Божий не в бревнах, а в ребрах!»

С тем же вниманием собравшиеся слушали своего депутата Владимира Николаевича Петрушенкова. Многие знали, что его неутомимыми стараниями был положен зчин этому благому делу. Не ближний край было ездить по воскресеньям и на праздники в Тулу. Владимир Николаевич заручился поддержкой поселковой администрации, местных предпринимателей и директо-ров хозяйств, нашел посвященного и дельного человека, способного возглавить строительство. Но прежде он испросил благословения митрополита Тульского и Белевского Серапиона. Выбрано было и место: в яблоневом саду, посреди поселка. «Сегодня многие озабочены одним,— говорил он,— как дотянуть до получки, и запастись на зиму дровами да картошкой. Но, помимо житейских нужд, к нам пришли неведомые до сих пор беды и страхи. Мы спим — и думаем, как уберечь детей от наркомании, распутства, хулиганских компаний. Но вспомните: были в истории куда более страшные лихолетья. Спасало, что в людях не угасала вера, не умирала любовь к родной земле. Народ, несмотря ни на что, доверялся голосу Церкви и совести. Благодаря этому преодолевались напасти... У нас ныне нет другого выбора, как укреплять верой и патриотизмом устои души и Отечества. И тогда мало-помalu опомнится и духовно окрепнет матушка Россия!... Требуется не смотреть со стороны, а, перекрестясь и засучив рукава, браться за дело!»

Бог нам в помощь!

Молитва

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребенка, и друга,
И таинственный песенный дар –
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над темной Россией
Стала облаком в славе лучей.

A. A. Ахматова

Молитвы дар

Молитвы дар – дар чудный, дар бесценный,
Замена всех непрочных благ земных;
Блажен, кому дано душою умиленной
Изведать таинство святых отрад Твоих!
Блажен, кто молится в минуту счастья,
Кто с Богом сердце так сумел сдружить,
Что Божья мысль святит в нем радости и страсти,
И может их порыв безумный укротить.

Блажен, кто молится в тоске и муке,
Под ношою тяжелого креста,
Кто, горем посещен, возносит к небу руки,
Твердя: «Ты свят, Господь, и власть Твоя свята!»...

E. П. Ростопчина

Осенняя земля

Последние листы, познавши одиночество
На утонченной наготе ветвей,
Взирают грустно на упадок зодчества,—
Удел безрадостный всех поздних октябряй.

Земля соцветий, уступив из рабости
Канунам и итогам плодородия,
Имеет вид торжественной суровости,
Столь неразлучный с моей скорбной Родиной.

И только небо, вечно осиянное,
В своем порыве всех дарить надеждой,
Пророчит ей обновы сребротканные
И белизну, невиданную прежде.

O.M. Сенин

ТРУБНЫЙ ГЛАС 3-ГО АНГЕЛА

Это случилось в ночь с 25 на 26 апреля 1986 года. В весеннем воздухе пахло первой нежной листвой, веяло свежестью от невидимой, но не далекой Припяти. В первые часы аварии никто из сотрудников атомной электростанции не предполагал всесветного трагизма происходящего. Случившееся по нерадению одних возмешдалось героической жертвенностью других.

Владимир Правик, 23-летний лейтенант, со своим пожарным расчетом первым сошелся в бесстрашном единоборстве со смертоносной стихией. Всего час 20 минут провел он со своими сотоварищами в пекле. Ценой этих 80-ти минут стали годы и годы его непройденої жизни. Разраставшийся пожар был локализован, а затем погашен. Языки чернобыльского пламени спокойно и величаво засияли на золотой звезде Героя, присвоенной ему посмертно. Владимир Правик и его сослуживцы стали первыми жертвами. Из бесстрашного легиона ликвидаторов ныне тысячи покоятся на городских и сельских кладбищах бывшего Советского Союза.

Гибельный шлейф радиации распростерся над лесами и водами, над жизнью и судьбами миллионов людей.

«И видел я и слышал одного Ангела, летящего по-

среди неба и говорящего громким голосом: горе, горе, горе живущим на земле...» (Отк.8:13)

Как известно, ядерная энергия равно способна на созидание и поражение. Но когда и как все это начиналось?... В разгар Второй Мировой войны физик-атомщик Энрико Ферми испытывает первый ядерный реактор. У нас – И. В. Курчатов успешно проводит подобные разработки и испытания. На исходе и по окончании войны Сталин в переговорах с союзниками уже опирался на мощь сверхсекретного оружия, но дальнее этого дела не пошло. Известное всем миролюбие русских обнаружилось и в этот раз, – чего не скажешь об американцах.

В 1954 г. в Обнинске была запущена первая в мире АЭС. Но атомная энергия вошла в жизнь человечества не через созидание, а через потрясшие мир атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. Бомбы, сброшенные с американских самолетов 6 и 9 августа 1945 г., казалось бы, точно поразили намеченные цели. Но уместно напомнить, что слово «грех» в переводе с греческого означает «непопадание в цель». Другими словами, грех – всегда ошибка, ложная цель, заведомо неверный расчет. Потенциально-нейтральная энергия ядерного распада, оказавшись во власти грешного человека, равно могла служить жизни и смерти.

Святитель Игнатий Брянчанинов писал: «В конце времени повсеместно распространяются такие учения, которые будут внушать человеку горделивое и лестное сознание неограниченного развития собственных возможностей и сил, возможности устроения социальной жизни без Бога, без подвига самоотречения» (Протоиерей Б. Молчанов. Эпоха апостасии).

Атомная энергия... Но если за этим – ужас, жерт-

вы, непредсказуемость, то зачем нам это? По всему видно, что планетарное человечество ныне обуяно демоническим стремлением к потребительству и гедонизму. В одержимости и ослеплении оно не способно предвидеть гибельность подобного пути. Из перерабатываемого сырья, к примеру, только 2–4 процента являются экологически усвояемыми. Остальные 96 процентов травят все живое, как медленно действующий яд. Спрос на «мирный атом» был продиктован нарастающими потребительскими запросами. К моменту взрыва на Чернобыльской АЭС в мире насчитывалось более 270 реакторов, 40 из них действовало в нашей стране. До 1986 г. были зарегистрированы десятки аварий с утечкой радиоактивности, в том числе в США и Англии. И только Чернобыль зловеще и воочию показал, что ядерная энергия содержит в себе страшную силу, способную в одночасье уничтожить все, ради чего она была вызвана на свет.

Напомним, библейский змий-искуситель был наказан тем, что должен был ползать по земле. По аналогии, все прельщающие чувственно-греховными благами движутся по жизни, как говорится, «брюхом вперед». Они предпочитают возвышенным радостям души заземленные удовольствия плоти. Святителю Иоанну Златоусту принадлежит мысль: «Дьявол, нападая на нас снизу, потому достигает своей цели, что сами мы не стремимся подняться выше, приблизиться к Богу, оторвавшись от плотских привязанностей».

В прошлом наше Отечество именовалось Святой Русью. В народном сознании преобладало тяготение к доброму и правде. На глазах одного поколения вещизм ширпотреба и эротическое бесстыдство Запада заполонили все и вся.

«Подражайте, братия, мне и смотрите на тех, которые поступают по образу, какой имеете в нас. Ибо многие, о которых я часто говорил вам, а теперь даже со слезами говорю, поступают как враги креста Христова. Их конец – погибель, их бог – чрево, и слава их – в сраме, они мыслят о земном» (Фил. 3:17–19).

Ф. М. Достоевский не без тревоги писал, что в обезображенной цивилизации Запада на пьедестале, принадлежащем Господу Богу, утвердился человек. В мире все выстроено для него, а Богочеловеку Иисусу Христу нет места. И снова вопросы, извечные вопросы: с каких пор и почему человек стал опасен и страшен для самого себя и окружающих?..

Из первых глав Писания мы узнаем, как падший ангел Люцифер увлек Адама и Еву захватывающим обещанием. «И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена змею: плоды с деревьев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете, но знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел» (Быт. 3:1–6).

Обманные слова доныне зажигают человека безумными мечтами,upoением самонадеянности, вседозволенности и господства. Наши прародители, а вслед за ними и мы в жизни своей по безверию всечасно отвергаем любовь, правду и мудрость Бога.

С момента грехопадения доминантой всемирной истории стало стремление к человекобожию. Что толь-

ко не делается ради этого. После потопа воздвигли громаду Вавилонской башни, тем самым бросая вызов Всеышнему в дерзком намерении достигнуть неба. На исходе XX века разрушилась грандиозная химера по устроению рая на Земле. Кому был нужен коммунистический рай без Бога, любви и свободы?..

В Вавилоне Господь Бог смирил обезумевших сози-дателей. Он смешал их языки, и они в одночасье лишились способности понимать друг друга. Оттого и вся затея пропала пропадом. Но соблазн заполучить все-могущество в веках не оставлял человеческий разум, воспламененный гордыней. Подтверждением тому – глобальное господство интернета, многообещающие чудеса клонирования, всеподавляющая гегемония сверхдержав. Все меньше остается людей, обеспокоенных вопросами: «А угодно ли это Богу? Чем обернется для человечества очередная авантюра?»

У Н. С. Гумилева есть на сей счет пророчески разительные строки:

Выбор

Созидающий башню сорвется,
Будет страшен стремительный лет,
И на дне мирового колодца
Он безумье свое проклянет.

Разрушающий будет раздавлен,
Опрокинут обломками плит,
И, Всевидящим Богом оставлен,
Он о муке своей возопит.

А ушедший в ночные пещеры
Или к заводям тихой реки

Повстречает свирепой пантеры
Наводящие ужас зрачки...

Святитель Игнатий Брянчанинов пророчески предсказал: «... близок час, в который снова сойдет Бог взреть на дела человеческие и положить им конец уже не смешением языков, а заменением мира, созревшаго и обветшавшаго в беззакониях, миром новым и непорочным» (Письма к мирянам, 206).

В книге Откровение говорится о семи ангелах, возвещающих о губительных бедствиях, которые постигнут Землю и все живое на ней. Вчитываясь, можно проследить динамику планетарной экологической катастрофы. При первой трубе одна треть растительного покрова планеты превратится в безжизненное пространство. Вторая труба возвестила вымирание одной трети живущего в водах рек, морей и океанов. Когда вострубил третий ангел, «... упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде «полынь»; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки» (Откр.8:10–11).

Господь сравнивает нравственное разложение перед Пришествием с упадком нравов накануне потопа. «И как было во дни Ноя, так будет и во дни Сына Человеческого: ели, пили, женились, выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и пришел потоп и погубил всех» (Лк.17:26–27). О духовном одичании допотопного человечества сказано: «И увидел Господь [Бог], что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; и раскаялся Господь, что создал челове-

ка на земле, и восскорбел в сердце Своем. ... Но земля растлилась перед лицем Божиим, и наполнилась земля злодеяниями» (Быт. 6:5–6, 11).

Апостол Павел оставил пророчество, характеризующее падение нравов перед Пришествием Христа: «Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящи добра, предатели, наглы, напыщенные, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. Таковых удаляйся» (2Тим.3:1–5).

Нам остается веровать, молиться и надеяться на милость Бога, чтобы нас миновали последствия беззакона.

Отче наш! Бог, в небесах обитающий,
Оку незримый, но зrimый сердцами,
Все созидающий, все разрушающий,
Греющий землю живыми лучами.
Мы принесли тебе в жертву безкровную
Нашу молитву в часы покаяния,—
Дай же, о Боже, нам пищу духовную,
Дай нам источник святого желания.
В годы сомнения, в годы ненастные
Нам изменили мечты неизменныя;
Мы загасили светильники ясные,
Мы расплескали елеи священные.
Отче наш! Бог безутешно страдающих,
Солнце вселенной! к Тебе мы с молитвою —
Всех сохрани за любовь погибающих.
Всех угнетенных мучительной битвою!

Отче наш! дай нам пути благодатные
И отстрани от соблазна лукаваго...
Да возсияютъ лучи незакатные
Правды небесной и помысла праваго!

K. M. Фофанов

«СМИРИСЯ, ГОРДЫЙ ЧЕЛОВЕК...»

Слова, принадлежащие Ф. М. Достоевскому, выражают известную евангельскую истину: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак.4:6). Наше своеволие, подогреваемое эгоизмом, неизбежно входит в противоречие с совестью и общепринятой моралью. Этот конфликт имеет свои причины.

Все мироздание проникнуто законосообразностью, в которой главенствует великий нравственный закон. Позиция человека определяется его выбором: принимает или отвергает он заданный свыше строй жизни. Первое выражается в смиренномудрии, второе – в богоопротивлении.

Гордыне присуще отвержение авторитета Бога, упорное неприятие Его воли. Гордец не считается ни с кем и ни с чем – он сам себе указ. По учению Церкви, в гордыне скрыт корень всех грехов. Главный герой повести «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского вопрошает: «Свету ли провалиться, или мне чаю не пить?». И тут же отвечает: «Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить».

Последствия необузданного эгоцентризма разрушительны и катастрофичны. Вспомним вызывающее смелый призыв И. В. Мичурина: «Мы не можем ждать

милостей от природы. Взять их у нее – наша задача». В итоге, неразумным вмешательством человека природной среде огромной страны был нанесен непоправимый ущерб. Гонение на Церковь, учиненное в годы «безбожных пятилеток», обернулось упадком нравственного самосознания и ослаблением духовного единства нации.

Всякому, кто норовит возвысить себя, обычно плачут холодом отчуждения и недоверия. Напротив, открытость и доброжелательность, совпадая с духом заповеди, делаются залогом признания и преуспевания. Бессмысленно идти «против рожна», поэтому самонадеянный гордец обрекает себя на фатальную неудачу.

В повседневной жизни смиление, прежде всего, выражается в скромности, уступчивости и деликатности. Такому человеку чужды самоуверенность и неоправданные притязания. Добродетель смиления проникнута доверительностью ко всякому слову Господа, Которым «мы живем, и движемся, и существуем» (Деян.17:28).

В народных пословицах эта истина выражена кратко и емко: «Без Бога – ни до порога»; «Кто правду хранит, того Бог наградит»; «Что посеешь, то и пожнешь»; «Спорь во всем, кроме власти Божьей!»; «Своя воля страшней неволи»; «Добрый разум наживают не сразу».

Тому же учат подвижники веры. Старец Силуан Афонский любил повторять: «Горделивой душе ничего не нравится, а смиренному – все будет хорошо».

Истинным образцом смиления является наш Господь и Спаситель. Пророк Захария, живший за 500 лет до Христа, провозвестил, что Мессия явится как царь кроткий (Зах.9:9). Придя в мир, Сын Человеческий покорно принял поношение и бесчестие.

Апостол Павел, говоря о величии подвига Спасителя, призывает нас последовать ему: «Ибо в вас долж-

ны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной. Посему и Бог превознес Его и дал Ему имя выше всякого имени...» (Флп.2:5–9).

Признание других зависит от нашей искренности и сердечности. «Кто (из вас) хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою» (Мк.9:35).

На Тайной Вечери Христос преподал ученикам пример такого служения, когда омыл ноги каждого из них. Так повелось, что мы с благодарностью вспоминаем о тех, кто в свое время одарил нас пониманием и заботой. Василий Андреевич Жуковский задолго до отмены крепостного права дал вольную крестьянам небольшого имения, доставшегося ему по наследству. Впоследствии поэт-христианин подарил его одной сироте-бесприданнице накануне ее венчания. Поступок, созвучный словам блаженного Августина: «Где смиление – там и любовь».

С утратой религиозности в людях заметно оскудели вековечные христианские добродетели. Кажется, вконец устарела известная пословица: «От трудов праведных не наживешь палат каменных». Тем, кто призабыл, не лишним будет напомнить «Сказку о рыбаке и рыбке» Пушкина. Заносчивость старухи, пожелавшей стать царицей морской, обернулась возвращением к разбитому корыту. Непомерные притязания, желание заполучить от жизни все и сразу, как правило, сталкиваются с жесткой реальностью. По-видимому, настало время всем нам прийти в разум и начать жить по Божьи, а значит, и по-человечески.

Симеон Новый Богослов писал: «Поститься не всегда здоровье позволяет, молиться-то не всегда время есть, а смиряться – всегда и везде ничто не мешает».

Отцы пустынники и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв.
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

A. C. Пушкин

ВЛАДИМИР ЖИЛЬЦОВ: ПОЭТ И ЗЕМЛЯК

На втором году отсидки за разного рода провинности я был водворен в барак усиленного режима (БУР). Немало мыслей и переживаний прошли там через душу. Сурьёзные полукарцерные условия обернулись потом утратами для здоровья. Но даже в каземате, к зарешеченному окну изредка прилетали птички-невелички радости. В один из дней стариk дневальный, приносивший из столовой судки со скучной кормежкой, украдкой шепнул, что накануне этапом доставили моего земляка – рязанца Володю Жильцова. Неделю до выхода из БУРа я провел в ожидании встречи с ним. И надо признаться, не обманулся... Хотя наши отношения не доходили до сердечного сближения, во все время общения я не переставал любоваться этой колоритной личностью.

Уроженец Елатмы, он с золотой медалью окончил местную школу. В студенческие годы слыл за эрудита, интересанта и балагура. В нем рано обнаружился дар мастера слова, который со временем сделал его ярким выразителем русской поэтической стихии. Тогда же в Нижегородском университете на филфаке возник кружок правдолюбцев, идейных единомышленников. В итоге, трое студентов-старшекурсников и их седею-

ший преподаватель оказались на скамье подсудимых за антисоветскую агитацию и пропаганду. А далее всех четверых ждали крепкие, но отнюдь не теплые объятия мордовского Дубравлага.

Мы, его друзья, не сразу узнали, что он пишет стихи, да еще какие. Владик Узлов в разговоре со мной назвал их «доподлинно русскими, по слову и звуку нашими». Сам Володя по природной скромности не открывал своего увлечения. Впрочем, столь же деликатно он умалчивал о своей вере, хотя был человеком душевно цельным, чистым и боголюбивым.

Не забыть благостного осеннего вечера, когда мы собирались в каптерке сталинской поры барака вокруг чифирбака с общаковской кружкой и горсткой карамелек-подушечек. Снаружи холодные октябрьские сумерки, а у нас, сидящих на полу спиной к стенке, благорасположение и тепло зэковского братства. Кто-то попросил Володю прочесть что-нибудь из своего. Несколько помолчав, глуховатым голосом он начал не читать, а проговаривать от сердца слова и строки извечно значимые для каждого из слушавших:

«Чувство грусти светло,
Как осенняя роща сквозная.
Опадает листва.
Журавли закурлыкали в лад.
Что-то в наших сердцах
В эти дни навсегда исчезает,
Совершая с молитвой
Печально-веселый обряд...»

Не один я в эти минуты представлял что-то из родного, оставленного на воле ... Щемящие знако-

мую опушку багряного осинника за нашим огородом.
Вспомнилась поездка с отцом на телеге в дальние леса
на покос.

Коса посапывала в травах,
Под гребень был подстрижен луг.
Работы сладкая отрава
Чуть отзывалась в дрожи рук.

И хоть блистающее жало
До слез испило травный сок,
Но все казалось – мало, мало...
И день стоял, как мир, высок.

И солнце знойное слепило...
За ворот лезла мошара...
Все это было!
Было!
Было!
Да жаль одно –
Вчера, вчера...

В. И. Жильцов

Никто из нас, невообразимо молодых узников режима, не ведал, что денечки и годы у лагерного срока станут невозвратно светлой полосой жизни.

Придет пора вернуться в прошлое.
Все позабыть,
Что есть и будет,
Как будто жизнь совсем хорошую
Преподнесут в злаченом блюде...

В. И. Жильцов

В зоне и на воле Володей были написаны доподлинно красивые, проникновенные стихи, опубликованные в девяти поэтических сборниках.

Его творчество сродни поэтам «тихой лирики», таким как Николай Рубцов, Анатолий Жигулин, Ольга Фокина, Юрий Кузнецов. Они пришли в литературу одновременно с писателями-деревенщиками: Федором Абрамовым, Василием Беловым, Валентином Распутным, Владимиром Личутиным.

Поветрие соцреализма к тому времени вытеснило темы, раскрывавшие характер русского человека, его связи с землей и семейным укладом, его живучую подспудную религиозность. Вчитываясь в ненадуманные строки Владимира Жильцова, устыженно почувствуешь, как недостает нам бытийно-ясного, на правде и любви упроченного строя жизни, сбереженного поколениями.

Ласточка

В пятнистой березовой роще,
Пронизанной летом насквозь,
Где мята пахучая, хвоши,
Мы брали грибы «на авось».

Сминали зеленые травы,
И радостно было до слез
Услышать печально-лукавый
Свист иволги в купах берез.

Родник целовал нас студеный
И так выхолаживал грудь,
Что мы, обомлев изумленно,
Не сразу умели вздохнуть.

Казалось, не воду, а небо
На плечи горячие льешь,
И пахла любовью и хлебом
Далеко цветущая рожь.

И мы, того сами не зная,—
Незнанье всезнанья мудрей,—
Дышали отчизной бескрайней
И были отчизной своей...

А если случалось увидеть
Убитую ласточку вдруг,
В недетской какой-то обиде
Смолкал говорливый наш круг.

Казалось, и роща не пела,
И пахло травою сильней,
Когда мы крылатое тело
Родной отдавали земле.

Пускай наши песни негромки,
Но нет удивительней мест,
Где ставят над птичкой тонкий
Из прутьев березовых крест...

В. И. Жильцов

Осенью 1972 года в стране советов отмечалось 150-летие со дня рождения Ф. М. Достоевского. Уверен, нигде помимо Дубравлага его наследие не оценивали так проникновенно и правдиво. Вчерашние политические несмышленыши,— неомарксисты, демоκраты, анархисты, прозревшие за колючей проволокой,— мы

нутром приняли правоту слов писателя-пророка: «Россию спасет Господь, как спасал уже много раз. Из народа спасение выйдет, из веры и смирения его».

Сейчас мало кто знает, что в лагерях для особо опасных государственных преступников обретались люди со светлой головой и жарким сердцем. Самое разнообразное чтиво приходило туда через периодику и «книга-попчтой». Много чего можно было отыскать в библиотеке зоны и на книжных полках заключенных. Прочитанное обсуждали со знанием дела, спорили страстно, поражая весомостью доводов. В большинстве своем Достоевского в зоне не только читали, но и почитали. Поэтому решено было отметить дату достойным образом. Мой друг украинец Гриц, гитарист и художник, взялся изготовить приглашения. На лицевой стороне сложенного вдвое листа была помещена гравюра, изображавшая писателя в Омском остроге. На обороте выведенный вязью текст: «Милостивый государь, приглашаем Вас на вечер памяти великого писателя земли русской Федора Михайловича Достоевского». На третьей стороне прочерченный тушью абрис храма Спаса-на-Крови в Петербурге. И наконец, выведенные чеканным полууставом слова из бесед и поучений старца Зосима, приведенные выше.

Володя Жильцов пообещал приготовить доклад о значимых вехах в жизни и творчестве писателя. Мне поручили рассказать о его идеально-духовном поиске.

Пригласили всех неравнодушных из землячеств украинцев, грузин, прибалтов, евреев и армян. В сушилке на столе, составленном из трех, поместили обрамленный в рамку портрет автора «Записок из мертвого дома» работы Перова. На другом конце стола благоухало ведро крепко заваренного чая с неизменными розовыми и голубенькими подушечками. Народу набралось сверх

ожидания много. Пришлось собирать табуретки по жи-
лым секциям.

Перед началом прочли «Отче Наш» и помолились за упокой души приснопоминаемого раба Божьего Феодора. Собравшимся предложили пустить по кругу общаковскую кружку. Принято было, отпив из нее два глотка, передать сидящему рядом и далее по всему столу. Затем поднялся Володя, высокий, плечистый, слегка сутуловатый. Перекрестившись, положил одна на другую мужицкие ладони дюжих рук и начал говорить о Федоре Михайловиче так, будто он его лично и близко знал. Речь слагалась ровно, неспешно, без намека на пафосность и желание удивить. Слушали его в раздумчивом безмолвии. Многие внутренне соглашались с правотой слов об открытости и всепонимании русского человека, о мессианском предназначении России. Каждый уверялся, что невозможно возвести нечто значимое и долговечное на песке богооборчества и лжеутопии.

Алеша Карамазов

Наступит день...

Пусть будет он не сразу...

Я с эти днем все думы примирil!

В наш мир придет Алеша Карамазов!

Его нам русский гений подарил!

Придет как совесть новых поколений,
Как искупление –
Молодая Русь!

И вместе с ним я встану на колени
И за отцов и дедов помолюсь!

Могил российских не окинуть глазом!
Сушить нам слезы –
не пересушить!
Но если жив Алеша Карамазов,
То как же Родине моей не жить!

Л. И. Бородин, Дубравлаг

По отбытии срока не раз наведывался к нему в Правдинск, а затем и в Нижний Новгород. К тому времени он женился на однокурснице «Надюше-ласкуне», обзавелся тремя расчудесными дочками и сыном Иваном.

В Нижнем Новгороде я свел Володю с моими друзьями из Александро-Невского братства: Алексеем Сахаровым и Андреем Уточкиным. Вскоре он сделался редактором газеты «Православное слово», издаваемой братством. Возглавляя нижегородскую писательскую организацию несколько лет кряду, он самозабвенно устроил общелитературное дело, поступаясь временем и силами для личного творчества. Смерть его для всех нас стала внезапной и ничем неоправданной.

При последней встрече я признался ему: «Поверь, ни один из бывших отсидентов столько раз не читал на людях стихов Владимира Жильцова, как твой «земеля Олежа» (так он в зоне именовал меня).

В 2011 году вышла объемная книга воспоминаний о Владимире Жильцове «Траектория поэта». Мне он посвятил одно из своих стихотворений:

В телеге
Запела осень песнь колесную
Под ветра тонкую сурдинку,

Над облегченными покосами
Развесив грусти паутинку.

И хорошо под звонь тележную
Лежать, упервшись взглядом в небо,
И ощущать в приливах нежности
Овчинный дух ржаного хлеба.

И думать в общем-то бездумное,
Скользя по рыжим косогорам,
Смотреть, как облако угрюмое
Проносит дождь под синью бора.

И радует пора осенняя,
Багряная да золотая,
Что свет любви и всепрощения
Не затерялся, не растаял.

В. И. Жильцов

Водоколонка

Несусветная жара, горят леса и торфяники. В швейном цеху, где я выдаю по 2 нормы рукавиц, стрекот множества машинок, прерывистый вой натяжных ремней и такой духман, хоть нос зажимай. Наконец долгожданный перерыв. Мастер выключает рубильник, и зэки, отряхиваясь, разламывая спины, вываливают наружу. Впереди 15 минут роздыха. Старики тянутся к туалету, мы молодые, как повелось, собираемся у колонки – освежиться. И тут кто во что горазд!.. Володя Жильцов, высокий с вислыми плечами, разувается, закатывает до колена штанины и с удовольствием подставляет ступни под

холоднющую струю. Человека четыре, растянувшись по пояс, скучились у колонки. Плеская на себя пригоршнями воду, озорно толкаемся, хохочем и вскрикиваем от удовольствия. Владик Узлов, любитель экстрима, в одних трусах, красуясь атлетическим сложением, спокойно улыбаясь, ждет своей очереди. Затем, пружиня на руках, он всем телом подставляется под хлестко бьющую воду колонки. Выкрики, смех, дурачество... Все мы молоды, над нами радующая голубизна летнего неба. За забором «запретки» – шишковинской красоты сосновый лес.

После обливания во всем теле бодрящая легкость, жара делается приятной и желанной. Всенаполняющее чувство молодости каким-то непостижимым образом возвращает полуза забытое упоение летних месяцев, когда мы с ней были неразлучно вместе. Казалось, моя нежность к ее образу, подобно жаркому лету, наполняет пространство между нами. То и дело бросаю взгляд в сторону вахты, где 10 дней назад, уезжая со свидания, она, опечаленная, простучала каблучками.

В цех возвращаюсь с неохотой, последним. Сидя за машинкой, пытаюсь хоть на малое время удержать в себе знакомую сердцу светлую грусть. Она обычно подступала в конце наших шатаний по городу, когда я провожал свою златокосую до троллейбусной остановки, уставшую, но сияющую.

Годы неволи, отделенные от мира колючей проволокой, такие несхожие в судьбах и убеждениях, мы были едины в ощущении молодости, бесконечности жизни. Каждый отправлял исповедальные письма любимой, ждал часа своего возвращения к родному порогу и березе перед отчим домом.

Июнь 1972 г., Дубравлаг

Русской березе...

Скачет дождичек весенний,
Вспыхи искр на листьях свежих,
Я нашел в тебе спасение,
Тишину, покой и нежность.

Ты, плакучая, смеялась,
Ты, веселая, грустила,
Ты моей бедой осталась
И моей осталась силой.

Потому что с пор безвестных
До компьютерного века
Ты живешь заветной песней
Рядом с русским человеком.

В нашем мире все не просто,
Но врастешь ты упрямо
В скорбный прах глухих погostов
В купола разъятых храмов.

Не бывать тебе унылой,
Хоть разор не раз сносила,
Жизни свет и мрак могилы
Ты в себе соединила.

B. I. Жильцов

ЛИСТОЧКИ ОСЕНИ В КОНВЕРТЕ

Из письма от 3 октября 1976 г.

*Москва, Тверской бульвар,
день третий ясного московского октября*

Катерина!

Снова я на милой моему сердцу московской земле. Домодедово. Неон, людской гул аэропорта. Потом ночное такси рвет сырой холод октябрьской ночи. И хорошо на душе, что после солончаков Казахстана я дома, в моей «Рассее».

Наутро качу электричкой в Троице-Сергиеву Лавру. После долгого года чужбины снова со мной желтолистая осень Родины. По сторонам ярославской дороги, на темной гуще хвои как золотые фитильки, тают стройно-нежные нестровские березки. То и дело с высоты насыпи в рамке окна – невыразимые краски пушкинского октября с перелесками под низким небом и струением студеных речушек.

Сергиев Посад!.. На всхолмии, за мощными отвесами белых крепостных стен под крылатыми облаками сплошенно и державно высятся златокованые шлёмы

куполов. Боже мой! Какое диво, святое, белокаменное вознесла земля навстречу небу...

Застал службу и молился за литургией в Успенском соборе. Представь,— византийская роскошь чинного богослужения, монашеское пение, свечные костры. На душе невозможно как светло!..

В 22 часа отправляюсь скорым поездом в Питер к моему другу, а ныне семинаристу Женьке Бабинцеву. Напишу и оттуда. Жди!..

Из письма от 4 октября 1976 г.

Только-только прибыл в Питер. Четверть седьмого. Едва светает. На Невском безлюдье и теплынь. Евгению вчера наказал телеграммой, чтобы к восьми ждал меня в семинарии. Времени еще довольно и вот сижу за письмом к тебе.

Вчера не сдержался, поехал в университет... Понимаешь, есть по Москве несколько мест, которые в летописи души моей почитаются как святыни. Много пережито там, восторженного, юного. Как почти все в молодости, дни тех лет выписаны розовым и голубым. Впрочем, и боли в них было предостаточно. Теперь остались лишь тайные слезы моих ежегодных грустных посещений.

В Питере пробуду 2 дня, а затем укачу в Таллин к Геннадию Гавrilову. Завтра черкану еще. Как бы там ни было, мои весточки — знак того, что на всяком месте вспоминаю кареглазую студентку, пытаюсь ее развлечь и порадовать.

*Из письма от 5 октября 1976 г.
Набережная Мойки*

Последние часы в Питере. Друга моего, семинариста, недавно рукоположили в диаконы. Жаль только, что не смог узреть его во время богослужения в облачении и с кадилом. День прошел в разговорах об учебе, православии, лагерном прошлом. До устали шатались по городу: все вокруг интересно, зрелищно!.. Зашли в католический костел, постояли в мечети, подкреплялись пирожками на набережной у «Стрелки». Толком нигде и не были, но радует глаз один вид Петрова строения, его роскошная каменная укладка, где на каждом шагу знаки былого имперского блеска и недавних исторических наваждений.

Встретился еще с одним из своих лагерных однокрытников, Женей Мурашовым. После отсидки он женился на дочери политзэка. Ныне у них есть свой угол, где растет сын, годовалый крепыш Мишка. Разговоры за вином, воспоминания о друзьях-товарищах по зоне.

В 23.30 – поезд в Таллин. Буду там в 8 утра. Непременно черкану.

С поклоном, путешествующий Олег

Нева. Российский Иордан.
Разгул свинца. Гранит угрюмый.
И неба северные думы,
И вечной слякоти дурман

... Одеты в призрачный наряд,
Наперерез дороге санной,

Мечтой томительной и странной
Дворцы Италии стоят...

05.10.76

Из письма от 6 октября 1976 г.

Так вот, душа моя, Катерина, Геннадий Гаврилов, отсидент и житель Таллина, как оказалось, совсем недавно поменял квартиру на Новосибирск. Наверняка он заранее уведомил меня, но я уже был в пути. Досадно и грустно, что не смог увидеть его, вместе побродить по городу.

А Таллин влечет прелестями ранней осени. Хороши его дерева, что растут вольно и ветвисто. Свежие краски багрянца и охры мило соседствуют с седой архитектурой средневековья. Повсюду, куда ни глянь – завидное европейское чистоплюйство и порядок. На тротуарах среди толпы волнуют взгляд новомодные силуэты тонких элегантных эстонок... В Старом городе во всем чувствуется Европа!

Из Питера везу с собой полдюжины книг Брюссельского издательства «Жизнь с Богом». Диакон Евгений, а проще Женюшка, пообещал мне и впредь высыпать в Караганду такого рода издания. Он славный человек и, надо думать, скоро станет взаправдашним батюшкой. На сей момент бороду он запустил поистине архиерейскую. На мой ироничный вопрос: «По что тебе такой «веник»?» – он благодушно отвечал: «Ну хотя бы для того, чтобы моя молодая матушка после обеденной трапезы из нее крошки гребнем вычесывала». Мы с ним за портвейном протолковали до петухов. Узнал немало

интересного о наших общих друзьях-товарищах по Мордовии, но об этом поведаю при встрече.

В Таллине пасмурно и прохладно. Изредка со стороны моря приносит дождевые накропы. На улицах пустовато, все больше старушки с авоськами. Не ведаю, где буду ночевать, но особенно не печалюсь: в конце концов, есть вокзал и аэропорт.

Из письма от 6 октября 1976 г.

Таллин. Кадриорг

Катерина! Не прошло и трех часов, как заклеил последнее письмо, но не могу удержаться, чтобы не написать о Кадриорге, его пленительном парке.

Весь день бродил по старому Таллину. Поверь, он еще помнит стук твоих каблучков и кивает тебе башней «долговязого Генриха». То-то!..

Завтра поутру улетаю. Прости-прощай, Ревель. Махну крылом мощным каменным надолбам крепостных стен, узким бюргерским улочкам с булыжными маслинами мостовых...

Вроде бы мне и 30-ти нет, а жизнь уже не кажется огромной и бесконечной. И так хочется приблизить красоту мира к близорукому прищуру жизнаждного сердца. И грустно знать, что все это скроется из вида через какой-то час или день, но время от времени на щебенке повседневности будут исподволь радовать мерцающие хрусталики памяти.

Впрочем, в решительной беспощадности прощаний есть свой сладостный смысл... Хорошо вдруг сре-ди суеты, облегченно откинувшись и прикрыв глаза,

вспомнить средневековые фасады особняков, тихие дубравы Кадриорга – и что-то понять, и чему-то улыбнуться…

Итак, завтра я лечу, представь себе, в Киев, так как в Одессу самолеты летают через день. Меня ждет Малороссия, жёлто-блакитная и песенная. К месту вспомнить, что она же – родина моей недавней знакомой с филфака Катерины Новосад.

В Таллине по кофейням – благоухание черного кофе и уютная тишина. Но беда в том, что мы – любители и до многого другого. Всё, что зримо, хочется запечатлеть и запомнить, а потому в ногах гудеж, и под конец радуешься всякой скамье.

Эпилог своих впечатлений посвящаю собору Александра Невского – диву дивному по архитектуре и отделке.

Государь Александр III, самый близкий мне из венценосцев, в 1888 году одобрил его возведение. Через 10 лет произошло освящение крестов пяти куполов. Кстати, большой соборный колокол превосходил по величине и моши все колокола Прибалтики, а в период безбожного разора храмов – сохранившиеся колокола Советского Союза.

Хотя Ревель – город очевидно европейский, но собор по своему обличию красноречиво указывает на московско-ярославскую традицию. Столько в нем родного для русского глаза и сердца!.. Представь, мощный цоколь из финского гранита, а по фасаду – мозаичные иконы искусственной работы. Над главным входом – образ Знамения Пресвятой Богородицы; выше, в узорных кокошниках – Нерукотворного Спаса, Сергия Радонежского и Исадора Юрьевского. Вкупе с ними – монументальный образ благоверного князя-воина Александра Невского.

Внутри был впечатлен видом золоченого царственного иконостаса. Людей, кроме шумоватых туристов,— никого. Сколько-то постоял, помолился, проникся...

С прибалтийским приветом, твой О.М.

Из письма от 7 октября 1976 г.

Милая Катерина!

Весь день провел в Киеве — старом славянском гнездовище наших славных соотчичей. Гуляя по городу, старался проникнуться волнующим отсветом давнего прошлого. С Днепра вышла моя былинная Родина. На сем месте предки наши, хмеляя от ширы лесов, речной и озерной глади, ставили благодарные капища идолам. Но Господу было угодно через князя Владимира вознести над киевскими холмами святой крест. Отсюда через мытарство, иго, перипетии веков исшел человек русский, который не раз потом удивит свет самобытными дарами силы и духа.

В Лавре с замиранием спускался в тесные и прохладные пещерные ходы, вырытые Печерскими иноками. Здесь рука Нестора-летописца выводила на кожаной гладкости пергамента «Повесть временных лет».

Золотые ворота!.. Представилось бешеное кружение коней Батыя, гиканье, посвист стрел, комья дерна, выхваченные копытами... Горькую чашу нашествия испила тогда Русь.

Дом Волконского, что напротив Царского сада. Здесь появлялся молодой, искрометный Пушкин. Все наше, русское... Дорогая кроха из куса хлеба насущного, которым питается душа.

Молился во Владимирском соборе. Это чудо Божие надо увидеть, чтобы потом уже никогда не забыть!.. Отделка и росписи сотворены руками Нестерова, Реприха, Врубеля. Сижу на скамье под золоченым каштанином близ собора,— покойно и не хочется отсюда уходить.

Посылаю тебе лист каштана как напоминание о далекой Родине твоего детства. Тако же, присовокупляю и приветный листок из Кадриорга, который забыл вложить в таллиннский конверт.

Сожалею, что ты не видишь всего этого... Что ж, довольствуясь моими описаниями.

С приветом из малой Руси, твой О.М.

Из письма от 10 октября 1976 г.

Катерина! Подобно вертопраху, перемахнул в Одесу. Вчера с сестрой Галиной ходили к морю. Вообрази: высокий и крутой каменистый берег в охре и багрянце кустарников. Внизу, на плоскости прибрежья и в самой воде — огромные валуны. От одного вида волн и водной шири — ощущение парения, воли и восторга!.. Часами можно просиживать возле и чувствовать, что ты при деле. Гаяя с Николаем и озорницей Динкой живут в воинской части в 400-х метрах от берега. Здесь по-южному тепло, сегодня даже вознамерились позагорать.

Купил для тебя московский альманах «Поэзия — 76». Вечером все вместе едем в город слушать оперу.

Непременно напишу и об этом. Жди и наслаждайся записками своего путешественника.

Из письма от 11 октября 1976 г.

Итак, душа моя, сегодня последнее «прощай» Одес-
се, сине-хрустальной плавности моря. Здесь лучше по-
нимаешь строчки Пушкина:

«Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красотой...»

Когда-то теперь свидимся?..

Держу путь на Рязань. В половине одиннадцатого буду ступать по знакомым, стократно обласканным ее улочкам и тротуарам. Путешествие малость притоми-
ло, оттого предвижу отрадную тихость родительского дома, сада, заветных дубрав и осинников.

Сообщаю тебе, голуба, о посещении знаменитой Одесской оперы. Ее фасадное убранство и внутрен-
няя роскошь сравнимы лишь со знаменитым «Ла Ска-
ла». Заметь, что сам город неправдоподобно молод, его заложили в 1794-м году. Отсюда необычная, но притягательная мешанина архитектурных стилей. Со-
временное здание театра было возведено на месте сго-
ревшего к 1887 году. Авторы проекта, двое архите-
кторов из Вены, ни разу не появились в Одессе. Зато местные зодчие приложили свои головы и проявили незаурядный вкус. Таким образом родился этот удиви-
тельный гибрид в камне. Вместе с семейством Репиных в тот вечер слушали «Бориса Годунова». Оказалось, что именно эта опера стала постановочным дебютом теа-

тра 90 лет назад. Кстати, в то время Одессу сравнивали с Парижем, она считалась одним из самых богатых и красивейших городов Старого Света...

В археологическом музее, пораженный посланием из глуби тысячелетий, столбенел перед саркофагами и мумиями Древнего Египта. И, конечно же, Пушкинский музей, где так повезло с экскурсоводом – чем-то похожей на тебя застенчивой девушкой-эрuditкой. В зале европейской живописи смотрел картину Брейгеля «Взятие Христа под арест». Психологически очень достоверно, но изобразительная манера несколько далековата от моих иконографических предпочтений.

Честно говоря, в музеиных шатаниях очень хотелось видеть и чувствовать рядом тебя.

Побывав в Одессе, я не мог хотя бы глазком не взглянуть на семинарию. Да будет тебе известно, что в пределах Союза, от Камчатки до Бреста, сохранились все-го две духовные академии и три семинарии. Находятся они в Троице-Сергиевой Лавре, Питере и, представь себе, в Одессе. В православной среде бытует мнение, что каждое из учебных заведений имеет свою харизму. Поступающие в них наслышаны: кто хочет молиться – поезжай в Сергиев Посад; желающих учиться ждет Питер; трудников готова принять Одесская семинария.

Найти ее оказалось непросто. Сестра Галя пыталась что-то узнать у знакомых. Нашелся человек, который глухим ухом слышал, что вроде бы семинария находится на Канатной. Подъехали туда на троллейбусе и попразились видному дореволюционному зданию. Но на вывеске главного входа значилось, что здесь находится сельхозинститут. Седенькая словоохотливая тетенька-вахтер, узнав о нашем интересе, участливо рассказала, что в 1920 году по приказу властей семинария была

закрыта. Все, что находилось в ее стенах, в том числе и уникальная библиотека, подверглось разграблению. Тетенька шепотком призналась, что часто бывает в храме, говоит, причащается. От нее узнали, что семинария была открыта сразу после войны, а разместили ее чуть ли не в центре города, на порушенном монастырском подворье. Приложили немало сил, чтобы все восстановить съезнова. Однако семинаристы обретались там недолго: при хрущевских гонениях их за одну ночь переместили, как говорится, «за Можай», в пустовавшие кельи отдаленного Свято-Успенского мужского монастыря. Туда мы с Галей за недостатком времени не поехали. Хотя очень хотелось увидеть и побольше узнать.

Итак, душа моя Катерина! До встречи! Теперь уже, надеюсь, в Караганде...

Катерине

Как лебедь белая – царевна среди птиц,
Рассветная звезда – княжнаочных свиданий,
Так ты из тех небесных голубиц,
Что жизнь однажды нам на счастье дарит.
Своих зрачков агатовых мерцанье
Ты гасишь детскую стыдливостью ресниц,
Но свет твоих бесчисленных деяний
Разлит на каждой из моих страниц.
Как бодранную величу я тебя,
И сладок мед твоих обетований,
Когда терпя, немотствуя, любя,
Ты полнишь дни моих земных скитаний.

O. M. Сенин

НЕБЕСНЫЕ БЛИКИ

У апостола Иакова о природе художественного дара сказано: «Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходит свыше, от Отца светов». Ему вторит В. А. Жуковский: «Поэзия есть Бог в святых мечтах земли!»

Древнее изречение гласит: «Поэтом нельзя стать – им надо родиться». Небесное происхождение поэтического дара во все времена делало поэта своего рода избранником Божиим. Талант наделял способностью по-новому увидеть, осмыслить и запечатлеть извечную красоту природы и мира души. Это достигалось посредством вдохновения и творческого озарения. А так как Бог содержит в себе все мыслимые совершенства, то всякое художественное воплощение высвечивало ту или иную сияющую грань Небесного Идеала.

Особенно зримо присутствие богодухновенной поэзии на светозарных страницах «Книги книг». Пророк Моисей, псалмопевец Давид, апостол любви Иоанн поражают нас силой и выразительностью «глаголов жизни вечной». По сути, духовная поэзия Библии является неподражаемым примером для поэтов всех времен и народов.

Вчитываясь в строки тех или иных авторов, мы обо-

гащаемся их видением жизни, усваиваем доселе не по-
знанные смыслы, образы и краски природы и сокровен-
ные переживания сердца. В том и состоит душевное
родство читателя с поэтом, что выраженное в слове до-
рого всякому, кто наделен способностью отзываться на
прекрасное. В отличие от поэта, мы бессильны с таким
же мастерством передать в стихах свои впечатления
и переживания. Отсюда чувство признательности к лю-
дям, обладающим поэтическим даром.

На страницах сравнительно молодой русской лите-
ратуры зримо присутствуют блики небесных озарений.
Со времени Крещения наша письменность стремилась
хранить верность Божьей Правде и евангельским цен-
ностям. Ее никогда не оставляли озабоченность вопро-
сами веры и неверия и извечный поиск смысла жизни.
Лучших из наших писателей и поэтов неизменно при-
влекал образ Господа Иисуса Христа, самоотреченный
подвиг Его любви ради нашего спасения.

Духовное наследие русской поэзии может много
дать всякому верующему сердцу, ибо истинный хри-
стианин, хоть на капельку,— поэт в душе. Ему присущ
тот же порыв к Небу, умиленность росинкой и цветком,
детской улыбкой и красками летнего заката. Человеку
веры свойственны молитвенное благоговение и окры-
лленность любовью к Богу и ближнему. Как сказано
в Евангелии: «... от избытка сердца говорят уста».

Слово

Молчат гробницы, мумии и кости,—
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.

И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный – речь.

И. А. Бунин

Оглавление

Предисловие	3
Раздел «Над страницами двух Заветов»	7
Глава «Наш потерянный рай»	7
М. Ю. Лермонтов «Когда волнуется желтеющая нива...»	8
В. В. Набоков «Рай»	8
К. Д. Бальмонт «Одна есть в мире красота...»	10
В. Ф. Ходасевич «Листик»	10
А. К. Толстой «Благословляю вас леса...»	12
И. С. Никитин «Присутствие непостижимой силы...»	12
Д. С. Мережковский «Молитва»	13
А. Н. Апухтин «Жизнь»	15
Глава «От доверия Богу до отпадения»	16
А. Н. Плещеев «Он шел безропотно тернистою дорогой...»	17
М. Ю. Лермонтов «Печальный Демон, дух изгнанья...»	18
А. Н. Апухтин «Из Великого Канона»	20
О. М. Сенин «Цистерна» рассказ	21
О. М. Сенин «Может все и не пройду...»	24
Глава «Горестные знаки богоотвержения»	25
Н. С. Гумилев «Потомки Каина»	25
А. С. Пушкин «Ангел»	26
Е. А. Баратынский «Приметы»	27
Н. С. Гумилев «Сон Адама»	28
Глава «В землю обетованную»	31
В. С. Соловьев «В Землю Обетованную»	34
О. М. Сенин «Боженька» рассказ	36
О. М. Сенин «Молитва»	40
Глава «Ветхозаветный праведник и странник»	42
Д. С. Мережковский «Бог»	44
О. М. Сенин «Шрамик на левой руке» рассказ	45

Глава «Любовь дарящая»	54
Н. С. Гумилев «Христос»	58
О. М. Сенин «Благословения по случаю» рассказ	59
М. Б. К. «7 ноября – поминки по России...»	68
В. И. Жильцов «Закончен был сосновый тесный гроб...» .	69
Глава «Победная надежда»	70
А. Н. Апухтин «Когда Израиля в пустыне враг настиг...» .	72
И. А. Бунин «Столп огненный»	73
О. М. Сенин «Пророк Моисей»	74
О. М. Сенин «Помиловка» рассказ	75
Глава «Долгожданное счастье Иакова»	78
А. А. Ахматова «Рахиль»	80
И. А. Бунин «Гробница Рахили»	82
С. М. Соловьев «Иаков»	82
О. М. Сенин Из письма от 11 апреля 1970 г	83
О. М. Сенин «Путь»	84
О. М. Сенин «Читая Данте»	87
О. М. Сенин Из письма от 5 июля 1970 г.	88
О. М. Сенин «Тоска»	88
Глава «Цепи Самсона»	90
Л. А. Мей «Самсон»	92
И. А. Бунин «Самсон»	93
О. М. Сенин «Орлович» рассказ	94
Глава «Звезда Рождества»	97
А. К. Толстой «Склоняясь к юному Христу...»	100
А. Н. Плещеев «Легенда»	101
Б. Л. Пастернак «Рождественская звезда»	103
О. М. Сенин «Сочельник в дедушкиной избушке» рассказ .	105
В. И. Жильцов «Праздник детства»	106
А. А. Фет «Ночь тиха. По тверди зыбкой...»	108
Глава «Материнская вера Пречистой»	109

В. Я. Брюсов «Благовещенье»	110
В. А. Жуковский «Stabat mater»	113
А. А. Ахматова «Распятие»	114
В. С. Соловьев «... О Всесвятая, Благословенная...»	115
О. М. Сенин «Бедная моя мамочка» рассказ	115
О. М. Сенин «Не печалься, милый человече...»	118
Письма от мамы в зону	119
О. М. Сенин «Заступница усердная» рассказ	123
Глава «Горькие итоги противления»	133
В. С. Соловьев «Эммануэль»	137
Глава «... Ибо они Бога узрят»	138
А. К. Толстой «Христос»	141
К. К. Романов «Когда креста нести нет мочи...»	142
О. М. Сенин «Мое окно» рассказ	143
О. М. Сенин «Ах, если б можно было возвратить»	144
Глава «Чудо, творимое надеждой»	146
М. Ю. Лермонтов «Когда б в покорности незнанья...»	148
И. И. Козлов «Где сердце любит, где страдает...»	149
Глава «Встреча Христа с самарянкой»	150
К. К. Романов «Молитва»	154
Глава «Сомнение и вера апостола Фомы»	155
К. К. Романов «Вера»	158
О. М. Сенин «Евангелист Марк» рассказ	158
И. С. Никитин «Новый Завет»	161
Глава «Паси агнцев Моих»	163
С. М. Соловьев «Отречение»	168
А. С. Хомяков «Подвиг есть и в сраженьи...»	169
О. М. Сенин «Именины сынишки» рассказ	170
Глава «Верь в великую силу любви!...»	179
С. Я. Надсон «Верь в великую силу любви!...»	180
Глава «Христос и разбойник»	181

А. Н. Апухтин «Голгофа»	184
И. А. Бунин «В Гефсиманском саду»	185
Глава «Заря победного воскресения»	187
Б. Л. Пастернак «На Страстной»	189
К. К. Романов «Любовь вечна»	191
Глава «Боль и цена искупления»	192
Н. С. Гумилев «Ворота рая»	193
О. М. Сенин «Пасха в зоне» рассказ	194
О. М. Сенин «Воскресение»	195
А. С. Хомяков «Кремлевская заутреня на Пасху»	197
Глава «Бесплодная смоковница»	198
В. Г. Бенедиктов «И ныне»	202
Глава «Жизненный узор Тавифы»	204
Ф. И. Тютчев «В Риме»	205
Ф. И. Тютчев «Чему бы жизнь нас ни учила...»	206
Глава «Возвращение блудного сына»	208
В. Я. Брюсов «Блудный сын»	212
В. И. Иванов «Я посох мой доверил Богу...»	214
О. М. Сенин Из письма от 20 января 1971 г.	214
О. М. Сенин «Мой уголок» рассказ	215
О. М. Сенин «Дорога к дому» рассказ	217
Глава «Се, гряду скоро...»	221
Ф. И. Тютчев «Есть в осени первоначальной...»	221
К. Д. Бальмонт «Август»	222
В. И. Жильцов «Журавли»	223
Н. М. Рубцов «Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...»	224
А. М. Жемчужников «Притча о сеятеле»	225
М. Ю. Лермонтов «Плачь! плачь! Израиля народ...»	227
А. С. Пушкин «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...»	227
И. А. Бунин «Зачем пленяет старая могила...»	228

К. М. Фофанов «Он вопрошал с тоскою жгучей...»	228
А. Н. Плещеев «Молитва»	230
В. Я. Брюсов «Библия»	231
И. А. Бунин «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...»	233
А. К. Толстой «И веющим сердцем понял я...»	233
Раздел «Сила Бога животворящая»	234
Глава «Облик русских храмов»	234
Н. А. Некрасов «Тишина»	237
С. А. Есенин «Запели тесаные дороги»	238
К. К. Романов «Колокола»	238
Е. А. Баратынский «Болящий дух врачует песнопенье...» .	239
О. М. Сенин «Ветров весеннее приволье...»	239
О. М. Сенин Отрывки из писем	240
Глава «Святой алтарь»	243
А. М. Жемчужников «У Всенощной»	245
М. Ю. Лермонтов «Молитва»	245
Глава «Иконостас»	247
А. Н. Майков «Дорог мне, перед иконой...»	249
М. А. Волошин «Владимирская Богоматерь»	250
П. А. Вяземский «Церковная молитва»	251
О. М. Сенин «Праздник Троицы» рассказ	252
И. А. Бунин «Троица»	253
Глава «В образе мы чтим первообраз»	254
Отец Николай Гурьянов «Перед образом Спасителя» . . .	256
К. К. Романов «Владимирской иконе Божией Матери» .	257
И. И. Козлов «Моя молитва»	258
Глава «Водою и духом»	259
П. А. Вяземский «Молитва ангелу-хранителю»	262
И. И. Козлов «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» .	263
Е. А. Баратынский «Кольцо»	264

Глава «Дары и ожидания Неба»	265
В. С. Соловьев «Когда в свою сухую ниву...»	267
Глава «Таинство исповеди»	268
М. Ю. Лермонтов «Молитва»	270
И. И. Козлов «Молитва»	271
А. С. Пушкин «В часы забав иль праздной скуки...»	271
З. Н. Гиппиус «Дар»	272
Е. А. Баратынский «На посев леса»	272
О. М. Сенин Из письма от 9 ноября 1972 г.	272
Глава «Приступая к чаше»	274
К. К. Романов «Когда провидя близкую разлуку...»	276
А. Н. Майков «Не говори, что нет спасенья...»	276
М. Ю. Лермонтов «Чаша жизни»	277
О. М. Сенин «Мои молитвы» рассказ	277
О. М. Сенин «Молитва»	280
Глава «Врачевание души и тела»	282
Е. А. Баратынский «Молитва»	283
Ф. И. Тютчев «Когда на то нет Божьего согласья...»	285
Глава «Любовь и верность до конца»	285
О. М. Сенин Из письма от 3 декабря 1970 г.	288
О. М. Сенин «Зов»	289
О. М. Сенин «Я жду тебя, медлительный июль...»	289
О. М. Сенин Из письма от 7 декабря 1970 г.	289
О. М. Сенин Из письма от 24 июня 1971 г.	291
О. М. Сенин «Доченьке моей из тюремной камеры»	293
О. М. Сенин «Напрасен свет закатного портала...»	293
О. М. Сенин Отрывки из писем	294
О. М. Сенин «Недолго мне уже осталось...»	297
О. М. Сенин Из письма от 12 сентября 1970 г.	297
О. М. Сенин «Мне думать о тебе...»	298
О. М. Сенин «Мои два ангела» рассказ	298

О. М. Сенин «Опять во сне мерещится облава...»	299
О. М. Сенин «Ты остаешься, девочка моя...»	300
Глава «Венец любви и супружества»	301
О. М. Сенин «Личное свидание» рассказ	303
О. М. Сенин «Свидание»	305
О. М. Сенин «Четыре стены, снегопад за окном...»	306
О. М. Сенин Из письма от 28 октября 1971 г.	307
О. М. Сенин «Ты голубкой слетишь на ковчег...»	308
О. М. Сенин «Заточенье»	308
О. М. Сенин Из письма от 10 июня 1970 г.	310
О. М. Сенин «Ты осчастливила меня своим лицом...»	311
Глава «Пастырь добрый»	312
К. К. Романов «Научи меня, Боже, любить...»	314
С. Я. Надсон «Святитель»	315
О. М. Сенин «Отец Валентин» рассказ	315
Раздел «С печалью и надеждой о земле отцов»	323
Глава «О, Русь, моя!..»	323
О. М. Сенин Отрывки из писем	323
О. М. Сенин «Земля отцов»	324
В. И. Жильцов «Чувство грусти светло...»	326
О. М. Сенин Из письма от 27 сентября 1971 г.	327
О. М. Сенин «Так хочется от злой беды...»	329
М. Б. К. «Еще плывет в душе октава хора...»	331
О. М. Сенин Из письма от 23 мая 1972 г.	332
О. М. Сенин «В селе Коломенском»	333
О. М. Сенин Из письма от 20 августа 1973 г.	334
О. М. Сенин «Ты прошепчи,— ты крикни,— я приду...»	335
О. М. Сенин «Журавлю перебили крыло...»	335
О. М. Сенин «Поволокой пасмурного неба...»	337
О. М. Сенин Из письма от 5 декабря 1973 г.	337

О. М. Сенин «Твой светлый лик»	339
О. М. Сенин «Холодов льдисто-хрусткая ясность...»	340
О. М. Сенин Отрывки из писем	340
М. Б. К. «Царь молится, народ молчит...»	342
О. М. Сенин Отрывки из писем	342
В. С. Соколов «Любовь»	350
О. М. Сенин Отрывки из писем	351
А. Жигулин «Согрело мартовское солнце...»	357
А. Жигулин «Тихое поле за логом...»	357
Глава «Духовный Эверест любви	359
Ф. И. Тютчев «Над этой темною толпой...»	361
Глава «Милосердие»	363
С. А. Есенин «Шел Господь пытать людей в любови...»	365
В. И. Жильцов «Пожалей меня так...»	365
О. М. Сенин «Тюремная передачка» рассказ	367
Глава «Наследие славянофилов и современность»	369
А. С. Хомяков «России»	374
А. А. Блок «Коршун»	374
Л. И. Бородин «Россия, прости, что злоба...»	375
О. М. Сенин «Господь мой, бессмертный и крепкий...»	376
Глава «С печалью и надеждой о земле отцов»	377
А. А. Ахматова «Когда в тоске самоубийства...»	378
В. И. Жильцов «Говорят, надломилась...»	381
О. М. Сенин «Сергий Радонежский и его дело»	382
Д. Л. Андреев «Не мнишь ли ты, что эгоизм и страх...»	383
Глава «Вера без дел мертвa»	385
К. М. Фофанов «Стансы сыну»	388
Ф. И. Тютчев «Наш век»	390
Глава «Церковь и школа»	391
Н. А. Некрасов «Школьник»	398
Глава «Паломничество ко святыне»	406

И. С. Никитин «Монастырь»	406
С. А. Есенин «За горами, за желтыми долами...»	409
О. М. Сенин «БУР» рассказ	410
А. С. Пушкин «Монастырь на Казбеке»	413
Глава «Православная библиотека»	415
Н. С. Гумилев «Слово»	418
Глава «Русские вечера»	420
Глава «Имеющий уши, да слышит»	426
Глава «Малые камни великого Русского Дома»	431
И. А. Бунин «Ангел»	433
Глава «Под хоругвями Крестного хода»	435
В. И. Жильцов «Жеребенок»	440
Ф. И. Тютчев «Эти бедные селенья»	441
М. А. Волошин «Русь глухонемая»	441
Глава «Храм не в бревнах, а в ребрах»	443
А. А. Ахматова «Молитва»	445
Е. П. Ростопчина «Молитвы дар»	445
О. М. Сенин «Осенняя земля»	445
Глава «Трубный глас 3-го Ангела»	447
Н. С. Гумилев «Выбор»	451
К. М. Фофанов «Отче наш! Бог, в небесах обитающий...»	453
Глава «Смирился, гордый человек...»	455
А. С. Пушкин «Отцы пустынники»	458
Глава «Владимир Жильцов: поэт и земляк»	459
В. И. Жильцов «Коса посапывала в травах...»	461
В. И. Жильцов «Придет пора вернуться в прошлое...» . .	461
В. И. Жильцов «Ласточка»	462
Л. И. Бородин «Алеша Карамазов»	465
В. И. Жильцов «В телеге»	466
О. М. Сенин «Водоколонка» рассказ	467
В. И. Жильцов «Русской березе...»	469

Глава «Листочки осени в конверте»	470
О. М. Сенин Отрывки из писем	470
О. М. Сенин «Катерине»	480
Глава «Небесные блики»	481
И. А. Бунин «Слово»	482

Книга «Благодати светлое крыло» имеет своеобразное композиционное и содержательное построение. Темы библейской истории, жизни Церкви, русской духовной традиции раскрыты автором доступно, богословски значимо и лексически выразительно.

Просмотрев оглавление, можно представить широкий тематический диапазон издания.

В первой части говорится о знаменательных событиях и личностях в истории Ветхого и Нового Заветов. Поэтической иллюстрацией каждой из глав стали стихи известных поэтов и самого автора. В перемешку, но очень продуманно размещены очерки, рассказы, фрагменты из писем,озвучные смыслу и настроению основной темы. Присутствие Бога в мире воспринимается через сокровенные переживания и жизненный опыт автора. Со страниц книги видно, что его жизненная позиция определяется выстраданным чувством высокого патриотизма, ответственности за духовное возрождение Отечества.

Неразрывная сопряженность Божьего, исторического и личного, ненавязчивая назидательность, свежесть и выразительность изложения делают книгу нужной и востребованной. Она может быть использована на уроках православной культуры, в воскресных школах, духовно-просветительской работе. Человек веры найдет в ней много полезного и значимого для ума и сердца.

Читателям небезынтересно будет знать об авторе как человеке необычной судьбы. С 17 лет он посвятил себя нелегальной деятельности, имевшей целью реформирование существующего строя. В итоге, в 1970 году был приговорен к 9 годам лишения свободы как руководитель Саратовской антисоветской студенческой организации. В 1991 году Олега Сенина реабилитировали. Годы заключения обернулись полной утратой зрения. Однако неволя, лишения и слепота не сломили его, но, напротив, способствовали жизненной закалке и целеустремленности.

Пережив в политлагере обращение к вере, Олег Михайлович ныне занимается просветительской, преподавательской и литературной деятельностью. Он известен как церковный проповедник и миссионер, является автором четырех книг и персонажем более десяти телесериалов. В его творческом диапазоне проза, поэзия, публицистика. Будучи магистром богословия, преподает в духовной семинарии. Дважды избирался депутатом Тульской областной Думы. У Олега Михайловича трое детей и шестеро внуков.

Более полную информацию об авторе можно получить на сайте www.olegsenin.com

Ваши отклики на книгу присылайте на эл. почту:
SeninOleg19-oct@yandex.ru

Фотография на обложке
«Соловецкий монастырь, кремль»
© Ирина Терентьева / Фотобанк Лори

ООО «Имидж Принт»
300041, г. Тула, ул. Ф. Энгельса, д. 70
Тел. (4872) 35-76-10, e-mail: post@ppc-ip.ru